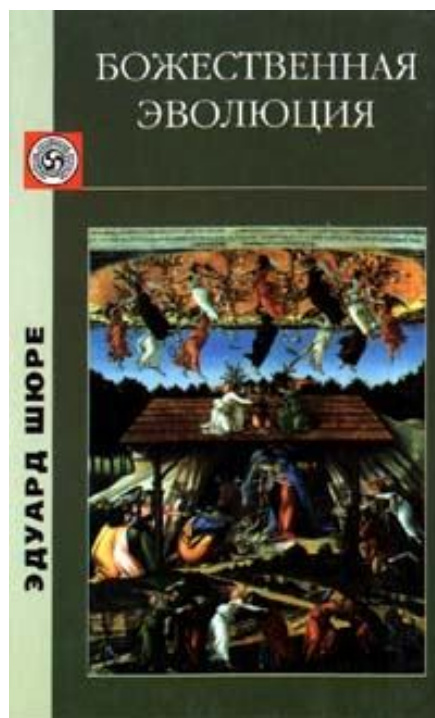

Эдуард Шюре.

Божественная эволюция.

От Сфинкса к Христу.

СОДЕРЖАНИЕ:

ЭДУАРД ШОРЕ. БОЖЕСТВЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ. ОТ СФИНКСА К ХРИСТУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ. ПЛАНЕТАРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Глава I. Загадка Сфинкса и исконная мудрость

Глава II. Огонь-принцип и иерархия сил

Глава III. Сатурнианский период. — Священное Престолов. — Проявление Начал

Глава IV. Солнечный период. — Инкубация Херувимами Архангелов. — Оккультное значение Зодиака

Глава V. Формирование Юпитера и Марса. — Битва в Небе. — Люцифер и падение Ангелов

Глава VI. Первобытная Земля или Земля-Луна. — Развитие Ангелов. — Рождение человека

Глава VII. Разделение Луны и Земли. — Начало современной Земли. — Лемурийская раса. — Развитие полов. Падение Ангелов. — Уничтожение огнем лемурийского континента

КНИГА ВТОРАЯ. АТЛАНТЫ И АТЛАНТИДА

Глава I. История Атлантиды. — Ее строение и геологические периоды

Глава II. Первобытный Атлант. — Единение с природой и стихийное видение. Рай Грез и господство богов

Глава III. Атлантическая цивилизация. — Посвященные цари. — Империя тольтеков

Глава IV. Взрыв «я». — Упадок и черная магия. — Катаклизм и потоп

Глава V. Первое выделение белой расы. — Ее солнечная религия и ее переселение

КНИГА ТРЕТЬЯ. МИСТЕРИЯ ИНДИИ

Глава I. Мир ведический и брахманский

1. — *Риши ведических времен и исконная мудрость*

2. — *Брахманская цивилизация. Три мира: Брахма, Вишну, Шива. Триумф вечной женственности: супруга и священная танцовщица*

Глава II. Жизнь Будды*

1. — *Юность Будды*

2. — *Уединённая жизнь и просветление*

3. — *Искушение*

4. — *Обучение и буддистская община. Смерть Будды*

5. — *Заключение*

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. ЭТАПЫ СОЛНЕЧНОГО ГЛАГОЛА. I. ЗОРОАСТР

Этапы Солнечного Глагола

Зороастр

Глава I. Юность Зороастра

Глава II. Голос в горе и солнечный Глагол

Глава III. Великая битва и Ангел Победы

КНИГА ПЯТАЯ. ЭТАПЫ СОЛНЕЧНОГО ГЛАГОЛА. II. ХАЛДЕЙСКИЙ МАГ ВО ВРЕМЕНА ПРОРОКА ДАНИИЛА

Вавилонский маг во времена пророка Даниила

Глава I. Заходящее солнце Вавилона

Глава II. Мистерия девственного духа

Глава III. Сон Набу-Нассира: спуск Иштар в Ад*

Глава IV. Содействие пророка Даниила

КНИГА ШЕСТАЯ. ЭТАПЫ СОЛНЕЧНОГО ГЛАГОЛА. III. СМЕРТЬ КАМБИСА И СОЛНЦЕ ОСИРИСА

Смерть Камбиса и Солнце Осириса

КНИГА СЕДЬМАЯ. ЭЛЛИНСКОЕ ЧУДО. АПОЛЛОН И ДИОНИС. ЭЛЕВСИНСКИЕ МИСТЕРИИ И ТРАГЕДИЯ

Глава I. Гордиев узел

Глава II. Видимая Греция. — Аполлон Дельфийский

Глава III. Прорицательница

Глава IV. Греция невидимая. — Деметра и Персефона

Глава V. Дионис мистерий

Глава VI. Закулисные стороны трагедии

КНИГА ВОСЬМАЯ. КОСМИЧЕСКИЙ ХРИСТОС И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИИСУС

ГЛАВА I. КОСМИЧЕСКИЙ ХРИСТОС

ГЛАВА II. УЧИТЕЛЬ ИИСУС, ЕГО ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ

ГЛАВА III. ПРЕБЫВАНИЕ ИИСУСА У ЕССЕЕВ. — КРЕЩЕНИЕ В ИОРДАНЕ И ВОПЛОЩЕНИЕ ХРИСТА

ГЛАВА IV. ВОЗРОЖДЕНИЕ АНТИЧНЫХ МИСТЕРИЙ ЧЕРЕЗ ЖИЗНЬ ХРИСТА. — ОТ ИСКУШЕНИЯ К ПРЕОБРАЖЕНИЮ

Первая степень: Приготовление. Нагорная проповедь и Царство Божье

Вторая степень посвящения (очищение). Чудесные исцеления. Христианская терапия

Третья стадия посвящения: Озарение. Воскрешение Лазаря

Четвертая стадия посвящения: обозрение свыше. Преображение

ГЛАВА V. НОВЫЕ МИСТЕРИИ. — СТРАДАНИЕ, СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Будущее

Эдуард Шюре. Божественная эволюция. От Сфинкса к Христу

Édouard Schuré
(1841-1929)

A French writer. The author of books on musical history and on mysticism, novels, verse, as in *La Vie Mystique* (1893) and *L'Âme des Temps Nouveaux* (1909), dramas, as *Les Enfants de Lucifer* (1900) and *Léonardo de Vinci* (1905), and critical works.

Eduard Schure was the author of numerous books on religion and esoteric subjects. He was also a student of Rudolf Steiner's anthroposophy.

Эдуард Шюре
Божественная эволюция
Серия: Библиотека эзотерической литературы

Издательства: Рефл-бук, Ваклер, 1997 г.
Твердый переплет, 352 стр.
ISBN 5-87983-044-6, 5-87983-056-X, 966-543-170-6

Предисловие

Доктору Рудольфу Штайнеру

Дорогой учитель и друг,

Эту книгу я посвящаю Вам, ее главному вдохновителю. Необходимо, чтобы читатели знали, почему и как я взялся за перо, а как можно лучше донести, основную идею, как ни раскрыть свету тот источник мудрости и жизни, из которого я так много почерпнул?

В одной из Ваших недавних лекций Вы были столь любезны сказать следующее: «Европейский успех «Великих Посвященных» Эдуарда Шюре явился для меня и моих друзей неопровержимым знаком того, что Запад созрел для христианского эзотеризма и что пришло время распространить его в широкой публике». Когда Вы пришли к этому мнению, я абсолютно не знал о Вашем существовании. Сегодня, имея счастье быть знакомым с Вами, мне приятно заявить, что наша встреча заняла важное место в моей жизни и дала огромный толчок для перемены моих взглядов.

В связи с этим необходимо немного вернуться в прошлое.

Написанная мною более двадцати лет назад книга «Великие Посвященные» имела судьбу столь же особенную, как и ее источник.* Вот повод сказать: *Habent sua fata libelli*.** Я нашел свой путь из Дамаска, луч света после долгих заблуждений и непроглядного мрака. По мере того, как я писал эти пылкие страницы, мне открывалось множество истин, изучение и размышление над которыми сделали их неопровержимее. Наиболее важные среди них следующие: непрерывность вдохновения в истории, фундаментальное единение великих религий и откровения божественного мира через души величайших пророков человечества, которые раскрывают очаги своих душ в обход закостеневших текстов и традиций, так как за ними, как за вуалью, которая рвется, вспыхивает, в виде основной идеи и живых образов, скрывается главная истина, от которой произошел мир со всеми его составляющими: религией, культурой, искусством, наукой и цивилизацией. Примечательнее всего то, что делая такие открытия, мы чувствуем эту истину, бьющую ключом подобно снопам искр из глубин нашего бытия.

Я развил в своей книге мысль: «Душа — ключ Вселенной». После такого заявления в духе трансцендентного спиритуализма, чего можно было ожидать, кроме недоверия и вражды, от эпохи, кичившейся тем, что породила душу из материи? Были, конечно, великолепные исключения среди независимых умов***. Но по негласному согласию, официальные органы Университета и Церкви соблюдали в отношении меня многозначительное молчание. В одной влиятельной ультрамонтанской**** газете Парижа, после получения сигнального экземпляра книги, даже не ссылаясь на ее содержание, взяли на себя смелость советовать мне, что если я действительно жажду истины, то безусловно найду ее в лоне католической церкви. С другой стороны, прекрасный друг, протестант и свободный мыслитель нанес мне соболезнующий визит. Он заявил с искренней грустью, что я совершил преступление против критики и науки и он ждет от меня жеста здравого смысла и раскаяния в следующей книге. Другой друг, видный ученый и член Академии Просвещения и Изыщной Словесности, написал мне с возмущением, что «я не имел права переделывать историю, дабы утвердить некие доктрины» так, будто скопление фактов и документов ничего не значило и словно каждый век не дополнял историю новыми идеями. — Это отрицательное отношение сформировалось, нужно отметить, согласно неотвратимой логике вещей. Необходимо признать, что идеи, помещенные в книгу, никогда не были приняты руководящей элитой, мыслителями, учеными, и критикам пришлось поставить с ног на голову их философию, их методики, их душу, что не очень удобно. Не удивительно, что представители современной философии, науки, религии забаррикадировались в своих бастионах против подобных новшеств.

Тем не менее я получил огромное вознаграждение. Возрастающее из года в год число изданий этого труда, количество последователей, рост симпатии среди молодежи и творческих людей, причем как во Франции, так и за ее пределами, мне достаточно говорили о том, что оно отвечает духовным потребностям и несет в себе силу жизни. Множество мужчин и женщин мне повторяли, что среди удушливой атмосферы теперешних времен они нашли на этих страницах поддержку, источник веры, причину для веры и действия. Это было для меня наилучшей наградой.

Если в своих «Великих Посвященных» я столь горячо обратился к древним источникам Мудрости и Красоты, то это из-за невозможности найти в атмосфере XIX века у кого-либо из наших так называемых «мудрецов» надежного жизненного фундамента и божественного вдохновения, в котором так нуждаются поэты для создания своего идеала. С вершины достигнутого, сделав неимоверное усилие, я вернулся к близким мне темам. Я попытался применить в последующие годы к нашим французским легендам, поэзии, к романам, драмам и к эстетике сделанные мною драгоценные открытия, раскрывшие теперь бесконечные перспективы*****. Но нельзя безнаказанно пить из источника Мистерий, который открывает глаза духу. За каждой завуалированной тайной скрывается другая, а хотелось бы добраться до первоисточника. Вместе с новым светом, освещающим все более глубинную суть вещей, появляются новые проблемы, и наиболее острые те, которые касаются настоящего. Во время моей увлеченной работы два момента постоянно беспокоили меня.

Первый относится к философской проблеме, стоящей сейчас перед наукой и общественностью. Все то, что считалось даже поверхностным знанием о самых великих таинствах, разбивалось в мгновение ока на всем многообразии направлений, которыми движется современная наука. Палеонтология, история, биология, экспериментальная психология и вплоть до последних гипотез физиков и химиков об изменениях и сущности материи, опровергающих наиболее одиозные концепции алхимиков; все эти смелые выпады в сторону неизведанного создавали множество открытых дверей в новый мистический мир. По правде говоря, современная наука находится на краю Невидимого и часто без тени сомнений плавает в волнах оккультизма.

С другой стороны, как объяснить, что умы, наиболее искушенные, не замечают освещенного центра, где сходятся все эти дороги? Как пробить стоящую стеной чашу, которая их разделяет?

Другая из моих забот касалась современного оккультного движения и конкретно Теософского Общества.

В «Великих Посвященных» я принял во внимание и отдал должное необуддистскому теософскому движению, раскрывающему, иногда довольно смутно, современное состояние эзотеризма в Индии и сыгравшему большую роль в том духовном возрождении, которого никто сейчас уже больше не отрицает. Но осознавая огромную важность этого движения и глубину индусской мудрости, в той же книге я разошелся с ними по одному важнейшему пункту. В произведениях г-жи Блаватской и ее учеников, среди которых отметим г-жу Анни Безант⁺, нынешнего знаменитого и изысканного председателя Теософского Общества, явно видна тенденция истории. Много говорят об «эзотерическом христианстве», но в манере неясной и двусмысленной. Если открыто и не отрицают существования Иисуса из Назарета, то конфиденциально дают понять, что оно сомнительно, мифично и, наконец, излишне. Скрывают, разжижают, стирают исторического Христа, освещенный которым период истории насчитывает две тысячи лет, чтобы заменить его неизвестно каким призраком будущего Христа, о пришествии которого заявляют, приход которого умело готовят и который будет в конечном итоге subtilным продуктом и покорным инструментом индусской мудрости, единственной хозяйки универсального эзотеризма...

Наперекор этой теории, выдуманной чисто индусским сознанием, я в полный голос утверждал в своих «Великих Посвященных» историческую реальность Иисуса как обязательно

примыкающую ко всей восточной мудрости. Он предстал передо мной пророком Запада, и я назвал этот центр и основу истории «величайшим из сынов Бога», Затем я оставил без внимания в греко-христианском эзотеризме первых столетий прелюдию к этому синтезу Религии, Науки и Искусства, который является проблемой настоящего и задачей завтрашнего дня.

Если я сохранил большое уважение к индусской мудрости, которая так осветила нам прошлое, то это не значит, что от нее я ждал слова о будущем. Занятый тем, чтобы увидеть возрождение среди нас эзотеризма в европейской форме, сообразующегося с нашими традициями, я чувствовал прорастание во мне намерения продолжить начатое «Великими Посвященными» и написать своеобразную историю оккультных доктрин от Христа и до наших дней. Я сказал себе: христианский эзотеризм существовал всегда за бесстрастным фасадом церкви и за шумным театром истории, как глухая борьба душ существует за внешним конфликтом, как текущая глубина океана бурлит под игрой волн. Он существует у гностиков и у манихеев, у гибернских монахов, как и у первых рыцарей Круглого стола и в ордене Святого Грааля, у катаров, альбигойцев, тамплиеров и розенкрейцеров, как у основателей Платоновской академии во Флоренции. Легко можно понять, что эти глубинные импульсы породили великие сдвиги в истории, такие как обращение в христианство северных народов, Крестовые походы, искусство Средних Веков, Ренессанс и даже современную науку. Но где найти истоки и тайные связи всех этих событий, тогда как Церковь и светская власть повсеместно стирают следы и уничтожают свои архивы? И я еще раз подчеркиваю: современность со своим развитием науки и индустрии, анализами материи и захватом внешнего мира, его знанием физической вселенной и его смыслом эволюции нуждаются в духовном синтезе более широком и мощном, чем все подобные в прошлом. Если западный эзотеризм существует, в чем я убежден, то он должен иметь своих представителей и своего апостола. Я не увижу его, безусловно, но этот апостол придет... Он придет как необходимый отклик на зов, выйдет из чрева двадцатого века! — Вот то, с чем я имел счастье вас познакомить.

Я никогда не забуду момент, когда наш общий друг, ваш наилучший сотрудник, мадемуазель Мария Сивере, привела Вас ко мне. Это было в апреле 1906 года. Рискуя вызвать улыбку людей, никогда не испытывавших подобных чувств, я должен признать, что, увидев Вас входящим в свой кабинет, я испытал одно из наиболее глубоких потрясений в моей жизни.

Я могу привести только два подобных примера: моя встреча с Рихардом Вагнером и с женщиной, которой я посвятил «Великих Посвященных».

Это напоминает, как будто в некоем ином пространстве с первого взгляда открывается весь мир. Чтобы доказать читателям, что я не единственный, на кого ваша личность производит столь необычайный эффект, я приведу здесь свидетельства человека, который не является теософом и может высказываться наиболее проникновенно и понятно в отличие от многих интеллектуалов. Я говорю о графе г. Прозоре, изысканном переводчике и комментаторе Ибсена во Франции. Вот что он два месяца назад сказал о Вас: «Редко увидишь творение природы, сделанное столь совершенно: своим интенсивным блеском глаз, экспрессивностью лица, гибкостью членов и движений, тип чувствительный, способный однажды превратить медитацию во вдохновение, эмоцию — в энергию, способный, сверх того, судя по его мощному лбу и поразительно развитому черепу, соединить в себе мощь, импульсивность и фантазию с такой сильной волей, которые, движением души рождают произведения искусства»⁺⁺.

Что меня поразило в этом изможденном и изборожденном шрамами размышлений лице, так это — прекрасная ясность, выражающая успешное завершение той борьбы, следы которой носило на себе лицо. Там присутствовала уникальная смесь крайней нежности и предельной энергии, отмечающая наиболее полное владение собой. Замечательная победа воли над природой, способная все понять и все почувствовать. Душевная чистота ребенка, имеющая силу мудрости, вот о чем говорила улыбка этих тонких и сжатых губ. И потом из его черного глаза

исходил луч света, который, казалось, пронзал наиболее густые вуали и читал в невидимом. Нравственное и интеллектуальное существо, полностью кристаллизовавшееся вокруг духовного центра сияющей ясности — вот то удивительное зрелище, которое Вы мне подарили.

Наши частые беседы, прослушивание цикла Ваших лекций, поражающих богатством идей, и чтение Вашего главного произведения «Оккультная наука»⁺⁺⁺ окончательно упрочили это первое впечатление.

Вы соединили высокую научную и философскую культуру с высочайшей интуицией и исключительным ясновидением. Она Вам позволяет контролировать и уравнивать Ваши самые разносторонние восприятия и создавать нечто единое. Совершенная связь Ваших идей, которые взаимоподдерживаются и союз которых имеет отношение к общему центру, является безоговорочным подтверждением их верности. Если бы ясновидение наделило Вас высшими знаниями, Вы бы признали их лишь после того, как просеяли через мелкое сито и классифицировали по порядку в иерархии феноменов, согласно великого закона каузальности и универсальных аналогий. Вы побуждаете не слепое подражание и лепет заученных наизусть истин, а инициативу и абсолютную независимость, повторяя на лекциях: «Если ваше мнение и ваш разум не согласны с тем, что говорю я, не верьте мне!»

Таким образом, вы принесли мне желанный свет. В Вашем изложении христианский эзотеризм раскрылся передо мной во всем своем размахе и широте, на которые я не рассчитывал, поскольку то, как Вы его представили, показало мне его способность охватить, осветить и расширить все другие традиции.

Это неожиданное исполнение одного из моих наиболее дерзких желаний вернуло меня к старому проекту: сделать эскиз истории христианского эзотеризма.

Но насколько, благодаря Вам, расширился мой горизонт! Позади, как и впереди Христа, открылись безбрежные пути. Но в этой бесконечности Вы пролили яркий свет на две основополагающие загадки, которые совершенно справедливо занимают современную мысль. Невозможность решить их обычными методами исследования, стала для множества умов камнем преткновения всех духовных концепций жизни и всех религиозных верований. Первый из вопросов касается космогонии — происхождения человека, второй, касающийся теогонии, — вопрос о природе Христа. В общем, наша вечная судьба зависит от этих двух проблем. Рассмотрим их ближе: если мы не легитимные сыновья Богов, зачем нам следовать процессу становления, и что означает это тщетное слово о бессмертии? А если Христос не Бог, в полном понимании этого слова, то как он может быть Спасителем человечества? По Вашему мнению, эти два вопроса решаются при их рассмотрении совместно с планетарной эволюцией, освещенной с одной стороны, современной наукой, с другой — наиболее древними религиозными преданиями, в которых нашли отражение ясновидение и первичная мудрость. Христианство, по-настоящему католическое, то есть действительно вселенское, раскрывается здесь во всей своей глубине, расширяясь вплоть до истока вещей.

Проблема, поставленная в такой острой форме, означает, что наиглавнейшим является не описание истории христианского эзотеризма, а показ того, какое отношение имеет феномен Христа к загадке всей земной эволюции и к тайнам нашей солнечной системы. Необходимо было повторить путь «Великих Посвященных», охватив как можно больший круг и поднявшись еще выше. С этой новой точки зрения горизонт и пространство невообразимо расширяются, как будто подымаешься на аэроплане, чтобы осмотреть континент и преодолеть множество морей. В «Великих Посвященных» я пытался проникнуть в то, как воспринимается божественный мир через сознание великих пророков человечества, как бы рассматривая звезды с высоты маяка. Сейчас я сделал обратное, Я стремился увидеть Землю с точки зрения небесных светил, или, иначе говоря, узреть человеческую эволюцию через действие

космических сил, грандиозную иерархию и способ функционирования которой вы мне открыли.

Исходя из этой концепции «Божественной Эволюции», я предлагаю сегодня моим читателям первую часть: «От Сфинкса к Христу», не зная, напишу ли когда-нибудь вторую: «От Христа к Люциферу».

Ах, конечно, я подозревал об этом... в каждом начинании есть свои авантурные стороны... и огромные недочеты! Сколько головокружительных вознесений и сколько падений! Я должен был во весь дух преодолеть больше ужасных бездн, чем я смог коснуться вершин, и пересечь больше бесплодных пустынь, чем цветущих долин. Достичь цели, пусть даже избитому ветром и поврежденному шквалом, было моим единственным желанием... Среди тревог губительного путешествия мне оставалась лишь надежда. Я выражаю Вам в этом бесконечную признательность. В подвижных фресках, звучащих панорамах, которые Ваши магические слова породили во мне, могли бы вы узнать великие пути Истины, которая блистает, ослепляет под Вашим взглядом.

Сила, гораздо большая, чем все сомнения, голос, более повелительный чем все страхи, дали мне силы написать эту книгу. Возможно она послужит знаком к объединению всех тех, кто чувствуя важность нынешних времен, решится идти в будущее под знаменем христианско-эллинического эзотеризма.

Февраль 1912

Э.Ш.

* Я описал происхождение «Великих Посвященных» в биографии Маргариты Альбана, которая приводится в моей книге *Les Femmes Inspiratrices* (Женщины-вдохновительницы).

** Имеют свою судьбу книги (лат.) — Прим. ред.

*** Будет справедливо назвать, среди многих других, прекрасные заметки Филиппа Жилля в «Фигаро» от 13 сентября 1893, Анри Беренжера в «Голубом журнале» от 22 июля 1898, Жана Дорни в «Фигаро» от 30 сентября 1907, Людвига Шеманна в *Bayreuther Blaetter* от 1897, которые сопровождали удачные издания книги, не говоря о множестве статей, вышедших в Италии: Анжело де Губернатиса, Эвелина, Арнальдо Червезато и Франца Пелатти в *Nuova Antologia* (Новая Антология) и другие.

**** Ультрамонтанском (*ultramontain*, фр.) — католическом, преданном папской курии. — Прим. перев.

***** Именно в эти годы (1890-1906) успешно вышли *les Grandes Legendes de France* (Великие легенды Франции), *la Vie Mystique* (Мистическая жизнь), *l'Ange et la Sphinge* (Ангел и Сфинкс), *le Double* (Двойник), три тома *Theatre de l'Amee* (Театр души), *Precurseurs et revoltes* (Предвестники и Бунтари), *Les Femmes Inspiratrices* (Женщины вдохновительницы), *la Pretresse d'Isis* (Жрица Исиды), *l'Ame des Temps Nouveaux* (Душа новых времен) и т.д.

+ Наиболее примечательны автобиография и два тома «Древней мудрости», написанные в эпоху, когда она не попала еще ни под какое чужое влияние.

++ Статья графа Прозора в *Un Mystere rosicrucien* (Розенкрейцеровской мистерии) Р.Штайнера, в *Le Bulletin de l'Ouvre de Lugne-Poe* (Бюллетене произведений Люнь-По), декабрь 1911.

+++ *Die Geheimwissenschaft* (Германия, Лейпциг). Французское издание этой книги вышло немного позже. [В русском переводе — «Очерк тайноведения». — Прим. ред.]

Книга первая.

Планетарная эволюция и происхождение человека

Боги думают совсем иначе,
чем люди. Мысли людей — это
образы; мысли Богов —
живые существа.

Рудольф Штайнер

Глава I. Загадка Сфинкса и исконная мудрость

Всякая мудрость ставит своей целью разрешение загадки человека, последнего предела планетарной эволюции. Эта загадка содержит в себе загадку мира. Ибо малый универсум человека, или *микрокосм*, является зеркалом и крошечным синтезом большого универсума, или *макркосма*. Образованные по одним и тем же принципам, оба они (один и другой) являются различными, хотя и согласованными выражениями невидимого Творца, видимого в своих творениях суверенного Духа, называемого нами Богом.

Примерно в течение десяти тысяч лет, т.е. от истоков первых африканских и азиатских цивилизаций, вплоть до нынешних европейских цивилизаций, величавый, высеченный в скале Сфинкс из Гизы, возлежащий на рыжеватом песке пустыни, предлагает каждому проходящему опасную проблему. Ибо от его молчаливой фигуры и высокомерного чела исходит некая нечеловеческая речь, более выразительная, чем человеческая: «Посмотри на меня, — говорит он, — я — Сфинкс-Природа, совмещающий в себе Ангела, орла, льва и тельца. У меня величественное лицо забытого древнего Бога и тело неведомого крылатого животного. У тебя нет ни моего крупа, ни моих когтей, ни моих крыльев, но твоя грудь подобна моей. Кто ты? Откуда ты? Куда идешь? Ты вышел из ила, из земли или спустился со сверкающего солнечного диска, внезапно появляющегося из-за аравийской горной цепи? Испокон веков я существую, я все видел, я все знаю. Ибо я — один из вечных Архетипов, обитающих в несотворенном свете... но... я имею право говорить только через свое присутствие. Что касается тебя, эфемерный человек, безвестный странник, очередная тень, то ты ищешь разгадку и пытаешься ее найти, но не найдя — ты приходишь в отчаяние!»

На протяжении истории различные мифологии, религии, философские школы пытались ответить на этот навязчивый вопрос, повелительный приказ крылатого существа. Безуспешно пытались они утолить эту жажду истины, горящую в сердце человека. Несмотря на различие в учениях и ритуалах, все они согласны в одном существенном пункте. Своими культурами, символами, жертвами, бичеваниями, обещаниями эти духовные поводыри неустанно повторяют человеку: «Ты пришел из божественного мира, и ты можешь туда вернуться, если захочешь. В тебе есть что-то эфемерное и нечто вечное. Не предавайся первому, чтобы развить второе».

С приходом христианства, обещавшего истину наиболее обездоленным и заставившего затрепетать надеждой сердца людей всего мира, легенда об утраченном из-за ошибки первого человека рае и о спасении, ниспосланном падшему человечеству через искупительную жертву Бога, убаюкивала людские души на протяжении почти двух тысячелетий. Но популярный и суггестивный рассказ больше не удовлетворяет людей в этой своей инфантильной форме, ибо повзрослевший человек становится повелителем сил природы. Это — человек, который с помощью своего разума хочет проникнуть во все тайны универсума и который, подобно Фоме Неверующему, верит лишь тому, к чему можно прикоснуться.

И вот современный человек стоит перед античным Сфинксом, вопрос которого, постоянно повторяемый, раздражает и смущает нынешнего отважного изыскателя вопреки его воле. Наконец, уставший от бесплодных раздумий, он пишет самому себе: «О вечный Сфинкс, твой древний вопрос — глупый и бессмысленный. Нет никакого Бога. Пусть даже он должен существовать где-то в каком-то недоступном для моих чувств царстве, но я не хочу ничего об этом знать, или же узнаю, когда придет свой черед. Боги умерли. Нет ни Абсолюта, ни высшего Бога, ни первопричины. Существует лишь непрерывный поток феноменов, которые подобно волнам следуют один за другим и непрерывно вращаются в фатальном круге универсума. О обманчивый Сфинкс, мука мудрецов, ужас толпы, я тебя больше не боюсь. Не важно, благодаря какому случаю я выбрался из твоего чрева, но поскольку я родился, я избежал твоих когтей, потому что меня зовут Воля, Разум, Анализ, и все склоняется перед моей властью. Поскольку это так, то я твой повелитель, и ты становишься беспомощным. Итак, тщеславный призрак прошлого, последний фантом исчезнувших Богов исчезает в песках и оставляет мне землю, где я буду распространять свободу и счастье».

Так говорит новый человек, *сверхчеловек* некоей рациональной науки, которая является лишь наукой о материи. Непонятый современным человечеством Сфинкс, Сфинкс, потерявший свой ореол, свой золотой диск времен фараонов, символ крылатого солнца, и свою способность принуждать Богов разговаривать с человеческой душой посредством безмолвия храмов, этот рассыпающийся в пустыне Сфинкс замолчал. И торжествующий сверхчеловек смотрит на себя в зеркало своей науки.

И тогда вдруг он отшатывается, потрясенный. Потому что в нем он видит самого себя в образе какой-то гориллы, с лохматым телом и с выступающими челюстями, которая ему кричит, оскалившись: «Вот твой предок... Приветствуй своего нового Бога!» В этом образе, сколько бы сверхчеловек не напрягся в своей гордыне, он содрогается от ужаса, он чувствует себя уничтоженным посредством своей несокрушимой науки. И в глубинах своего сознания он слышит некий голос, который кажется ему голосом отдаленного Сфинкса, поскольку он неуловим как воздушная волна и преисполнен гармонии как шепот, исходящий от статуи Мемнона с первым лучом солнца: «Бесчувственный человек, думающий о прахе гориллы, — говорит он, — ты не заслужил того, чтобы над ней возвыситься. Знай же, что самое тяжкое твое преступление — это убийство Бога!»

Таково состояние духа, которое наука без души, наука без Бога породила в человечестве. Отсюда берут начало две доктрины: агностицизм и материализм, доминирующие в современном умонастроении. Агностицизм говорит «*Ignorabimus**, мы никогда не будем знать глубинную основу вещей. Следовательно, прекратим же этим заниматься». Второе учение утверждает: «Существуют лишь материя и инстинкт. Извлечем же из них по крайней мере наилучшую часть». Последствия этих двух доктрин таковы: фатализм в истории и философии, реализм в искусстве, упразднение религиозного чувства и божественной идеи. Освобождая человека от Бога, предполагали его сделать свободным, а сделали — рабом материи. Обезглавив универсум, обезглавили человеческую личность. Разумеется, я не смешиваю здесь науку как таковую, восхитительную в своих творениях, основанных на наблюдении и классификации, с ее фанатичными вульгаризаторами, теоретиками агностицизма и материализма. Именно они набрасывают на мысль черную вуаль, сквозь которую мир представляется в виде кладбища.

Со временем восставших против этой вуали, многочисленные складки которой скрывали живой универсум и связывали мысль, стало бесчисленное множество. Но где найти меч света, который ее разорвет?

Одни прибегают к старым метафизическим системам, но их абстрактные понятия без соединения с живой природой поставляют лишь затупившееся оружие. Другие безропотно подчиняются *философии водонепроницаемых переборок*, которая ставит науку в один отсек, а

религиозную мораль — в другой, философии, ведущей к радикальному бессилию, поскольку она рассекает человека надвое. Еще кто-то берет, не понимая их, догматы Церкви и пытается найти утешение в ее ритуалах, яркая магия которых утрачена вместе с ее возвышенным смыслом. Эти ритуалы еще могут усыпить беспокойство, но не дают истину.

Где же меч света, который одновременно пронзит мрак Души и пучину Природы для того, чтобы вновь там обнаружить Бога? Наука, которая убивает, является ли она повелительницей мира? Мудрость, которая дает жизнь, не является ли она лишь тщетным словом? Многие об этом говорят, почти все этому верят.

* * *

И все же... существует исконная, трансцендентная, вечная мудрость, в которой содержится вся полнота знания. Когда-то она протекала, наполняя берега, подобно Гангу, берущему начало в снегах Гималаев. Сегодня она едва напоминает тонкий ручеек воды, скользящий по каменному ложу, но никогда она не иссякала полностью. Эта мудрость использует иные способности, отличные от применяемых современной наукой. Интуиция является лишь слабым живым отблеском и первым ее этапом. Она называется Видением, Созерцанием Божественного, живым Общением с Вечным, Эта мудрость исходит от внутреннего света, который зажигается в человеке в определенной точке его развития. Она проникает сквозь астральный мир, лабораторию творческих сил, вплоть до мира духовного, всеобщего истока. Темными и несовершенными являются те переводы, которые язык и человеческое искусство дают нам об этой мудрости, но чистыми и лучезарными в своем источнике. Ибо она бьет ключом под непосредственным влиянием духовных сил, созидających универсум. Древние мудрецы не только воспринимали эти силы, но внутренне созерцали великие мистерии Творения, я хочу сказать: последовательные аспекты, которые покрывали солнечную систему до образования земли. Они их созерцали в многолетних клише, которые для глаз чистого духа мерцали в астральном свете, и они давали планетам те же имена, что и космическим силам, которые их моделировали.

Вот почему планеты стали Богами в мифологии**.

Великие оккультисты и великие мистики XVI-XVII веков обладали несколькими отблесками этой исконной мудрости, которую давало сублимированное видение. Генрих Кунрат пытался ее конденсировать в своем пантакле, который он назвал *Theatrum sapientiae aeternae****, Якоб Беме визионерски приближался к ней в своей *Авроре*, Парацельс изучал ее в своем трактате *Astronomia magna*****, Лейбниц представил ее под именем *perennis quaedam philosophia******. Великий современный теософ Рудольф Штайнер назвал ее *Urweltweisheit*, непере译имое слово, значение которого с трудом передает такая перифраза: *Мудрость источника миров*⁺.

* Мы этого не узнаем (лат.) — Прим. ред.

** Великие астрономы XVI и XVII веков Коперник, Галилей, Кеплер, сформулировавшие законы небесной механики и открывшие нам глубину космического пространства, имели о небесных светилах представление, весьма близкое к тому, которого придерживались маги Халдеи и жрецы Египта.

Это был иерархический динамизм, универсальный анимизм, но дифференцированный и градуированный. Потому что для них небесные светила и небо, хотя и управлялись математическими законами, были живыми. Они не рассматривали их не только с позиции холодного разума, но с учетом существования некой души в целом. Таким образом, в светилах они ощущали Богов, а в космосе — творящий Дух. Послушаем-ка лучше такой пассаж Кеплера: «Всякое творение создает чудесную симфонию, как в порядке идей и духа, так и в порядке материальных существ. Все держится и сцеплено посредством нерасторжимых взаимосвязей; все образует гармоничный ансамбль. В Боге даже гармония является высшей гармонией: потому что Бог нас сотворил по своему образу и дал нам идею и чувство гармонии. Все, что существует, является живым и одушевленным, поскольку все следует одно за другим и связано между собой. Нет такого светила, которое не было бы живым и не имело бы души. Душа небесных светил является причиной их

движения и симпатии, которая связывает светила между собой; она объясняет закономерность естественных явлений». — Кеплер, *Harmonices Mundi* (1619).

*** Театр вечной мудрости (лат.) — *Прим. ред.*

**** Великая астрономия (лат.) — *Прим. ред.*

***** Философия, которая вечна (лат.) — *Прим. ред.*

⁺ «То, что человек получает в качестве вдохновения и видения, является лишь отражением духовных сил, которые создали этот мир. Часовщик предварительно имеет идею часов и делает их согласно своему плану. Можно сказать, что в процессе разбирания механизма, вновь обнаруживается та идея, которая была исходной при их конструировании. Такова же ситуация человека по отношению к божественной и творческой мудрости. Эта мудрость существовала до того, как наш мир родился, это был план мира. Гораздо позже эта мудрость была сообщена человеку. Это суть идеи, высказанные Богами» (Рудольф Штайнер. Заметки, принятые на конференцию в апреле 1909 г.).

Глава II. Огонь-принцип и иерархия сил

В центре древней оккультной науки, сформулированной впервые индийскими риши, была доктрина Огня-Принципа, ткани Универсума и инструмента Богов.

Агни, потаенный Огонь во всякой вещи, невидимый и первоначальный Огонь, дым, пламя и свет которого являются лишь внешними проявлениями, Агни, или творческий Огонь, на самом деле является универсальным агентом и субстанцией вещей. Ибо, с одной стороны, огонь есть элементарная форма материи; а с другой — он является оболочкой и в каком-то плане телом Богов, посредником, через который они воздействуют на мир. Это — огненная дорога, по которой Дух спускается в материю; или — освещенная тропинка, по которой материя поднимается к Духу.

Это древнее учение Огня-Принципа, наполнявшее и освещавшее божественную поэзию Вед, позже было вновь сформулировано на научный манер наиболее крупным греческим философом ионийской школы, Гераклитом Эфесским. Гераклит считал огонь принципом видимого универсума «Огонь является порождающим и генерирующим элементом, и именно эти его трансформации, будь-то когда он разжижается, или же когда он конденсируется, порождают все вещи. Конденсируясь, Огонь становится паром; этот пар в другой консистенции становится водой; вода с помощью действия какой-то новой конденсации становится землей. Вот то, что Гераклит называет *движением сверху вниз*. — И наоборот, земля, разжижаясь, преобразуется в воду, от которой происходит почти все остальное посредством испарения, воздействующего на ее поверхность. И это есть *движение снизу вверх*. — Добавим, что огонь является не только животворящим принципом, но и принципом разрушающим Универсум порождается огнем и именно посредством огня он должен рассеяться»*.

Сразу же скажем, что в этих двух движениях: сверху вниз и снизу вверх, и в этих двух проявлениях — конденсации и разжижения — резюмируется вся космогония нашей планетарной системы, потому что они сопровождаются спуском Духа в материю и новым подъемом материи к Духу. — Добавим, что Гераклит поместил свою книгу об Огне-Принципе в Храм Дианы в Эфесе, желая подчеркнуть этим, что он получил свою науку через посвящение и от Богов, т.е. через вдохновение, а не только через рефлексию и разум. В эту эпоху философия была особенно интуитивной и синтетической. Она стала аналитической лишь у элеатов и диалектической лишь у Сократа, Платона и Аристотеля.

Теперь выслушаем мнение на эту же тему наиболее знающего и наиболее ясновидящего из современных теософов. Оно представлено в современной науке оккультным учением о четырех элементах и об Огне-Принципе.

«Для понимания этой античной и священной доктрины, пришедшей к нам с Востока, — говорит Рудольф Штайнер, — необходимо рассматривать Огонь в его связях с четырьмя элементами. Смысл четырех элементов больше не может быть адекватно понят с точки зрения современного материализма. В эзотерическом смысле элементы означают отнюдь не простые и неделимые тела в соответствии с представлениями современной *химии*, а последовательные состояния материи. 1. *Земля* означает твердый элемент (в этом смысле лед является землей). 2. *Вода* означает жидкое состояние (в этом смысле ртуть и расплавленное железо является водой). *Огонь*, или *Теплота* есть состояние более субтильное и более тонкое, чем воздух. Ее можно было бы это назвать *лучеизлучающей материей* (термин Крукса). — Огонь отличается от трех других элементов прежде всего тем, что он их пронизывает, и причем пронизывает всякую вещь, в то время как остальные элементы отделены друг от друга. Другое отличие. Можно касаться прочного, жидкого и газообразного. Можно воспринимать их извне через присущую им определенную степень сопротивления. Можно даже касаться горящего тела, но теплота ощущается также и внутри. Именно античная мудрость открыла это. Огонь является одновременно внешним и внутренним элементом, как в человеке, так и во всем. Древние мудрецы говорили: *С огнем материя становится душой. Существует душа в огне, существует огонь в душе.*

Следовательно, огонь является дверью, через которую проникают извне во внутрь вещей. Когда смотрят на горящий предмет, видят в огне две вещи: дым и свет. Свет рождается от огня, но видят ли его? В это верят, но это не так. Видят твердые, жидкие или газообразные объекты, освещенные светом. Но света самого по себе не видно. Следовательно, физический свет в действительности не виден. Переходя от огня к свету, мы входим в невидимое, в эфирное, в духовное. Обратное происходит с дымом. Когда что-то горит, мы присутствуем при переходе от материального к духовному, которое продуцирует свет. Но этот переход оплачивается темным дымом. С дымом огонь скрывает духовный элемент в материи. Ничего не рождается изолированно. Всякий прогресс оплачивается обратно пропорциональным откатом. Там, где производится свет, также продуцируется тьма. Воздух рождается от огня, превратившегося в дым, вода — от воздуха, конденсированного в жидкость, а земля — от затвердевшей жидкости. С этой точки зрения, *целый универсум является концентрированным огнем и духом, заключенным в материю***.

Таким образом, когда проникают взглядом в лабораторию мира и видят циркуляцию в своих венах агента универсальной жизни, тонкого и всемогущего огня, лучше понимают силу и величие культа первобытных ариев. Они прославляли огонь, поскольку видели в нем трон, субстанцию и одежду Богов.

* * *

Но прежде, чем дать обзор планетарной эволюции, мы должны изложить идею иерархии сил, задействованных в космической драме. Древние мудрецы помещали Богов на трон из Огня и Света, потому что эти силы являются их элементами. Теперь попытаемся пронумеровать их снизу вверх в восходящем порядке развития человеческого разума. Затем мы их увидим действующими сверху вниз в нисходящем порядке творения. Ветхий Завет резюмирует иерархию Сил, являющихся способностями действующего Бога, в озарении Иакова, который видел ангелов, спускающихся и поднимающихся по ступенькам универсума. Символически это видение представляло собой иерархию невидимого мира, одушевленного организма и опоры мира видимого. Эзотерически комментируя, он открывал науку еще более глубокую, чем та, которая опирается на данные наших микроскопов и телескопов.

Поднимитесь по ступеням материи, и вы найдете Дух. Поднимитесь по ступеням человеческого сознания, и вы найдете Бога. Также, как над четырьмя элементами находятся элементы более тонкие, так и над четырьмя царствами видимой природы, минеральным, растительным, животным и человеческим, находятся другие царства, соответствующие различным этапам

неопределенной материи. Это — сферы Асуров и Девов Индии, идентичные с Элохим Моисея, греческие боги которых принимают антропоморфную форму. Христианская эзотерическая традиция, восходящая к Дионисию Ареопагиту***, разделяет их на девять категорий, сгруппированных в три тройки, формирующие все органическое.

Над человеком — все пророки об этом говорят и все народы в это верили — существуют *Ангелы*, Феруэр у персов, Гении у римлян, которых иногда идентифицируют с высшим и вечным Я человека. Тем не менее, ангел отличается от этого высшего Я, которое он предназначен пробуждать. Эзотерически ангелы называются также *нитями жизни*. Ангел-хранитель привязан к личности каждого человека. Его роль состоит в том, чтобы следовать за ним и вести от воплощения к воплощению. Элементом ангела является воздух. Над ангелами находятся *Архангелы*, Асуры индусов, которые управляют душой нации. Их элементом является огонь. Оккультная традиция рассматривает их как наиболее активные факторы во всеобщей жизни человечества. Архангелы намечают глобальные линии развития и наблюдают за многочисленными трансформациями. Над Архангелами царят Начала (названные Архал Дионисием Ареопагитом) или духи личности и инициативы, роль которых можно было бы определить таким словом: *первоначальники*. Поскольку это именно они дают первый импульс Архангелам в сатурнианский и в солнечный периоды. Кроме того, именно они занимают главенствующее положение в великих преобразованиях и в революциях человечества, как это происходит при выходе на авансцену выдающихся личностей, изменяющих ход истории.

Такова первая группа духовных Сил, возвышающихся над человеком. Их можно было бы назвать по преимуществу группой работников планетарной лаборатории, поскольку их деятельность является наиболее вдохновенной, наиболее сложной, и погружена в глубины материи как в тайны человеческой индивидуальности.

Над ними находится вторая триада Сил. Это, собственно говоря, Девы индусов. Деонисий Ареопагит их называл *Властями*, *εξουσιαί*; *Силами*, *δυναμεις*; *Господствами*, *χειριotes*. В них необходимо видеть повелителей и организаторов всей планетарной системы. Будучи посредниками между низшими и высшими силами, эти суверенные духи гораздо ближе к божественному, чем человек; их можно было бы назвать *Непогрешимыми*, поскольку они не могут как Архангелы спускаться в глубь материи, но они также не могут так, как те, любить человека, которому они дали дыхание и жизнь. Именно эти силы породили в пустоте планетарные сферы, куда они пришли для того, чтобы низвегнуться вниз в виде сил бесконечности. Они сохраняют баланс всей системы и устанавливают свои нормы и законы. Это *Элохим* Моисея и создатели Земли.

Еще выше над всяким понятием и выше всякого понимания и выше всякого человеческого воображения расположена третья триада Сил в восходящем порядке.

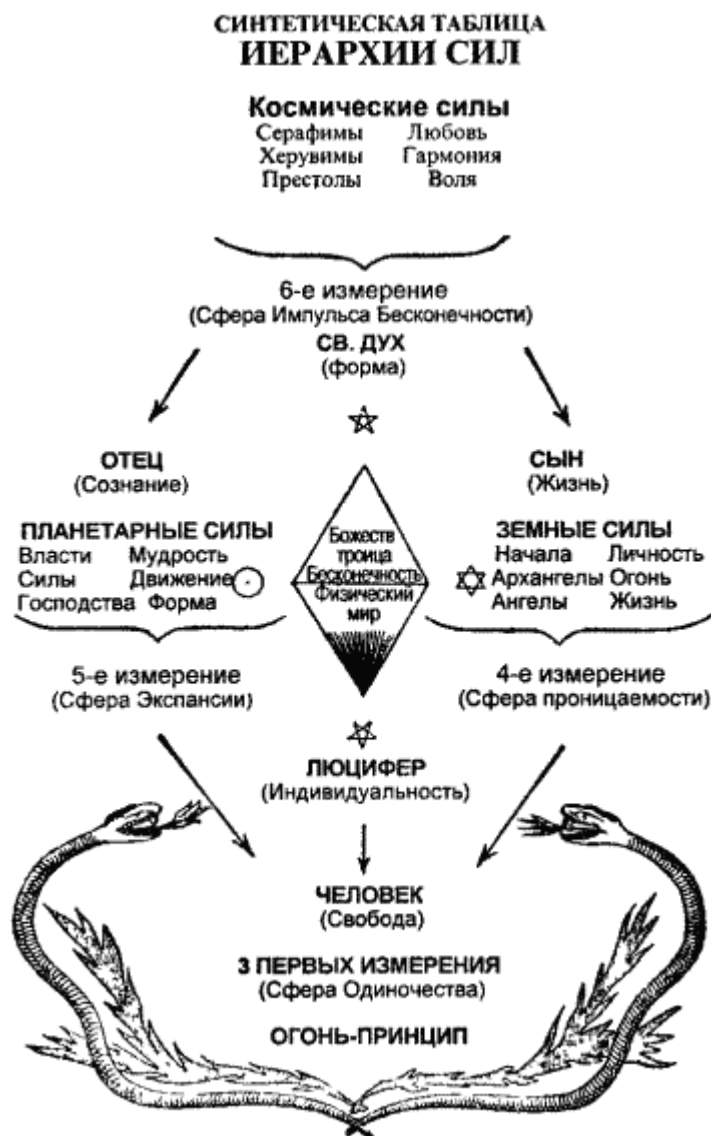
Престолы являются высшими силами самодарения и самопожертвования. Мы тотчас увидим их главную роль в происхождении нашей планетарной системы. *Серафимы* (халдейское имя которых означает Любовь) и *Херувимы* (название которых символизирует Мудрость и бесконечные Силы) находятся так близко от Бога, что они непосредственно отражают его свет. Низшие силы не смогли бы выдерживать это ослепляющее великолепие и громоподобные раскаты. Серафимы и Херувимы передают их в низшие сферы, просеивая и конденсируя их в лучезарные формы. Они сами вновь облачаются в эти формы, проникаясь Любовью и Мудростью. Они погружаются в лоно божественной Троицы и снова выходят оттуда в лучезарной форме, ибо мысли Бога воплощаются в их духовной сущности. Они не работают, они излучают блеск; они не творят, они возбуждают живительными лучами непостижимого Бога.

В итоге **низшая Триада** (Ангелы, Архангелы и Начала) являются триадой *сражающихся Сил*, на которых возложена более тяжелая работа, для которых Земля является полем битвы, а

человек — объектом. **Средняя триада** (Власти, Силы и Господства) являются триадой *упорядочивающих и уравновешивающих Сил*, которые действуют в ансамбле планетарной системы. **Высшая триада** (Престолы, Херувимы и Серафимы) является триадой лучезарных и вдохновляющих Сил, которые действуют в ансамбле Космоса, они составляют часть божественной сферы как таковой, поскольку они, в сущности, находятся над Пространством и Временем как и сам Бог, но они проявляют Бога во Времени и Пространстве.

Добавим, что в этой обширной иерархии каждый порядок сил получает импульс от высших Сил и действует на все нижние силы, но не на верхние.

Кроме того отметим, что сферы активности сил пронизывают друг друга, не смешиваясь, и что состояния Пространства и Времени варьируются в каждом Тернере иерархии. Сфера Ангелов, Архангелов и Начал (это сфера, которая возвышается непосредственно над человеком, и куда человек погружается во время своего сна) является *сферой астральной*, называемая также *сферой проницаемости*. Здесь царство четвертого измерения, т.е. существа проникают сюда, не смешиваясь. Дистанция упразднена или модифицирована. Вещи соединяются через симпатию или антипатию. Сфера Сил второго Тернера является *сферой духовной*, которую можно было бы также назвать *сферой экспансии и концентрации*. Здесь доминирует пятое и шестое измерения, т.е. творение в пустоте через воздействие сил бесконечности. С третьим Тернером мы входим в сферу божественного, наиболее возвышенную сферу Бесконечного и Вечного, которая находится над Пространством и Временем, но ими повелевает.

Эта таблица представляет лестницу Сил, которые имеют в качестве трона Огонь-Принцип, в качестве центра — божественную Троицу и увенчивает их серафическая Триада. Свет, Жизнь и Истина проецируются здесь сверху под влиянием Трех Глаголов с помощью Элохим и Архангелов, и достигают до самого сердца Человека пламенем Люцифера. В Человеке концентрируются все божественные лучи для того, чтобы в нем вновь забило ключом бытие, свет и новый Глагол

Через эту цепь, Бог-Богов, Элементы и Человек, формируется солидарное и неделимое целое, которое порождается, организуется, эволюционирует постоянно, параллельно, интегративно. Высшие Боги порождают Богов низших, которые порождают Элементы, материя которых является лишь видимостью, и Человек изначально в зародыше становится мало-помалу центром и движущей силой

Если смотреть сверху вниз, эта таблица показывает луч, через который боги видят мир и Человека; это сторона Света. Если смотреть снизу вверх, она образует призму, через которую Человек замечает мир и Богов; это сторона Тени

Рассмотрим теперь Силы творения в их Творчестве.

* Резюме философии Гераклита на основе имеющихся фрагментов. См. Риттер, *История ионийской философии*. — Интересно сопоставить древнюю идею Гераклита, согласно которой весь видимый мир вышел из Огня, т.е. из *Теплоты*, с открытиями более современной астрономии, способной сделать электроскопию звезд. Вот что можно прочесть в замечательной статье Ш.Нордманна «Метаморфозы звезд и их температура» (*Журнал двух миров*, от 1-го июня 1910 г.). «Важнейшие отличия, которые существуют между различными типами звезд с точки зрения их химического состава, обязаны различным температурам, которые на них преобладают. Когда температура поднимается, атомы химических элементов, характеризуемые обычными спектральными полосами, расщепляются, чтобы дать место более простым формам, характеризуемым «усиленными полосами» и которые Локьер назвал «протоэлементами». Когда температура поднимается еще выше, протоэлементы диссоциируются, чтобы образовать другие элементы, еще более легкие и простые, и в конечном итоге приходят к трансмутации всех других тел в водород и гелий. Следовательно, звезды Ориона будут самыми горячими в небесном пространстве; а простота, большей и меньшей степени, звездных спектров, также как и количество «усиленных полос», будут характеристиками температур и звезд. Две великих философских идеи вытекают из этих исследований: идея *химической и термической эволюции звезд* и идея *трансмутации химических элементов под воздействием теплоты*... Таким образом, впервые на земле мы встречаемся с наглядным доказательством возможности этой трансмутации элементов, на которую ссылались алхимики Средневековья и которую так высмеивали химики XIX века... Звезды нам демонстрируют совершенный пример трансмутации в смысле, искомым алхимиками, поскольку наиболее тяжелые металлы появляются здесь лишь после легких элементов и когда светила достаточно охладились» Шарль Нордманн.

** Заметки, поданные на конференцию доктора Рудольфа Штайнера, апрель 1909 г. Напомним здесь последние теории современной науки о строении материи, рассматривающие атомы как смесь *электронов*, т.е. электрические атомы, сгруппированные особым образом. Согласно этой гипотезе, весь универсум будет представлять собой лишь явление электричества. И вот мы довольно близко подходим к Агни, потаенному огню ведических гимнов. Именно таким образом предельный анализ соединяется с предельным синтезом, а современная наука смыкается с античной мудростью.

*** Во втором томе этого труда мы будем вести дискуссию относительно подлинности личности Дионисия Ареопагита и книг, которые ему приписывают. Здесь это мало важно, поскольку в этой главе речь идет об идеях, а не о личностях.

Глава III. Сатурнианский период. — Священное Престолов. — Проявление Начал

В целом универсуме проявляется закон вечного движения, закон круговращения и с ним закон метаморфоз, или перевоплощения. Этот закон аватар или возрождения миров в родительских формах, но всегда новых после длительного космического сна, применяется как к звездам, так и

к планетам, как к Богам, так и к людям. Это также условие проявления божественного Глагола, излучения универсальной Души через светила и через души.

Наша Земля имела трех аватар, прежде чем стать современной Землей. Сначала она была смешанной в виде какой-то неразличимой части в примитивной туманности нашей системы, туманности, называемой в оккультной космогонии Сатурном, и которую мы будем называть *первым Сатурном* для того, чтобы отличать его от современного Сатурна, который его пережил в качестве остатка. — Затем она составляла часть *Примитивного Солнца*, которое простиралось до пределов современного Юпитера. Затем Земля, образуя единое светило с Луной, отделилась от примитивного Солнца. Это светило называется Луной в оккультной космогонии. Мы будем называть ее примитивной Луной или *Землей-Луной* для того, чтобы отличать ее от современной Луны. — Наконец, Земля, исторгнув Луну из своего лона, стала современной Землей.

Зародыш человеческого существа присутствовал уже в примитивном Солнце в форме эфирного эмбриона. Он начал проявляться как живое существо, будучи астральным телом в форме огненного облака, лишь на примитивной Луне или на Земле-Луне. Только на современной Земле человеческое существо обрело сознание своего Я, развивая свои физические и духовные органы. Мы укажем на эти этапы в следующей книге, говоря об Атлантиде и об Атлантах.

Во время этих последовательных аватар планетарной системы Боги или Элохим высших иерархий развивали Богов низшей иерархии: Начала, Архангелов и Ангелов, которые с их помощью были генераторами Земли и Человека.

Планетарные периоды, о которых мы только что говорили, растягивались на миллионы и миллионы лет. Начиная со времен риши, видения великих адептов разъясняли эти мировые эпохи, отражения которых еще дрожали в астральном свете. Они их видели разворачивающимися в огромную панораму перед их внутренним чувством. От века к веку они передавали свои видения человечеству в мифологических формах, адаптированные к различным уровням культуры. У индусов эти астральные клише назывались образами *Акаши* (или астрального света). В иудейско-христианской традиции Моисея и пророков, Иисуса Христа и святого Иоанна эти вырванные листки Души мира назывались *книгой Бога*. И не замечательно ли, что ясновидящая из Домреми, наша Жанна д'Арк, невежественная, но вдохновленная крестьянка, использовала то же самое выражение, отвечая на схоластические придирки докторов из Пуатье такими гордыми словами: «Гораздо больше содержится в *книге Бога*, чем в ваших!» Нужно ли говорить, насколько несовершенными остаются переводы этих видений, когда пытаются выразить земным языком сверхчеловеческие образы, проносимые перед ними в астральном свете, не в неподвижных и мертвых формах, а в живом множестве и в виде безбрежных потоков. Далее речь идет о том, как придать им какой-то смысл и связь, классифицировать эти наводняющие видения.

* * *

Сатурнианская туманность, первая форма нашей планетарной системы, была лишь горячей массой без света. Теплота является первой формой огня. Именно поэтому Гераклит говорил, что мир рожден из огня. Она имела форму сферы, радиус которой измерялся дистанцией от Солнца до нынешнего Сатурна. Но никакой звезды не было в этой непроницаемой тьме, никакого света не исходило из нее. Однако, внутри туманности, под воздействием сил, возбуждающихся в ее лоне, происходили холодные вибрации и теплые излучения. Иногда на ее поверхности в овоидной форме появлялись смерчи теплоты под влиянием притяжения Элохим, спускающихся на нее из безмерного пространства.

Книга Бытия описывает эту первую планетарную фазу во второй строфе: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою».

Однако Элохим, которые при рождении нашего мира представляли Божий Дух*, принадлежали к более высокой иерархии Сил. Это те, кого христианская традиция называет Престолами. Она утверждает, что они принесли свои тела в жертву для того, чтобы возродились Начала. Эти тела были лишь жизненной теплотой, источником любви. Что касается Начал, или Духов начала, то они были существами, происходящими от какой-то предшествующей космической эволюции, пассивно замершими на какой-то длительный период и как бы затерявшиеся в божественном. По своей природе они наделены способностью в какой-то новый космический период становиться по-преимуществу богами-творцами при условии, что они вновь обретут личности. Эту личность дают им Престолы, освящая их тела, вливая в них свою силу. Отсюда эти тепловые смерчи, которые исходили из первого Сатурна и которые подобны вдоху божественной жизни Престолов, как это можно видеть в смерчах на море: вода винтообразно поднимается к облакам, и небо вдыхает океан.

Подобно некоему живому существу, огромная сатурнианская туманность имела свой вдох и выдох. Ее вдох создавал холод, а ее выдох-теплоту. Во время вдоха Начала возвращаются в свое лоно, во время выдоха они приближаются к Престолам и впитывают их сущность. Таким образом, они все более и более осознают самих себя и все более и более отрываются от сатурнианской массы. Но очищаясь, освобождаясь от своих низших элементов, они оставляли за собой некий газообразный дым. Тем временем Элохим второй иерархии, работающие с туманностью через внутреннее пространство, придали ей вращение. Отсюда, возникновение по всем объемам какого-то кольца газообразного дыма, которое затем разрывается и формирует первую планету, современный Сатурн с его кольцом и восемью спутниками.

Однако Начала, Боги Личности, великие Первоначальники, стремились к творению какого-то мира... Они набросали его эскиз в мечте, несли в себе его первые очертания. Но они не могли создать этот мир в темном Сатурне, сфере тумана и дыма. Для этого им был необходим... Свет!.. физический свет... творческий фактор. Внутри окружающей их тьмы в них нарастало предчувствие этого творческого света! Предчувствие... или припоминание? Может быть припоминание какого-то предшествующего мира... какого-то другого космического периода, память о славе и отдаленном великолепии в сатурнианской ночи. Предчувствие также... потому что уже в душе Начал чувствовался озноб, как зарево перед приходом будущих рассветов... величия Архангела, красоты Ангела и меланхолии Человека!.. Но для того, чтобы воплотить эту мечту, необходимо было какое-то солнце в сердце Сатурна, какая-то революция в этой туманности под дуновением и бичом высших Сил.

...Темная ночь Сатурна подошла к своему концу. Престолы усыпили Начала каким-то тяжелым сном. Затем они погрузились подобно урагану в хаос сатурнианской ночи, уже урчащей удушающим дымом, для того, чтобы сконденсировать в ней массу и с помощью других Сил и Огня-Принципа вылепить из нее какое-то светящееся небесное тело. Сколько веков, сколько миллионов лет длился этот космический Циклон в туманности, где сталкивались холод и тепло, где нарастающие молнии все цветов и оттенков пронизывали Ужасающую ночь? Не было тогда ни Солнца, ни Земли, чтобы измерить года, ни клепсидры**, ни стенных часов, чтобы сосчитать время... Но когда Начала пробудились от своего глубокого летаргического сна, они воспарили над поверхностью огненной сферы, под венцом из эфирного света, над ядром из темного дыма.

Первое Солнце было рождено. Целое светило с его темным центром и фотосферой заняло пространство, которое простиралось от нынешнего Солнца до планеты Юпитер. Начала, его юные хозяева, новые Боги, скользящие над огненным океаном, приветствовали окружающий свет. Тогда сквозь текущие вуали этих светящихся волн они впервые увидели Престолы, подобные крылатым кругам, которые подымались, удаляясь к какому-то отдаленному светилу. Они уменьшались, теряясь в Бесконечности, где Престолы исчезали вместе с ней.

Тогда Начала записали: «Сатурнианская ночь окончилась. Мы в одежде из огня и короли света. Теперь мы можем творить согласно нашему желанию. Потому что наше желание — это мысль Бога!»

Однако, именно в момент созерцания сворачивающейся эфирной фотосферы Начала заметили вне ее места пребывания, в окружающем пространстве, зловещее явление:

Огромный дымовидный круг, тусклое местопребывание темных элементарных духов нижнего порядка, окружал на расстоянии шар рождающегося Солнца роковым кольцом. Или говорят о черном ошейнике вокруг освещенного небесного тела. От этого смутно очерченного кольца гораздо позже должен родиться (через его разрыв) нынешний Сатурн. Сатурн, первый изъян творения, был выкупом Солнца. Вместе с ним над этой юной вселенной уже нависла тяжесть неотвратимой фатальности, которую должны победить Элохим, но не способные ее упразднить. Таким образом, с первого же этапа подтверждается закон, состоящий в том, что не существует возможного творения без дефекта, света без тени, прогресса без регресса, добра без зла.

Таков переход от сатурнианского к солярному периоду, который находит свое резюме в четвертой строфе Книги Бытия Моисея в следующих словах: «И отделил Бог свет от тьмы»***.

* Отметим, что термин *Элохим*, которым Моисей обозначает Бога в Книге Бытия, означает *Он-Боги* или *Бог-Боги*. Бог здесь понимается одновременно в единственном и во множественном числе; в единственном числе как универсальный принцип, во множественном — как сила в действии в Элохим.

** Клепсидра — водяные часы. — *Прим. ред.*

*** Цитата дана по каноническому переводу. У Э.Шюре: «Тогда Элохим (Он-Бог) отделил свет от тьмы». — *Прим. ред.*

Глава IV. *Солнечный период. — Инкубация Херувимами Архангелов. — Оккультное значение Зодиака*

Сфера первого Солнца простиралась до современного Юпитера. В отличие от любых планет, выходящих из ее недр, эта звезда была живой. Она состояла из темного дымового ядра и обширной фотосферы, а не из смешанных металлов, как современное Солнце, то есть из материи более тонкой, — эфирного огня, чистого и прозрачного. Зритель, находящийся на Сириусе, который мог бы наблюдать тогдашнее Солнце, периодически видел бы эту звезду то блистающей, то бледнеющей, то возгорающейся, то вновь затухающей. Наши астрономы наблюдали звезды, имеющее нечто, напоминающее гортань. Древнее Солнце регулярно вдыхало и выдыхало. Его вдох, который, казалось, втягивал в него всю жизнь, делал его темным и почти таким же сумрачным, как Сатурн; но его выдох был чудесным излучением, отбрасывающим в Бесконечность колесо света.

Итак, эти тени и этот свет происходили из жизни Богов, из Элохим, которые царствовали на этой звезде.

Начала, или Духи начала, уже зачали Архангелов на сатурнианской туманности. Эти последние были в то время лишь Мыслеформами, объективированными ими и облаченными эфирным телом, органом формы и жизни. На Солнце отцы Архангелов дают также их божественным созданиям астральное тело, орган излучающей чувственности. Ведь Начала являются наиболее могущественными магами среди Элохим. Они одной лишь силой воли могут дать жизнь и индивидуальность своим Мыслеформам. Прозревая этот спектакль, переживая его в себе самом, Моисей пишет: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». Благодаря дуновению Начал,

Архангелы восстают и становятся жизнью. «Это концепция неподвижной звезды. Всему, что живет самостоятельно, посылают в универсум жизнь Начала? Что делают они? Солнце создано ими. Архангелы являются их посланниками. Они говорят универсуму: «Мы объявляем о действиях Духов Начала»*.

Архангелы были людьми первого Солнца, властителями этой звезды. Таким образом, поднимаясь в пространстве над родным Огнем, в этом взлете они к чему-то стремились. Будучи по сути созданными из света и экстаза, они искали божественный источник мира, из которого сами происходили. В огромном универсуме они видели поначалу лишь созвездия, посланников других Архангелов, далеких братьев. Созвездия!.. Огненные письма небосвода, с помощью которых вселенский Дух запечатлевает свою мысль в иероглифах, искрящихся вместе с мириадами солнц. Но по мере того как развивалось их духовное видение, они обнаруживали в ряду зодиака армию многообразных по форме и достоинству высших Духов, расположенных в чудесном круге. Это были Херувимы, обитатели духовного пространства, Элохим Гармонии и Силы, которые вместе с Серафимами, Божественными Духами Любви, первыми погружаются в тайны Бога. Армия Херувимов, состоящая из двенадцати групп, пришедших со всех сторон света, сконцентрировалась вокруг Солнечного мира для оплодотворения и зачатия Архангелов.

Это событие, известное халдейским магам, лежит в основе наименования двенадцати знаков Зодиака, наименования, сохранившегося в современной астрономии. Каждое созвездие идентифицировалось с определенной категорией Херувимов, которых оккультная традиция представляет в образах *сакральных животных*. Халдеи, египтяне и евреи по аналогии объединяли Херувимов с символами Тельца, Льва, Орла и Ангела (или Человека). Это — четверо священных животных Моисеева Завета, четырех Евангелистов и Апокалипсиса св. Иоанна. Египетский Сфинкс объединяет их в одной форме, чудесном образе видимой и невидимой Природы, всей земной и небесной эволюции. Следовательно, эти четыре важнейших формы мира живых находятся в четырех кардинальных точках Зодиака, за одним лишь исключением. Орел был заменен Скорпионом. Орел умервщляет с помощью когтей и клюва, но своими крыльями он символизирует полет к солнцу, энтузиазм и возрождение. В сакральном символизме, который есть ни что иное как выражение души вещей, Орел символизирует одновременно смерть и возрождение. Скорпион, который занял его место в Зодиаке между Весами и Стрельцом, означает лишь смерть. Эта замена, по всей видимости, также символична. Из-за падения в мир материального, человечество сохранило лишь смысл смерти и предало забвению смысл возрождения.

Ни одна земная форма не способна передать красоту и великолепие Херувимов, находящихся в широком круге, под знаками Зодиака, вокруг солнечного мира, вдохновляющих и оплодотворяющих Архангелов. Ни один человеческий язык не способен выразить восторги и экстазы Архангелов, получающих их импульс и благодаря им впитывающих божественные мысли. Но, как мы уже говорили, этот первый солнечный мир знал периодические затмения. У него были свои дни и ночи, блистательные дни и темные ночи. Время от времени Архангелы погружались вместе с солнечными лучами в темное ядро звезды и впадали в полусон. Безумный рывок в пространства Космоса под взглядами Херувимов сопровождался чудесной передачей света и величайшей гармонией, музыкой сфер. Тотчас же это было понижение звучания, побледнение ясности в темноте и великая тишина во внутренней бездне звезды. Наверху Архангелы в экстазе зачали ангельский мир. Здесь же, в угрожающих сумерках, они вновь думали о Херувимах, фигуры которых в их воспоминаниях искажались в формах страха, желания и гнева. Таким образом, эти Мыслеформы, рожденные беспокойным сном Архангелов, становились прототипами животного мира, который должен был позже развиваться на Земле. Животные суть лишь деформированные копии и в каком-то смысле карикатуры божественных сущностей.

Можно было бы предположить, что если Ангелы (и через них люди) родились от экстаза Архангелов в свете — животные, напротив, рождены от их кошмара в сумерках. Животный

мир является, таким образом, копией и возмездием ангельского мира. Здесь также приложим закон поступательного движения миров и существ посредством отбрасывания их предыдущих элементов. Мы увидим, как этот закон подтверждается всей лестницей творения, вплоть до мельчайших деталей человеческой жизни. Это отбрасывание необходимо не только для очищения высших элементов, но и для создания противовеса и фермента всеобщей эволюции. Их мгновенный упадок представляется несправедливостью, но это не так с точки зрения бесконечности времен, так как они вновь будут подобраны и вытолкнуты вперед новой волной жизни.

* Конференция Рудольфа Штайнера, апрель 1909.

Глава V.

Формирование Юпитера и Марса. — Битва в небе. — Люцифер и падение Ангелов

Тем временем Силы второй иерархии (Власти, Силы, Господства), которые в планетарной системе играют роль организаторов и наблюдают за распределением сил, Силы, действующие преимущественно через распространение и концентрацию, изменяют солнечный мир изнутри. Под их воздействием первобытное Солнце подвергается двум новым сжатиям. Эти последовательные уплотнения приводят к выделению из его темного ядра двух новых планет, Юпитера и Марса.

Физическому глазу человека, находящегося на планете Сатурн во время создания Юпитера и Марса, эти космические события представились бы лишь как возникновение двух шаров, вращающихся вокруг Солнца, одного, светящегося изнутри (Юпитер), и другого, мутного (Марс). Этот наблюдатель мог бы видеть одновременно сужающуюся фотосферу Солнца, уступающую место огню более живому и непрерывному. — Это физический план происходившего в то время.

Но душа наблюдателя могла бы быть потрясена событием гораздо более важным, происходящим за пределами физического мира, в мире астральном. Это событие, одно из наиболее серьезных в планетарной эволюции, в оккультной традиции получило название *Битвы в Небе*. Оно оставило легендарные следы во всех мифологиях. Вместе с *Войной Титанов и Богов* оно очень ярко проявилось в гесиодовой Теогонии, с которой тесно связана история Прометея. В иудео-христианской традиции Битва в Небе называется *Падением Люцифера*. Это событие, предшествующее и провоцирующее создание Земли, не было случайным. Оно составляло часть божественного плана, но его завершение было предоставлено инициативе Сил. Эмпедокл говорил: «Мир родился от двух сил: Любви и Войны (*Эрос и Полемос*)». Эта глубокая идея находит подтверждение в эзотерической традиции иудео-христианства в борьбе Элохим между собой. Люцифер не является Сатаной, Гением зла, каким его сделала ортодоксальная и народная традиции. Люцифер является одним из Элохим и даже его имя *Носитель света* гарантирует ему непоколебимое достоинство Архангела. Мы позже увидим, почему Люцифер, Гений Познания и Свободной Индивидуальности был так же необходим миру, как и Христос, Гений Любви и Самоотверженности, каким образом вся эволюция человечества является следствием их борьбы, каким образом, наконец, их совершенная и финальная гармония должна увенчаться возвратом человека к божественности. Сейчас же нам необходимо следовать за Люцифером в его падении на Землю и в его трудах творения. Из всех Архангелов Люцифер, представитель и патронимический шеф всего класса Ангелов и Духов, был именно тем, кто наиболее глубоко и смело проник взглядом в божественную мудрость и в небесный план. Но он был и наиболее горделивым и неукротимым. Он не хотел подчиняться никакому Богу, кроме себя самого. Уже другие Архангелы сотворили из своих Мыслеформ Ангелов, этих еще чистых прототипов божественного человека. Ангелы имели лишь полупрозрачное эфирное и лучистое астральное тела, которые благодаря их воспринимающей и

лучезарной силе соединяли в совершенной гармонии Вечную Мужественность и Вечную Женственность. Ангелы знали Любовь, духовное сияние, без волнения и без желания эгоистического обладания, потому что были астрально и духовно андрогинными. Люцифер понял, что для создания независимого человека, человека желания и протеста, необходимо разделение полов. Желая зародить у Ангелов мысль об этом, он обрисовал в астральном свете сверкающую форму будущей Женщины, идеальной Евы и сделал так, чтобы Ангелы увидели ее. Многие из них возгорелись энтузиазмом при виде этого образа, который обещал невиданные радости и грезы, и объединились вокруг мятежного Архангела*.

Итак, между Марсом и Юпитером сформировалась промежуточная звезда. Пока еще она имела форму протуберанца, призванного уплотниться в планету после разрыва. Люцифер избрал ее с тем, чтобы сотворить со своими Ангелами мир, который, не подвергаясь всем земным испытаниям и нашел в ней свою силу и свою радость и вкусил одновременно плод жизни и познания без к помощи Всемогущего. Другие же Архангелы и все Элохим получили приказ помешать этому, поскольку подобный мир мог бы внести хаос в творение и нарушить цепь божественной и планетарной иерархии. Страстная и длительная борьба, разгоревшаяся между армией мятежного Архангела и его вышестоящими соперниками, закончилась поражением Люцифера и имела двойной результат: 1) разрушение создаваемой планеты, осколки которой стали астероидами; 2) изгнание Люцифера и его ангелов в нижний мир, на другую планету, которая только недавно была отъята от солнечного ядра Господствами и Властями. Итак, эта планета была Землей, но не нашей сегодняшней, а Землей первобытной, составлявшей единую звезду вместе с Луной**.

Следствием этого космогонического эпизода, являющегося важнейшим моментом планетной эволюции, был звездный пожар, отблеск которого оставил след во всех мифологиях подобно комете и ранит своими искрами оккультную глубину человеческой души.

*** Таким, несомненно, было первоначальное понятие этой оккультной традиции, которая предполагает, что от союза Люцифера и Лилит (первая Ева) родился Каин, то есть человек, опустившийся до материи, приговоренный к преступлению, страданию и искуплению. Напомним, что все рассказы о том, что происходит в астральном плане, являются лишь несовершенными трактовками событий, которые плетутся в непроницаемой сфере.**

**** Эзотерическая традиция сегодня признает, что в тот же период определенное количество Элохим, которые не хотели принимать участие в сотворении Земли и миров, подчиненных тяжелым законам плотной материи, удалились от Солнца выше круга Сатурна с целью творения планет Уран, Нептун и других. Согласно античным предвидениям, подтвержденным современным видением, наша солнечная система первоначально вышла из сатурнианской туманности. Именно поэтому Сатурн является древнейшим из Богов, тем, с кем связано появление времени.**

Глава VI.

Первобытная Земля или Земля-Луна. — Развитие Ангелов. — Рождение человека

Отделение Земли от Солнца (осуществленное Силами второй иерархии: Господствами, Силами и Властями) имело двойную цель. Во-первых, отделить от светящейся звезды ее наиболее напряженное и темное ядро, и посредством этого отнятия предоставить поле действия люциферовому миру, горнило для рождающегося человечества, во-вторых, освободить уплотненное Солнце от его низших элементов, создать из него трон Архангелов и самого Слова, позволяя ему сиять во всей его силе и чистоте. Вместе с Землей и Солнцем образуются одновременно и параллельно два полюса физического мира и мира морального, призванных, благодаря их оппозиции и совместному действию, придать планетной иерархии большую интенсивность.

Первобытная Земля или Земля-Луна представлялась в виде звезды с жидким ядром и оболочкой из раскаленного газа. В центре ее все металлы и минералы бродили в смешанном состоянии. Но на ее поверхности формировалась растительная корка, нечто напоминающее древесный и губчатый туф, в котором жили, укорененные в паразитах, гигантские существа, полурастения, полумоллюски, вытянувшие в жаркой атмосфере свои ветви или движущиеся руки, подобно деревьям с шипами. В этой газообразной атмосфере, которая огромным вихрем окружала Землю-Луну, уже колебались и плавали похожие на маленькие огненные тучки первые зародыши будущих людей. Эти человеческие эмбрионы не обладали физическим телом, только эфирным, или внутренней витальностью, и астральным телом, или лучезарной аурой, с помощью которой они воспринимали окружающую атмосферу. Им была свойственна, следовательно, чувствительность, но без самосознания. Они были бесполовыми и не знали смерти, так как бесконечно видоизменялись сами по себе и питались испарениями сырого и обжигающего воздуха.

Архангелы были властелинами первого солнца. Их сыновья, Ангелы — Земли-Луны. Они достигали самосознания, любуясь зародышами людей, населяющих эту звезду, и внушая им свои мысли, которые возвращались одушевленными и живыми. Без этого миража и этого удвоения ни одно божественное или человеческое существо не может обрести самосознания*. Специфическая функция Ангелов заключалась в том, чтобы стать проводниками и вдохновителями людей в следующем космическом периоде, то есть на нашей Земле. На первобытной Луне (или Земле-Луне) они были пробудителями формировавшегося человеческого существа. Они пробуждали в нем чувства, обретая самосознание и сознание их высокой миссии. Опустившись вместе с Люцифером в беспокойную пропасть материи, они должны были вновь вознестись к их божественному источнику, любя человека, страдая вместе с ним, поддерживая в его медленном вознесении. И Человек должен был стремиться к Богу и через Ангелов понять его. Ангел — это Архетип Человека будущего. От возвышения человека до ангельского состояния на исходе планетного времени должен родиться новый Бог, свободная и творческая индивидуальность. Но этому необходимо предшествовал спуск в темную спираль, в болезненную лабораторию животного состояния! И кто может решить, кто из них страдал больше: человек, все более униженный и измученный по мере того как возрастало его самосознание, или невидимый Ангел, который страдал и боролся вместе с ним?

* Вследствие того, что *дублирование* является необходимым условием сознания, розенкрейцерская аксиома гласит: *Там, где есть Я, есть два Я.*

Глава VII.

Разделение Луны и Земли. — Начало современной Земли. — Лемурийская раса. — Развитие полов. Падение Ангелов. — Уничтожение огнем лемурийского континента

В формировании планетарного мира все сверху донизу соответствует одно другому, все связано, все развивается параллельно: Боги, люди, элементы. В противовес современной философии, верящей в возможность выведения биологии из химии и пытающейся заставить бурлить самосознание из реакций чисто физиологических, здесь все возникает из Невидимого и приобретает форму Видимого. Согласно божественному плану, духовный мир проявляется в мире материальном со все возрастающим великолепием. Дух развертывается в материи, которая в ответ развивается в его направлении, беспрестанно персонифицируясь и индивидуализируясь. С каждым новым воплощением материального мира, с рождением каждой планеты, все существа поднимаются на одну ступень лестницы, сохраняя при этом дистанцию между собой. Тем не менее эти восхождения не могут осуществляться без колоссальных потерь, которые служат затем основой и ускорителем волн новой жизни.

Мы убедились в истинности этих законов в сатурнианском периоде, в солнечном периоде и в лунном периоде нашего мира. Окончательное создание современной Земли нам предоставит еще более яркие примеры.

Земля, на которой мы живем, Адам Моисея, Деметра Орфея и Гомера, нам представляется очень старой из-за продолжительности жизни человечества и ограниченного пространства человеческого воплощения, но наша звезда еще достаточно молода в соотношении с продолжительностью ее современного состояния и отдаленное будущее готовит ей еще три других воплощения, говорят великие адепты. Ее организация как единой Планеты-Земли, единственное занимающее нас в этой главе, обязано последней космогонической революции, а именно, разделению Земли и Луны.

Современная Луна была когда-то составной частью Земли. Она представляла собой ее наиболее плотное и тяжелое ядро. Духовные Силы, отделившие Землю от Луны, были те же, что разделили когда-то Землю-Луну и Солнце. Главной целью этого раскола было низвержение человека из астрального состояния в физическое, в котором он должен был благодаря развитию новых органов приобрести личностное сознание. И так, это важное событие в положении человечества стало возможным лишь через разделение Земли и Луны на два полюса, в котором *Земля представляет мужскую часть, а Луна — женскую**. Соответствующее физиологическое развитие имело следствием возникновение полов в животном мире и в царстве людей. Человеческий род отделился от животного лишь в момент полового разделения живых существ. Вместе с бисексуальностью в действие приходят три новые силы: *половая любовь, смерть и возрождение*, энергетические агенты действия, разъединения и обновления, очарования и ужаса, устрашающие шипы и кнуты человеческой эволюции.

Тем временем прежде, чем достичь своей современной формы, низвергнутый из астрального состояния в физическое, человек прошел важнейшие фазы животного мира (рыб, рептилий, четвероногих, антропоидов). Но в отличие от теории Дарвина и Геккеля, важнейшими факторами развития человечества, *проходившего* фазы развития главных видов, не были ни естественный отбор, ни приспособление к среде, но внутреннее побуждение под воздействием духовных Сил, которые ведут человека шаг за шагом и постепенно развивают его. Никогда бы человек не превозмог замечательные этапы, которые вели его от животной инстинктивности к сознательной человечности, без высших существ, которые ее (человечность) создают, проникая и формируя ее из поколения в поколение и из века в век через миллионы лет. Это было одновременно творчество и сотрудничество, смесь, объединение, бесконечное переделывание. Духи-водители того времени, мы это увидим, двояко воздействовали на рождающееся человечество, либо воплощаясь в человеческих телах, либо через духовный импульс. Таким образом, человек был исполнен одновременно изнутри и снаружи. Можно утверждать, что человек является в то же время и своим собственным произведением и творением Богов. От него произошло усилие, от духов — божественная искра, принцип бессмертной души.

* * *

Попытаемся представить, чем было человеческое животное до разделения полов в тот период развития Земли, который геологи называют первобытной эпохой.

В то время еще пылала зыбкая почва Земли. То, что является сейчас океанами, вращалось вокруг планеты в виде полужидкой, полугазообразной сферы, проникнутой тысячами холодных и теплых течений, кипящей в своих темных пучинах, шипучей и прозрачной в своих высших слоях. Через все эти слои, темные или просвечивающиеся, кружащиеся или спокойные, уже двигались достаточно многочисленные существа, наделенные странной жизненной силой и изворотливостью.

Каким бы смущающим нам бы ни показался этот странный предок, он обладал определенной красотой. Походил он скорее не на рыбу, а на длинную сине-зеленую змею со студенистым и прозрачным, отливающим всеми цветами радуги телом, что позволяло видеть его внутренние органы. Вместо головы в его верхней части находилось нечто, напоминающее веер или фосфорецирующий шлем. В этом органе нам является протоплазма того, что становится мозгом человека. Для этого примитивного существа он служил одновременно органом восприятия и воспроизведения. Восприятия, так как не имея ни глаз, ни ушей, это существо благодаря своему сверхчувствительному органу воспринимало на расстоянии все, что приближалось к нему и могло навредить ему, либо быть полезным. Это подобие фонаря, этот большой, светящийся как морская медуза, цветок выполнял также функцию мужского оплодотворяющего органа. Потому что эта большая медуза, ловкая и быстрая, скрывала в своем волнообразном теле и женский орган, матку. В определенное время года эти пловцы-гермафродиты завлекались солнечными лучами в верхние, менее плотные, части океана. Оплодотворение происходило тогда под влиянием этих лучей. Это значит, что бисексуальное существо оплодотворяло само себя, бессознательно и без участия воли, как это делают еще сегодня многие из растений, семя которых, рассеиваясь из тычинки, оплодотворяет рыльце. Тогда новое существо, формировавшееся в его лоне, постепенно занимало место старого. Жизнь старого существа протекала в теле нового, и когда последнее достигало своего полного расцвета, то отбрасывало свою оболочку, подобно тому, как змея сбрасывает чешую, когда меняет кожу. Происходило, следовательно, периодическое обновление животного, но не было ни смерти, ни рождения. Это существо не обладало еще Я. Ему не хватало того, что индусы называют *манас*, зародыша *менталитета*, божией искры человека, кристаллизирующего центра бессмертной души. У него, как и у всех современных животных, было лишь физическое, эфирное (или витальное) и астральное (или лучистое) тело и, благодаря последнему, оно обладало смесью ощущений, напоминающих тактильные, слуховые и визуальные. Его способ ощущать в своей примитивной форме напоминал то, что еще сегодня у людей, наделенных этой способностью, принято называть шестым, или чувством предвидения.

* * *

Перенесемся на несколько миллионов лет вперед, в эпоху эоцена и миоцена. Земля изменилась. Огонь оказался внутри. Водная масса увеличилась. Часть газовой оболочки шара конденсировалась, затем расположилась на его поверхности в виде океана. В астральной полусфере возник континент: Лемурия**.

На почве этого континента, состоящей из гранита и лавы, расцвели гигантские папоротники. Атмосфера остается по-прежнему облачной, но через нее проникает робкий свет. Все, что кишело когда-то в атмосфере Земли-Луны, зародыши растений и животных, вновь появились на Земле в более развитых формах. Все это плавает в океане, растет, ползает, ходит по земле или летает в еще тяжелом воздухе. Существо, предназначенное стать человеком, медузоподобный гермафродит, полурыба, полужмея первобытной эпохи, приняло форму четвероногого, напоминающего ящерицу, но не похожего на современную ящерицу, разве что ее считать дегенеративным потомком. Его спинномозговая система, едва намеченная у примитивных человеческих Медуз, значительно развилась. Его мозговая железка покрылась черепом и стала мозгом, но ей не хватало еще отверстия, находящегося в верхней части черепной коробки, и пока он имеет вид движущегося хохолка. В этом черепе появляются два глаза, которые едва и неясно видят, но позвоночный хохолок сохранил свой дар астрального ощущения таким образом, что это странное, несовершенное и гибридное существо будет обладать двумя видами восприятия: одним, еще очень сильным, но впоследствии исчезнувшим, направленным на *астральный план*, и вторым, еще довольно слабым, но развивающимся, ориентированным на *физический план*. Его бронхи превратились в легкие, плавники — в лапы. Что касается его головы, то она напоминает дельфинью, а две лобные шишки придают ей сходство с головой льва.

Чтобы превратить это полупресмыкающееся, полуходящее существо, наделенное сильными возможностями, но глубоко униженное и жалкое, в прямоходящего человека с поднятой к небу головой, в думающее и говорящее существо, необходимы были силы более мощные, средства более тонкие и более хитроумные, нежели те, которые в состоянии вообразить наши ученые натуралисты. Нужны были чудеса, то есть накопление духовных сил в определенном месте. Необходимы были верхние Духи, боги, появившиеся под легчайшей вуалью материи, для того, чтобы приподнять эти примитивные существа к Духу. Одним словом, необходимо было им придать новую форму и печать божественного. Книга Бытия говорит так: «И сотворил Бог человека по образу Своему» (Быт.1, 27), и далее: «и вдунул в лицо его дыхание жизни, и был человек душою живою» (Быт.И, 7). Затем (в главе VI, 1-4) сказано, что «сыны Божий увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их к себе в жены». Эти утверждения скрывают глубокие истины. Эзотерическая наука дает им объяснения, которые раскрывают одновременно и слова Моисея, и открытия современной науки, объединяя их между собой.

Прежде всего эзотеризм уточняет сложную и многообразную роль *сынов Божиих*.

На Луне остался весь класс Ангелов, как масштаба Люцифера, так и самого низшего порядка, то есть те, которые стремились не только стать водителями людей, но и жить их жизнью, облекаясь в физическое тело и погружаясь в грубые материальные ощущения. Они стремились воплотиться в телах будущих людей, представленных в то время еще в виде ящериц с головой дельфина. Под их интенсивным воздействием развивалась кровеносная и нервная системы. Воплощаясь в зарождающемся человечестве, они с неутолимим желанием передавали ему искру божью, бессмертный принцип *Я*. Но также необходимо было, чтобы это *Я*, таким образом кристаллизованное, было просветлено и оплодотворено духами самого высокого и действительно божественного порядка.

В то время планета Венера была заселена тем видом Духов, о котором мы говорили выше, Началами (Архал), наставниками Архангелов, наиболее могущественными из всех, кого индусская мифология именует Асурами. Занимающие наивысшее среди духов положение, эти властители третьей божественной иерархии, назначение которых заключалось в творении и образовании человека, заслуживают имя Богов. Ведь они не могут ни облечься физическим телом, ни раствориться никоим образом в материи. Они пренебрегают огнем и живут лишь в стихии света. Но они могут стать видимыми для низших существ, облекаясь в форму эфирного тела, которому они вольны придавать формы их мыслей и лучистую астральную оболочку. Таковы высшие существа, которые придут обитать на Земле в Лемурийскую эпоху. По-видимому, именно их имел в виду Гесиод, когда говорил: *Облаченные воздухом Боги жили среди людей*.

Здесь мы касаемся, так сказать, божественных энергий, которые создавали человека. Пластический гений эллинов собрал всю эту эволюцию в образе Прометея, смешавшего человеческий гумус с огнем. Именно он распрямил человека, пресмыкающегося перед небом и вместе с Богами обучил его искусству домашнего очага. Здесь нам необходимо уточнить, каким образом в действительности первые люди воспринимали высших Богов, Начал, Властителей Начала и Света.

Представим себе еще беспокойную и измученную огнем почву Лемурийского континента. Насколько хватало взора простираются безграничные болота, в которых рождаются тысячи вулканов всевозможных размеров. Никогда солнце не пробивается сквозь толщу туч, затмивших небо. Повсюду разветвляются цепи гор, покрытых гигантскими лесами. На обнаженных вершинах обширные массы гранитных глыб прорвали кору охлажденной лавы. Здесь сосредоточены многочисленные ящерицы с львинообразной головой, едва напоминающей человеческую. Они приближаются, привлеченные странным светом, который пробивается из пещеры. Потому что здесь время от времени появляется Владыка, Бог, которого они в силу непобедимого инстинкта боятся и боготворят.

Вспомним, ведь Боги для того, чтобы стать понятными для смертных, вынуждены облечься в форму, близкую к человеческой. Так, Учитель, который обращался к данному собранию, прибегнул к вынужденной форме крылатого и сияющего дракона. Тело этого могущественного птеродактиля было лишь эфирным телом, окруженным астральным нимбом, напоминающим лучистый ореол. Но тем, кто его видел, он казался даже более живым, чем они сами. Он и был таким! Он не говорил артикулированным языком, подобным нашему. Он изъяснялся при помощи жестов и света, который исходил от него. Его тело, его крылья и эгрет (хохол) его головы сияли... И его глаза сверкали. Лучи, исходящие от них, казалось, высвечивали самую суть вещей. Следуя за ними, зачарованные ящерицы начинают понимать душу иных существ, слышать даже их голоса, их крики. Они отвечают на них, им подражают. Внезапно устрашающее и божественное животное поднимается на ноги, его крылья начинают колыхаться, его гребень пылает. В ответ на это в темном небе образуется отверстие. В урагане света появляется армия Богов: невиданные лица, многочисленные, возвышенные. Над ними на какое-то мгновение вспыхивает светоносный диск... Тогда скользящая и пресмыкающаяся масса, следящая за жестами своего Владыки, выпрямляется в порыве энтузиазма и движением своих еще бесформенных рук молится Высшему Солнцеподобному Богу, который вскоре скроется и исчезнет.

Вот тот вид учения, благодаря которому культ Богов и религиозное чувство в эпоху Лемурии впервые входит в то, что позже станет человечеством. Эти преждевременные озарения должны быть поняты как очень мощные агенты физической эволюции человека. Они утончают его жизненные органы и придают гибкость его членам. Из хаоса тактильных ощущений они вызывают к жизни его зрение и слух. Они последовательно придают ему вертикальное положение, голос, речь и зачатки языка. По мере того, как человек развивался, Начала облекались все более благородными формами и в конечном счете стали появляться в образе Архангелов с человеческим лицом. Но в образе птеродактиля воспоминания о первых властелинах человечества не переставали посещать воображение людей. По правде говоря, эта навязчивая идея происходит отчасти из спутанных воспоминаний о допотопных монстрах, имевших подобную форму. Однако вспомним, что в древнейших мифологиях дракон не представлялся вредным существом, но скорее Богом, всезнающим магом. Япония и Индия, германская и кельтская мифологии делают из него священное животное. «Король змей» индийской мифологии, *Нааль и Дамаянти*, служит интересным примером этого. Почитание Дракона как Бога является, таким образом, воспоминанием о первых Наставниках человечества.

* * *

По мере того, как человек отделялся от животных форм и приближался к своей современной форме, в нем нарастало разделение полов. Противоположность полов и половое влечение в последующие эпохи должны были быть одним из наиболее энергичных двигателей восходящего человечества. Но первые последствия этого были ужасны. Из этого следовали волнения и потрясения, приведшие планету к состоянию, близкому к хаосу. В животном мире, так же как и в мире людей, первое вторжение сексуальности в жизнь, удовольствие создания вдвоем, действовало как пьянящий напиток и всеобщее головокружение захватило все живое и восторжествовало в нем. Виды стремились к смешению. Птеродактили, соединенные со змеями, породили позвоночных птиц. Море стало лабораторией чудовищ. От совокупления видов, предшествующих человечеству, с млекопитающими родились обезьяны. Человек, таким образом, не является усовершенствованной обезьяной. Напротив, обезьяна является результатом деградации первоначального Человека, продуктом его первого греха, его карикатурой и угрызением совести***. Обезьяна ужасает человека, как-бы говоря ему: «Остерегайся впасть в мир инстинктов вместо того, чтобы восходить к сознанию, не то ты уподобишься мне!»

Никогда еще столь невыносимое несчастье не свирепствовало на планете. Из этого хаоса все порождения извлекали наихудшие страсти: необузданные желания, зависть, ненависть, ужас, войну человека и животных, войну людей между собой. Страсти распространялись в астральном пространстве земли подобно ядовитому дыму, еще более тяжелому, чем тучи, которые давили на землю.

Греческий гений, который очеловечивает все, чего касается и ограничивает все ужасы природы в искупительной линии красоты, представляет этот эпизод предыстории в виде легенды о Пандоре. Боги, ревнующие Прометея, силой похитившего огонь, посылают людям этот прельщающий фантом Женщины, обладающей всевозможными чарами. Неосторожный Эпиметей принимает подарок. Тогда Пандора открывает крышку сосуда, который она держит в своих очаровательных руках. Тотчас все виды зла, несчастий и болезней вырываются из него наружу и распространяются на земле подобно черной туче, чтобы погубить род людской. Затем она быстро закрывает крышку. Надежда, единственная остановленная на самом краю сосуда, остается в ней. Итак, перед нами чудесный образ хаоса, рожденного первым высвобождением половой любви на Земле и бесконечным желанием плененной Души, вздрагивающей, вопреки всему, при виде Вечной Женственности, проявленной в плоти.

Несчастье было неизбежным. Катастрофа должна была разрушить большую часть лемурийского континента****, изменить лицо земного шара и перенести спасшихся в новую волну жизни. Ведь существует постоянное и тонкое соответствие между страстями, терзающими мир живых и силами, вызревающими в недрах Земли. Огонь-Принцип, Огонь творения, скрытый и сконденсированный в одной из концентрических сфер планеты, является действующим лицом, который смешивает уже упоминавшиеся массы земной коры. Он производит на ней извержения вулканов. Это не сознательный элемент, но страстный элемент экстремальной жизненной силы и сильнейшей энергии магнетически отвечает животным и человеческим импульсам посредством сильного контрудара. Таков люциферианский компонент, спрятанный землей под другими оболочками. Принимая во внимание это астральное соответствие между одушевленной жизнью планеты и ее обитателями, не следует удивляться тому, что вулканическая активность континента достигла своего апогея в конце этого периода.

Сильные сейсмические потрясения колебали всю Лемурию. Ее многочисленные вулканы извергали потоки лавы. Все новые взрывающиеся конусы извержения повсюду возникали из земли, выплевывая фейерверки огня и горы пепла. Миллионы чудовищ, свернувшихся в пропасть или уцепившихся за вершины, были задушены этим раскаленным воздухом или поглощены кипящим морем. Некоторые из них спаслись в катастрофе и появились в следующем этапе. Что касается выродившихся людей, то они в большинстве своем погибли вместе с континентом, который после серии извержений осел и постепенно опустился в океан.

Между тем под эгидой Ману, или Божественного проводника, элита Лемурийцев укрылась в западной оконечности континента Лемурии. Оттуда она могла достичь Атлантиды, нетронутой и зеленой Земли, недавно рожденной из вод, где должна была развиваться новая раса и первая человеческая цивилизация.

* * *

В этом кратком космогоническом эзотерическом эссе мы увидели, каким образом наш солнечный мир формировался путем последовательных уплотнений, аналогичных тем, которые предвидел Лаплас в своей *Systeme du monde* (Системе мира). Но за физическими законами материального порядка мы обнаружили Духовные силы, которые его одухотворяют. Мы увидели, как под воздействием этих сил Сатурн отделился от туманности и Солнце засветилось в его центре, как затем постепенно родились планеты и как на них происходила борьба Богов. Каждый из этих этапов является отдельным миром, долгим космическим сном, в котором

выражается мысль или проявляется божественный лик. Вместе с Началами в мир входит Начальное Слово. Вместе с Архангелами — небесный экстаз перед лицом Космоса, в солнечном сиянии. С Люцифером — творящая молния во Мраке Бездны. Вместе с Ангелами — святое сострадание. С приходом Человеком в мир приходит страдание и желание.

Дрожащая капля света, просочившаяся из сердца Богов, возможно, проделает путь в обратном направлении, соединится с Силами, которые ее породили и, в свою очередь, сама станет подобием Бога, оставаясь свободной? — Случайная, опасная авантюра на безграничной дороге, тень которой стирает первые тропинки и ослепляющая слава которой скрывает цель.

Попытаемся проследить ее, затерянную в бесконечности, на нескольких ступенях лестницы эволюции.

* Напротив, по отношению к Солнцу, Земля представляет женский элемент.

** Натуралисты, изучающие земной шар с точки зрения палеонтологии и антропологии, уже давно подтверждали существование древнего материка, сегодня затонувшего, занимавшего астральную полусферу. Он включал современную Австралию, часть Азии и Южной Африки, касался Южной Америки. В то время Центральная и Северная Азия, вся Европа, так же, как и большая часть Африки и Америки находились еще под водой. Англичанин Склейтер назвал *Лемурией* этот древний материк по причине существования антропоида *Лемура*. Согласно немецкому натуралист Геккелю, животные типа лемуридов развивались на материке. (См.: Геккель, *Естественная история творения*). Вот выводы одного английского натуралиста по поводу лемурианского континента. «Палеонтология, физическая география и наблюдения распределения флоры и фауны свидетельствуют о доисторической связи между Африкой, Индией и океаническим Архипелагом, Эта первобытная Австралия должна была существовать в начале первичного периода до конца периода миоцена. Африка и полуостров Индостан являются остатками этого материка» (Бландфорд: *On the age and correlation of the planbearing series of India and the former existence of an Indo-Oceanic Continent*).

Вероятный период жизни лемурианского материка составлял от 4 до 5 миллионов лет. Его флора характеризовалась игольчатыми хвойными, гигантскими папоротниками и теплыми болотами. Его фауна состояла из рептилий всех видов. Ихтиозавры, палеозавры и динозавры (драконы) преобладали там вместе с крылатыми птеродактилями и летучими мышами. Также существовали летающие ящерицы всех размеров, начиная с размера воробья и заканчивая бескрылыми ящерами, размеры которых доходили до 5 метров. Драконы или динозавры, ужасные хищники, достигали величины от 10 до 15 метров в длину. (См. *Lost Lemuria* (Затерянная Лемурия), Скотта Эллиота, Лондон).

*** В прекрасной книге «Творческая эволюция» Бергсон признает «вдыхание жизни», «жизненный скачок», который касается видов животных. Его интуиция, приложенная к их детальному изучению, ему открывает, что человек не является результатом предшествующих видов, но что, напротив, виды есть не что иное, как отпрыски единственного ствола, *вершиной* которого является человек.

**** Австралия, Индия, Индокитай, Мадагаскар, часть Африки и Южной Америки являются его остатками.

Книга вторая. Атланты и Атлантида

Во все времена золотого
века Боги в одежде из
воздуха ходили среди людей.

Гесиод, *Труды и Дни*

Глава I.

История Атлантиды. — Ее строение и геологические периоды

Жрецы древнего Египта бережно сохранили память об обширном материке, который занимал когда-то большую часть Атлантического океана, и о могущественной цивилизации, поглощенной вместе с этим материком во время доисторической катастрофы.

Вот как в нескольких словах Платон передает это предание, рассказанное Солону египетскими жрецами: «Через море в те времена возможно было переправиться, ибо еще существовал остров, лежащий перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами (в настоящее время Гибралтарский пролив). Этот остров превышал размерами Ливию и Азию, вместе взятые, и с него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов — на весь противолежащий материк, который охватывал то море, что и впрямь заслуживает такое название (ведь море по эту сторону упомянутого пролива являет собой лишь бухту с неким узким проходом в нее, тогда как море по ту сторону пролива есть море в собственном смысле слова, равно как и окружающая его земля воистину и вполне справедливо может быть названа материком). На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возник великий и достойный удивления союз царей, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того по эту сторону пролива они овладели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тиррении»*.

Вот то, что Платон говорит в начале своего известного диалога «Тимей, или о природе». Но у него есть еще кое-что. В другом диалоге, озаглавленном «Критий, или об Атлантиде», диалоге, от которого сохранилась только первая часть, Платон подробно описывает остров Посейдонис, его город с золотыми воротами, окруженный многоярусными каналами, его храм, его государство царей-жрецов, с верховной властью, передающейся по наследству, нерушимо закрепленной конституцией, созданной божеством, которого Платон называет Нептуном. Этот любопытный фрагмент обрывается на том месте, где описывается процветание народа, который долгое время оставался преданным наследуемой доблести, и затем опустился в неисправимое упадничество распущенности и честолюбия.

Как бы краток он ни был, этот фрагмент наводит на бесконечные размышления, поскольку повествует о катастрофе в далеком прошлом, которая скрыта от взгляда истории прошедшими веками и молчанием анналов. Сквозь эллинские формы этого полотна пробивается странный цвет обычаев и обрядов, где патриархальная простота перемешивается с роскошью Вавилона и величием фараонов. Платон рассказывает, что остров Посейдонис, последний оставшийся от материка Атлантиды, был разрушен и затоплен во время катастрофы, произошедшей за девять тысяч лет до эпохи Солона. Страбон и Прокл сообщают те же сведения. Добавим, что египетские жрецы, давшие эти сведения греческим путешественникам, говорят, что получены они лично от атлантов по длинной, но непрерываемой связи. Вот что они говорят Солону: «Вы, греки, говорите об одном потопе, который произошел несколько раньше», — утверждение, подтвержденное современной геологией, которая нашла следы этого потопы в слоях земли. Скелеты мамонтов, других животных, наконец, древнего человека третичного и четвертичного периодов являются единственными документами этих далеких эпох земного шара.

В ожидании науки, более полно воспроизводящей этот потерянный мир, открытия океанографии подтверждают древние источники. Они показывают хребет Атлантиды в глубине моря и позволяют угадать ее контуры. Зондаж Атлантического океана подтверждает существование необъятной цепи подводных гор, покрытых вулканическими остатками, которые простираются с севера на юг**. Они поднимаются почти внезапно из глубины океана на высоту 9000 футов. Азоры, Сан-Пауло, остров Вознесения, Тристан-да-Кунья созданы наиболее высокими вершинами. Эти наивысшие точки исчезнувшего материка единственное, что восстало из вод. С другой стороны, антропологические и этнологические исследования, проведенные Ле Плонжоном, Катрофажем и Банкрофтом, подтверждают, что все расы земного шара (черная, красная, желтая и белая) когда-то населяли Америку, которая существовала во времена Атлантиды, и имели первобытные отношения. Отмечены также поразительные аналогии между старыми монументами Мексики, Перу и архитектурой Индии и Египта. Заручась помощью всех этих документов и добавляя сказания индейцев Северной, Центральной и Южной Америк и всех народов о потопах, г-н Скотт Эллиот попробовал восстановить историю Атлантиды, основанную на гипотезах, но скомпонованную и обоснованную***. С другой стороны, доктор Рудольф Штайнер, одаренный высокой эзотерической культурой и специальной прозорливостью, с прошлой и настоящей эволюцией человечества, представил заметки поразительной глубины и новизны о физическом психологическом строении атлантов.****

Сначала прорезюмируем геологическую историю Атлантиды по Скотту Эллиоту.

Миллион лет назад Атлантида была присоединена к восточной Америке, уже тогда вышедшей из воды.

Она не только одна занимала все пространство, принадлежащее современной Мексике, но простиралась к северо-востоку, под огромным мысом, понимая современную Англию. Углубляясь и искривляясь к югу, она имела другой высокий мыс около Африки. Над водой была только северная Африка. Рукав моря отделял ее от Атлантиды, пересекая который человеческая раса, рожденная и развившаяся на материке, могла достигнуть прямо Англии, а затем и Норвегии. С другой стороны, был только узкий канал для прохода в северную Африку, а оттуда в южную Азию, которая уже отсоединилась от Лемурии.

После первого потопа, 800000 лет назад, Атлантида, расколота надвое сверху вниз, была отделена от Америки проливом. С восточного берега она сохранила форму раскрытой раковины, тогда как Ирландия и Англия, спаянные со Скандинавией, заново вышедшей из воды, составляли с ней большой остров.

Во время нового катаклизма, 200000 лет назад, Атлантида разделилась на два острова, большой северный Рута и маленький южный Даития. В это время современная Европа была уже сформирована. Во время этих трех периодов все еще оставалась связь Атлантиды с северной Африкой и Европой.

Она была внезапно прервана, 80000 лет назад, новым геологическим взрывом. Таким образом, от древней и обширной Атлантиды остался только остров, именуемый Платоном Посейдонисом, последний кусок большого острова Рута, расположенного на равном расстоянии от Америки и Европы.

Остров Посейдонис был в свою очередь поглощен океаном в 9564 г. до н.э., как сообщили египетские жрецы Солону.

* * *

Так медленно, но уверено, старая Атлантида уходила в глубину океана. Хочется верить, что покровы тысячелетий удалятся один за одним и исчезнувшая цивилизация явится нашему взору во все более ярких цветах. Это прежде всего ослепительное чудо жизни, тропический Эдем все еще полудикого человечества, но ослепленного и потопленного Божественной силой. Затем это длинная серия войн, завершившаяся федерацией посвященных царей, плодородное затишье в этой смеси рас, в этом человеческом пламени, откуда произошло чистое золото арийской расы. Позже наступил упадок и господство черной магии, бросившей миру свору пороков и разнуздавшей силы бездны.

Попробуем зафиксировать в нескольких чертах эти беглые взгляды.

* Пер. С.С.Аверинцева. Цитируется по изданию: Платон, *Собрание сочинений*, т.3. М.: Мысль, 1994. — *Прим. ред.*

** Атлантида, этот мистический материк, который соединял когда-то Африку и Америку и который, если верить легенде, однажды исчез, поглощенный морской пучиной, был ли он когда-либо на самом деле или существовал только в песнях поэтов? Г-н Эдмон Перье уведомляет, что некий натуралист, г-н Жермен, присоединился к исследованию этой проблемы, основываясь на строгих научных данных. Он досконально изучил флору и фауну островов Зеленого Мыса и Канарских островов, которые подобны доисторической флоре и фауне островов этого материка, вышедших из океана. Все доисторическое одинаково повсюду, на всех островах, как в Мавритании, так и в Америке. Кораллы Сан-Томе подобны кораллам Флориды. Все подтверждает наличие связи между современными материками. Все заставляет верить, что Атлантида исчезла в конце третичного периода. Первый провал должен был произойти между побережьем Венесуэлы и архипелагом, который существует и поныне. Мавритания и острова Зеленого Мыса были разделены несколько позднее. («Таймс», 29 ноября 1911 г.)

*** «История Атлантиды» Скотта Эллиота, перевод с английского, с четырьмя картами. Теософское издательство.

**** *Unsere atlantischen Vorfaren* Р.Штайнера. См. также часть, озаглавленную «Die Wellenwicklung» в его капитальном труде *Die Geheimwissenschaft im Urmis*. Альтман, Лейпциг. 1910.

Глава II.

Первобытный Атлант. — Единение с природой и стихийное видение.

Рай грез и господство богов

Атлантический период, по которому мы прошли, отмечая геологические этапы, представляет в истории, грубо говоря, переход от обезьяны к человеку, одним словом первое выделение осознанного «я», откуда наивысшие стадии развития человечества начали произрастать, подобно цветку из почки. Во всяком случае, с физиологической точки зрения, первобытный Атлант был более близок к животному, чем к современному человеку, но и не будем представлять его как умственно опустившегося дикаря. Разумеется, анализ, разум и синтез, т.е. наши завоевания, существовали, у него только в начальной стадии. Но с другой стороны, он занимал более высокую ступень по некоторым психологическим возможностям, атрофировавшимся у последующих поколений: инстинктивное восприятие души вещей, второе зрение в состоянии бодрствования и сна и вместе с ним поразительная острота чувств, чудесная память и импульсивная воля, с которыми действия совершались магнетическим способом над всеми живыми существами, иногда даже над вещами.

Первобытный Атлант, использовавший стрелы с каменными наконечниками, имел стройное тело, намного более эластичное и менее плотное, чем у современного человека, члены более гибкие и чувствительные. Его глаз, блестящий и точный, как у змеи, способный пронзить землю, проникал под кору деревьев и в души зверей. Его ухо слышало колыхание травы и движение букашки. Его ускользающий фас, его лошадиный профиль делают его похожим на некоторых племена американских индейцев и скульптуры перуанских храмов*.

Природа, окружавшая Атланта сильно отличалась от нашей. Густой слой облаков покрывал тогда земной шар**. Солнце только начало пробиваться после атмосферных конвульсий первых катаклизмов. Лишенный солнечных районов, тогдашний человек, покоритель зверей и собиратель растений, жил в близком единении с роскошной и гигантской флорой и дикой фауной. Эта природа была в некотором роде прозрачной для него. Душа вещей представлялась ему в коротких вспышках и разноцветных парах. Вода источников и рек была намного более легкой и жидкой, чем сегодня, и в то же время более животворной. Выпив ее, он наполнялся могущественными веяниями земли и растительного мира. Звонящий воздух был горячее и тяжелее, чем наша кристально чистая лазурная атмосфера. Глухие грозы проносились иногда по вершинам гор или гребням лесов без ударов грома, но с потрескиванием, с каким огненные змеи разрывали тучи. И Атланты, ютившиеся в своих пещерах или в кронах гигантских деревьев, наблюдая это явление возгорания воздуха, верили, что оно предвещает изменение живых духов. Огонь-Принцип, протекающий в каждой вещи, оживлял тогда атмосферу тысячами метеоритов. Наблюдая за ними, Атланты обнаружили свою власть над ними, свою способность призывать тучи, наполненные скрытым огнем для отпугивания лесных чудовищ, больших хищников и птеродактилей, этих крылатых драконов, сохранившихся с древних времен. — Намного позже, когда черная магия осталась единственной религией большей части Атлантиды, человек должен был злоупотреблять этой способностью, которая стала чудовищным инструментом разрушения.

Итак, первобытный Атлант был наделен в некотором роде природной магией, остатки которой сохранили некоторые дикие племена. Он повелевал природой взглядом и голосом. Его примитивный язык, состоящий из имитации криков и междометий, был вызовом невидимых сил. Он очаровывал змей, покорял хищников. Его воздействие на царство растений было особенно энергичным. Он умел получать магнетически живучую силу растений. Он мог также ускорять их рост, отдавая им свою жизнь, и гнуть во всех смыслах чувствительные ветви кустов. Первые деревни Атлантов были также сделаны из умело переплетенных деревьев и составляли полное листьев место, которое служило жилищем многочисленным родам.

Когда после своих неутомимых бегов и охот Атлант отдыхал на опушках девственных лесов или на берегу больших рек, проникновение его души в эту роскошную природу пробуждало в нем некое подобие религиозного чувства. И это инстинктивное чувство виделось ему в музыкальной форме. Ибо, в конце дня, перед приходом таинственной и глубокой ночи, все шумы пропадали. Ни шороха насекомых, ни шипения рептилий. Рев потоков затихал, крики птиц внезапно умолкали. Тогда он слышал только монотонный голос рек, над которым проносился, как легкий дымок, далекий голос водопада. Эти голоса были нежны, как голоса морских раковин, которые когда-то на берегу океана блуждающие охотники подносили к своему уху. И Атлант слушал... Он слушал непрерывно... Вскоре он слышал только тишину... И тогда, он слышал другой голос становившийся звонким, как морская раковина... Он раздавался издалека и перекрывал все остальные, приходя из тишины!.. Иногда, казалось, он исходил из реки, иногда из водопада, иногда из леса, а иногда из воздуха. Этот голос выражался в двух возрастающих нотах, беспрестанно повторяющихся, пел ритмично, как голос волн, разбивающихся о берег. Эти две ноты были: «Та-О!.. Та-О!..» И тогда у Атланта появлялось смутное предчувствие, что голос принадлежит высшему Существо, живущему во всех существах — и он повторял с чувством наивного обожания: «Та-О!.. Та-О!» Это была вся его молитва, но она заключала в одном только вздохе, предчувствие всего того, что имеет религия более глубокая и великая***.

По ночам другая жизнь начиналась для Атланта — жизнь грез и видений, путешествий по иным мирам. Его эфирное и астральное тела, менее связанные с материальным телом, чем наши, позволяли ему более легкое восхождение в гиперфизическую сферу. И мир духов, являющейся внутренностью вселенной, вторгся в душу первобытного Атланта, зажигая свет. В состоянии бодрствования Атлант не видел ни солнца, ни планет, ни лазури, ни небосвода, которые были от него скрыты тяжелым слоем облаков, покрывающих в те времена земной шар.

Во время сна он не видел их материальные формы, но его душа, отделенная от тела, купалась в душе мира, и космические силы, населяющие землю и планеты, представлялись ему в эмоциональной и грандиозной форме. Иногда он видел Ману, отца, основателя расы, представлявшегося ему в виде старца с посохом странника. Ведомый им, спящий ощущал, как откидывается крышка, удерживающая его, и чувствовал свое восхождение. Сразу же он видел себя в центре огненной сферы, вокруг которой кружил поток светящихся духов, некоторые из которых дружески протягивали ему кубок или лук. — «Ты в сердце Гения Земли», — говорил ему Ману, но были и другие Боги над ним. И сфера удивительно увеличивалась. Огненные существа, которые в ней двигались, становились такими неясными и прозрачными, что, пересекая легкую вуаль, можно было заметить пять других концентрических сфер, каждая из которых, казалось, была удалена от предыдущей на громадное расстояние и поэтому последняя сияла, как светящаяся точка. Несомый как стрела, в своем представлении Атлант погружался из одной сферы в другую. Он видел августейшие лица, огненные волосы, глаза, бесконечные и глубокие, как бездна, но он не мог достичь последней сферы, центра огня. — «Это оттуда мы все спустились», — говорил ему Ману. Наконец, божественный проводник относил на землю звездного странника, который только на мгновение погружался в Душу Мира, где обитали Архетипы. Они пересекали паровую оболочку Земли и там проводник ему показывал звездных братьев, все еще невидимых для физических глаз, светила будущего человечества — здесь зловещая луна, поглощенная черными тучами, словно затонувший в рифах корабль — там солнце, восходящее из моря пара, словно красный вулкан.

Когда Атлант пробуждался ото сна, он был уверен, что пребывал в высшем мире и беседовал с Богами. Он хранил это в памяти, но часто путал свою жизнь во сне с жизнью наяву. Для него Боги были покровителями, товарищами, с которыми он находился на дружеской ноге. Он был не только их ночным гостем, Боги представляли перед ним и днем. Он слышал их голос в ветре, в воде, он получал их советы. Его мятежная душа была так насыщена их дыханием, что иногда он чувствовал себя одним из них и им приписывал свои поступки.

Все же нам надо обрисовать себе этого дикого человека, днем охотника на мамонтов, ловкого убийцу летающих драконов, превращающегося ночью в невинного ребенка, заблудшее маленькое существо, *animula vagula, blandula*, уносимое потоком иного мира.

Таков рай грез первобытного человека Атлантиды. Ночью он утолял жажду водою Леты, он забывал дни, полные пота и крови. Но он приносил в свои дни остатки чудесных видений, и они продолжались еще и на охоте. Эти видения были его солнцем, лучиком света в его запутанных блужданиях по лесам. После смерти он заново начинал грезить, но уже более масштабно, переходя из одного воплощения в другое. И когда, по прошествии веков, он возрождался в колыбели из лиан, под каскадами листвы, у него оставалось от космических путешествий неясное воспоминание и как бы легкое опьянение.

Таким образом, в те первобытные времена, ночь и день, сон и пробуждение, жизнь и смерть, то и другое смешивались и перепутывались у человека в каком-то бесконечном сновидении, в какой-то движущейся панораме полупрозрачных тканей, которая уплывала в бесконечность. Ни солнце, ни звезды не пробивались сквозь облачную атмосферу, но человек, убаюкиваемый невидимыми силами, ощущал Богов повсюду.

Далекое воспоминание об этой эпохе породило все легенды о земном рае. Неясная память изменялась и преображалась из века в век в мифологиях различных народов. У египтян — это господство Богов, предшествующее господству Схесу-Гора, солнечных или священных царей. В Библии — это Эдем Адама и Евы, хранимый Херувимами. У Гесиода — это золотой век, когда Боги «ходили по земле в воздушных одеждах». Человечество выделилось из других видов и делало новые завоевания, поколения будут сменяться одно за другим, катаклизмы приходиться и уходить, земной шар изменять свое обличье, но останется неизгладимая память о

том времени, когда люди непосредственно общались с силами вселенной. Эта память может менять свои формы, но она всегда сохранится, как неугасимая грусть о Божественном.

* По поводу ускользающего фаса Атланта и его надрезанного сложения есть замечание первостепенной важности. Ибо взгляды оккультной науки были дополнены антропологическими. У сегодняшнего человека эфирное или живое тело поглощено телом физическим. У Атланта, напротив, первое опережало второе на голову вперед. Это встречается даже сегодня у детей. Эфирное тело являлось центром памяти и мозга, органом, при помощи которого человек ощущает свое «я» в состоянии бодрствования. Полное осознание своего «я» возможно только, когда эфирное тело полностью совпадает с физическим и когда высшая часть точно входит в глубокую коробку. Это свойство постепенно развилось у атлантической расы, но только в середине ее эволюции. У первобытного Атланта его еще не было. Его память плыла, как бы говоря, над его эфирным телом. Он мог ею вызывать мельчайшие образы. И тогда прошлое становилось настоящим. Вряд ли он отличал одно от другого, так как жил только настоящим. Также он видел свое «я» в неясном свете. Он говорил о себе как о третьем лице. Когда он начинал говорить «я», он смешивал это «я» со своей семьей, своим племенем и своими предками. Он жил, погруженный в природу, но он жил своей внутренней жизнью. Его «я» не думало действовать силой на свое окружение, по очереди получая сильные впечатления, или бросая туда свое желание с помощью молний.

** Скандинавская мифология сохранила память об этой эпохе, которую она называет землей *Нибелунгов*, страной туч, где жили карлики, первооткрыватели металлов.

*** Из этого примитивного действия, сохраненного в обычаях, произошло имя верховного божества у некоторых народов. Имя *Тао* было именем Бога у первых египтян; он стал родоначальником их религии. *Тот-Гермес*, как и имя *Вод* или *Вотан*, произошло от *Один-Сьегя*, выходца из скандинавской расы.

Глава III. *Атлантическая цивилизация. — Посвященные цари. —* *Империя тольтеков*

Согласно эзотерической истории, атлантическая цивилизация, если восходить к ее истокам, охватывает около миллиона лет. Это первое рассматриваемое нами человеческое общество, такое отдаленное и отличное от нашего, представляет сказочное человечество перед потопом, о котором говорят все мифологии. Четыре потопа, как мы уже говорили, четыре огромных катаклизма, разделенные тысячелетиями, грызли старый материк, остатки которого исчезли вместе с островом Посейдонисом, оставив только современную Америку, изначально прикрепленную к его массе и которая увеличивалась со стороны Тихого океана, по мере того, как Атлантида, снизу подтачиваемая подземным огнем, тонула и, наконец, заняла свое место на дне океана. Во время этих тысячелетий, несколько ледниковых периодов, вызванных колебаниями земной оси, гнали людей с севера к экватору и от центра ко всем точкам обоих полушарий Земли. Еще были переселения, войны и завоевания. Каждому геологическому взрыву предшествовали периоды расцвета и упадка, когда сходные причины порождали одинаковые действия. Семь подрас или разновидностей большой материнской атлантической расы, успешно формировались и господствовали одна за другой над остальными расами, смешиваясь с ними. Среди них были прототипы всех современных рас, населяющих земной шар: красной, желтой и белой — основы новой большой материнской расы, расы семитско-арийской, которая ревниво отделяла себя от других для начала нового цикла в развитии человечества. Также там существовала, хотя и в подчинении, черная раса, оставшаяся еще в стадии человекообразья, от которой произошли негры и малайцы.

Беспорядочная история этих народов, записанная адептами, содержит только основные направления и главные события. Вначале она отмечает пером Платона феномен господства спонтанной теократии и верховного правительства, который показывает это смешение рас, но не посредством грубой силы, а с помощью естественной и искусной магии. Федерация посвященных царей правила бескровно в течение веков, и иерархия божественных сил в какой-то мере отражалась на человеческих массах, импульсивных, но покорных, у которых чувство собственного «я» еще не породило гордость. Как только она прорвалась, черная магия

поднялась против белой, как ее фатальная тень, как ее кровный враг, извиваясь складками и ядовитым дыханием, который не брезговал запугиванием людей в поисках могущества. Две партии делили тогда естественную власть над вещами, которую сегодняшний человек утратил. Оттуда все чудовищные войны, закончившиеся триумфом черной магии и исчезновением Атлантиды. Дадим этим перипетиям суммарный обзор.

Первая подраса Атлантов называлась *рмоагаллы*. Она вышла с отрогов Лемурии и обосновалась на юге Атлантиды, в теплой и туманной местности, населенной огромными допотопными животными, обитавшими в обширных болотах и темных лесах. Были найдены доисторические останки в угольных шахтах. Это была раса гигантская и воинственная, с коричневой кожей, как у дерева акажу, действующая коллективно. Название ее произошло от боевого клича, по которому члены племени узнавали друг друга или устрашали своих врагов. Их вожакам казалось, что они действуют от имени внешних сил, вторгавшихся в них волнами могущества и вдохновлявших на завоевание новых территорий. Но их миссия закончилась, импровизированные лидеры вернулись в землю, и все было забыто. Осталось только смутное воспоминание, нечто неуловимое, рмоагаллы были быстро побеждены, покорены другими ветвями атлантической расы.

Тлаватли, того же цвета, как и их соперники, раса деятельная, ловкая и хитрая, предпочитала богатым равнинам суровые горы. Они располагались там, как в крепости. Этот народ развил память, честолюбие, права вождей и основы культа предков. Несмотря на эти новшества, тлаватли играли только второстепенную роль в атлантической цивилизации, хотя благодаря своей сплоченности и стойкости они продержались наиболее долго на старом материке, последний остаток которого, остров Посейдонис, был населен их потомками. Скотт Эллиот видел в тлаватлях предков дравидов, которые все еще живут на юге Индии.

Носителями Атлантической цивилизации в период апогея ее развития являлись *тольтеки*, имя которых возродилось среди мексиканских племен. Это был народ, меднокожий, высокого роста с чертами силы и аккуратности. С доблестью рмоагаллов, с ловкостью тлаватлей, тольтеки соединяли более верную память и глубокую необходимость почитания вождей. Старый мудрец, ловкий проводник, бесстрашный воин были почитаемы. Знания, переходящие от отца к сыну, несли основы патриархальной жизни и укоренялись в народе. Также установилась и священная царская власть. Она сложилась на основе мудрости, подаренной высшими существами, духовными наследниками первобытного Ману, лицам, наделенным прозорливостью и божественностью. Можно также сказать, что цари-жрецы породили посвященных царей. Величие было их силой на протяжении долгих веков. Оно к ним пришло из их взаимопонимания и инстинктивной необозримой иерархической связи. Это могущество было незыблемым на протяжении длительного времени. Заключение в своей таинственности, оно было окружено религиозным величием и внушительным великолепием, порожденным этой эпохой простых чувств и сильных ощущений.

В глубине залива, сформированного Атлантидой, где-то в пятнадцати градусах выше экватора, цари тольтеков основали столицу материка. Царь-город, одновременно являющийся крепостью, храмом и морским портом. Природа и искусство соперничали, стремясь сотворить нечто необыкновенное. Город возник над плодородной равниной, на лесистой возвышенности, единственном холме, сохранившемся от огромной цепи гор, окружавшей импозантный цирк. Город венчал храм с квадратными массивными пилястрами. Его стены и кровля были покрыты металлом, названным Платоном *орихалком*, неким подобием бронзы, блестящим, как серебро или золото, любимые драгоценные металлы Атлантов. Издалека было видно сияние этого храма. Оттуда и произошло название города с золотыми воротами. Но наивысшим чудом Атлантической метрополии была, по описанию автора «Тимея», система водоснабжения. Позади храма из земли бил ключом большой источник чистой воды, низвергающийся потоком в горном лесу. Источник вытекал из резервуаров по подземному каналу, неся массу воды из горного озера. Вода низвергалась водопадами и каскадами, формируя вокруг города три круга

каналов, служившими одновременно средством утоления жажды и защитой. Немного дальше эти каналы впадали в систему лагун и в море, откуда волны приносили изделия далеких стран. Город располагался между каналами, в двух шагах от храма. Если верить Платону, за высокими архитектурными валами, которые охраняли каналы, поднимались стадионы, ипподромы, гимназии и даже специальный гостинный двор для иностранных посетителей*.

Во времена первого расцвета Атлантиды город с золотыми воротами был точкой притяжения ее народов, и храм был символом святости и центром религиозного руководства. Именно в этом храме происходили ежегодные собрания царей федерации. Правитель метрополии созывал их для урегулирования разногласий между народами Атлантиды, обсуждения общих интересов и решения вопросов мира и войны с общими врагами. Война между царями федерации была строго запрещена, и все должны были объединяться против того, кто нарушил солнечный мир**. Эти собрания сопровождались пышными религиозными обрядами. В храме возвышалась бронзовая стела, на которой были выгравированы на священном языке предписания Ману, основателя расы, и законы, составленные его последователями в течение веков. Эта стела была увенчана золотым диском, изображающим солнце — символом высшей божественности. Хотя в те времена солнце редко пробивалось сквозь тучи, но его почитали, как звездного царя. Называя себя детьми солнца, цари федерации говорили, что их мудрость и могущество нисходит со сферы этой звезды. Собраниям предшествовали всевозможные торжественные очищения. Цари, освященные молитвой, выпивали из золотого кубка воды, насыщенной запахом наиболее редких цветов. Эта вода называлась *напитком Богов* и символизировала всеобщее вдохновение. Перед принятием решения или формулированием закона они проводили ночь в святилище. Утром каждый рассказывал свой сон. Затем царь главного города сопоставлял их и старался выделить путеводную нить. И только когда приходили ко всеобщему согласию, новый закон обнаруживался.

Таким образом, в апогее Атлантической расы интуитивная и чистая мудрость у этих первобытных народов распространялась сверху вниз. Она выливалась, подобно горному потоку, чистым водопадом и ниспадала из канала в канал в плодородную равнину. Когда один из царей делил золотой кубок вдохновения со своими братьями, у них возникало чувство, что они пьют божественный напиток, оживляющий все их существо. Когда мореплаватель, приближающийся к берегу, видел в отдалении блеск металлической кровли солнечного дворца, он верил, что видит район невидимого солнца, которое выходит из храма, венчающего город золотых врат.

* Детальное описание города с золотыми воротами в диалоге Платона «Критий, или об Атлантиде». Он там говорит о столице острова Посейдонис, оставшемся от материка, но все заставляет верить, что его описание относится к государству Атлантиды. Вероятно, египетские Жрецы, у которых Платон черпает информацию, перепутали два города, верные привычке упрощать и концентрировать историю прошлого, присущей старинным учениям.

** «Критий» Платона. Там описана эпоха упадка, когда черная магия господствовала на протяжении долгого времени. Вместо чистой воды цари для вдохновения пили кровь жертвенного быка, но федеральная конституция оставалась прежней.

Глава IV.

Взрыв «я». — Упадок и черная магия. — Катаклизм и потоп

Развитие материального богатства, под руководством святейших царей расы тольтеков, должно было получить смертельный удар. С возрастанием осознания своего «я» пробуждались гордость и владычество разума. Первый взрыв нездоровых страстей произошел у одной расы, союзной с тольтеками. Это была раса, скрещенная с лемурийцами, с кожей черновато-желтого оттенка. Туранцы Атлантиды были предками туранцев Азии, являясь также отцами черной магии. Магии белой, незаинтересованным трудом человека в гармонии с высшими силами, противопоставляется черная магия, взывающая к низшим силам, под бичом амбиций и похоти.

Туранские цари хотели править и поработать своих соседей. Они разорвали пакт братства, который их связывал с царями тольтеков и сменили культ. Были узаконены кровавые жертвы. Вместо чистого напитка божественного вдохновения пили черную кровь быков, вызывая демонические силы. Разорвав связь с высшими силами, было заключено соглашение с низшими, явившееся первой организацией зла. Она никогда не порождала ничего, кроме анархии и разрушения, так как была связана со сферой, существом которой являются разрушение и анархия. Каждый хочет повелевать другим для своего блага. Это война всех против всех, империя пристрастия, жестокости и террора. Черный маг поступает только в соответствии с пагубными силами, являющимися подонками Космоса, он их возрождает при помощи мыслеформ, окружающих его, звездных несознательных форм, становящихся его навязчивыми идеями и жестокими тиранами. Он поплатился за свои преступные удовольствия помыкания и эксплуатации себе подобных, становясь слепым рабом мучителей более неумолимых, чем он сам, ужасных фантомов, галлюциногенных демонов, лже-богов, которых он создал. Такова суть черной магии, которая развилась во время падения Атлантиды до невиданных масштабов. Видны были храмы, посвященные гигантским змеям, живым птеродактилям, пожирателям человеческих жертв. Могущественный человек был обожаем стадом рабов и женщин.

Вместе с атлантической коррупцией женщина превратилась в инструмент удовольствия, и сексуальная необузданность развивалась с нарастающей силой. Многоженство встречалось повсюду. Оттуда пошло вырождение человека у низших рас и у части народов Атлантиды. — Культ безрассудного «я» все еще был облечен в наивную и причудливую форму. Богатые завели привычку устанавливать свои изваяния из орихалка, золота и базальта в храмах. Был основан целый культ специальными жрецами этим смешным идолам человеческого существа. Школа скульптуры оставалась той же, что и у Атлантов.

Век за веком зло накапливалось: вторжение порока, фурор эгоизма и анархии начали развиваться с такой же скоростью, как и разделение всего населения Атлантиды на два лагеря. Меньшинство группировалось вокруг тольтекских царей, оставшихся верными старым традициям, остальные переняли темную религию туранцев. Война между ослабевающей белой магией и набирающей могущество черной, превращающая Атлантиду в театр, имела немногочисленные перипетии. Подобные фазы повторялись с настоящим неистовством. Задолго до первой катастрофы, взорвавшей материк, старый город с золотыми воротами был захвачен туранскими царями. Верховный жрец солнечных царей вынужден был искать прибежища на севере, у одного царя, союзника тлаватлей, где он обосновался с кучкой верных людей. С этого момента, началась большая миграция на восток, хотя чистая Атлантическая цивилизация только приходила в упадок. Туранцы оккупировали метрополию и кровавый культ осквернил храм солнца. Черная магия одержала триумф. Коррупция и распущенность разрастались в ужасающих пропорциях среди человечества, все еще лишеного узды разума. Человеческая жестокость, как некая зараза, развивалась даже в животном мире. Большие дикие кошки, служившие еще первобытным Атлантам, превратились в ягуаров, тигров и диких львов. В конце концов беспорядок, неотвратимая Немесида черной магии, охватил все части природы. Первая катастрофа отделила Атлантиду от новорожденной Америки. Следующие последовали через долгие промежутки времени.

Четыре великие катастрофы, затопившие этот великолепный материк, по своей природе отличались от катастроф Лемурии. Мы здесь видим игру тех же стихий, но их проявление отличается по действиям различных импульсов.

Земля — живое существо. Ее твердая минеральная кора ни что иное, как тоненькая шкурка по сравнению с внутренностью шара, состоящей из концентрических сфер тонкой материи. Это чувствительные и воспроизводящие органы планеты. Хранилища первичных сил, эти вибрирующие недра земного шара магнетически отвечают на движения, производимые человечеством. Они накапливают в некотором роде электричество человеческих страстей и

время от времени выбрасывают их на поверхность в огромных количествах. Во времена Лемурии разгул животных инстинктов вызвал взрыв земного огня прямо на поверхности земли, и лемурийский материк превратился в кипящий источник, где тысячи вулканов взяли на себя роль истребителя этого мира, кишящего бесформенными монстрами.

Во времена Атлантиды действие человеческих страстей на огненную душу земли было более полным и не менее грозным. Черная магия, тогда в расцвете сил, воздействовала непосредственно на центр земли, источник своей силы. Этой силой она вызывала в круге элементарного огня другие импульсы. Огонь, приходящий из глубин запутанными путями, накапливался в трещинах и пещерах земной коры. Тогда Силы, предшествующие планетарным движениям, оставляли отпечаток на этом тонком элементе, но с мощным давлением, горизонтально расширяющемся к востоку. Оттуда исходили землетрясения, из века в век сотрясавшие Атлантиду с востока на запад, главная ось которых была параллельна экватору. От точки их выхода до точки прихода, эти волны подземного огня рыли земную кору древнего материка. Основание уходило из-под него, Атлантида раскалывалась на куски и, наконец, ушла на дно моря с большей частью своих жителей. Но вместе с исчезновением затонувшего материка на западе появилась новая земля с барьером гор. Ибо, поднятые на вершину их широких колебаний, эти слезы со дна разгоряченной планеты, эти гигантские волны внутреннего огня подняли вулканическими кратерами цепь Кордильер, Анд и Скалистых гор, хребет будущей Америки. Добавим, что электрические разряды, сопутствующие этим явлениям, выбрасывали в атмосферу небывалые циклоны, бури и грозы. Часть воды, бродящей в воздухе в виде пара, выливалась на материк каскадами и потоками дождя. Затопление земли сопровождалось ее обвалом, как будто силы неба и бездны боялись ее потерять. Предание считает, что шестьдесят миллионов человек провалились одновременно в последнем из этих потоков.

Таким образом, выметенная земля Атлантиды превратилась в арсенал черной магии. И вот поэтому город золотых врат, острова зеленых пальм Рута и Даития и гордые вершины, острова Посейдониса полностью исчезли под равнодушными волнами всепобеждающего океана, хотя глубокая и светлая лазурь расширилась между прорвавшимися тучами, подобно взгляду Вечности.

* * *

Ничто не пропадает в земной эволюции, но все преобразуется. Атланты возродились в Европе, Африке, Азии путем миграции рас и переселения душ, но образ затонувшего материка изгладился из памяти нового человечества, мыслящего, завоевательного, воинственного, изгладился, как сказочный сон, как заморский и заоблачный мираж. Он сохранился только в виде волнующего воспоминания о потерянном Эдеме, глубокого падения и ужасного потопа. Греческие поэты, чьи пластичные заклинания скрывали зачастую чудесный смысл, говорили о некоем колоссе-призраке, находящемся посреди океана за Геракловыми столпами, поддерживающем облачное небо своей сильной головой. Они называли его гигантским Атлантом. Знали ли они, что на заре своих дней видящие Атланты имели настоящую связь с Богами, пересекая их небо, загроможденное облаками? Или это был сон потерянного рая и завоеванного неба, оставшийся в глубинах человеческого сознания?

Глава V.

Первое выделение белой расы. — Ее солнечная религия и ее переселение

После обзора с высоты птичьего полета Атлантической цивилизации, ее рождения, апогея и падения, нам остается проследить, как наше человечество, семитское и арийское, выделилось из античной Атлантиды, подобно изваянию получеловека, полубожества, выходящего из чрева

гизехского сфинкса. Ибо во время появления на сцене каждой материнской расы, присутствует чудо феникса, возрождающегося из пепла. До того, как старая раса не начинает распадаться, можно увидеть формирование ядра элитарной расы, черпающей из лучшей жизни новую молодость.

Для начала представим всеобщее изменение, которое производит в сознании человечества постепенное очищение атмосферы. Когда густые облака скрывали за собой небо, человек вынужден был жить в сумерках и грезх. Но теперь солнце пронесло свой факел целый день в небесной синеве. Ночью неисчислимые звезды заполняли небосвод, и эта симфония сверкающих миров лилась в гармоничном ритме. Незавуалированная вселенная очаровывала своей красотой. Все земные и морские пути открывались под безграничным небом. Не было ли это временем высоких желаний и великих переселений? Если все движется во вселенной, то почему бы не отправиться в путь человеку для получения знаний и новых завоеваний?

Это было творением белой расы, основанной союзом семитов и ариев, в которых мужские качества разума, размышления и суждения возобладали над остальными*. Но чтобы развить эти качества, была необходима строгая дисциплина и жизнь, отделенная от других рас. С давних пор их проводников влекло на запад и север. Конечная цель этого переселения, длившегося века и тысячелетия, была районом Центральной Азии. На ее высоких плато, в целительном воздухе, вне досягаемости других рас, в двух шагах от Гималаев, «этой крыши мира», начала строиться цивилизация ариев. Оттуда пошли различные группы новой расы, призванной править миром, которую часто называют индоевропейской расой: арии Индии, иранцы, скифы, сарматы, греки, кельты и германцы, равно как и первобытные семиты Халдеи. Но перед достижением этой азиатской цитадели, охраняемой высочайшими горами Земли, белая раса прошла многочисленные этапы, делая длительные остановки в различных странах. Первая и наиболее важная была в Ирландии, которая входила тогда в состав большого острова вместе с Англией, севером Франции и Скандинавией. Эта остановка служила уроком и образованием белой элите Атлантиды на пути к новой родине. Там проводники готовили ее к особенному испытанию**.

Оттуда пошла концепция, несколько детская, что арийская раса появилась на свете, как первичный факт, как нечто завершенное, и что она в некотором роде естественный продукт Центральной Азии. — Окультурная история, которая выводит белую расу, также как и все остальные, из Атлантической расы, сама выходит из Лемурии, соединенная нашим человечеством в органичный ансамбль развития земли и планеты, следуя законам естественной истории.

«Человечество, — говорит Рудольф Штайнер, — имело тогда проводников, которые передали ему свою мудрость из сверхчеловеческого источника. Их почитали как *вестников Богов*, кем в сущности они и являлись. Эти существа были наставниками Атлантических царей. Говорили, что эти наставники имели *отношения с Богами*, и это было правдой. Все, что происходило в храмах Атлантиды, было недоступно народу. Они не понимали большую часть замыслов этих проводников. Их обучение также стало обретать формы, отличные от других.

Язык, на котором Боги говорили с вестниками, не имел ничего общего с земным. Они им указывали при помощи огненных туч, как они должны направлять людей. Вестники богов могли получать эти откровения, потому что они были наиболее совершенными среди своих человеческих собратьев. Они уже достигли более высокой ступени развития в своих предыдущих жизнях. Можно их называть высшим разумом под человеческой оболочкой, но их настоящей родиной была не земля. Эти духи-проводники, эти вестники Богов управляли людьми без указания принципов, которые ими руководили. Ибо до пятой атлантической расы, корня первобытных семитов, люди не могли их понять. *Мысль* еще не была ими подготовлена. Раса семитско-арийская была приготовлена к новой форме мышления... До этого Боги

направляли людей при помощи своих вестников. Теперь люди понимали сущность Богов и сами решали, как им выполнять волю Провидения»***.

Эти наброски подводят итог доминирующей ориентации белой расы и того, что ее отличает от расы атлантической. Последняя имела инстинктивную связь с космическими силами, тогда как первая получила миссию воплотить Божественное только своими усилиями. Для того, чтобы подготовить ее к этому трудному заданию, ее проводники предоставили ей суровую жизнь в холодном и дождливом климате. Вся цивилизация Атлантиды была опозорена. Воинственные вожди бросили ужасные проклятья против великих городов, где множество белых пленников работали как рабы в циклопических конструкциях среди стада других рабов, мужчин и женщин, краснокожих, желтокожих и чернокожих. Были прокляты тираны Атлантиды, их пороки и пышная распущенность. Был проклят отесанный камень как символ рабства; и грубый камень и угольные блоки из скал были почитаемы как символ свободы и единственные жертвенники, достойные Богов. Они желали только жизни на свежем воздухе, в хижинах из дерева или в военных колесницах. Они обитали в чащах хвойных и буковых лесов, где паслись олени и лоси. Никаких тяжеловесных храмов, покрытых металлом, где течет кровь жертв, где светятся статуи из орихалка и золота, приносящие подозрительную удачу, а только изначальный камень под небом, на просторных землях, как в Карнаке в Бретани, или огромные круги менгиров, как в Стоунхендже в Англии, настоящие астрономические циферблаты, ориентированные по солнцу. Жизнь человека стала регулироваться сменой времен года и движением звезд. Атмосферные явления служили отправной точкой религиозного обучения.

Они представляли себе проводника одного из этих народов, стоящего на крутом берегу в конце грозового дня, когда небо над океаном очищалось от последних туч, они представляли себе Ману, появляющегося в образе радуги, одна нога которого покоилась на океане, другая на острове, атакуемом волнами, и говорящего своим слушателям: «Ваши предки жили в стране, окутанной густым туманом, сквозь который не пробивалось солнце, но они имели связь с Богами. Сегодня Боги являются очень редко, но они оставили людям связующее звено. Это по радуге Боги спускаются на землю и возвращаются в свою обитель. Помните, что вы — дети Богов!» — Это больше не было прямым видением божественного мира, — но природа, окутанная божественной тайной, служила ему основанием и посредником.

У некоторых из белых народов культ предков был связан с луной, звездой, посвященной мертвым. Века спустя их потомки, вернувшиеся в те же места обратной дорогой, вызывали души предков в густых лесах, залитых лунным светом, и зывали к ним о помощи против своих врагов. Но в эти забытые эпохи культ предков имел более глубокое значение и играл загадочную роль при рождении детей. В день зимнего солнцестояния, когда ночь наиболее длинна в году (ее так и называли *ночью-матерью* года, считая ее благоприятной для зачатия), Ману говорил мужчинам и женщинам, собравшимся ночью вокруг священного камня: «Ваши предки были близки к Богам. Живите, следуя святым обычаям и законам, и предки воскреснут среди вас. Они возродятся в детях ваших жен. Мужчины, будьте сильными, и породите бесстрашных воинов. Женщины, будьте чистыми, и зачните героев будущей расы!»

Другой была его речь в день летнего солнцестояния, когда народ собирался в полдень в обширном круге гигантских менгиров, персонифицировавших одновременно месяцы и времена года, предков и Богов. Когда солнце показывалось между двумя наивысшими камнями священной ограды, Ману говорил народу: «Вот образ верховного Бога, к которому нужно идти, покоряя земли чистых и сильных людей и построить живой город Богов. Идите к восходящему солнцу!»****

Идти к солнцу, восхищаясь небесным огнем (не это ли знак арийской расы?), к авроре, как в зените своей истории, на восток, как несколько позже возвратиться на запад? Восходящее ли это солнце (или будущее земное), заходящее ли это солнце (или будущее небесное), его целью навсегда останутся Правда и Божество. Свет науки, огонь жертвы или факел веры, их

средствами всегда будут добрая воля и объединенные усилия сердца и разума. Когда один из этих элементов исказится у ария, он впадет в фанатизм или в анархию, он изменит неверным своему гению и своей миссии. Ибо арий имел мужество искать Вечное через Свободу.

* **Смотри восхитительную характеристику белой расы, сравниваемой с расами желтой и черной в книге Гобино *L'Inegalite des races humaines* (Неравенство человеческих рас).**

** **Наука девятнадцатого века выделила единицу арийской расы на основе сравнительной филологии и мифологии. Она также смогла зафиксировать колыбель нашей цивилизации в Центральной Азии, откуда пошло ее переселение на юг и запад, и где наши языки и анналы сохранили свои следы. Это прекрасный результат, но эзотерическая наука не идет дальше. Нам не хватает ее данных для узнавания истоков белой расы и ее первобытного развития.**

*** **Unsere atlantischen Vorfahren** Рудольфа Штаймера (Лейпциг. Альтманн).

**** **См. исход белой расы в Азию в «Великих Посвященных», книга «Рама»**

Книга третья. Мистерия Индии

Кришна: — Я имел много рождений
и ты сам, Арджуна, также;
я их знаю все; но ты, герой,
ты их не знаешь.

Песнь Счастливого (Бхагават-Гита)

Глава I. Мир ведический и брахманский

Индия преимущественно является местом тайн и оккультных традиций, поскольку она наиболее старая часть света и имеет самую тяжелую историю. Нигде больше в мире человечество не скопилось такими массами среди такого разнообразия природных форм. Огромные горы появлялись позади уже существующих гор, одни виды кишели над другими, а человеческие расы наслаивались друг на друга как илистые отложения различных водных потоков. *Джампудвипа*, земля, ощетилившаяся горами (именно так Вальмики, индийский Гомер, называл свою родину), видела эволюцию живых существ, начиная с ящеров и чудовищных змей Лемурии и заканчивая прекрасными представителями арийской расы, светлолицых, с глазами, подобными лотосу, героев «Рамаяны». Индия видела целую лестницу человеческих типов, начиная с деградировавших первых рас, впавших в состояние, близкое к животному, и заканчивая одинокими мудрецами Гималаев и достигшего совершенства Будды, Шакьямуни. И от всего того, что изобиловало на протяжении неисчислимых лет на этой плодородной почве под благодатным тропическим солнцем, она сумела кое-что сохранить. Грандиозные памятники, редкие виды животных, исчезнувшие человеческие типы, воспоминания о забытых эпохах, которые все еще носятся в воздухе, насыщенном благоуханиями, и присутствуют в старых молитвах. С достопамятных времен она оберегает величественного и мудрого слона, ненасытного удава и армии игривых обезьян. С ведических времен в ней сохраняется культ стихий и культ предков. Несмотря на мусульманское вторжение и английское завоевание, здесь в основном всегда господствовала брахманская цивилизация, со своими тысячами божеств, священными коровами и факирами, своими храмами, выдолбленными в сердцевине гор, и чудовищными пагодами, возвышающимися над лесами и долинами, пирамидами наслаивающихся богов. Здесь встречаются предельно сильные контрасты, которые тем не менее никого не шокируют. Грубый фетишизм мирно уживается здесь с самой утонченной философией. Рядом с трансцендентным мистицизмом и пессимизмом примитивные религии все еще празднуют здесь свои волнующие культовые ритуалы.

Это констатировали путешественники, присутствовавшие на весеннем празднике Шивы в Бенаресе. Не без удивления они видели, как весь народ, брахманы и махараджи, принцы и нищие, мудрецы и факиры, полуголые молодые мужчины и женщины поразительной красоты, степенные дети и шатающиеся старики, выходят подобно человеческому морю из дворцов и храмов, окаймляющих левый берег Ганга на протяжении двух лье. Они видели, как эта толпа, сверкающая роскошными шелками и грязными лохмотьями, спускается по гигантским лестницам, чтобы смыть свои грехи в очищающих водах священной реки и приветствовать восторженными криками индийскую Аврору, сопровождаемую лавиной цветов, Аврору с розой во лбу и с сердцем из амбры — которая предшествует первому солнечному лучу*. Именно здесь можно получить полноценное впечатление о ведическом культе, еще сохранившемся в сердце Индии, и о великих религиозных эмоциях первых дней существования арийского человечества. Другие путешественники, влекомые разнообразием любви к предкам и жаждой приобщения к корням, проникли к истокам Ганга. Эти исследователи испытали здесь ощущения более редкие и более острые. Ибо они слышали на рассвете, с первыми проблесками

зари в чистом эфире гималайских вершин, под шум вод, берущих свое начало с вечных снегов, священное пение пилигримов**.

Откуда же эта земля и этот народ получили свой уникальный и чудесный характер? Почему так случилось, что здесь отдаленное и почтенное прошлое доминирует еще и поныне, в то время, как наши западные города, наше настоящее отрицает прошлое в своем угаре изобретательства и кажется желает истолочь его с помощью слепой ярости своих машин?

Ответ на этот вопрос заключен в провиденциальной миссии Индии. Эта миссия состояла в том, чтобы сохранить через века и распространить среди других народов наиболее древние человеческие традиции и ту божественную науку, которую несет в себе ее душа. Все этому способствовало: геологическая конфигурация, поразительные добродетели посвятившейся расы, широта и возвышенность ее первоначального вдохновения, а также разнообразие рас, создавших в этом крае поражающий воображение, колоссальный человеческий муравейник.

Море и горы, когда-то формировавшие лицо планеты, соединились здесь, чтобы сделать из Индии край созерцания и мечты, окружив ее своими водными массами и скалами. На юге Индийский океан охватывает все ее стороны, делая их почти неприступными. На Севере возвышается непреодолимым барьером самая высокая горная цепь земного шара, «Гималаи, крыша мира и трон Богов», которая отделяет ее от остальной Азии, и кажется жаждет вновь соединить ее с небом. Гималаи также придают Индии уникальные черты, выделяя ее среди других тропических стран. Все времена года, все виды флоры и фауны громоздятся друг над другом на ее склонах, от гигантской пальмы до альпийской сосны, от полосатого бенгальского тигра до длинношерстой кашмирской козы... С ее ледяных куполов на знойные долины низвергаются три больших водных потока: Инд, Ганг и Брахмапутра. Наконец, именно через бреши Памира спустилась избранная раса завоевателей, чтобы привести ей своих Богов. То есть не менее плодотворный человеческий поток, смешиваясь с туземными расами, должен был породить индийскую цивилизацию. Кажется, поэт Вальмики резюмировал это арийское чудо в своей поэме «Рамаяна», когда описывал Ганг, падающим с высоты неба на Гималаи по призыву наиболее могущественных аскетов. Сначала Бессмертные показали себя во всем своем величии, и небо с их приходом осветилось каким-то сверкающим светом. Затем поток начал спускаться, и атмосфера постепенно заполнялась белой пеной как озеро, серебристое от множества белых лебедей. Перекатываясь с каскада на каскад, с долины на долину, Ганг достигает равнины. Боги шествуют впереди него на своих сверкающих колесницах; небесные дофины и нимфы, Апсары, танцуют на волнах. Люди и звери следуют своим величественным курсом. Наконец, река достигает моря, но сам Океан не может ее остановить. Священная река погружается до самого дна преисподней, и души очищают себя в этих волнах, чтобы вновь подняться к Бессмертным***. Великолепный образ изначальной мудрости, которая низвергается с небесных высот и спускается вниз вплоть до чрева земли с тем, чтобы исторгнуть для нее свою тайну.

* См. поразительное описание этого праздника в книге Шеврийона, *Sanctuaires et paysages d'Asie* (Святынища и пейзажи Азии) (Утро в Бенаресе).

** См. прекрасные рассказы ученого-индолога и поэта Анджело де Губернатиса в его *Perigrinazione indiane*.

*** «Рамаяна», т.1.

1. — Риши ведических времен и исконная мудрость

После того, как Ману, завоеватель Индии, названный Рама* по индусской традиции, и которого древние греки гораздо позже идентифицировали со своим Дионисом, проложил путь последователям, могучий поток арийской расы спустился с высокогорных плато Ирана через долину Инда на равнины Индостана. Тогда черное, желтое население первобытной Индии оказалось лицом к лицу с победителями, с белой кожей, золотистыми волосами, высоким

челом, которые им казались полубогами. На своей колеснице, увлекаемой белыми лошадьми, арийский предводитель появлялся перед ними увешанный сверкающим оружием, с копьем или луком в руке, подобно богу Индре ведических гимнов, который гнал перед собою небесные тучи с молниями и громовыми раскатами. Со своими союзниками он легко восторжествовал над ордами чернокожих туземцев, с которыми он сражался. Он гнал их перед собою, подчиняя их без насилия, без жестокости, иногда единственным своим присутствием. Из местного населения, жившего в племенах, он делал ремесленников, кузнецов, ткачей шерсти и волокна, или охранников для больших стад скота. Суеверный и напуганный туземец, обожавший своих идолов, змей или драконов, видевший в солнце и звездах лишь враждебных демонов, с удивлением слушал арийского вождя, что он спустился с этого солнца и что бог Индра, грохочущий в небесах и повелевающий молнией так же, как он армией, является его покровителем. Часто посреди огромного пастбища, окруженного изгородью, в деревянном доме, занимаемом патриархом, темнолицый слуга с таким же удивлением видел, как ослепительной белизны супруга хозяина оживляла огонь очага с помощью величавых жестов и магических заклинаний, называя это пламя богом Агни. Тогда он себе говорил, что эта раса владеет какой-то новой магией и что огонь, который она принесла с собой, пришел к ней от богов опасных, от богов свыше.

Если только спросят у патриарха, у арийского предводителя или у вождя племени, откуда к ним пришла их власть, богатство, тучные стада, благородная супруга, доблестные сыновья, цветущие дочери, они ответят: От жертвоприношения огню, которое мы с брахманом торжественно воздаем на холме.

Однако, что означает это жертвоприношение огню? И кто был этот брахман? Перед рассветом семейство или целое племя собирается на холме, где возвышается алтарь из дерна. Славят Аврору, «великодушную Аврору, дочь неба, пробуждающую все сущее». Она занимается, на алтаре в сухой траве с помощью двух кусков дерева зажигают огонь, и утреннее солнце скачет с одной горной вершины на другую. Некий певец восклицает: «Возрадуемся величию и чуду этого Бога: вчера он был мертв, сегодня он — жив!» Таким образом, Агни был в небе и на земле, в солнце и в молнии; человек воскрешает мертвого Бога, зажигая огонь алтаря. Все боги здесь смешиваются, и старики, разодетые как подобает почетному сословию, приходят, чтобы усевшись на траве наблюдать за торжественной церемонией. Так первобытные арии приобщались к всеобщему ритуалу жертвоприношения, и это священнодействие было праздничным. Образ и движения богов, то есть невидимых космических сил, прорисовываются здесь сквозь прозрачность универсума. День и Ночь сравнивались с «двумя ткачихами, танцующими по кругу вокруг оси мира». Небо и Землю называли «двумя створками мира». И арий верил, что через одну из этих створок боги спускаются на землю, а через другую — люди поднимаются к богам. Он в это верил, потому что он это представлял и предчувствовал в своем интимном единении с первоэлементами. Когда же заклинатель огня, наставник священной науки, или брахман утверждал то же самое, он начинал верить в это еще больше.

Действительно, брахман был вдохновителем патриархов, вождей или царей, главным распорядителем этого юного мира. «Это — тот, кто совершает все обряды. Он посвящает юношу во взрослую жизнь. Он истолковывал сновидения и знамения, помогал искупить допущенные ошибки и просчеты. Он знал тайные обряды, с помощью которых можно стать другом и спутником Солнца, посредством которых можно проникнуться его силой, а также такие, с помощью которых достигается власть над облаками и дождем. Он знал всю магию повседневной жизни, магические заклинания, касающиеся любви, войны, урожая и плодovitости скота. Он предотвращал и излечивал болезни. Он был врачом и юрисконсультom того времени, и все эти могущественные способности пришли к нему от его божественной науки. Его приглашали и преподносили ему дары для того, чтобы получить его одобрение и благословение и избежать несчастий. Прежде всего он был жрецом и знатоком бесчисленных тайных обрядов, делавших жертвоприношение эффективным»**. Когда Бхараты победили в Индии, жрец царя-победителя сказал ему: «Это я, Вишвамित्रа, молился Индре, повелителю

земного и божественного мира. Мое магическое слово защитило Бхаратов (ведический гимн)». Такого рода царственный жрец составляет «половину я» какого-нибудь князя. При своем вступлении на престол князь произносит слова, аналогичные тем, которые говорит супруг своей будущей супруге: «Ты — это я, я — это ты, ты — небо, я — земля; я — мелодия песни, ты — ее слова. Так пройдем же наш путь вместе».

Но если спросят этого брахмана: «Откуда пришла к тебе твоя наука?», то он ответит: «От *риши*».

Кто же такие риши? Доисторические основатели касты брахманов и их науки. На заре ведических времен они образовали особую, отдельную касту. Брахманы разделились тогда на семь родов и объявили себя единственными владельцами *Брахмана*, т.е. священной магии, позволявшей общаться с божественными существами духовного мира. Они единственные имели право участвовать в приготовлении опьяняющего напитка, *сомы*, напитка Богов, где сама жидкость священного ритуала была лишь символом. Они вели свое происхождение от далеких и таинственных существ, от *семи риши*, «которые с достопамятных времен, под божественным покровительством вывели людей *за реку мира Раса*»***. Это ясно доказывает, что риши ведических времен сохранили через предания память о миграции народов, которые прошли из Атлантиды в Европу и далее в Азию.

Однако, эти риши оставили после себя последователей, которые жили в лесах, вблизи священных озер, в уединении в Гималаях или на берегу великих рек. Обычно это было жилищем для одного человека, укрытие из дерева, покрытое листвой. Как правило, в простом уединенном месте их окружали несколько учеников. Иногда они жили в своей хижине в одиночестве, предаваясь размышлениям возле огня, тлеющего под пеплом, или же с газелью, молчаливым и покорным спутником их глубоких медитаций. По правде говоря, риши образовывали высший ранг брахманов. От них пришло учение, вдохновляющая идея, жизненные правила и нормы, тайная мудрость. Некоторые из них, как, например, Вишвамитра и Васишта, названы в Ведах как авторы гимнов. Итак, в чем же состояла эта незабываемая мудрость, восходящая к временам, когда письменности еще не существовало? Она столь далека от нас, что мы едва ли сможем ее обрисовать.

Потому что она покоится на совсем ином способе восприятия и мышления, чем те, которыми пользуется современный человек, воспринимающий лишь с помощью чувств и думающий лишь посредством анализа. Обозначим мудрость риши: духовное видение, внутреннее просветление, интуитивное и синтетическое созерцание человека и универсума. Что может нам помочь в понимании этих способностей, сегодня уже утраченных, так это состояние души, которое их проявляет.

Как всякое великое дело, видения первых мудрецов Индии рождались от глубокой ностальгии и сверхчеловеческого усилия.

Еще в гораздо более древнюю эпоху, во времена Атлантиды, первобытный человек пользовался разновидностью инстинктивного общения с таинственными силами природы и космоса. Он их воспринимал прямо, непосредственно, без усилий, в жизненной стихии, словно через прозрачную вуаль. Он не формулировал их, он едва отделял себя от них. Он жил с ними, жил в них; он был их частью. То, что мы называем невидимым, было видимо для него внешним образом. Для его зрения, так же как и для его сознания, материальное и духовное смешивалось в одну подвижную и запутанную массу явлений, но он имел чувство непосредственного общения с источником вещей. Древние арии, развивая способности нового порядка (рассудок, разум, анализ), сохранили остаток этого спонтанного видения, и многочисленные следы его можно обнаружить в ведических гимнах. Но эта естественная способность уменьшалась по мере того, как они оставили жизнь пастухов с тем, чтобы окунуться в военную жизнедеятельность, необходимую для завоевания Индии и ведения междоусобной борьбы. Она

также уменьшилась у предводителей этих народов. Однако они сохранили яркое воспоминание об ином веке, об экзальтированном общении их отдаленных предков с космическими силами, с теми, кого они называли Девами, Духами Огня и Света, Вдохновителями Земли и Неба. Иногда осознание пережитого ими самими в те далекие времена пронизывало их как молниеносное воспоминание. Для того, чтобы его объяснить, они говорили, что их счастливые предки пили божественную жидкость, опьяняющий напиток *сому* из кубка Богов.

Индусские мудрецы, ощущая все возрастающий барьер между ними и божественным миром, видя как эта вуаль становится все более и более густой, с помощью ностальгии овладели своими утраченными богами. Этих богов, пусть они не могли их больше постигать в движении облаков, в солнечном луче, в непостижимом великолепии небесного свода, они хотели вновь найти их в самих себе, в тайнах внутреннего мира, с помощью силы медитации. — Высшее усилие, необычайное приключение. Она проводилась в сосредоточении и молчании, в глубоком покое гималайского уединения.

— И риши вновь нашли своих утраченных Богов. — Они их нашли, поскольку человек и универсум сотканы из единой ткани, и когда человеческая душа сосредотачивается на самой себе, она мало-помалу чувствует себя проникающей в море универсальной Души. Неподвижные, с закрытыми глазами риши погружаются в пучину молчания, которая их окружает подобно океану; но по мере того, как они в нее углубляются, мягкий неуловимый свет возникает в них самих как некий источник белого цвета и медленно заполняет голубоватую необъятность. Кажется, что этот пластичный свет одухотворен дуновением разума. В нем движутся разнообразные формы. Среди них в ярких расцветках появляются архетипы всех существ и первобытных состояний земли, образы которых мерцают в астральном свете в виде живых клише. Они видели солнце, выходящее из сатурнианской ночи и называемое «золотым яйцом, яйцом мира». — Таким образом, постепенно, через длительные этапы, риши погрузились в Потустороннее, в источник вещей, в сферу Вечного. Они назвали *Сарасвати* этот сверхприродный и божественный свет, который наполнял их невыразимым блаженством. Они назвали *Брахманом* творческую силу, которая формирует свою мысль в неисчислимых формах в Душе Мира. Следовательно, *Брахман*, означающий *Жизнь, Стремления и Молитву*, был для риши внутренним Богом, Богом человеческой души и вселенской Души, откуда происходили все Боги и все миры, и его манифестация представляет собой вселенское жертвоприношение.

Действительно, можно обнаружить весьма ослабленный отзвук этого состояния духа в гимне, неизвестный автор которого (наставляемый риши) попытался представить себе происхождение мира:

Не было тогда ни смерти, ни бессмертия: —
Ни дня, ни ночи, ни движения, ни дуновения.
Единственный дышал своей собственной силой.

И вне Его не было ничего.
Тьма обволакивала тьму,
Все было Океаном без света,
Пустотой в огромной пустыне.
Оно родилось посредством силы внутреннего тепла.

Оно вышло из нее сначала Любовью,
Первое семя Духа.
Узы родства Бытия и Небытия
Мудрецы обнаружили в своем сердце...

Из всего этого следует, что первые риши Индии обращались к первоисточнику всякой мудрости, что они созерцали эти тайны в укрупненном виде, не различая многих деталей, и что их ученики, певцы ведических гимнов, могли выразить эти изначальные истины лишь в транспонированной и часто путанной форме. Но это не преуменьшает того, что эти первые мудрецы были основателями всех мифологий и последующих философий. Их интуитивная мудрость пребывает в рационализированной науке (которая за ней следует), подобно тому, как белый свет разлагается призмой на семь цветов. Она их всех таит в себе, в своем пылающем очаге. От этого изобретение призмы не стало менее значимым и менее удивительным актом творения. Ибо, как сказал один из величайших мудрецов нашего времени, Гете, великий поэт и великий естествоиспытатель: «Цвета — деяния света, деяния и страдания». В этом смысле можно сказать: первобытное ясновидение было матерью Мудрости, а мудрость является матерью наук и искусств. Только вновь обретенное ясновидение будет их синтезом.

Итак, именно благодаря огромному усилию воли ришиоткрыли дверь к Духу. Они назвали эту аскетическую самоистязающую дисциплину и упражнения в медитации *йогой*, или наукой о единении, посредством которой они достигали такого рода ясновидения. Проистекающий отсюда духовный прилив доминировал в судьбах Индии. Потому что, когда понимают идеал как чисто субъективную силу или как трансцендентную реальность, то его воздействие на историю всегда пропорционально стремлению к нему некой элиты. Единственная вещь, свидетельствующая о Боге или о богах, — это ответ космических сил на призыв человеческой воли. Понятие о природе и сущности их усилий может варьироваться до бесконечности, но прилив божественного в душу, которая его призывает, является знаком его присутствия.

Итак, продвинемся еще немного дальше в идею, полученную брахманами от своих учителей, риши, и от их связей с духовным миром, какой бы странной не казалась эта идея нашему западному менталитету. Согласно ведическому преданию, некоторые из этих мудрецов были достаточно могущественными, чтобы самим подняться в божественный мир и направить себя туда, но подавляющее большинство нуждалось в невидимых вдохновителях для того, чтобы идти за ними. Брахманы говорили, что эти проводники были получеловеческими, полубожественными существами, Ману предшествующих циклов или духами, пришедшими из других миров, которые наблюдали за их жизнью и осеняли их душу. Эти последние риши имели двоякую личность. В обычной жизни это были довольно простые люди, но совсем иной дух говорил их устами в состоянии вдохновения. Тогда казалось, что в них вселился некий Бог. В индусской традиции эти люди назывались *Бодхисатвы*, т.е. пронизанные божественной мудростью. Существовало довольно много различий Бодхисатв, в зависимости от природы их вдохновителя и степени их единения с ним. Что касается собственно Будды, именуемого также Гаутама Шакьямуни, личности более исторической и более известной, чем другие, то он рассматривается его сторонниками как совершенное воплощение высшей души в человеческом теле. Посредством собственных усилий Будда публично, на глазах у всех и так сказать во плоти и крови реализовал различные этапы посвящения, чтобы достигнуть в этой жизни того божественного состояния, которое индусы называют *Нирваной*.

Но было бы невозможно понять значение Будды в развитии Индии и его место в истории религий, не бросив предварительно беглый взгляд на брахманизм и на ту блестящую цивилизацию, которую он сумел вылепить из самых различных элементов в ходе лихорадочного смешения неоднородных рас, на фоне поразительной пышности тропической природы.

* См. «Легенду о Раме» в моей книге «Великие Посвященные».

** Герман Ольденберг, *Die literatur des alten Indiens* (Литература древних индусов), 1903.

*** Этот отрывок, крайне показательный для Вед, приводимый Ольденбергом в вышеупомянутом труде, переносит нас в какую-то полностью утраченную цивилизацию и на тот исчезнувший континент, о котором говорил Платон в своем диалоге об *Атлантиде*, опираясь на вероучение египетских жрецов.

2. — Брахманская цивилизация. Три мира: Брахма, Вишну, Шива. Триумф вечной женственности: супруга и священная танцовщица

Какая бы то ни было религия проявляет свою сущность лишь посредством цивилизации, которую она порождает. Именно в этом человеческом выражении божественное проявляет свою основную идею и гибкую силу. Брахманское общество, подточенное и изъеденное предшествующими веками, но сумевшее сохранить свои основные черты вплоть до наших дней. базируется на кастовом строе. Во все времена разделение общества на классы является общей чертой для всех народов. Способы обоснования и типы неравенства время от времени изменялись, но само неравенство сохранялось как закон природы, как неперемненное условие жизнедеятельности и труда. Индия довела этот закон до крайнего предела, и нигде эта система водонепроницаемых переборок между социальными классами не применялась с такой неукоснительностью. Индусский Кодекс наказывал мужчину или женщину, которые пытались связать свою жизнь с человеком из низшей касты, тем, что навсегда лишал их соответствующих прав. Когда мы читаем в законах Маку; «Брахманы вышли из головы Брахмы; воины — из его рук; торговцы — из его чрева; ремесленники — из его стоп», мы улыбаемся этой смелой метафоре, которая кажется нам одновременно дерзкой и комичной, и мы в ней видим лишь уловку честолюбивых жрецов, стремящихся верховенствовать над варварскими вождями и управлять по-детски наивным народом. Однако эта странная на вид максима является теологической формулой некоей древней и глубокой мудрости. Этот закон, выраженный в виде брахманской поговорки, в переводе на наш современный язык можно было бы сформулировать таким образом: Природа — аристократична, и универсум представляет собой иерархию сил, которые отражаются в человечестве в виде шкалы ценностей.

Брахманы верили, что человеку присущи два вида атавизмов: духовный атавизм, проистекающий от предшествующих существований его души; и атавизм телесный, происходящий от его предков. Доведические Ману или пастыри людей обозначили их души соответственно тем небесным светилам, которые представляли их качества, и откуда они вели свое происхождение. Они разделили людей на солярных, лунарных, сатурнианских, марсианских и т.д. Культы были созданы, люди — сгруппированы вокруг этих идей. В то время единство арийской расы, чистота ее крови позволили ее предводителям не заниматься проблемой физического атавизма. Но когда после завоевания ариями Индии, брахманы, ученики и последователи риши, увидели вокруг победителей столпотворение туземных рас, и возрастающее число метисов от скрещивания белого меньшинства с черной, желтой и красной расами, они оказались перед лицом более острых проблем, чем те, которые стояли перед ними в ведические времена, когда они имели дело лишь со своей собственной расой, однородной и выпестованной в течение веков. Вопрос был серьезным, а ситуация — угрожающей. По правде говоря, все трагические повороты в судьбе Индии проистекали от слишком большого разнообразия рас и неизбежного со временем поглощения высшей расы низшими, имеющим замечательные качества, но одновременно обладающим началами ослабления и разложения, свойственными отбросам человечества, находящегося в состоянии регрессии*.

Брахманы пресекли это зло прежде всего тем, что смогли с помощью чудовищных барьеров, возведенных между четырьмя кастами, разделить людей на категории в соответствии с их социальными функциями. На вершине иерархии находятся *брахманы*, наиболее чистая арийская раса, хранители культа, науки и религии. Ниже их — *кшатрии*, вожди или военачальники, военная знать, представляющая расу завоевателей, хотя уже и частично смешанную с другими расами. Еще ниже — торговцы, земледельцы и ремесленники высшего порядка, смешанная раса, в которой все же доминирует раса победителей. Самый низкий ранг — *шудры* (позже названные португальцами *париями*), слуги, предназначенные для неквалифицированной работы, состоящие из остатков туземной расы и считавшихся вне культа и вне закона. Этот последний класс был единственным, кто отлучался от брахманской религии. Другие, — вожди, военачальники, земледельцы читали Веды, принимали участие в

богослужении. В разной степени приобщенные к религиозным тайнам, они имели право на титул *двидья* или *дважды рожденных*.

Таким образом, брахманское общество представляло собой некую четырехэтажную пирамиду, каждый этаж которой имел свою ментальность и свою четко обозначенную функцию. У основания — масса париев с темным цветом лица, рабы, находящиеся вне закона, и лишенные гражданских прав. Несколько выше — класс богатых земледельцев и торговцев с желто-оранжевым цветом лица, образующий костяк нации. Еще выше — воины с бронзовым оттенком кожи, владельцы земель по праву завоевателя или рождения, командующие армиями и занимающиеся правосудием. На вершине — брахманы с белым цветом кожи, суверенные хозяева этого мира по праву своей принадлежности к вершинам духовности, благодаря религиозному авторитету и причастности к изданию законов. Таким образом, арийская раса еще управлялась руководящим меньшинством, но от века к веку его сила убывала вместе с расовой чистотой.

Несмотря на строгость своих законов, брахманы не смогли помешать их частому нарушению. Отсюда медленное продвижение рас от нижних к высшим и постепенное проникновение черной и желтой расы в белую. Брахманская конструкция была великолепна, но в ней отсутствовала достаточно прочная моральная связь между различными отсеками. Смешение рас заставляло трещать ее сверху до низу. Зависть и скептицизм, классовая ненависть и лихорадочное возбуждение от преодоления разъединения, подтачивающие современное человечество, тогда еще не существовали. Но сила страсти, честолюбие, сексуальное удовольствие и тот вид животного влечения, которое низшие расы фатальным образом испытывают по отношению к высшим расам там, где они вступают в контакт, производили свое обычное действие. Смешение столь различных кровей поднимало уровень побежденных рас, но оно же разъедало мужскую силу победителей, утончая их чувства и развивая новые аристократические качества. Внизу иерархии вайшьи массово брали себе в жены чернокожих женщин из шудр, и их потомки приобретали вкус к фетишистским культам своих матерей. В верхних слоях общества знать предавалась полигамии с женщинами всех оттенков кожи. Сами брахманы женились на женщинах из низших каст и становились придворными царя. Некоторых из них, ввиду зависти и сильному влиянию брахманов-аскетов, изгоняли. Чтобы найти себе союзников, изгнанники брали на себя обязательство оказывать поддержку чернокожим царям Юга, в соответствии с максимой законов Ману: «Твой сосед — это твой враг, но сосед твоего соседа является твоим другом». Эти чернокожие цари Юга, наделенные верховной властью брахманского авторитета, одерживали верх над белокожими царями Севера и угрожали своими грубыми нравами, оргиистическими богослужениями разрушить все здание индусской цивилизации. Бесформенная эпопея «Махабхарата», с ее бесконечной борьбой между солярными и лунарными царями, является слабым отголоском очень древних религиозных и расовых войн.

Словом, существовала пропасть между высокой брахманской культурой и пестрым миром, копошащимся под ней, в среде трех низших каст. Такая же пропасть существовала между Севером и Югом Индии еще во времена легендарного завоевания полуострова Рамой, к чему свелся первый спуск ариев в долины Индостана. — Наверху, в сердце Гималаев, у истоков Ганга и на берегу священных озер жили благородные аскеты, проводя время в молитвах и созерцании вечного Брахмы. — Ниже, на склонах великих горных цепей и на холмах вблизи рек возвышались алтари, где поклонялись Агни, священному огню. Над пламенем, в чистом эфире раннего утра правоверный служитель культа изображал бога Брахму, восседающего на лотосе небесного цвета и медитирующего о творении мира, в то время как царь и воины поклонялись космическим силам и атмосферным явлениям природы, солнечной Савитре и Индре, который гнал перед собой дождевые облака, чтобы оживить землю. В этом культе небесного света и огня они нашли источник своей веры и жизненной радости. Но в центре и на юге Индии население поклонялось жестокому и кровожадному богу, Шиве, Разрушителю. В трусливом ужасе перед ним склонялись, чтобы избежать его гнева и снискать расположение.

Его представляли омерзительным, скрежещущим зубами, с черным чревом, красной спиной, встряхивающим четки из человеческих черепов, висевшими на его плечах, и низвергающим полчища воющих темных сил, призванных вызывать лихорадку, чуму и смерть»**. Довольно часто ему поклонялись как воплощенному в одной из тех допотопных рептилий, которые тогда еще жили в диких горных ущельях. Иногда, охотясь на тигра в лесах массива Виндхья, цари Севера, возвышаясь на своих величественных слонах, замечали группу местного населения, распростертую перед одним из этих змееподобных чудовищ, свернувшимся в своей пещере, которому преподносили человеческие жертвы***. В этом случае царь, которого называли сыном Девов, набрасывался на чудовище, чтобы изрубить его на куски, но иногда, он отступал, преисполненный отвращения и ужаса, опасаясь умереть от черной магии «царя змей», и увлекал за собой в паническом бегстве весь свой кортеж с многочисленными лошадьми и слонами.

Таким образом, пропасть, приоткрывавшаяся иногда между этими двумя расами, двумя религиями и двумя мирами, заставляла задуматься как брахманских мыслителей из крупных городов Аиодхия и Хастинапура, так и ясновидящих аскетов Гималаев. Не было ли это вторжение низших сил своеобразным реваншем завоеванных рас над победителями? Не было ли это восстанием укрощенной Девами природы, которую они использовали лишь в качестве ступени? Должны ли победители раствориться в массе побежденных? Должен ли Брахма отступить перед Шивой, а лучезарные боги ведического неба свергнуты с престола демонами вырождающихся рас? Не существует ли между ними какой-либо связи, возможного примирения? — Пропасть кажется непреодолимой, а зло — неискоренимым.

Именно тогда появился реформатор, чья миссия состояла в том, чтобы дать Индии новую душу и оставить в ней неизгладимый след. Он спустился с уединенных мест Гималаев и звался Кришной****; его последователи отождествляли его с новым Богом, культ которого он учредил. Некоторые ученые, проявившие чудеса эрудиции для того, чтобы объяснить все древние религии с помощью солярных мифов, хотели видеть в Кришне лишь персонификацию Солнца. Но религия, которую он принес в мир и с которой связывают его имя, характеризует жизнь ее основателя гораздо лучше, чем любое жизнеописание. Именно Кришна дал индусской душе нежность по отношению к природе, Страсть мечты и жажду бесконечности. Он привнес в нее глубокий багряный цвет, напоминающий пурпур ее вечеров, с оттенком индиго.

В ведические времена, Вишну был лишь одной из форм солнечного бога, олицетворяющего дневной ход небесного светила, которое, поднимаясь, восходя к зениту и опускаясь, в три шага преодолеvalo свой путь. Кришна создал из него солнечный Глагол (духовную власть), второе лицо в божественной иерархии, видимое проявление Брахмы через мир душ и живых существ, но особенно через человечество. Кришна был отшельником, который, пребывая в глубоком уединении, с детства испытывал огромную любовь к жизни и красоте, но не как желание, а как сочувствие. Он не осуждал жизнь в ее первоисточнике, как это был вынужден делать Будда. Он ее освящал как путь спасения, способный привести душу к благочестию и совершенству. Он указал ей перспективу возможного освобождения и преобразования. Всякий раз, говорил он, когда мир в нем нуждается, т.е. когда мир приходит в упадок, Вишну воплощается в мудреца или в святого для того, чтобы напомнить о его высоком происхождении. Будучи высшим сознанием Брахмы, Вишну приходит исправить в какой-то мере неизбежные ошибки Бога-творца, который из-за своей бесконечной раздробленности в живых существах, из-за их громадного числа позволяет им удалиться от своего возвышенного источника. Морские и земные чудовища являлись лишь предварительными набросками и неизбежными ошибками Брахмы, точно так же, как грехи и преступления людей являются их бессознательными и произвольными ошибками. Кришна одновременно учил любви к жизни в ее многообразных формах, жизни, которая представляет собой нисхождение Души универсума в материю, ее *инволюцию* во все существа, — любви к Богу, которая является человеческой *эволюцией* этой индивидуализированной души, ее возвращением к своему истоку. Для этого он предлагал следующие средства: любовь, доброта, сострадание, познание и вера, — наконец, полное

отождествление мысли и существования со своей первопричиной *Атмой*, божественным Духом.

Так была вновь установлена связь между двумя противоположными мирами, между ужасным Шивой, Необузданным Богом буйной природы и животных страстей, с его демонической свитой, и Брахмой, Богом чистого Духа, парящего в небесах на символическом лотосе, окруженного сонмом блистательных богов, которых он усилием своей мысли направляет сквозь многоцветную вуаль Майи в лоно мировой души, своей божественной супруги. Ибо теперь *Шива-Разрушитель* являлся лишь хаотичной, спутанной и искаженной копией высшего Бога, зловещей тенью *Брахмы-Творца* в низшем мире, в то время, как его Сын, *Вишну* — божественный посланник, летающий на крылатом Гаруде с неба на землю и с земли на небо, стал *Посредником* и *Спасителем*.

Великолепная, удачная концепция, которая идеально подходила к этническому материалу Индии. Три мира (Дух, Душа и Тело), представленные тремя богами (Брахма, Вишну, Шива), точно соответствовали социальной конструкции, образу универсума, составляли, подобно ему, органичное целое. Каждому из трех социальных классов придавался определенный культ и функция, соответствующие его потребностям и способностям. У *духовно развитых интеллектуалов*, представленных брахманами, был культ Брахмы с соответствующей божественной наукой, образованием и обучением. У тех, *страстных интеллектуалов*, представленных царями и воинами, был культ Вишну, который внушал героизм и энтузиазм. Им принадлежала материальная власть и право вершить правосудие. Для *инстинктивных людей*, представленных низшей расой, предназначен культ Шивы, которого брахманы усиленно старались облагородить, делая из него бога природы и стихий, определяющего инкарнации и повелевающего жизнью и смертью. Итак, божественная троица, воплощенная в структуре универсума и человека, отражается также в социальной организации для поддержания в ней, насколько это возможно, единства и гармонии. Добавим, что брахманы открыли для членов низших каст перспективу подняться на уровень выше, через праведную жизнь, но только после перехода в другую инкарнацию.

К этой концепции универсума и социального мира Кришна добавил другую инновацию, огромной важности и повлекшей за собой неисчислимые следствия. Это — прославление принципа Вечно-Женственного и Женщины. В своей героической юности арии поклонялись лишь мужскому принципу универсума, Агни, священному огню, притаившемуся в каждой вещи, который в человеке становился интеллектом, волей, действием. Прославлялась Аврора, поскольку она оставалась девой; почти все другие боги были мужского рода. Отсюда — строгий, серьезный и сильный народ. Но в цивилизации более зрелой, более утонченной и уже изнеженной, необходимо было раскрыть тайну Вечно-Женственного. Кришна без колебаний сделал это. Не является ли природа такой же божественной, как и сам творец? Не нуждался ли Бог в своих трех мирах в некой субстанции, проистекающей из него самого, в своей восприимчивой и женской противоположности для того, чтобы воплотить в определенной форме свои творения? Не воплощались ли боги в эфирной субстанции, души — в астральном свете, а живые существа — в плоть и кровь? Поэтому три великих бога имели теперь своих супругов, иногда более знаменитых, более прославляемых, чем они сами. Чистый Брахма имел Майю, тонкую субстанцию, которая его завлекала и заворачивала его в свою великолепную вуаль; Вишну имел Лакшми, богиню Любви и Красоты, искусную ткачиху душ; Шива имел Бавани, страстную возбудительницу плотских желаний, темным ликом которой является Кали, богиня Смерти. Не менее святой, не менее почитаемой становится земная женщина. Отныне супруга и мать вознесены на пьедестал. С каким пафосом Вишну-Пурана говорит о матери Кришны: «Никто не мог смотреть на Деваки из-за света, окружавшего ее, и созерцавшие ее великолепие испытывали потрясение духа; невидимые для смертных, боги постоянно славословили ее с тех пор, как Вишну заключил себя в ее личность. Они говорили: 'Ты — Слово, Энергия Творца, мать всех наук и отваги. Ты спускаешься на землю, чтобы спасти людей. Гордись тем, что несешь в себе бога, который поддерживает вселенную».

Так Женщина была восславлена Кришной как орган Вечно-Женственного, как форма божественного на земле, а вместе с ней и Любовь. Зачатая в гималайском эфире, Любовь в виде опьяняющих запахов спустилась в знойные долины, чтобы проникнуть в сердца мужчин и женщин, чтобы распространиться в поэзии и жизни, подобно пыльце лотосов, которую лебеди уносят на своих крыльях во время любовных танцев, и которая, стяхиваясь, оплодотворяет голубые кувшинки вдоль рек. Именно этот апофеоз женского принципа придал индусской душе ту особую мягкость, то глубокое уважение ко всем живым существам, ту патологическую расслабляющую нежность, источник слабости и вырождаемости, но также — проникновенного и уникального шарма.

Достигнув своего апогея, брахманский мир осуществил постановку одного из самых зрелищных спектаклей, равного которому еще не видела земля. Разумеется, эта цивилизация не имела египетской основательности, эллинской красоты, романской силы, но ее разрозненные этажи образовали строение, отличающееся удивительным богатством и импозантным величием. Можно представить, что гений, повелевающий судьбами планеты, сказал себе: «Посмотрим, каков мир можно сконструировать, смешав в один народ все земные расы. Впрочем, мы увидим то, что можно сделать с каждой из них». По крайней мере, определено, что риши и брахманы, архитекторы этой цивилизации, держали в уме модель такого плана. Здесь встретились почти все цвета кожи, все типы нравов, религий, философий, от состояния дикости до пышных празнеств королевских дворов, от самого грубого фетишизма до трансцендентного идеализма и мистицизма. Но все эти элементы, расположенные согласно закону мудрой иерархии, оформляются в многоцветную, переливающую фреску, гармонирующую с общим планом этой исполинской природы, с величественной медлительностью Ганга и головокружительной высотой Гималаев.

На вершине этого мира, но как бы в стороне и в полном одиночестве, мы замечаем скиты отшельников, находящиеся на склонах гор, на берегу чистых прудов, полноводных рек или в чаще густых лесов. Они там жили со своими учениками, погруженные в изучение Вед, молитву и медитацию. Дикие звери, находясь в состоянии необъяснимого страха, отступали перед спокойной поступью отшельников, и не осмеливались преодолеть ту невидимую преграду, которую ставил перед ними их магический взгляд. Антилопы и газели, цапли и лебеди, многочисленные птицы находились под покровительством анахоретов, которые питались рисом, кореньями и фруктами дикорастущих деревьев. Спокойствие и умиротворенность этих уединенных мест превращали их в разновидность земного рая. В драме «Сакунтала» король Душианта, спускаясь с неба на колеснице Индры, заметил на вершине какой-то горы рошу, местопребывание отшельников и воскликнул: «О! Это мирное жилище более сладостно, чем само небо! Я чувствую себя так, словно погружаюсь в озеро нектара». Это были молчаливые убежища, где безобидные мудрецы жили вдали от призывов мира, пребывая в созерцании Вечного. Можно подумать, что они не оказывали влияния на свое время, и однако это именно они тайно им повелевали. Их престиж — непоколебим, их авторитет — высочайший. Брахманы с ними советовались, цари им повиновались и иногда в старости, уйдя на покой, уединялись у них. В действительности, эти отшельники наблюдали и господствовали над брахманской цивилизацией. Именно их мысли, их религиозные и этические концепции доминировали в ней и ее формировали. Строгие по отношению к самим себе, эти мудрецы не являлись таковыми по отношению к другим. Избавленные от всяких иллюзий, но снисходительные к человеческим слабостям, они всем живым существам уделяли определенную долю своих усилий, труда и утешения. Их убежища никогда не бывали полностью закрыты ни для жизни, ни даже для любви. Иногда пожилая жена какого-нибудь брахмана основывала, под покровительством главы отшельников и в непосредственной близости от него, скит для девушек благородного происхождения, которые под видом кающихся грешниц готовились к замужеству в условиях сельской, созерцательной жизни. Именно в один из этих скитов поэт Калидаса поместил очаровательную идиллию Сакунталы. Наконец, степенные аскеты иногда поддавались влечениям чувств. Они им уступали в чрезвычайных обстоятельствах, но это приключение представлено в индусской поэзии в виде легенды, как ниспосланное провидением событие,

имеющее высшую цель. Поэты рассказывают, что когда Боги хотели заставить людей родить существо, наделенное божественными добродетелями, они отправили к весьма уважаемому аскету одну из тех небесных нимф, прозванных Апсарамы, которая преследовала его своей чарующей красотой и спустя некоторое время рождала ребенка. Анахореты его усыновляли, воспитывали и гораздо позже он становился героем или знаменитой владычицей. Не скрывается ли за этой очаровательной легендой своеобразная тайна брахманов? Означает ли она, что они иногда позволяли себе временный союз могущественного аскета с женщиной на его выбор для того, чтобы состоялась инкарнация какой-то души, готовой к высшей степени духовности? Возможно. Во всяком случае, этот факт доказывает, что брахманы рассматривали сам аскетизм как источник интеграции и духовной силы для многих поколений людей.

Нельзя вообразить более сильный контраст, чем тот, который существовал между этими уединенными убежищами и громадными, ныне уже исчезнувшими столицами легендарных времен Индии таких, как Айодхия, Индрапешта или Хастинапура. Вьяса и Вальмики описывали их как обширные и великолепные, окруженные стенами и расцвеченные флагами, с широкими, умело орошаемыми улицами, многолюдными базарами, богатыми домами с террасами и общественными садами. Посреди пестро раскрашенной толпы людей и рабов кишели многочисленные группы танцоров, певцов и бродячих артистов. Здесь в великолепных дворцах правили цари, окруженные пышным двором и многочисленным гаремом, ибо полигамия быстро заняла место патриархальных нравов первобытных ариев. Однако всегда существовала единственная королева, которая по старшинству, согласно закону, наследовала трон. Эти монархи, как полубоги наделенные всякими добродетелями, разыгрывали драму и эпопею; но, за исключением Рамы, великая душа которого просвечивала сквозь фантастические деяния и охватывала собой все существа, эти индийские цари имели в себе нечто холодное и условное. Под влиянием лести, которой их награждали придворные поэты, они часто оказывались легкомысленными, слабыми, инфантильными. Находясь в исступлении от игры в кости, царь Нааль заложил свое царство и жену, затем, охваченный отчаянием, удалился в лес. Царь Душианта, после того, как совратил Сакунталу в ските Канвы, не захотел больше ее знать и прогнал ее. Правда, эта забывчивость была мотивирована проклятием вспылчивого аскета, но характер царственного супруга от этого не перестал быть непривлекательным.

В конечном счете, именно женщина восторжествовала в индусской поэзии. Ей отводятся наилучшие роли, глубокие чувства, гордые решения. Дамаянти, Сита и Сакунтала равно обожаемы; однако они имеют индивидуальные и четко выписанные черты характера. Они блистают одна возле другой как бриллиант, сапфир и рубин. Сколько изящества, одновременно изобретательного и пылкого в Дамаянти «с прекрасными глазами и ослепительным цветом лица, удивительная красота которой заставляла бледнеть луну». Поставленная перед выбором между бессмертными Девами, требовавшими ее руки, и царем Наалем, она не поддавалась ни смущению, ни ослеплению перед славой Богов. Она их предпочла человеку, который благородно нес на своем челе тень страдания и смерти, поскольку в таком обличий «она его находит более прекрасным!»

Что касается героической Ситы, то это совершенный тип индусской супруги. Когда Рама, изгнанный своим отцом в леса, хочет уйти один, она говорит ему: «Отец не получает награды или наказания через заслуги своего сына, ни сын через заслуги своего отца; каждый из них своими собственными действиями порождает добро или зло для самого себя, не разделяя их с другими. Одна только преданная своему мужу супруга может наслаждаться счастьем, которое заслужил ее супруг; поэтому я последую за тобой во все места, куда ты пойдешь. Без тебя, благородный потомок Рагху, я не хотела бы жить даже на небесах. Ты мой повелитель, мой хозяин, моя дорога, даже мое божество; итак, я пойду с тобой; это мое последнее решение». — Что сказать об очаровательной Сакунтале? Почти не существует в какой-либо другой литературе более очаровательной молодой девушки, которая поельщает своей шаловливой грацией, наивным кокетством, вкрадчивым обаянием. Ее трепетное целомудрие распространяет благоухание невинности и сладкой неги. «Большие глаза, победоносные брови, тонкая лиана,

сгибающаяся под дуновением любви», — говорит о ней ее царственный любовник. Это — пылающая чувственность. Надо видеть «ее блестящие и томные глаза, подведенные сурьмой», чтобы угадать волнение и пылкость, скрывающиеся под ее страстным молчанием. Точно также сердце ее воспламеняется «подобно пакле, к которой поднесли огонь», а страсть угнетает ее пожирающей истомой. Но ее главной чертой, той, которая делает ее столь нежной розой в кортеже великих любовниц, является ее симпатия ко всем живым существам. Соответственно, все существа, звери и растения, тянулись к ней. Она отзывалась о лиане, что она поливает «свою сестру», она подкармливала маленького олененка, и даже ее имя означало «покровительница птиц». Действительно, Сакунтала была индийской Евой этого тропического рая, где нежное братство объединяло людей, животных, деревья и цветы. Все то, что дышит, священно в имени Брахмы, ибо все живое имеет душу, его частицу.

Итак, космическая сила, призванная Кришной под именем Вечно-Женственного, снизошла в брахманский мир, в сердце женщины для того, чтобы распространиться в этой цивилизации двумя потоками: супружеская любовь и симпатия к живой природе.

Но не только в образе страстной супруги и девственницы, проникающей в душу природы, брахманизм воплотил свой идеал Вечно-Женственного. Он еще придал ему пластическое выражение и связал его тонкой духовной связью со своими наиболее глубокими религиозными тайнами. Он сделал из женщины инструмент искусства, экспрессивного посредника божественного с помощью красоты поз и жестов. По правде говоря, именно в этом его аристократическое творчество представляется наиболее оригинальным. Я хочу рассказать о *девадасси*, т.е. о священной танцовщице. Сегодня она нам более знакома в выродившейся форме баядерки. Обольстительная куртизанка заставила забыть прежнюю девственницу храма, выразительницу воли богов. В прекрасные времена брахманизма именно она была средством, позволявшим оживить в глазах толпы те чувства и идеи, которые у элиты вызывала поэзия. По легенде, бог Кришна обучал пастушек священным танцам, т.е. он их учил передавать с помощью жестов и ритмичных движений величие героев и богов. Этот, по сути, символический танец был гармоничным сочетанием ритмического танца и пантомимы. Он передавал скорее чувства, чем страсти, скорее мысли, чем действия. Это было не искусство имитации, а искусство выражения и прославления внутреннего мира. Итак, брахманы имели в своих храмах подлинных коллег в лице молодых девушек, опекаемых старшими женщинами, обученных искусству религиозных танцев. Предназначенные для более строгих церемоний, эти грациозные балерины почти не появлялись в обычных публичных празднествах. Их замысловатая хореография сопровождала чтение перед народом священных поэм, и их жизнь исчерпывалась в этой функции.

Но можно создать себе лишь несовершенное представление об этих танцовщицах и о том уважении, которое они вызывали у толпы, если не вспомнить ту мистическую идею, религию, которая их наделяет полномочиями. В ведической религии *Апсары* являются небесными нимфами, танцовщицами Индры. Они символизируют лучезарные души, обитающие вокруг Девов, служат им вестниками для людей и иногда воплощаются в женщину. В какой-то мере храмовая священная танцовщица выполняла мистическую роль Апсары в мифологии. Она была посредницей между небом и землей, между богами и людьми. На народных праздниках они своей красотой и своими позами передавали глубокие религиозные символы, своей выразительной мимикой они разъясняли те священные поэмы, которые индусские барды, *бхараты*, речитативом исполняли перед народом. Отсюда проистекает высокий ранг первых баядерок в храмах, и отсюда же происходит имя *девадасси*, означающее «служашая богам»*****.

Что же происходило на подступах к столицам древней Индии, возле большой пагоды с пирамидальной крышей и священным прудом, которые ее окружали. Дневная изнуряющая жара уступает место чарующей прохладе ночи. Небесный свод украсили звезды, напоминающие пыльцу сандалового дерева, и луна дополняет эту декорацию, плавающая в небе подобно лебедю в

озере. Обширный двор освещен «светящимися деревьями». На эстрадном возвышении — царь со своей свитой. Вокруг него — огромная толпа народу, в которой представлены все классы, вплоть до париев. В полном молчании все слушают голос рапсода, который, стоя на террасе храма, взывает к давно минувшим временам и миру героев. Внезапно шепот пробежал по толпе. Из освещенного портика пагоды величественно выходит кортеж иератических танцовщиц, с колокольчиками на лодыжках, со шлемами и тиарами на головах шелковые *лангути* скрывали их гибкие члены, плечи украшали золотые блески или маленькие крылышки. Великолепный корифей несет царские вещи, диадему и доспехи, сверкающие драгоценными камнями. Звучат струнные инструменты, барабаны задают ритм, а танцовщицы начинают свое представление. Они сплетаются в гирлянду или выстраиваются на террасе наподобие жемчужного ожерелья. Затем, подстраивая свои шаги под музыку и интерпретируя речитатив рапсода, они в благоговении падают ниц перед величественным корифеем, или окружают его выразительными группами, гибкие как лианы, с невесомыми руками и чувствительными пальцами. И тогда просветленные девадасси с лицами цвета янтаря и опала, с удлинёнными глазами, действительно становятся вестницами Девов, подлинными Апсарами. Ибо кажется, что они приносят людям в своих нежных руках девственниц души героев и воплощают их в своих возбужденных телах как в чистых и благоухающих чашах...

Понятно, что насытившись такими спектаклями, даже пария имел хотя и отдаленное, но грандиозное предчувствие о сокровенных тайнах ведической мудрости и о некоем божественном мире.

* Эта точка зрения была замечательно освещена графом Гобино в его неординарной, но гениальной книге *L'Inegalite des races humaines* (Неравенство человеческих рас).

** Виктор Анри, *Les Litteratures de l'Inde* (Литература Индии), 1904.

*** Описание одного из этих змей можно найти в «Вишну-пуране» под именем *Калайени*.

**** См. «Легенду о Кришне» в моей книге «Великие Посвященные».

***** Скульптуры *девадасси* в грациозных разнообразных позах можно обнаружить в горельефах и фризах великолепного храма Ангкор-Том в Камбодже.

* * *

Можно ли сказать, что эти воззвания к девадасси являются лишь идеальными мечтаниями относительно баядерки, сирены, одурманивающей изяществом и сладострастием? — Но не такими были впечатления тех, кто посетил колоссальные руины Ангкор-Том в Камбодже и кто на себе испытал странное обаяние его удивительных скульптур*.

Архитектурное чудо исчезнувшей цивилизации, эти руины внезапно появляются как некий фантастический город в глубине огромного леса, дикое уединение которого защищало их, заполнив их до половины пышной растительностью. Путешественник проникает внутрь святилища через дверь, над которой возвышается огромная маска Брахмы с двумя высеченными из камня слонами по бокам, которых лианы в течение тысячелетий сжимают в своих объятиях, не имея сил их задушить. Посреди священного города высится центральная пагода, разрушенный собор. Посетитель входит внутрь храма и часами бродит под темными сводами этих бесконечных монастырей, где в полутьме возникают грозные великаны. Он поднимается и спускается многочисленными лестницами, проходит дверь за дверью, теряется в лабиринте беспорядочных дворов. Иногда, подняв глаза кверху, он замечает изумительные головы Девов в раскрашенных митрах, грифонов или святых, высеченных из камня. Голова Брахмы, репродуцированная в четырех лицах на капителях колонн, голова гигантская и невозмутимая, размноженная до бесконечности, его рассматривает, надоедает, преследует его одновременно со всех сторон. На стенах и фризах бесконечная череда горельефов

иллюстрировала эпопею Рамаяны, как если бы легендарный герой пересекал храм со своей армией обезьян для того, чтобы завоевать Цейлон.

В этом пандемониуме чудовищ, людей и богов один персонаж особенно поражает внимательного посетителя. Это — фигура хрупкой, воздушной, удивительно живой женщины. Это — небесная нимфа, божественная Апсара, изображенная в виде божественной танцовщицы. Повсюду видны ее изображения в различных позах, одной или в группе, то выпрямившейся и задумчивой, то изогнувшейся в волнообразном движении с отведенной ногой, или с руками, сложенными на голове и томно прогнувшейся. Иногда в нижней части стены она кажется останавливающей грациозным жестом лавину воинов и колесниц, иногда можно заметить целую дюжину этих девадасси, образующих на фронтоне ритмическую цепь из своих танцевальных па, как бы для того, чтобы пригласить тяжеловесных ратников последовать за ними в их стрекозий полет. Многие из этих скульптурных танцовщиц имели венчик нимфы и держали в руке лотос. Они как цветы, распускающиеся в чаше всеобъемлющей жизни, возбуждали расцвет души, как колокольчик — серебристый звук, и кажется будто они желают унести в бурном танце в звездный сон Брахмы.

Таким образом, священный танец — это утраченное искусство, которое граничит с религиозным экстазом, искусство, где мысль народа воплотилась в живой пластике, эта психическая и телесная магия, подлинное значение которой не разгадали ни ученые, ни историки, ни современные философы, искусство таинственным образом вновь оживает в величественных руинах Ангкор-Тома, под гигантскими пальмами и акациями, мерно покачивающимися своими зонтичными и остроконечными вершинами над молчаливыми храмами.

* См. литографии, на которых изображены общий вид и отдельные детали храмов Ангкор-Том и Ангкор-Ват в книге Анри Муо *Voyage au Siam et au Cambodge* (Путешествие в Сиам и Камбоджу) и главу об «Искусстве кхмеров» в любопытной книге Эмиля Сольди *Arts inconnus* (Неизвестные искусства).

Глава II. Жизнь Будды*

Брахманская цивилизация проявила свое величие на протяжении многих тысячелетий, удерживая равновесие в условиях расовых войн, соперничества царских династий и нововведения народных культов. Это равновесие пришло к ней от ведической мудрости, сила которой еще сохранялась. Однако, в шестом или седьмом веке до нашей эры проявились первые признаки упадка. Несмотря на религиозное единство, преобладавшее над разнообразием сект, Индия, разделенная на множество царств, была ослаблена сверху до низу и созрела для иностранных вторжений, сигнал которым подаст Александр Великий три века спустя. Ведя междуусобные войны и занимаясь интригами в гареме, изнеженные полигамией цари увязали в роскоши и лени, в то время как народ вырождался в результате наплыва низших рас. Перед храмами Шивы фанатичные факиры, карикатуры на настоящих аскетов, усердствовали в безобразном умерщвлении плоти под предлогом достижения святости. Священным девам, девадассам, которые всегда присутствовали в храмах Брахмы и Вишну, теперь противостояли жрицы богини Кали. Своими глазами, более зажигательными, чем их горящие факелы, глазами, где горит неутолимая жажда сладострастия и смерти, они завлекают очарованных верующих в свои сумрачные храмы. Парии предавались более грубым удовольствиям еще и потому, что хотели забыть свои страдания и тяготы рабства. Со дна этого общества доносились жалобные стоны, смешанные с криками дикой радости, с миазмами порока и дыханием растлевающих страстей, угрожающих его светским добродетелям и духовным завоеваниям.

Последние еще сохранялись брахманами. Ибо на вершине этого мира рядом с ними всегда стояла на страже традиция, незапятнанная мудрость. Но, по мере старения, ее сфера также

сжималась. Она потеряла первоначальную спонтанность, свое масштабное ясновидение, обращенное как к Космосу, так и к внутреннему миру. Застывшая в абстрактных формулах, она окостенела в ритуализме и педантичной схоластике. От нее осталась лишь ее чудесная наука о прошлом, но она начала разрушаться. Счастливы народы, которые опьяненные действием, пьют воды Леты и забывают о своей одиссее по этому миру! Они думают о себе, что родились вчера, потому что со временем они возрождаются в нем от одного глотка надежды и жизни, брахманы согнулись под тяжестью человеческого прошлого. Века, тысячелетия, *кальпы*, или мировые периоды повисли на их плечах, как гигантская масса Гаоришанкара, а их руки опустились в изнеможении, как ветки старых кедров, согнувшихся под тяжестью снега. По мере того, как арии Индии постепенно утратили дух завоеваний и приключений, брахманы утратили веру в человеческое будущее. Заключенные в кольцо гималайских гор, отрезанные от других народов, они предоставили свободно размножаться развращенным массам и углубились в свои спекулятивные размышления. В *Упанишадах* присутствуют возвышенные мысли, воззрения удивительной глубины, но одновременно в них чувствуется отсутствие отваги, равнодушие и пренебрежение. В своем стремлении к поиску единения с *Атмой*, чистым Духом, в своем эгоистическом созерцании брахманы забыли о мире и людях.

В этот момент из брахманского мира внезапно появился человек, который первый осмелился сражаться с ним до конца. Но, что удивительно, сражаясь с ним, он должен был довести до крайнего предела свою тайную мысль и зафиксировать свой моральный идеал в незабываемом образе совершенной отрешенности. Его учение нам представляется как преувеличение и негативная изнанка брахманизма. Это — последний залп индусского гения в океане бесконечности, залп дерзости и утраченной отваги, завершившийся провалом. Но, как мы увидим, из этого поражения выделились две великие идеи как две перелетные птицы, избежавшие кораблекрушения. Плодотворные идеи, идеи-матери, они будут содержать в себе квинтэссенцию античной мудрости Запада, который ее трансформирует согласно своему гению и своей миссии.

*** В этом этюде я в основном пользовался ценнейшей книгой Германа Ольденберга *Buddha, seine Lehre, seine Gemeinde* (Будда, его жизнь, его община). 1881. Знаменитый немецкий индолог собрал в этом труде и сгруппировал рукой мастера наиболее древние и наиболее аутентичные документы о жизни Гаутамы Шакьямуни. Тем самым он придал этой исторической личности ту реальность, которая часто оспаривалась. — Само собой разумеется, что, опираясь на положительные результаты этой замечательной работы, я оставил себе достаточно свободы, чтобы с эзотерической точки зрения проникнуть и обрисовать психологию, посвящение и труд индусского реформатора.**

1. — Юность Будды

Между непальскими отрогами Гималаев и рекой Рохини процветала когда-то племя Шакья. Это слово означает *Силы*. Обширные болотистые равнины, увлажняемые горными потоками, труд человека превратил в богатый и цветущий край, перемежающийся густыми лесами, рисовыми плантациями, обширными лугами с пасущимися великолепными лошадьми и тучными коровами. Здесь, в шестом веке до нашей эры родился ребенок, носящий имя Сиддхартха. Его отец Шуддходана был одним из многочисленных царей этого края, суверенно правящего в этой области, как это сегодня официально осуществляют раджи. Имя Гаутама, которое традиция дала основателю буддизма, вероятно указывает на то, что его отец был выходцем из семьи ведических певцов, носящих это имя. Ребенок, который был посвящен Брахме перед домашним очагом, где горел огонь Агни, должен был также стать певцом и заклинателем душ, но певцом особого рода. Он не должен был прославлять ни Аврору с розой на груди и блестящей диадемой, ни солнечного Бога со сверкающим луком, ни Амура, стрелами которого являются цветы, и одно дыхание которого одурманивает подобно сильным духам. Он должен был запевать мрачную мелодию, странную и грандиозную, и попытаться завернуть людей и богов в звездный саван Нирваны. Огромные неподвижные глаза этого ребенка, светившиеся под необычайно выпуклым лбом (именно таким традиция всегда изображала Будду), смотрели на мир с удивлением. В них была бездна грусти и смутное воспоминание. Гаутама провел свое

детство в роскоши и праздности. Все ему улыбалось в пышном саду его отца — заросли роз, пруды, заросшие лотосами, ручные газели, прирученные антилопы и птицы всевозможных оперений и расцветок, которые кишели в тени асокая и манговых деревьев. Но ничто не может прогнать преждевременную тень, которая лежит на его лице, ничто не может успокоить тревогу его сердца. Он был из тех, кто не говорит, поскольку слишком много думает.

Две вещи отличают его от остальных людей, отделяют от подобных ему, словно бездонная пропасть: с одной стороны, безмерная жалость к страданиям всех живых существ; с другой — страстный поиск основы всех вещей. Голубь, терзаемый ястребом, собака, гибнущая от укуса змеи, наполняли его ужасом. Рев диких зверей в смотровых клетках для животных казался ему более мучительным, еще более ужасающим, чем предсмертные хрипы их жертв, и его трясло крупной дрожью, но не от страха, а от сочувствия. Как он мог, после таких эмоциональных потрясений, веселиться на царских празднествах, участвовать в жизнерадостных танцах, присутствовать при битвах слонов, наблюдать за кавалькадами мужчин и женщин, шествующих под звуки барабанов и кимвалов? Почему Брахма создал этот мир, полный ужасных мучений и безрассудной радости? Куда стремятся, куда идут все существа? Что ищут эти стаи перелетных лебедей, которые весной улетают выше облаков, к горным вершинам и возвращаются в сезон дождей к Ямуне и Гангу? Что находится за черными горными массивами Непала и громадными снежными куполами Гималаев, громоздящимися в небе? И когда удушливым летним вечером певец, славящий какую-то женщину, выходил на сводчатую галерею дворца, почему зажигалась одинокая звезда, сверкающая на красном горизонте знойной долины, изнывающей от жары и черной от оцепенения? Для того ли, чтобы ему сказать, что она тоже дрожит от неутоленной любви? Означает ли это, что в том отдаленном мире та же мелодия зарождается в безмолвии космоса? Что здесь внизу царит та же истома, то же бесконечное желание? В этот или иной раз и как бы разговаривая сам с собой, молодой Гаутама задавал эти вопросы своим друзьям, наставникам, родителям. Его друзья, смеясь, отвечали: «Какое нам до этого дело?» Брахман-наставник говорил: «Может быть мудрые отшельники это знают». Его родители вздыхали: «Брахма не хочет, чтобы это знали».

Чтобы не нарушать обычая, Гаутама женился и имел от своей жены ребенка по имени Рагула. Это событие не могло ни рассеять его смятения, ни изменить направленность его мыслей. Молодого принца должны были взволновать нежные узы, которыми приковали его сердце влюбленная супруга и невинное дитя. Но что могли значить для этой души, терзаемой мировой скорбью, ласки женщины и улыбка ребенка? От этого он с еще большей тревогой воспринимал фатальность, которая привязывала его к мировому страданию, и желание освободиться становилось от этого еще более острым.

Легенда собрала в один эпизод впечатления, которые привели Гаутаму к его решительному шагу. Она сообщает, что во время прогулки Гаутама встретил старика, больного и покойника. Вид тела, шатающегося и дряхлого, тела, больного чумой и покрытого язвами, и разлагающегося трупа подействовали на него подобно удару молнии, раскрыв ему неизбежный конец всякой жизни и наиболее мрачную сторону человеческих страданий. Именно тогда он решил отказаться от царского венца и навсегда покинуть свой дворец, семью и ребенка с тем, чтобы посвятить себя отшельнической жизни. Эта легенда собирает в одной драматической сцене и в трех примерах опыт и размышления долгих лет. Но эти примеры — поразительные, они тщательно вырисовывают характер, раскрывают побудительные причины всякого существования. Один документ на языке пали, который восходит к пятому веку после смерти Будды и в котором еще ощущается живое предание, передает его разговор с учениками: «Повседневный человек, человек безрассудный испытывает отвращение и ужас перед старостью. Он знает, что старость его настигнет. Но он добавляет: «Это меня не касается». Думая об этом, я чувствую, как рушится во мне вся отвага юности». Это факт, что во всех проповедях Будды и во всей буддийской литературе старость, болезнь и смерть вновь и вновь повторяются, как три типичных примера неизбежных бед человечества.

Гаутаме было двадцать девять лет, когда он принял окончательное решение оставить дворец своего отца и полностью порвать с прошлой жизнью с тем, чтобы искать освобождения в одиночестве, а истину — в медитации. Предание в простых и трогательных словах рассказывает о его молчаливом прощании с женой и ребенком. «Прежде, чем отправиться, он подумал о своем новорожденном сыне: «Я хочу видеть своего ребенка!» Он идет в комнату своей жены и находит ее спящей на ложе, усеянном цветами, с рукой, лежащей на головке ребенка. Гаутама думает: «Если я уберу руку жены, чтобы взять ребенка, то я ее разбужу. Когда я стану Буддой, я снова приду, чтобы увидеть своего сына». Снаружи его ожидал конь Кхантака, и сын царя умчался, никем не замеченный. Он удалился от своей жены и ребенка с тем, чтобы найти покой для своей души, для мира и для богов, но они двигались за ним, как тень. Мара, соблазнительница, ожидала часа, когда мысль желания или чувство несправедливости поднимутся в этой душе, сражающейся за спасение, мысль, которая даст ей власть над ненавистным врагом»*.

* Резюме легенды, изложенной Ольденбергом.

2. — Уединённая жизнь и просветление

Далее мы видим Гаутаму, царственного потомка рода Шакья, ставшего униженным (Шакьямуни), блуждающим по большим дорогам, с бритой головой, в желтой одежде и просящего милостыню в деревнях, с плоской в руке. Сначала он обратился к высокопоставленным брахманам, прося их указать ему путь к истине. Их сложные и абстрактные ответы о происхождении мира и их учение о тождестве с Богом не могли его удовлетворить. Однако эти учителя, хранители старого предания о риши, указали ему на некоторые способы дыхания и медитации, необходимые для получения совершенной внутренней концентрации. Позже он ими воспользовался в своих духовных упражнениях. Затем он провел пять лет с отшельниками-джайнистами*, которые взяли его в свою школу в Урувале, стране Магхада, на берегу какой-то реки, где имелось прекрасное место для купания. После долгих лет подчинения их неумолимой дисциплине, он заметил, что она его ни к чему не привела. Итак, однажды он им заявил, что отказывается от их бесполезных умерщвлений плоти, и что он решил искать истину собственными силами и посредством одной лишь медитации. При этих словах фанатичные аскеты, гордящиеся своими изможденными лицами и своими скелетоподобными телами, поднялись, полные презрения, и оставили своего соученика одного на берегу реки.

Без сомнения, он тогда испытывал это опьянение от одиночества, посреди девственной природы, в этой утренней свежести, которую описывает буддистская поэзия: «Когда мой взгляд никого не встречает ни впереди, ни позади меня, как хорошо остаться одному в этом лесу. Здесь хорошо жить одинокому монаху, стремящемуся к совершенству. Один, без спутников, в любимом лесу, когда же достигну я цели? Когда освобожусь от греха?» И вечер застаёт его на том же месте, сидящим со скрещенными ногами под деревом и медитирующим, под шелест пяти тысяч листьев. «На берегу реки, усыпанном цветами, украшенном пестрым венком лесов, монах сидит, радостно предаваясь своей медитации; нет более великой радости для него»**. Пастух, очарованный простотой и степенностью, благотворной атмосферой вокруг этого молодого аскета, каждый день приносил ему молоко и бананы. Одна газель, привлеченная его мягкостью, привязалась к нему и приходила есть рис из его рук. Он был почти счастлив.

Но его мысли иступленно погружались в бесконечную спираль внутреннего мира. Днем он упорно медитировал, напряженно размышлял о самом себе и о других людях, о происхождении зла и о высшей цели жизни. Он искал объяснения фатальному сцеплению человеческих судеб с помощью тщательно отточенных, беспомощных доводов. Но сколько сомнений, сколько пробелов в доказательствах, какие бездонные пропасти! Ночью он позволял себе свободно плыть по океану мечты, но на следующий день он вновь думал о том же. И его сон становился все более прозрачным. Это было похоже на серию наложенных друг на друга вуалей, легких,

газообразных, которые, исчезая, позволяли видеть миры позади других миров. Вначале его собственная прошлая жизнь раскручивалась перед ним в обратном порядке в последовательных образах. Затем он видел себя и узнавал себя в другом обличье, с другими страданиями, как бы в другом существовании. И за этой неуловимой вуалью появлялись другие фигуры, незнакомые, странные, загадочные, которые, казалось, зывали к нему... — О бесконечное царство сна и мечты, думал Гаутама, являешься ли ты изнанкой того мира, который содержит в себе скрытые причины? Являешься ли ты изнанкой вышитой ткани, за которой неведомые силы спутывают нити, из которых сотканы живые существа и все вещи, образующие подвижную картину этого обширного универсума? — И он вновь начинал свои медитации, не в силах связать между собой подспудные течения этого многообразного хаоса. Предание гласит, что в течение семи лет Шакьямуни упражнялся во внутренней концентрации, прежде чем достиг просветления. Наконец, оно к нему пришло во время сна в виде серии экстазов. Необходимо ближе исследовать психические явления, собранные легендой в эти четыре экстатические ночи. Ибо из их особенного характера и их интерпретации вытекает и само учение Будды и весь буддизм.

Во время первой ночи Шакьямуни проник в то, что в Индии называют *Кама лока* (место Желания). Это — *Аменты* египтян, *Гадес* древних греков, *Чистилище* христиан. Эта сфера в западном оккультизме называется астральным миром, в котором психическое состояние определяется так: *сфера проницаемости*, темный и туманный хаос. Вначале он чувствовал себя атакованным разного рода образами животных, змей, диких зверей и им подобных. Его душа, ставшая прозрачной, понимала, что это ее собственные страсти, страсти предшествующих жизней, принявшие внешний облик и все еще живущие в его душе, обосновавшиеся в ней. Они рассеивались на щите его воли по мере того, как он надвигался на них. Тогда он видит свою собственную жену, такой, какой он ее любил и когда-то оставил. Он ее увидел с обнаженной грудью, глазами, полными слез, страсти и отчаяния, протягивающей ему своего ребенка. Была ли это душа его еще живой супруги, которая таким образом обращалась к нему во время его сна? Охваченный жалостью, возвращением любви, он устремился к ней, но она убежала с душераздирающим криком, которому ответил глухой стон его собственной души. Тогда его охватила со всех сторон бесконечным вихрем некая пелена, раздираемая ветром, — души мертвых, обуреваемых еще земными страстями. Эти тени преследовали свою жертву, кидались друг на друга, будучи не в силах сжать объятия, и скатывались, запыхавшись, в бездонную пропасть. Он видел преступников, неотступно терзаемых муками, которые они навлекли на себя; это испытание, в свою очередь, длится неопределенно долго, до того момента, когда ужас от содеянного убьет волю виновного, до того времени, когда слезы убийцы смоют кровь жертвы. Этот мрачный регион в самом деле был адом, ибо диапазон мучений в нем колебался от пылающих костров желания, которое невозможно утолить, до темного ужаса от пребывания в ледяной пустоте. Шакьямуни заметил князя этого царства. Это был тот, кого поэты изображают в виде Камы, бога Желания. Только вместо пурпурной одежды, короны из цветов и смеющихся глаз за туго натянутым луком, он был одет в какой-то саван, покрытый пеплом, и размахивал пустым черепом. *Кама* стал *Марой*, богом Смерти.

Когда Шакьямуни проснулся после первой ночи своего посвящения, он был весь в холодном поту. Его ручная газель, его верный спутник, убежала. Испугалась ли она теней, задевших ее хозяина? Почувствовала ли она бога Смерти? Гаутама оставался неподвижным под деревом медитации с его пятью тысячами шумящих листьев, поскольку оцепенение мешало ему двигаться. Пришедший заботливый пастух вернул его к жизни, принеся ему шипучее молоко кокосового ореха.

На следующую ночь отшельник вошел в мир счастливых душ. Перед его закрытыми глазами проходили плавающий страны, воздушные острова. Восхитительные сады, цветы и деревья, благоуханный воздух и птицы, небо, звезды и прозрачные облака, похожие на дымчатую кисею, казалось ласкали душу, говорили изысканным языком любви и облекались в значимые формы для того, чтобы выразить человеческие мысли или божественные символы. Он видел эти души, шагающие попарно или группами, абсорбированные одни другими или лежащие у

ног повелителя. И счастье, которое через край било из их глаз, исходило от их поз и слов казалось изливалось из какого-то высшего мира, который парил над ними, к которому иногда тянулись их руки и который их всех спланивал в некую небесную гармонию. Но вдруг Гаутама увидел несколько бледных и дрожащих фигур. Тогда он заметил, что каждая из этих душ была связана с адским миром тончайшей нитью. Эта нитевидная сеть спускалась в глубины сквозь пурпурное облако, которой поднималось из бездны. По мере того, как это пурпурное облако поднималось, оно густело, а воздушный рай становился более бледным. И Гаутама разгадал смысл своего видения. Он понял, что эти тонкие нити были неисчезнувшими привязанностями, остатками человеческих страстей, неутоленных желаний, которые всегда связывали эти счастливые души с землей и рано или поздно втягивали их в новые инкарнации. Увы, в перспективе после небесного свидания следовали новые прощания, новые рассеивания, в лабиринте испытаний и страданий, — и в конце, возможно, вечное отделение!..

Когда Шакьямуни проснулся утром после второй ночи, перелетные лебеди пролетели в облачном небе. И очнувшись от своего райского видения, он стал еще более печальным, чем когда вышел из адских сновидений. Ибо он подумал о будущих судьбах всех этих душ, об их бесконечных блужданиях.

В третью ночь он с невероятным усилием поднялся в мир богов. Добравшись, наконец, туда, нашел ли он там желанный покой? Это было непередаваемое сновидение, возвышенная панорама невыразимого величия. Сначала он увидел лучезарные Архетипы, блиставшие на пороге мира Девов, сверкающие круги, треугольники, звезды, различные формы материального мира. Затем перед ним предстали космические силы, боги, которые почти не имеют постоянной формы, но которые работают, преобразуясь, в венах этого мира. Он видел огненные колеса, круговороты света и тьмы, звезды, которые превращались в крылатых львов, в гигантских орлов, в головы, вспыхивающие излучением океана пламени. От этих фигур, которые появлялись, исчезали, трансформировались или умножались со скоростью света, исходили во всех смыслах световые течения, изливавшиеся в универсум. Эти жизненные потоки уходили, закипая ключом на планетах, ударяясь об их поверхность и придавая форму всем существам. Как только он смешался с этой кипучей жизнью через некую разновидность вездесущности, то оказавшись в упоительном умопомрачении, вдруг услышал крик человеческой боли, поднимающийся к нему из бездны, как нарастающий прилив криков отчаяния. Тогда он открыл себе нечто такое, что показалось ему ужасным. Этот нижний мир, мир борьбы и страдания, именно боги его создали! Более того, они осознали самих себя, они выросли вместе со своим миром; и вот теперь, наблюдая за ним, но неотделимые от своей сущности, они жили своим чудовищным откатом! Да, бессмертные боги были облачены в одежду из огня и света, исходивших из их сердца; но для людей этот огонь стал страстью, а свет — тревогой, томлением. Они питались дуновением человеческой любви, которую они возбуждали, они дышали ароматом поклонений и дымом мучений. Они пили все эти душевные приливы, наполненные желанием и страданием, подобно тому как штормовой ветер пьет пену Океана... Следовательно, они были виновны, они тоже! И по мере того, как наблюдаемое панорама захватывала все более обширные временные и пространственные перспективы, по мере того, как его дух перелетал от одного века к другому, он видел этих богов, вовлеченных в финальную катастрофу их миров, поглощаемых космическим сном, принуждаемых умереть и вновь родиться (они тоже, из вечности в вечность), производя на свет всегда несчастные миры!

Тогда целый универсум предстал перед Шакьямуни в образе ужасающего колеса, к которому привязаны все существа, вместе с людьми и богами. Нет никакого средства избежать этого неумолимого закона, заставляющего вращаться колесо. Невозмутимо, от жизни к жизни, от инкарнации к инкарнации, все существа, всегда безуспешно вновь и вновь вовлекаются в одно и то же действие и безжалостно превращаются в прах, проходя через страдания и смерть. Позади, как и впереди, простирается неизмеримое прошлое, неизмеримое будущее страдания из-за бесконечной последовательности существований. Неисчислимые периоды этого мира растянуты на миллиарды лет. Земли, небеса, ад, места пыток рождаются и исчезают, как будто

они возникли для того, чтобы затем быть унесенными в вечность. Как избежать этого круговорота? Как положить конец жизненным страданиям?

От этого видения аскет пробудился в ужасном помутнении разума. Северный ветер всю ночь дул над деревом. познания с его пятью тысячами шумящих листьев. День едва занимался и лил холодный дождь. Газель вернулась и лежала у ног отшельника, облизывал свои окоченевшие ноги. Он потрогал ее; она вся была холодной. Тогда он взял ее на руки, чтобы согреть ее у своего сердца, и Шакьямуни, прижимавший к своей груди бедную газель, на какое-то время утешился, позабыв о страданиях мира.

Гаутама не имел привычки молиться. Он ничего не ожидал от богов, надеялся лишь на себя и свою медитацию. Он на них не сетовал, он их не обвинял. Он лишь окружил их своей огромной жалостью. Не были ли они сами вовлечены в роковую иллюзию становления своим универсальным желанием, необузданной жадной быть и жить? Как боги, которые не могут сами себя спасти, могли бы спасти людей? — Однако, перед четвертой ночью Шакьямуни, угнетенный тревогой, попросил Неназываемого, Непроявляемого, Того, чье ясновидение невозможно даже заметить, открыть ему тайну вечного покоя и блаженства.

Засыпая, он вновь увидел ужасное колесо существований в виде темного круга, облепленного человеческим муравейником. Неутомимое колесо медленно проворачивалось. Здесь и там несколько доблестных сражающихся, несколько возвысившихся аскетов внезапно появлялись над темным кругом в виде светящегося гало. Это были мудрые аскеты. Бодхисатвы, которые ему предшествовали. Но ни один из них не достиг окончательного покоя и подлинного спасения. Ибо все они падали в темный круг, все они были вновь захвачены роковым колесом. — Тогда Шакьямуни испытал наиболее сильное из своих потрясений — крушение всего его существа вместе с видимым миром. Но за этим высшим страданием следовало несказанное блаженство. Он чувствовал себя погруженным в глубокое море молчания и покоя. Здесь нет больше форм, света, треволнений жизни. Его существо восхитительным образом растворилось в спящей душе мира, на которую больше не воздействовало никакое дуновение, и его сознание исчезло в этой блаженной необъятности. — Он достиг Нирваны.

Если Шакьямуни имел желание пройти дальше и силу для того, чтобы подняться над космическим сном, то он бы услышал, увидел и почувствовал еще нечто иное. Он слышал изначальный Звук, божественное Слово, порождающее Свет; он слышал ту музыку сфер, которая сотрясает звезды и миры. Уносимый на волнах этой гармонии, он увидел сверкание духовного Солнца, творческого Глагола. Здесь высшее желание любви отождествлялось с пламенной радостью священного. Здесь все проникало во все, ибо видно было, как поток времени выходил из вечности и вновь в нее возвращался. Здесь ничего не отделено, и одно вместе со всем образуют полноту бытия. Здесь парят над всеми горестями, ибо они могут трансформироваться в радости. Здесь все страдания коренятся в уникальном блаженстве, как цветовая гамма призмы в солнечном луче. Здесь достигают покоя в возвышенном действии, а состояния высшей личности — в абсолютной самоотдаче. Здесь не осуждают жизнь, поскольку пьют божественную сущность в своем источнике. Свободные, полностью освобожденные и отныне неподвластные ударам судьбы, сюда возвращаются, чтобы вновь сделать ее еще более прекрасной. Из этой сферы Воскрешения, подготавливаемой египетской мудростью и Элевсинскими мистериями, должен был спуститься Христос.

Но Шакьямуни практически не был предназначен к тому, чтобы познать в мире Глагол творческой Любви. Однако его роль была великой, ибо ему должна была открыться религия милосердия и закон, который связывает между собой человеческие инкарнации. Но он остановился в своем посвящении на *мистической Смерти*, вместо того, чтобы возвыситься до *Воскрешения. Нирвана*, из которой преимущественно хотят сделать переход к божественному состоянию, является лишь его порогом. Будда его фактически не переступил***.

Предание гласит, что после четвертой ночи своего просветления Гаутама испытал огромную радость, новая сила наполнила его и пробудила в нем великую смелость. Он почувствовал, что через достижение Нирваны он навсегда освободился от всякого зла. Окунувшись в смерть, как в воды Стикса, он почувствовал себя непобедимым. Гаутама Шакьямуни выжил. С ног до головы, от мозга костей до вершины души он стал Буддой, *Пробужденным*. С помощью завоеванной истины он хотел спасти мир. Он провел много дней в размышлении о том, что он преодолел. Он отдавал себе отчет, что существует тайная логика, которая связывала между собой его видения. Таким путем он пришел к формулированию своего учения, воспроизводя в своем уме цепь причин и следствий, которые приводят к страданию. «От незнания приходят формы (Шанкара), формы мысли, которые придают форму вещам. От форм рождается сознание и, таким образом, через длинную серию промежуточных стадий, от чувственных желаний рождается привязанность к существованию, от привязанности приходит становление, от становления — рождение, от рождения — старость и смерть, боль и стоны, огорчение, печаль, отчаяние. Но если первая причина, незнание, ликвидирована, то вся цепь следствий разрушается и зло тут же побеждено». В итоге, следует убить желание, чтобы упразднить жизнь, и таким образом отрезать зло в его корне. Заставить всех людей войти в Нирвану, такова была мечта Будды. Зная то, что ему следует сказать брахманам и народу, Шакьямуни покинул свое убежище, чтобы вернуться в Бенарес и там проповедовать свое учение.

* *Джайнисты* (имя которых означает *Победители*) были сектой фанатичных аскетов. Она существовала на юге Индии задолго до буддизма и имела с ним много аналогий.

** *Тхерагата*, поучение *Экавихерайи*.

*** Я попытался здесь поставить *Нирвану* на свое место среди психических явлений посвящения. Это существенно для того, чтобы лучше понять личность Будды и его роль в мире. Ибо его учение и его подвижничество вытекают отсюда. Значение какого бы то ни было посвященного, реформатора или пророка в первую очередь зависит от интенсивного и непосредственного усмотрения определенной истины. Его учение является ни чем иным, как рациональной экспликацией этого феномена посвящения, который в той или иной форме всегда является откровением или духовным вдохновением. *Нирвана* появилась как предпоследний этап высокого посвящения, разгаданного Персией, Египтом, Грецией, и которое Христос пришел осуществить. То, что буддизм называет *угасанием* или *прекращением иллюзии*, является таким образом, лишь промежуточным психическим этапом, нейтральной фазой, инертной и аморфной, которая предшествует извержению высшей истины. Но это большое дело и великая роль иметь, как Будда, полностью реализовавший в своей жизни все фазы посвящения, как Христос должен быть реализовать их в своей жизни, увенчав их воскрешением.

3. — Искушение

Как все пророки, Будда должен был пройти через испытание, прежде, чем выполнить свою задачу. Нет реформатора, который не прошел бы через искушение сомнением в отношении самого себя перед тем, как атаковать силы жизни. В самом начале препятствия вырастали подобно горе, и тяжелый труд, растянутый на многие годы, представляется глыбой, которую необходимо вкатить на вершину. Легенда повествует, что демон Мара ему шептал: «Войди в Нирвану, совершенный человек, время Нирваны пришло для тебя». Будда ему ответил: «Я не войду в Нирвану, пока святая жизнь не будет возрастать и не распространится среди народа, и пока не будет правильно проповедоваться среди людей». Затем к нему приблизился какой-то брахман и сказал ему с презрением: «Мирянин не может стать брахманом». Будда ответил: «Настоящий брахман — это тот, кто изгнал из себя всякую злость, всякую насмешку, всякую нечистоту». Люди терпели неудачу при попытках достичь Блаженства, ибо этому мешают различные стихии. Гроза, проливной дождь, холод, буря, тьма воздействуют на них. Этот заговор стихий против Будды представлял собой последний и яростный приступ страстей, изгнанных ранее душой святого. Они теперь пришли к нему извне с тем, чтобы обрушиться на него всем скопищем сил, от которых они (страсти) происходят. Чтобы дать почувствовать оккультное значение события, произошедшего тогда, легенда использует определенный символ: В этот момент, повествует она, царь змей, Мукалинда, вышел из своего тайного царства, обвил тело Будды семь раз своими кольцами и защитил его от бури. Спустя семь дней,

когда царь змей Мукалинда увидел, что небо стало ясным и безоблачным, он снял свои кольца с тела блаженного, принял образ юноши и приблизился к возвысившемуся, сложив руки в поклонении. Тогда облагороженный сказал: «Отраднo одиночество блаженного, познавшего и увидевшего истину». Змей Мукалинда представляет здесь астральное тело человека, местонахождение чувственности, которое пронизывает физическое тело и образует вокруг него лучистую ауру, в которой для глаза ясновидящего страсти отражаются в виде различных окрасок. Во время сна астральное тело в форме спирали вместе с сознающим «я» покидает свое физическое тело. Тогда оно напоминает змея. Именно в этом астральном теле*, пребывают и вибрируют человеческие страсти. Именно через него на человеческое существо воздействуют все хорошие и плохие влияния. Управляя им и организуя его по своему желанию, посвященный или святой могут его трансформировать в непробиваемый панцирь против всех внешних атак. Таков смысл змея Мукалинды, который сворачивал свои кольца вокруг тела Будды и защищал его от бури страстей. Он имеет еще и иной смысл. На определенном уровне посвящения ясновидящий замечает астральный образ низшей и животной части своего существа, части, эволюционировавшей в предшествующих воплощениях. Необходимо выдержать это зрелище и убить чудовище мыслью. Иначе невозможно проникнуть в астральный мир, а тем более в духовный и божественный миры. Это видение в оккультной традиции называется *стражем порога*. Гораздо позже, после долгих испытаний и поразительных побед, посвященный встречает свой божественный прототип, образ своей высшей души в идеальной форме. Вот почему змей Мукалинда преобразился в прекрасного юношу, как только шквал низшего мира улегся.

* Парацельс называет его так, поскольку оно находится в магической связи со звездами, которые входят в состав нашей солнечной системы. Западный оккультизм воспринял этот термин.

4. — Обучение и буддистская община. Смерть Будды

Будда начал свое проповедование в Бенаресе. Сначала он обратил в свою веру пятерых монахов, которые стали его ревностными сторонниками, и которых несколько позже он отправил проповедовать свое учение дальше, говоря им следующее: «Вы освободились от всех привязанностей. Идите же по всему миру ради спасения народа, к радости богов и людей». Чуть позже тысяча брахманов из Урувелы, которые следовали наставлениям Вед, поклонялись огню и совершили омовение в реке Неранжара, провозгласили себя его сторонниками. Приверженцев становилось все больше. Ради него ученики покидали своих наставников. Цари и царицы прибывали к нему на своих слонах, чтобы поклониться святому и предложить ему свою дружбу. Куртизанка Амбапали подарила Будде рощу манговых деревьев. Молодой царь Бимбисара принял его веру и стал защитником своего царственного собрата, превратившегося в нищенствующего монаха. Проповеди Будды длились сорок лет без всякого сопротивления со стороны брахманов. Его жизнь ежегодно делилась на период странствий и оседлый период: девять месяцев путешествий и три месяца отдыха. «Когда в июне, после сильной летней жары, черные облака нависают подобно башням и когда дуновение муссона возвещает о приходе дождей, индусы на долгие недели укрываются в своих хижинах или дворцах. Потоки воды и разлившиеся реки прерывают всякие коммуникации. «Птицы, — гласит старая буддистская книга, — строили свои гнезда на верхушках деревьев». Так же поступали монахи в течение этих трех месяцев. Во время девяти месяцев странствий Будда с учениками повсюду находил приют, в садах и парках, в домах царей или богатых торговцев. Для пропитания хватало плодов манго и бананов. Это не мешало этим упрямым хулителям ценностей данного мира следовать своему стремлению к бедности и продолжать вести нищенскую жизнь.

Каждое утро во главе с учителем они совершали прогулку в деревню. Молчаливые, с опущенными глазами, с деревянной чашкой в руке, они ожидали подаяния. Они благословляли тех, кто подавал милостыню, и тех, кто не давал. После полудня в полутьме спокойного леса или в своей келье Возвышенный медитировал в «священном молчании»*.

Так распространялись буддистские секты. Во многих местах под руководством учителя основывались объединения монахов, которые несколько позже становились богатыми монастырями. Вокруг них группировались светские сообщества, которые, не принимая монашескую жизнь, находили здесь свой идеал и учителей из числа монахов. Тексты, которые с холодными сентенциями и механическими выводами донесли нам эти всегда тождественные события, очевидно не могут нам передать красноречие учителя, очарование, исходящее от его личности, магнетизм этой сильной воли, скрывающейся под невозмутимой мягкостью и совершенным спокойствием, а тем более странное обаяние, которое он умел привнести в таинственное вызывание Нирваны. Сначала он «причесывал» жизнь чувств, словно умирал море, яростное, раздраженное, со своими смерчами, бездонными глубинами и чудовищами. Там, не имея ни минуты покоя, болтались эти бедные лодки, называемые людскими душами. Затем, едва уловимо, он заставлял слушателя проскользнуть в более спокойный регион, где океан успокаивается. Наконец, на гладкой и неподвижной поверхности вырисовывается круговое движение, которое переходит в воронку. На дне пропасти сверкает блестящая точка. Счастлив тот, кто вошел в этот быстрый круг и спустился на дно бездны. Он входит в другой мир, находящийся вдали от моря и бури. Что находится на другой стороне пропасти, по ту сторону блестящей точки? Учитель об этом не говорит, но утверждает, что это высшее блаженство и добавляет: «Я оттуда пришел. То, что не происходило в течение миллиардов лет, случилось, и я вам это принес».

Предание сохранило бенаресскую проповедь, которая является Нагорной Проповедью Будды. Возможно здесь обнаружат отдаленное эхо его живого слова. «Вы назвали меня другом, но вы дали мне не настоящее имя. Я — Освобожденный, Блаженный, Будда. Откройте ваши души. Освобождение от смерти найдено. Я вас обучаю, я вам преподаю свое учение. Если вы будете жить согласно учению, то через некоторое время вы примите участие в том, что ищут молодью люди, покидающие свою родину, чтобы стать космополитами, вы достигнете совершенства святости. Вы вновь познаете истину еще в этой жизни и вы ее увидите лицом к лицу, Не умерщвление плоти, а отречение от всех чувственных удовольствий. Срединный путь ведет к познанию, к просветлению, к Нирване. Тропинка из восьми священных шагов именуется так: правильная вера, правильное решение, правильная речь, правильное действие, правильная жизнь, правильное стремление, правильная мысль, правильная медитация. Вот, о монахи, святая истина о происхождении страданий: это — жажда существа (от возрождения к возрождению) с его стремлением к удовольствиям и желаниями, которые повсюду находят наслаждение, жажда наслаждений, жажда становления, жажда могущества. — Вот, о монахи, святая истина об упразднении страдания: уничтожение жажды через разрушение желания; надо поставить его вне себя, освободиться от него, не давать ему больше места. — Вот, о монахи, святая истина о ликвидации страданий.» С тех пор, как Шакьямуни овладел четырьмя основными истинами, известными нам как: 1) страдание; 2) происхождение страдания; 3) о прекращении страдания; 4) путь, ведущий к упразднению страдания, он заявил, что в мире Брахмы и Мары, среди всех существ, включая аскетов и брахманов, богов и людей, он достиг совершенного блаженства и наивысшего достоинства Будды.

Все жизненное поприще индусского реформатора, все его проповедование, весь буддизм с его священной и мирской литературой представляют собой лишь непрерывный комментарий, с тысячами вариаций, бенаресской проповеди. Это поучение имеет исключительно и строго нравственный характер. Оно отличается повелительной мягкостью и безмятежным отчаянием. Оно культивирует фанатизм покоя. Говорится о пацифистском заклинании с тем, чтобы вызвать конец мира. Ни метафизики, ни космогонии, ни мифологии, ни культа, ни молитвы. Ничего, кроме нравственной медитации. Озабоченный единственно тем, чтобы положить конец страданию и достигнуть Нирваны, Будда бросает вызов всему и всем. Он дразнит богов, поскольку эти несчастные породили этот мир. Он не доверяет земной жизни, поскольку она является матрицей перевоплощений. Он бросает вызов потустороннему миру, поскольку, несмотря на все, это все еще жизнь и, следовательно, страдание. Он не доверяет душе, ибо она съедается неутолимой жадой бессмертия. В его глазах другая жизнь является иной формой

обоьщения, духовным наслаждением. Благодаря своим экстазам, он знает, что эта жизнь существует, но он отказывается о ней говорить. Это было бы слишком опасно. Ученики донимали его вопросами об этом, но он оставался непреклонным, — Продолжает ли душа жить после смерти? — восклицали они хором. Ответа не последовало. — Тогда она должна умереть? Ответа не последовало. Ананда, любимец учителя, оставшись наедине с ним, спросил о причине этого молчания. Будда ответил: «Было бы невыгодно для нравственности ответить в том или ином смысле», и он сохранил свою тайну. Однажды один монах, более хитрый, чем другие монахи, подкинул учителю язвительный и опасный аргумент. «О Блаженнейший, — сказал он, — ты утверждаешь, что душа состоит лишь из эфемерных и презренных ощущений. Но тогда как же это «я», прошедшее от инкарнации к инкарнации, может оказаться под влиянием не-я?» Будде, без сомнения, было весьма затруднительно победоносно ответить на этот аргумент, достойный Сократа или Платона. Он нашелся и сказал следующее: «О монах, в этот момент ты находишься под властью вожделения».

Если Будда не доверял богам и душе, то еще больше он не доверял женщинам. В этом, как и во всем остальном, он — антипод Кришны, апостола Вечно-Женственного. Он знал, что любовь являлась наиболее сильной приманкой жизни, и что в женщине заключена, как в ларчике с приворотным зельем и благовониями, квинтэссенция всех соблазнов. Он знал, что Брахма решил создать богов и мир лишь после того, как вынул из себя самого Вечно-Женственное, красочную вуаль Майи, где переливаются образы всех существ. Он не опасался того чувственного исступления, которое женщина могла вызвать одной улыбкой или одним взглядом, но он боялся ее арсенала коварства и лжи, которые есть уток и нить, сущность которых состоит в том, чтобы ткать жизнь. «Сущность женщины, — говорил он, — непостижимым образом спрятана как повороты рыбы в воде». — «Как нам вести себя

с женщиной? — спрашивает Ананда у своего учителя. — Избегать ее вида. — А если мы все же ее когда-нибудь увидим? — Не разговаривать с ней. — А если мы все же заговорим с ней, то, Господин, что нам делать? — Тогда понаблюдайте за собой!» Однако, после долгих колебаний, Будда позволил буддистскому сообществу основать женские монастыри. Но он их почти не допускал в свой круг и не терпел их присутствия. В своей жизни он не нашел ни Магдалины, ни Марии из Вифании. В защиту чести индусских женщин справедливость требует добавить, что благотворительные учреждения буддистской направленности по большей части были делом рук женщин.

Как объяснить, что учение, настолько лишенное земных и небесных радостей, учение непримиримой нравственности столь обремененное как своим мистическим нигилизмом, так и негативным позитивизмом, учение, которое, с другой стороны, упразднило касты вместе с традиционной верой Индии в авторитет Вед и отменило брахманский культ с его пышными ритуалами, чтобы вместо них учредить сотни монастырей и армию нищенствующих монахов, обходивших Индию с чашкой в руке, как объяснить головокружительный успех такой религии? Он объясняется ранним перерождением Индии, вырождением арийской расы, смешавшейся с низшими расами и расслабившейся от лени. Он объясняется печалью народа, стареющего между усталостью от тирании и утомлением от рабства, народа без исторической перспективы и без национального единства, утратившего вкус к действию и никогда не имевшего чувства индивидуальности, за исключением ведических времен, когда белая раса господствовала во всей своей чистоте и силе**. Надо добавить, что мгновенный триумф Будды в Индии меньше зависел от его философии, чем от его строгой морали, его глубокой работой над внутренней жизнью, которую он сумел внушить своим ученикам. «Шаг за шагом, кусочек за кусочком, час за часом, мудрец должен очищать свое «я», подобно тому как мастер очищает серебро. «Я», которому буддистская метафизика отказывает в реальности, становится здесь главным действующим агентом. Отыскать «я» становится целью всякого поиска. Иметь свое «я» в качестве друга есть самая настоящая, самая высокая дружба. Ибо «я» является защитой меня. Надо его держать в узде, как торговец держит свою благородную лошадь.»*** Наконец, из этой строгой дисциплины выделяется чувство свободы, о которой говорится с обаянием Франциска

Ассизского: «Мы должны нуждаться лишь в том, что носим на самом себе, подобно птице, которая не имеет сокровищ и имеет при себе лишь крылья, которые уносят ее туда, куда она хочет». Наконец, из-за нежности своей души. Будда действительно был создателем религии милосердия и вдохновителем новой поэзии. Она выражалась в притчах, приписываемых учителю, и в более поздних буддийских легендах. Например, какая пронзительная и яркая метафора содержится в представлении о различных степенях эволюции душ. Физическая жизнь, сотрясаемая чувствами, сравнивается с потоком, над которым души стремятся приподняться для того, чтобы вдохнуть небесного света». Подобно тому, как в пруду, с белыми и голубыми лотосами существует еще многое под водой и вне ее, точно так же существуют разные души, одни — чистые, другие — нечистые. Мудрец — это тот, кто поднимается на воду и позволяет упасть своей мудрости на другие души, как распустившийся лотос усыпает своими розовыми капельками белые кувшинки, плавающие на поверхности реки».

В возрасте восьмидесяти лет, когда Будда находился в одном из своих летних убежищ, в Белуве, он заболел и почувствовал приближение смерти. Тогда он подумал, о своих учениках: «Не следует, сказал он себе, входить в Нирвану, ничего не сообщив тем, кто заботился обо мне. Я хочу победить эту болезнь с помощью моей силы и вновь вернуть себе свою жизнь». И тогда болезнь Возвышенного прошла. И Будда сел в тени дома, который отвели для него. Его преданный ученик, Ананда, прибежал к нему, высказал свои опасения и добавил: «Я знал, что Блаженнейший не войдет в Нирвану, не объявив свою волю сообществу учеников. — Чего требует сообщество? — спросил Будда. — Я изложил свое учение. Я не хочу править общиной, Ананда. Предоставьте истине быть вашим светочем. Тот, кто теперь и после моей смерти является своим собственным светочем и своим собственным пристанищем, тот, кто не ищет другого пристанища, кроме истины, и идет к ней прямой дорогой, тот и есть мой ученик».

И Будда поднялся, окруженный своими учениками, и вместе с ними отправился в путь, желая идти и проповедовать свое учение до конца своих дней. Он остановился на некоторое время в Весале, но в Кушинаре силы его покинули. Его уложили на ковер между двух сросшихся деревьев. Здесь он оставался лежать, как некий уставший лев. Не в силах выдержать этого зрелища, его любимый ученик Ананда ушел в дом и принялся заплакать. Будда догадался о его печали, позвал его и сказал: «Перестань страдать, Ананда. Не тебе ли я говорил, что надо оставить все, что любишь? Как это было бы возможно, что то, что рождено и подчинено мимолетности, избежало бы разрушения? Но ты же, Ананда, в течении долгого времени почитал Совершенное; по отношению к нему ты был полон любви, доброты, радости, без лжи, без перерыва, в мыслях, словах и делах. Ты совершил благо, Ананда. Постарайся же превозмочь себя теперь, и вскоре ты освободишься от греха». Незадолго до смерти Будда сказал: «Вы, Ананда, может быть, думаете так: слово потеряло своего учителя, мы больше не имеем учителя. Не надо так думать. Учение и Порядок, которые я вам преподавал, вот что будет вашим учителем после моего ухода». Его последними словами были: «Мужайтесь, мои ученики. Я вам говорю: Все, что стало, обречено на гибель. Постоянно сражайтесь»****.

Наступила ночь. И вот лицо и тело Возвышенного стало светиться, как если бы они стали прозрачными. Это таинственное свечение длилось до последнего его вздоха, затем внезапно угасло — Тотчас с верхушек двух деревьев дождь цветов упал на Будду, который только что вошел в Нирвану.

В этот момент женщины Кушинара, которые всегда держались поодаль от учителя, согласно заведенному порядку, начали упрашивать, чтобы им позволили видеть Блаженнейшего. Ананда им это позволил, несмотря на протесты других монахов. Они стали на колени возле покойника, склонились над ним, рыдая, и оросили горючими слезами застывшее лицо учителя, который, будучи живым, изгонял их из своей жизни.

Эти трогательные детали, этот скромный ореол, которым предание окружило смерть Будды, возможно, еще лучше обрисовывают то, что произошло в недрах его сознания и в сознании его

учеников, которые были его последними собеседниками. Как волна Невидимого, чудесное заполнило пустоту Нирваны. Таким образом, космические силы, с которыми сражался и от которых отстранялся Шакьямуни, считая их опасными, ибо видел в них искусительниц рокового Желания, силы, которые он тщательно изгонял из своего учения и из своего сообщества, цветы Надежды, Небесный свет, Вечно-Женственное, все эти неутомимые ткачихи земной и божественной жизни, пришли в его последний час. Неуловимые, обволакивающие, неотразимые, они прикоснулись к нему и взяли душу грозного аскета, чтобы сказать ему — что он не может ни отринуть их, ни победить.

* Ольденберг, *Жизнь Будды*.

** Известно, что буддизм продержался в Индии лишь на протяжении приблизительно четырех веков. Затем он исчез, за исключением Цейлона, и в каком-то смысле растворился в связи с усилением брахманизма. Последний его победил без преследований, абсорбировал его жизнеспособные элементы и сам от этого обновился. Известно также, что если буддизм распространился в Тибете, Монголии и Китае, то это произошло путем восстановления лучшей части метафизических и мифологических элементов, которые Будда исключил, и путем глубокой модификации его учения.

*** Нравственные буддийские изречения, резюмированные Ольденбергом.

**** Стоическая и величественная оппозиция, но насколько больше величия в словах Христа: «И вот я с вами до конца этого мира».

5. — Заключение

С философской точки зрения буддизм легко подвергнуть критике. Будучи религией без Бога, моралью без метафизики, он не устанавливает никакого моста между конечным и бесконечным, между временем и вечностью, между человеком и универсумом. Однако отыскать этот мост является высшей потребностью человека, это — основа существования религии и философии. Будда стремился вывести мир из слепого и вредного желания жить. Но тогда как объяснить гармонию Космоса и неутолимой жажды совершенства, присущей духу? Вот где метафизическое противоречие. — Далее Будда хотел, чтобы изо дня в день, из года в год, от инкарнации к инкарнации человеческое Я работало над своим совершенствованием, постоянно одерживая победу над своими страстями, но он не предоставил ему никакой трансцендентной реальности, никакой вечной ценности. Но тогда, чем обосновать эту работу? Вот психологическое противоречие. — Наконец, Будда дал человеку и человечеству в качестве идеала и единственной цели — Нирвану, чисто негативное понятие, прекращение зла через остановку сознания. Этот *saltus mortalitatis**, этот прыжок в пустоту ничто, стоит ли он этого громадного усилия? — Вот моральное противоречие. Эти три противоречия, вытекающие одно из другого и тесно связанные друг с другом, в достаточной мере указывают на слабость буддизма как космической системы.

Но не менее истинно, что буддизм оказал глубокое воздействие на Запад. Во все эпохи, когда философия и религия переживали значительные кризисы, в александрийскую эпоху, в эпоху Возрождения и в наше время в Европе, как отдаленное и смещенное эхо, слышалась буддистская мысль. Откуда же к ней приходит эта сила? От ее нравственного учения и его выводов? Отнюдь. Она к ней приходит потому, что Будда был первым, кто огласил всему миру учение, о котором брахманы говорили лишь вполголоса и которое они прятали в тайниках своих храмов. Однако это учение — настоящая тайна Индии, тайна ее мудрости. Я имею в виду учение о множестве существований и тайну реинкарнации.

В одной очень старой книге некий брахман говорит своему коллеге на каком-то собрании: «Куда идет человек после своей смерти? — Дай мне руку, Яйнавалкия, — отвечает другой, — мы одни должны знать это. Ни слова об этом другим». И они говорили о реинкарнации**. Этот отрывок доказывает, что в определенную эпоху это учение рассматривалось брахманами как эзотерическое. Для этого у них имелись веские причины. Если практически не существует

истины, которая вела бы дальше в тайные лаборатории природы и в процесс космической эволюции, то тем более ее не существует для всех, ибо ее вульгаризация может привести к величайшим злоупотреблениям. Чтобы передать особенное очарование, вкрадчивое и опасное обаяние, которое во все времена эта тайна оказывала воздействие на горячие и мечтательные души, позвольте мне привести здесь одну старую индусскую легенду.

Когда-то, давным-давно, гласит эта легенда, некая небесная нимфа, Апсара, желая соблазнить одного аскета, который демонстрировал нечувствительность ко всем искушениям неба и земли, прибегла к изобретательной стратагеме. Этот аскет жил в девственном, запутанном, страшном лесу, на берегу пруда, заросшего всеми видами водных растений. Когда адские или небесные видения парили над водным зеркалом, чтобы испытать отшельника, он опускал глаза, чтобы видеть их отражения в темном пруду. Перевернутого и деформированного изображения нимф или демонов-искусителей было достаточно для того, чтобы он успокоил свои чувства и вновь установил гармонию в потрясенном разуме. Ибо отражение показывало ему последствия, которые имело бы его падение в грязную материю.

Итак, хитрая Апсара решила спрятаться в цветок, чтобы искушить анахорета. Из глубины пруда она заставила появиться чудесный лотос; но это не был обычный лотос, подобный другим. Обычные лотосы, как известно, ночью складывают свои лепестки под водой и выходят наружу только с первым поцелуем солнца. Напротив, этот же лотос днем оставался невидимым. Но ночью, когда розовый свет луны скользил над густой гривой деревьев и падал на неподвижный пруд, видно было, как вздрагивала его поверхность и как из его черного лона выходил гигантский лотос ослепительной белизны, с тысячей лепестков и огромный как клумба роз. Тогда из своей золотой чаши, вибрируя под пламенным лучом луны, выходила божественная Апсара, небесная нимфа, со светящимся и перламутровым телом. Она держала над своей головой звездную перевязь, вырванную с неба Индрой. И аскет, который оказывал сопротивление всем другим Апсарам, спускавшимся непосредственно с неба, уступил обаянию той, которая родилась в водяном цветке, казалось поднялась из глубин и была одновременно дочерью земли и неба. — И вот! Так же, как небесная нимфа вышла из распутившегося лотоса, точно так же, в учении о реинкарнации, человеческая душа выходит из природы с тысячью лепестков как последнее и самое совершенное выражение божественной мысли.

Впоследствии брахманы говорили своим ученикам: Так же, как универсум является продуктом божественной мысли, которая его организует и непрерывно оживляет, точно так же человеческое тело является продуктом души, которая его развивает в процессе планетарной эволюции и которая его использует в качестве инструмента труда и прогресса. Различные виды животных имеют лишь коллективную душу, а человек имеет индивидуальную душу, сознание, «я», личную судьбу, которые гарантируют ему длительность во времени. После смерти душа, освободившаяся от своей эфемерной оболочки, живет другой жизнью, более обширной, в духовном сиянии. Она в каком-то смысле возвращается на свою родину и созерцает мир со стороны света и богов после того, как она там трудилась со стороны тени и людей. Но этого недостаточно, чтобы окончательно оставаться жить в том состоянии, которое все религии называют небом. К концу определенного промежутка времени, пропорционального ее земным усилиям, душа чувствует потребность в новом испытании для того, чтобы сделать шаг дальше. Отсюда — новая инкарнация, условия которой детерминированы качествами, приобретенными в предшествующей жизни. Таков закон Кармы, или каузального сцепления жизней, следствие и санкция свободы, логика и правота счастья и несчастья, причина неравенства условий, организация индивидуальных судеб, ритм души, которая хочет возвратиться к своему божественному источнику через бесконечность. Это — органическая концепция бессмертия, пребывающая в гармонии с законами Космоса.

Внезапно появился Будда, душа глубокой чувствительности, измученная поиском последних причин. Едва родившись, он уже казался подавленным тяжестью, я не знаю скольких, существований и обуреваем жадой высшего покоя. Утомление Брахманов, прекративших

действовать в застойном мире, во сто крат увеличилось у него из-за нового чувства: огромной жалостью ко всем людям и желанием вырвать их из страдания. В порыве возвышенного благородства он хотел найти спасение для всех. Но его мудрость не соответствовала величию его души, а его смелость была не на высоте его мечты. Незавершенное посвящение вынуждало его видеть дневной мир в самом черном цвете. Из-за этого он хотел понять лишь страдание и зло. Ни Бог, ни универсум, ни душа, ни любовь, ни красота не находили пощады в его глазах. Он мечтал навсегда поглотить этих творцов иллюзий и страдания в пучине своей Нирваны. Несмотря на чрезмерную суровость его нравственного учения, и хотя сострадание, которое он проповедовал, устанавливало между людьми связь всеобщего братства, все же его творение было особенно негативным и разлагающим. Это доказано историей буддизма. В социальном и в художественном плане он не создал ничего плодотворного. Там, где он воцарялся целиком, он порождал пассивность, безразличие и отсутствие смелости. Народы, находящиеся под буддистским влиянием, продолжают оставаться в состоянии стагнации. Те, которые, как Япония, развернули удивительную активность, достигли этого на основе инстинктов и принципов, противоположных буддизму. Однако Будда достоин большого уважения, поскольку сыграл важную роль. Он обнаружил учение о реинкарнации, которое до него оставалось тайной брахманов. Через него оно распространилось вне Индии и вошло в сознание всех. Хотя и отталкиваемое официально или скрываемое большинством религий, в истории человеческого духа оно не переставало играть роль живучего фермента. Однако то, что для Будды было поводом ограничить себя и умереть, для душ более энергичных и для рас более сильных стало поводом для самоутверждения и жизни.

В самом деле, какой другой темп, и какой другой оттенок приобрела идея о множестве жизней у арийцев или даже у семитов, которые ее восприняли! Происходило ли это на берегах Нила, в Элевсине или в Александрии, шла ли речь о последователях Гермеса, Эмпедокла, Пифагора или Платона, повсюду эта идея принимала героический характер. Это больше не роковой путь Будды, а благородное восхождение к свету.

Индия держит ключи от прошлого, но она не имеет их от будущего; это Эпиметей народов, но не их Прометей.

Она заснула в своей мечте. Напротив, посвященный арий привнес в идею о множестве существований ту потребность в действии и бесконечном развитии, которая горела в его сердце подобно неукротимому пламени Агни. Он знает, что человек владеет лишь землей, которую он орошает своим потом и кровью, что он достигает лишь неба, к которому он стремится всей своей душой. Он знает, что универсум — это чудовищная трагедия, но что победа придет к верующим и сражающимся. Сама борьба была для него удовольствием и болью, неким стимулом. Он включает в цену высших радостей любовь, красоту и созерцание. Он верит как в будущее земли, так и в будущее неба. Последовательные существования из-за их разнообразия его не страшат. Он знает, что небо скрывает в своей лазури бесчисленные сражения, но также и неведомое блаженство. Космические путешествия обещают ему еще больше чудес, чем земные. Наконец, он верит, вместе с Христом и его Глаголом, в конечную победу над злом и смертью, в преобразование земли и человечества, в конец времен после полного схождения Духа в плоть. Старый буддизм и современный пессимизм утверждают, что всякое желание, всякая форма, всякая жизнь, всякое сознание являются злом и что единственное убежище — это тотальная бессознательность. Их блаженство является чисто негативным. Арий рассматривает утомление от жизни как разновидность малодушия. Он верит в активное блаженство в процессе развития своего желания, как в суверенную плодотворность любви и жертвоприношения. Для него эфемерные формы суть предвестники божественного. Следовательно он верит в возможность действия и творчества во времени вместе с осознанием Вечного, Подвергаясь испытаниям и жизненным невзгодам, он чувствует, что его душа подобна кораблю, стремящегося уцелеть во время шторма. Единственный отдых — это божественное спокойствие, к которому он стремится. Словом, в понимании ария исчезновение видимого универсума, то, что индус называет сном Брахмы, было лишь невыразимой мечтой, молчанием Глагола,

сосредоточившегося в самом себе для того, чтобы слушать пение своих глубинных гармоний вместе с мириадами душ и приготовиться к новому творению.

* **Смертельный, рискованный прыжок; отчаянный поступок (лат.). — Прим. ред.**

** «Упанишада ста тропинок», цитируется по Ольденбергу.

* * *

Но это было бы не совсем справедливо по отношению к Индии и Будде, поскольку они нам передали сокровище самой древней мудрости. Напротив, благодаря им мы вновь познакомились с культом, который обязан своим происхождением наиболее отдаленным предкам и первым религиозным тайнам нашей расы.

Когда индусская женщина поднимается на погребальный костер своего супруга и когда ее касается смертоносный огонь, она бросает своим детям жемчужное ожерелье как последнее прощание. Именно так агонизирующая Индия, восседая на могиле своих героев-ариев, бросила юному Западу религию сострадания и плодотворную идею реинкарнации.

Книга четвертая.

Этапы Солнечного Глагола.

I.

Зороастр

Слава Ормузду!
Честь моей душе

Этапы Солнечного Глагола

Брахманская религия и цивилизация представляют первый этап постатлантического человечества. Этот этап кратко резюмируется так: *завоевание божественного мира исконной мудростью*. Великие последующие цивилизации Персии, Халдеи, Египта, Греции и Рима, иудео-христианство, наконец, кельто-германский мир находятся все еще в развитии, частью которого мы являемся, и представляют шаг вперед в развитии белой расы. Сколько религий, сколько рас, сколько цивилизаций, сколько разных миров. Но во все проникает арийский элемент, подавляющий их, и все они связаны некоей магнетической связью, идеей, которая их одушевляет и инстинктивно ведет. Этой идеей является завоевание *Земли с помощью Божественного, возрожденного к жизни*. Это приложение Божественного не было бы возможным без возрастающего ослабления инструмента, который служил открытию этого божественного мира, а именно *спонтанного общения с космическими силами, названными богами, и ясновидения как в астральном мире, так и в мире духовном, который является внутренним миром человека и универсума*. Эти творческие и ясновидящие способности были атрофированы уже в Индии, начиная с эпохи, когда спекулятивная философия заняла место первоначальной интуиции. Они должны были померкнуть и стереться еще больше у арийских и семитских рас Центральной Азии и Европы по мере того, как развивались способности, свойственные арийской расе, способности, необходимые для познания внешнего мира и власти над ним, а именно: строгое наблюдение, анализ и разум, которые формируют чувство личной независимости и свободы. *Тем не менее, трансцендентные способности души не исчезают у человечества. Они сохраняются у избранных, которые их тайно практикуют и развивают под покровом мистерий, защищая от профанации и порчи извне. В этом и состоит смысл инициации*. У этой элиты, способной к самоотбору путем испытаний, утвержденных ею же, божественное вдохновение сохраняется, но оно меняет форму. Вместо того, чтобы расплыться на весь универсум и затеряться в Бесконечном, как это произошло у индусов, оно стремится уплотниться и сконцентрироваться в единой точке, которую мы называем *солнечным Глаголом*.

Солнечный Глагол есть Логос, Божественное Слово, которое одушевляет наш планетарный мир. Прославляя Солнце, первобытные риши и ведические певцы поклонялись не просто физическому Солнцу. Они предчувствовали за ним Дух, который одушевляет звезду-царя. Наша солнечная система и Земля, ее наиболее плотное горнило, в котором Дух и Материя достигают напряжения наиболее сильного и творят наиболее пылкую жизнь, были сотворены иерархией космических сил, вдохновленных непостижимым и бесконечным Богом. Это то, что Книга Бытия великолепно выражает словом Элохим, которое означает Бог-Боги*. Тем не менее с самого начала, еще с сатурнианского периода планетарной жизни божественная мысль, Логос, который особым образом руководит нашей солнечной системой, старался уплотниться и проявиться в некоем суверенном органе, который служил бы в каком-то смысле его словом и его горящим очагом. Этот Дух, этот Бог является царем солнечных Гениев, возвышающихся над Архангелами, Господствами, Престолами и Серафимами, одновременно их вдохновителем и величественным цветком их совместного творения, вынашиваемый (или задуманный) ими и растущий вместе с ними с тем, чтобы их превзойти, предназначенный к тому, чтобы стать человеческим Словом Создателя, подобно тому, как свет звезд является его универсальным словом.

Таковым является солнечный Глагол, космический Христос, центр и основа земной эволюции.

Этот величественный Гений, этот солнечный Глагол, который не следует путать с физическим Солнцем (так как он есть ни что иное, как духовная квинтэссенция этой звезды), не могло бы проявиться внезапно и одиножды слабому человечеству. Лишь через последовательность этапов оно могло приблизиться к людям. Им следовало сначала постигнуть его отражения и рассеянные лучи и лишь затем смочь переносить его ослепляющий свет. Первые расы, первобытные религии начали с догадок о нем через других богов подобно тому, как мы видим сияние Солнца сквозь тучи или движущейся человеческой фигуры, через все более прозрачные вуали. Христос сияет издалека через Индру, для Зороастра он вспыхивает в ореоле Ормузда, он зажигается для Гермеса в солнце Осириса. Он обращается к Моисею в виде неопалимой купины и в образе белого метеорита бороздит красные молнии Синая. Он воплощается, наконец, в учителе Христе, в его человеческой кротости и божественном великолепии. Он облачился плотью чтобы стать для всего человечества солнцем любви и воскресения.

Таким образом, постепенно отражение становится лучом, луч — звездой, а звезда — огненным Солнцем. Эта звезда магов, которая направляет свои лучи из Центральной Азии в Египет, чтобы вернуться и остановиться над вифлеемской колыбелью, освещает три чудесные точки в темной толкотне народов, воюющих друг с другом на протяжении пяти тысяч лет, между Каспийским морем, Персидским заливом и Средиземным морем.

Эти три точки есть ни что иное, как откровение Зороастра в первобытном Иране; встреча вавилонских магов с величественной фигурой пророка Даниила; наконец, ужасающее и возвышенное видение Солнца Осириса в египетских склепах, видение, которое провозглашает конец абсолютных монархий Востока и распространение античных мистерий, предвещающих приход Христа.

Эти три события обозначают три этапа солнечного Глагола, и одновременно — три гигантских шага в завоевании земли. Ведь они позволяют предвидеть, с одной стороны, постепенное сошествие космического Христа к человечеству; с другой стороны, работу трех великих могущественных цивилизаций, Персии, Халдеи и Египта, в лице которых продолжается арийский прорыв на Запад.

* См. *Bible hébraïque restituée* (Восстановленная еврейская библия), Фабра д'Оливе, *La Science secret* (Тайная наука) Рудольфа Штайнера и первую книгу этого произведения «Планетарная эволюция и происхождение человека».

Зороастр

Переместимся из Индии в Центральную Азию и рассмотрим этот регион с высоты птичьего полета. Насколько хватает взгляд, под нашими ногами простирается Памир и Гиндукуш, «Крыша мира» и гордиев узел континента. Белые хребты и серые долины. На восток и на север от этих горных нагромождений Персия и Иран образуют высокое плато. На фоне огромных просторов разворачиваются строгие линии, величественных масштабов и дикости. Неровная земля, зеленые оазисы, иссушенные пустыни, которые скрывают высочайшие горы на земле. Один из современных путешественников, лучше всех увидевший Персию и прочувствовавший ее душу, граф Гобино, так описывает эту гордую страну: «Природа расположила Центральную Азию в виде огромной лестницы, на вершине которой она посчитала за честь расположить выше всех иных регионов земли древнюю колыбель нашей расы. Между Средиземноморьем, Персидским заливом и Черным морем земля поднимается своеобразными этажами. Огромные вершины, расположенные на прочном фундаменте, Таврия, Гордиенские горы, цепи Ларистана, приподнимают и поддерживают окрестности. Кавказ, Эльбрус, горы Ширази и Исфахана дополняют картину еще более высокой террасой. Эта огромная платформа, расположившая свои величественные отроги со стороны Сулеймановых гор и Гиндукуша, простирается, с

одной стороны, до Туркестана, ведущего в Китай, и, с другой стороны, до рек бассейна Инда, границы менее обширного мира. Доминирующий тон этой природы, самое сильное чувство, которое она вызывает — это чувство необъятности и тайны»*.

Но она наполнена также сильными контрастами, напоминающими об идее борьбы и сопротивления. После устрашающих весенних бурь, с мая по сентябрь, здесь устанавливается сухая погода, воздух наполняется удивительной чистотой.

Контур гор и мельчайшие детали пейзажа обрисовываются в сияющей ясности такими живыми красками, что они заставляют задуматься о свежести красок радуги. Лето здесь теплое и легкое, зима суровая и жестокая. Апельсиновые и гранатовые деревья растут на склонах плодородных холмов. Пальмовые деревья охраняют источники, к которым приходят газели, в то время как снега собираются на склонах гор, покрытых дубами и кедрами, где обитают медведи и грифы, а северный ветер подметает в степях круговороты пыли.

Такова была Земля, усыновившая первых ариев, земля, где вода спрятана жадной почвой и пробивается лишь под ударами кирки, земля, которая не дает плодов без сохи и ирригационных каналов, земля, где жизнь — это вечная борьба с природой. Такой была родина Зороастра.

* Гобино, *Tros ans en Asie* (Три года в Азии).

Глава I. Юность Зороастра

Одни считают, что он родился в Бактрии, другие — в библейском Рее, недалеко от современного Тегерана. Я позаимствую еще раз у Гобино описание этих грандиозных мест: «На севере простиралась цепь гор, искрящиеся белые вершины которых поднимались на величественную высоту: это был Эльбрус, эта гигантская вершина, соединяющая Гиндукуш с горами Грузии, индийский Кавказ с Кавказом Прометея, и, поверх всей этой цепи, возвышаясь подобно гиганту, плыла в воздухе огромная острая вершина Демавенд, белая с головы до основания... Ни одной детали, которая могла бы остановить мысль, это — бесконечность, подобная бесконечности моря, горизонт изумительного цвета, небо, прозрачность и сияние которого не в силах передать ничто, ни слово, ни палитра, полнота, которая волнообразно и постепенно захватывает подножье Эльбруса, соединяется и смешивается с его вершинами. Временами здесь образуются пыльные смерчи, поднимаются к небу, казалось, касаются его своей кружащейся верхушкой, беспорядочно мечутся и, наконец, исчезают. Эту картину невозможно забыть».

Во времена, когда родился первый Зороастр, четыре или пять тысяч лет до нашей эры*, древние Иран и Персия были населены кочевыми племенами, происходящими от белой расы. Лишь их элита знала плуг и искусство возделывания земли, а также священный колос, который растет прямо, как копьё, золотой урожай, который волнуется как женская грудь, и божественное растение, которое является чистым трофеем жнеца. Остальные пасли свои стада, но все они обожествляли Солнце и приносили ему огненную жертву на земном алтаре. Лишившись своего царя-жреца, они жили небольшими племенами. Но уже в древние времена туранцы, пришедшие с равнин Севера и гор Монголии, завоевали землю праведных и сильных, древнюю Ариану Вайю. Неисчерпаемое человеческое семя, туранцы происходят из наиболее сильной расы Атлантиды, коренастых желтолицых людей с близко посаженными глазами. Могучие оружейники, грабители, хитрые всадники, они также обожествляли огонь, но не тот небесный огонь, который просвещает души и сближает племена, но огонь земной, оскверненный нечистыми элементами, отец черного волшебства, огонь, который дает богатство и власть, привлекая жестокие желания. Туранцы считались посвященными темным демонам. Вся история первых ариев представляет историю их борьбы с туранцами. Под натиском первых

завоеваний арийские племена рассеялись. Они отступали перед желтыми всадниками, сидящими на своих черных лошадях, как перед армией демонов.

Наиболее непокорные скрывались в горах, остальные покорялись, терпели иго победителей и принимали их нечестивые культы.

В это время в горных племенах Эльбруса, который носил тогда имя Албордж, родился мальчик по имени Арджасп, наследник старой царской фамилии. Арджасп провел детство среди своего племени, охотясь на буйволов и воюя с туранцами. Вечером, под накидкой сын побежденного царя иногда мечтал о восстановлении древнего могущественного царства Йима**: но это была лишь неопределенная мечта. Ведь он не имел ни лошадей, ни людей, ни оружия, ни сил, так необходимых для этого предприятия. Но однажды, некий странный провидец, святой в рубище, которыми всегда была полна Азия, *нир*, предсказал ему, что он станет царем без скипетра и диадемы, более могущественным, чем все земные цари, царем, увенчанным самим Солнцем. И это было все.

Во время одной из одиноких прогулок, ранним утром, Арджасп достиг зеленой и плодородной долины. Устремленные вверх вершины образовывали нечто наподобие цирка, там и тут тучнели обрабатываемые поля, вдали галерея из стволов деревьев возвышалась над группой хижин, окруженных палисадником. По ковру из высоких растений и диких цветов протекала река. Он перешел ее и достиг благоухающего соснового леса. В самой его глубине на каменном ложе находился прозрачный источник, голубее, чем сама лазурь. Одетая в белые льняные одежды женщина, склонясь к источнику, черпала воду медным кувшином. Она поднялась и поставила кувшин на голову. Она принадлежала гордому типу арийских горных племен. Золотой обруч окаймлял ее черные волосы. Под полукругом бровей, соединявшихся выше носа с горбинкой, блестели черные непроницаемые глаза. В ее глазах была непередаваемая грусть, сквозь которую иногда проскакивала искра, подобная голубой молнии, пронизывающей темное облако.

— Кому принадлежит эта долина? — спросил заблудившийся охотник.

— Здесь властвует патриарх Вагумано, хранитель чистого Огня и слуга Всевышнего, — ответила молодая женщина.

— Как твое имя, благородная женщина?

— Мне дали имя этого источника, который зовут Ардуизур (источник Света). Но берегись, чужеземец! Учитель говорил: Тот, кто выпьет этой воды, будет обожжен нестерпимой жаждой, и лишь Бог сможет ее утолить...

Еще один раз взгляд женщины с непроницаемыми глазами упал на незнакомца. На сей раз он дрожал подобно золотому лучу, затем она повернулась и исчезла в благоухающих соснах.

Сотни белых, красных, желтых и голубых цветов склонили свои лепестки и чаши над голубым источником. Арджасп тоже склонился к нему. Его мучила жажда и он пил кристально чистую воду большими глотками прямо из своих ладоней. Затем покинул источник и больше не вспоминал об этом приключении. Правда, он несколько раз думал о зеленеющей долине, окруженной недоступными вершинами, о голубом источнике в сени ароматных сосен и о глубокой ночи глаз Ардуизур, из которых исходили голубые молнии и золотые лучи.

Прошли годы. Царь туранцев, Зохак, победил ариев. В Иране, на отрогах Гиндукуша, в Бактрии***, поднялся каменный город, крепость, призванная руководить кочевыми племенами. Царь Зохак собрал здесь все арийские племена, которые должны были признать его могущество. Арджасп вместе со своим племенем тоже пришел сюда, но не для того, чтобы

подчиниться, но чтобы увидеть врага лицом к лицу. Царь Зохак, одетый в рысью шкуру, занял золотой трон, стоящий на земле, покрытой окровавленными шкурами буйволов. Вокруг него, в большом круге, расположились вожди, вооруженные длинными пиками. С одной стороны — небольшая группа ариев, с другой — сотни туранцев. За фигурой царя открывался храм, грубо вытесанный в горе в виде своеобразной пещеры. Два огромных каменных дракона, вырезанных в порфириновом утесе, охраняли вход в храм и служили его украшением. В центре на базальтовом алтаре полыхал красный огонь. Туда сбрасывали человеческие кости, кровь быков и скорпионов. Было видно, как за этим огнем время от времени поднимались две огромные змеи, которые грелись у пламени****. Они имели лапы драконов и мясистые капюшоны с подвижным гребнем. Это были последние выжившие допотопные птеродактили. Эти чудовища подчинялись двум жрецам с палками. Ибо это был храм Ангра-Майниу (Ахримана), повелителя злых демонов и бога туранцев.

Едва Арджасп прибыл с людьми своего племени, как воины привели к царю Зохаку какую-то пленницу. Это была прекрасная женщина, почти обнаженная. Обрывок ткани едва прикрывал ее пояс. Золотые кольца на ее лодыжках указывали на ее знатное происхождение. Ее руки были связаны за спиной веревкой, и пятна крови виднелись на ее белой коже. Она удерживалась накинута на шею бечевкой, сплетенной из конского волоса, такой же черной, как и ее распущенные волосы, которые спадали на спину и ее трепетную грудь. Арджасп с ужасом узнал женщину у источника, Ардуизур... Увы! Так изменившуюся! Она была бледной от перенесенных страданий, никаких дротигов не вылетало из ее тусклых глаз. Она опустила голову, смерть царила в ее душе.

Царь Зохак сказал: «Эта женщина — самая гордая пленница восставших ариев с гор Албордж. Я предлагаю ее тому из вас, кто сумеет ее заслужить. Но необходимо, чтобы тот посвятил себя богу Ангра-Майниу, вылив свою кровь в огонь и выпив кровь быка. Затем необходимо, чтобы он присягнул мне не на жизнь, а на смерть, положив свою голову под мою стопу. Тот, кто сделает это, пусть возьмет Ардуизур и сделает ее своей рабыней. Если же никто не захочет, то мы отдадим ее на съедение двум змеям Ахримана».

Арджасп увидел, как крупная дрожь сотрясает с головы до ног прекрасное тело Ардуизур. Один туранский вождь с оранжевым цветом кожи, со сросшимися у переносицы глазами вышел вперед. Он совершил жертвоприношение крови перед огнем и двумя змеями, положил свою голову под ноги Зохака и присягнул ему на верность. Пленница выглядела как раненная орлица. В тот момент, когда грубый туранец положил руку на прекрасную Ардуизур, та посмотрела на Арджаспа. Голубой дротик вылетел из ее глаз и крик вырвался из ее груди: «Спаси меня!» Арджасп устремился с обнаженным мечом на вождя, но стражники пленницы схватили его и собирались заколоть его своими пиками, когда царь Зохак вскричал: «Остановитесь! Не трогайте этого вождя!»

Затем он повернулся к молодому арию:

— Арджасп, — сказал он, — я тебе сохраню жизнь и отдам тебе эту женщину, если ты мне присягнешь и подчинишься нашему Богу.

При этих словах Арджасп сжал виски руками, опустил голову и вернулся в ряды своих соплеменников. Туранец схватил свою добычу, Ардуизур испустила новый крик, и в этот раз Арджасп бросился бы на верную гибель, если бы товарищи не удержали его, схватив за горло и едва не задушив. День угас, солнце стало черным, и Арджасп видел лишь поток красной крови, крови всей туранской расы, которую он жаждал вылить в огонь за невинную жертву, за Ардуизур, раненную и смешанную с грязью. Арджасп упал на землю и потерял сознание.

Когда молодой вождь вновь открыл глаза, под навесом, куда его отнесли товарищи, он заметил вдали какую-то связанную женщину на седле лошади. Некий всадник вскочил на животное,

обхватив женщину руками, и вся толпа туранцев с длинными пиками, восседающих на своих черных лошадях, устремилась за ним вослед. Вскоре всадники, лошади, крупы и копыта, мелькающие в воздухе, исчезли в облаке пыли вместе с дикой ордой.

Тогда Арджаспу вспомнились слова Ардуизур возле светлого источника, под благоухающими соснами: «Тот, кто напьется этой воды, будет сгорать от неутолимой жажды, — и один только Бог сможет ее утолить!» У него была жажда в крови, в его венах, в мозгу костей, жажда реванша и справедливости, жажда света и истины, жажда силы, чтобы освободить Ардуизур и душу своей расы!

* Плиний утверждает, что Зороастр старше Моисея на 1000 лет. Гермипий, который переводил его книги на греческий язык, утверждает, что тот родился за 4000 лет до взятия Трои, Евдоксий — за 6000 тысяч лет до Платона. Современная наука, после исследований Е.Бурнуфа, Шпигеля, Д.Дарместетера и Гарлеца, утверждает невозможность зафиксировать точные даты жизни иранского пророка, автора Зенд-Авесты, но отодвигает ее, во всяком случае, к 2500 году до Р.Х. Дата, обозначенная Плинием, приблизительно соответствует дате, принятой современными ориенталистами. Но Гермипий, специально занимавшийся этим вопросом, должен был располагать документами о Персии и традициях, ныне уже потерянными. Дата 5000 лет до Р.Х. не является совершенно невероятной, если принять во внимание доисторическую древность арийской расы.

** Индусский Рама, который упоминается в начале Зенд-Авесты под именем Йима и который вновь появляется в персидской легенде под именем Джемшида.

*** Современный Балк, в Бактриане.

**** Отсюда пошло, что в персидских преданиях «Зердушт-Наме» и «Шах-Наме» царь Зохаг представлен вместе с двумя змеями, которые выходят из его плеч.

Глава II. Голос в горе и солнечный Глагол

Лошадь шла стелящимся галопом через долины и холмы. Арджасп вновь достиг гор Албордж. Он снова отыскал, преодолевая многочисленные препятствия, дорогу между заснеженных вершин через ложбину, заросшую цветущими травами. Приближаясь к деревянным хижинам, он увидел земледельцев, распахивающих почву с помощью плуга и лошадей, от которых исходил пар. И земля, отбрасываемая вдоль борозд, также радостно парила под острым лемехом и тяжелыми копытами. На каменном алтаре посреди поля покоился меч, а над ним на кресте висел букет цветов. Эти предметы словно бы ободрили сердце Арджаспа. Он нашел почтенного патриарха Вагумана, оцененного по заслугам его племенем, сидящим под навесом. Его глаза были подобны серебристому солнцу, встающему между заснеженных вершин; его борода цвета зеленоватой лазури походила на лишайники, которые покрывают старые кедры, растущие на склонах Албордж.

— Что тебе нужно от меня? — спросил патриарх у незнакомца.

— Ты знаешь о похищении Ардуизур царем Зохагом, — сказал Арджасп. — Я видел ее мучения в Бактрии. Она стала добычей туранца. Говорят, что ты — мудрец; ты — последний наследник жрецов Солнца. Ты — один из тех, чье знание и могущество дарованы Богами свыше. Я пришел искать подле тебя света и истины для себя, справедливости и освобождения для своего народа.

— А у тебя есть терпение, которое устоит перед годами? Ты готов отказаться от всего ради своего начинания? Ибо ты находишься лишь в самом начале своих испытаний, твое страдание будет длиться всю твою жизнь.

— Возьми мое тело, возьми мою душу, — сказал Арджасп, — если ты сможешь дать мне свет, который утоляет, и меч, который освобождает. Да, я готов ко всему, если с помощью этого света и этого меча я смогу спасти ариев и вырвать Ардуизур из рук палача.

— Тогда я смогу тебе помочь, — сказал Вагумано. — Приходи сюда жить на какое-то время. Тебя должны потерять из виду твои близкие; когда они тебя вновь увидят, ты станешь другим. Отныне твое имя будет не Арджасп, а Заратуштра*, которое означает *золотая звезда* или *сияние Солнца*, и ты станешь апостолом Ахурамазды, который является *ореолом Всеведающего, живым Духом Универсума!*

Именно так Зороастр стал учеником Вагумано**.

Патриарх, жрец Солнца, хранитель традиции, восходившей к Атлантиде, обучил своего ученика тому, что он знал из божественной науки и современного состояния мира.

— Избранная раса ариев, — говорил Вагумано, — пала под фатальным гнетом туранцев, кроме нескольких высокогорных племен; но эти последние спасут всю расу. Туранцы поклоняются Ахриману и живут под его игом.

— Так кто такой Ахриман?

— Существуют бесчисленные духи, обитающие между небом и землей, — рассказывал старик. — Многочисленны их формы, и подобно небу, не имеющему границ, бездонный ад имеет свои уровни.

В нем есть могущественный Архангел, называемый Адар-Ашур*** или Люцифер, который устремился в пропасть, чтобы нести пожирающий огонь своего факела всем существам. Он — самое большое жертвоприношение гордости и желанья, который ищет Бога в себе самом и проникает до дна пропасти. Даже будучи падшим, он сохраняет божественное воспоминание и сможет когда-нибудь вновь найти свою корону, свою утраченную звезду. Люцифер — это Архангел света. Ахриман**** — не Люцифер, а его тень и его обратная сторона, глава стаи сил тьмы. Исступленно привязанный к земле, он отрицает небо и может лишь разрушать. Именно он осквернял алтари огня и вызывал поклонение змею, именно он распространяет зависть и ненависть, пороки и притеснение, кровожадное бешенство. Он царствует над туранцами, он привлекает их своим пагубным дарованием. Именно с ним необходимо сразиться и одержать над ним победу — чтобы спасти расу праведных и сильных духом.

— Но как сражаться с Невидимым, строящим свои козни в бездне мрака?

— Повернись к Солнцу, которое встает за горой Гара-Березаити. Поднимись кедровым лесом и доберись до пещеры орла, повисшего над пропастью. Там ты увидишь Солнце, встающее каждое утро над остроконечными пиками гор. На протяжении дня молись солнечному Владыке, чтобы он явил тебе себя; ночью жди его и поворачивай свою душу к звездам как к огромной лире. Ты будешь долго ожидать Бога, ибо Ахриман будет стремиться преградить тебе путь. Но однажды ночью в глубоком покое твоей души поднимется другое Солнце, еще более блистательное, чем то, которое освещает вершины горы Березаити, — солнце Ахурамазды. Ты услышишь его голос, и он тебе провозгласит закон ариев.

Когда для Зороастра пришло время удалиться в убежище, он сказал своему учителю:

— Но где же я вновь найду связанную пленницу Бактрии, которую туранец увез в свой шатер, и которая истекала кровью под его бичом? Как вырвать ее из своей груди? Как изгнать из моего сознания призрак этого прекрасного тела, связанного веревками и испачканного кровью, который кричит и постоянно зовет меня? Увы! Я никогда не увижу дочь ариев, черпавшую

светлую воду под благоухающими соснами, и ее глаза, которые оставили в моем сердце золотые стрелы и голубые дротики? Где я вновь увижу Ардуизур?

Какое-то мгновение Вагумано молчал. Его взгляд стал тусклым и неподвижным, столь тусклым, как кончик сосулек на ветвях елей зимой. Казалось, великая печаль опустилась на старика, как тень, которая падает на вершины Алборджа, когда Солнце их покидает. Наконец, неким величественным жестом, он вытянул руку вперед и пробормотал:

— Я этого не знаю, сын мой. Ахурамазда тебе это скажет... Иди к горе!

* *Заратуштра* — имя в языке зенд, от которого *Зороастр* является позднейшей греческой формой. Персы дали великому арийскому пророку имя *Зардушт*.

** Некоторые иудейские каббалисты, часть гностиков и средневековые розенкрейцеры отождествляли Вагумано, посвятившего Зороастра, с Мельхиседеком, благословившим Авраама.

*** Мы его вновь найдем под этим именем в ассирийском предании о Ниневии и в халдейском о Вавилоне.

**** В языке зенд: *Ангро-Майнью*. Я приспособил в этом рассказе большинство имен к греко-латинской традиции, поскольку они более благозвучны для нашего уха и более удобны для запоминания. Концепция Мефистофеля в «Фаусте» Гете полностью соответствует концепции Ахримана с определенной добавкой иронии и современного скептицизма.

* * *

Зороастр, одетый в бараньи шкуры, провел десять лет на краю большого кедрового леса, в гроте, нависающем над пропастью. Он питался молоком буйволицы и хлебом, которые пастухи Вагумано время от времени приносили ему. Орел, свивший гнездо в скалах над гротом, своими криками уведомлял его о восходе Солнца. Когда золотое светило разгоняло туман долины, он несколько раз с шумом пролетал перед пещерой, словно хотел увидеть, спит ли еще отшельник, затем он делал несколько кругов над пропастью и улетал на равнину.

Персидские книги утверждают, что прошли годы, прежде чем Зороастр услышал голос Ормузда и увидел его сияние. До этого Ахриман вместе со своими яростными легионами осаждал его. Дни ученика Вагумано проходили в печали и отчаянии. После дневных медитаций, духовных упражнений и молитв он размышлял над судьбой ариев, притесняемых и растлеваемых Врагом. Он также вновь думал об участи Ардуизур. Что стало с самой прекрасной из всех арийских женщин, схваченной отвратительным туранцем?

Утопила ли она свою тоску в какой-нибудь реке или подчинилась своей бесславной судьбе? Самоубийство или деградация, другой альтернативы не было. То и другое было ужасным. И Зороастр постоянно видел прекрасное окровавленное тело Ардуизур, связанное веревкой. Этот образ то и дело врвался в медитацию пророка, вспыхивая как молния или как факел.

Ночи были еще хуже, чем дни. Его сновидения по ужасу превосходили дневные мысли. Ибо все демоны Ахримана, искушения и страхи набрасывались на него в образах безобразных форм и устрашающих животных. Армии шакалов, летучих мышей и крылатых змей наполняли пещеру. Их визгливые голоса, их шорох и шипение внушали ему сомнения в своих силах, страх за свою миссию. Но днем Зороастр представлял себе тысячи и тысячи кочевых ариев, притесняемых туранцами и втайне бунтующих против их ига, оскверненные алтари, богохульства и пагубные призывы, похищенных и обращенных в рабство женщин, подобно Ардуизур. Тогда возмущение придавало ему смелости.

Иногда до рассвета он взбирался на вершину своей горы, заросшей кедрами. Он слушал, как воеет ветер в вышине деревьев, тянущихся к небу, как струны арфы. С вершины горы он смотрел на пропасть, крутизну зеленых склонов, заснеженные вершины, ошетилившиеся

острыми пиками, а вдали, в розовой дымке — на равнину Ирана. Если земля, говорил себе Зороастр, смогла поднять в одном таком порыве свои тысячи сосков к небу, то почему я не могу поднять свой народ? И когда священный диск царя-светила озарял снежные вершины, разгоняя одним-единственным лучом, как ударом копья, туман пропасти, Зороастр вновь начинал верить в Ормузда. Он молился каждое утро так, как его учил этому Вагумано: «Выйди, о сверкающее Солнце, со своими быстрыми лошадьми, поднимись на Гара-Березаити и освети мир!»

Однако Ормузд не приходил. Ночные сны Зороастра становились все ужасающей. Еще более страшные чудовища наседали на него, а за их зыбкими движениями появлялась некая тень, тень, одетая в длинную траурную одежду, с лицом, скрытым под черной вуалью, как и все остальное ее тело. Она оставалась неподвижной и, казалось, смотрела на спящего. Была ли эта тень женщиной? Это не могла быть Ардуизур. Белизна, черпаемая с небесных источников, не могла иметь такой зловещий вид. Она появлялась и исчезала, всегда неподвижная, всегда под вуалью, в своей черной маске, фиксирующая взгляд на Зороастре. В течение месяца она приходила каждую ночь на волне изменяющихся демонов. Наконец, она появилась с намерением стать более смелой и приблизиться к нему. Под ее черными вуалями в мимолетном свечении переливалось перламутровое тело некой флуоресцирующей красоты. Была ли это искусительница, посланная Ахриманом? Была ли это одна из тех усопших душ, подстрекающих людей к скорбной любви среди мраморных мог под кладбищенскими кипарисами? Но нет; покрытая вуалью Тень была слишком печальной и величественной. Однако, однажды ночью она склонилась над ним, и из ее уст, сквозь черную вуаль, донеслось некое горячее дыхание, распространившееся по венам ясновидящего как поток огня.

И Зороастр проснулся в холодном поту на своем ложе из сухих листьев, под буйволиной шкурой. В ночи слышалось лишь завывание ветра, закрученного в пропасти в смерчи и шквалы, отчаявшегося ветра, которому отвечал суровый и дикий голос водного потока.

Однако, мало-помалу от месяца к месяцу в своих пространственных посещениях Тень-Женщина становилась светлее. Из черной она стала серой, затем беловатой. Казалось, она приносила с собой лучи света и цветы, ибо она отгоняла демонов своим розовым нимбом и теперь приходила одна. Однажды она показала себя почти прозрачной, в виде бледноватого света робкой зари, и протянула свои руки к Зороастру как бы в невыразимом прощальном жесте. Долгое время она оставалась такой, всегда молчаливая и закутанная в вуаль. Затем каким-то другим жестом она показала рождающееся Солнце, и, повернувшись к нему, растворилась в своем луче, как бы абсорбированная и впитанная своим теплом.

Зороастр проснулся и вышел к краю грота, нависшему над пропастью. День был в полном разгаре, Солнце стояло высоко в небе. В этот момент, хотя он почти не видел лица Тени, у отшельника появилось непреодолимое ощущение, что этот призрак был душой Ардуизур и что он не увидит ее больше в этом мире.

Долго он оставался недвижим. Острая боль пронзила его: поток молчаливых слез хлынул из его глаз. Холод заморозил их у него на бороде. Затем он поднялся на вершину своей горы. Смерзшиеся снежные сталактиты висели на ветвях старых кедров и таяли под весенним солнцем. Снег сверкал кристаллами на вершинах, и казалось, что вся горная цепь Албордж плакала ледяными слезами.

Последующие три дня и три ночи были для Зороастра наихудшим периодом его скорби. Он пережил Смерть, но не свою собственную, а смерть всех живых существ, он жил в Ней, и Она поселилась в нем. Он больше ни на что не надеялся, он даже не призывал более Ормузда и находил покой лишь в распылении всего своего существа, которое приводило его в состояние беспомыслия.

Но вот на третью ночь, во время самого глубокого своего сна, он услышал голос непомерной силы, подобный раскату грома, который к концу перешел в мелодичное бормотание. Затем ураган света обрушился на него с такой силой, что он подумал, что его душа изгонялась из тела. Он почувствовал, как космическая сила, преследовавшая его со времен детства, которая как бы подобрала его в лощине с тем, чтобы вознести на вершину, чтобы Невидимое и Неисчислимое пришли выразить свой дух с помощью языка, которым боги говорят с людьми. Владыка духов, царь царей, Ормузд, солнечный Глагол явился к нему в человеческом образе. Облаченный в красоту, силу и свет, он блистал на огненном троне. Бык и крылатый лев с двух сторон поддерживали его трон, а гигантский орел распростер свои крылья у его основания. Вокруг него сияли тремя полукружьями семь Херувимов с золотыми крыльями, семь Элохим с лазурными крыльями и семь Архангелов с пурпурными крыльями*. Время от времени от Ормузда исходила молния и пронзала три мира своим светом. Тогда Херувимы, Элохим и Архангелы блистали подобно самому Ормузду белоснежным сиянием, чтобы тотчас вновь принять свой собственный цвет. Погруженные в сияние Ормузда, они выражали единство Бога; блистающие золотом, лазурью и пурпуром, они становились его призмой. И Зороастр услышал громopodobный голос, но мелодичный и глубокий как универсум. Голос сказал:

— Я — Ахурамазда, тот, кто тебя создал, тот, кто тебя избрал. Теперь слушай мой голос, о, Заратуштра, лучший из людей. Мой голос будет тебе говорить день и ночь и будет диктовать тебе живое слово**.

Затем произошел ослепляющий разряд молнии Ормузда совместно с его тремя кругами Архангелов, Элохим и Херувимов. Группа стала громадной, заняла всю ширину пропасти и скрыла зубчатые вершины Албордж. Она побледнела, удаляясь, исчезла в небосводе. Следующие несколько мгновений сквозь крылья Херувимов сверкали созвездия, затем видение растворилось в необъятном пространстве. Но эхо голоса Ахурамазды еще долго слышалось в горах как отдаленные раскаты грома и угасало вместе с дрожью медного щита.

Повергнутый Зороастр лежал лицом к земле. Когда он пришел в себя, то был настолько подавлен, что забился в самый темный угол грота. Тогда орел, свивший гнездо над пещерой, поднявшись в это утро из пропасти, где он напрасно искал добычу, дружески расположился в нескольких шагах от отшельника, словно царская птица Ормузда узнала наконец своего пророка. С оперения птицы стекали капли дождя. Она расправляла клювом свои рыжеватые перья, затем, когда дневное светило вышло из-за облаков, она вытянула для просушки свои крылья и пристально посмотрела на солнце.

* Херувимы в «Зенд-Авесте» называются *Амшаспанд*, Элохим — *Изад* и Архангелы — *Феруэр*.

** *Зенд-Авеста* означает на языке зенд «живое слово».

* * *

Начиная с этого момента Зороастр ежедневно внимал Ормузда. Он говорил ночью и днем как внутренний голос или посредством ярких образов, которые олицетворяли живые мысли его Бога. Ормузд ему поведал о сотворении мира и своем собственном происхождении, то есть о проявлении живого Глагола в универсуме*, об иерархии или космических силах, о необходимости борьбы против Ахримана, изъяна творческого деяния, духа зла и разрушения, о средствах борьбы с ним с помощью молитвы и культа огня. Он его обучил борьбе против демонов с помощью бдительного мышления и против Нечестивых (туранцев) с помощью священного оружия. Он его научил любви человека к земле и любви земли по отношению к человеку, умеющему ее обрабатывать, ее доли, которую она вносит в великолепие жатвы и ее радости быть возделанной, и о ее тайных силах, которые проявляются в благословениях на семью земледельца. Вся Зенд-Авеста состоит из длинной беседы между Ормуздом и Зороастром. «Что является самым приятным для этой земли? — Ахурамазда ответил: Это когда праведный человек идет по ней. — Что находится на втором месте из самого приятного для

этой земли? — Это когда праведный человек строит жилище, приспособленное для огня, для держания скота, где есть женщины, дети и прекрасное стадо. Ибо в этом доме имеется изобилие правоты**». И Зороастр, благодаря голосу Ормузда, услышал ответ, который земля дает человеку, ее уважающему и ее обрабатывающему. Она говорит: «Человек, я буду поддерживать тебя всегда и я буду идти к тебе». И земля идет к нему со своим благоуханием и испарениями, верхушками зеленой пшеницы, которую она выталкивает, и великолепием жатвы. В полную противоположность буддистскому пессимизму и его учению о непротивлении, в *Зенд-Авесте* имеется (эхо глубоких откровений Зороастра) здоровый оптимизм и энергичная воинственность. Ормузд осуждает насилие и несправедливость, но внушает почтение к смелости как первейшей добродетели человека. В учении Зороастра ощущается постоянное присутствие невидимого мира, космической иерархии, но все внимание перенесено на действие, на завоевание земли через дисциплину души и энергию воли.

Вдохновенный пророк Албордж приобрел привычку записывать свои внутренние откровения на бараньей шкуре деревянным стилетом, закаленным в огне, священными письменами, которым его научил Вагумано. Гораздо позже его ученики записывали его последующие мысли под его диктовку, это стало *Зенд-Авестой*, написанной сначала на животных шкурах, как должно быть и *Коран* арабов, и сохраняемой в некой разновидности святого ковчега, сделанного из кедрового дерева, содержащей космогонию, молитвы и законы вместе с церемониями культового поклонения.

* «В религии Зороастра, — говорит Сильвестр де Саси, — является очевидным, что за исключением времени все остальное порождено; творец — это время, ибо время практически не имеет границ; оно не имеет ни высот, ни корней; оно всегда было и всегда будет, на эти исключительные прерогативы, которыми обладает время, нет никого, кто бы дал ему имя творца. Почему? Потому что оно ничего не творило. Затем оно породило огонь и воду, и когда они вступили в контакт, Ормузд получил существование. Тогда время стало и творцом и владыкой из-за того творения, которое оно осуществило».

** Третий Фаргард *Вендидад-Саде* (1-17).

Глава III. Великая битва и Ангел Победы

Когда, после десяти лет одиночества и медитаций, Зороастр вернулся в родное племя, родные его едва узнали. Воинственное пламя исходило из таинственной глубины его глаз, а от его слова веяло высшим авторитетом. Он создал свое племя, а также соседние арийские племена с тем, чтобы подтолкнуть их к войне против туранцев, но в то же время он им объявил о своем откровении — *Зенд-Авесте*, живом Глаголе, слове Ормузда. Это слово стало вдохновляющим центром его деяния. Очищение, труд и борьба — таковы его три составные части. *Очищение* духа и тела с помощью молитвы и культа огня, «этого сына Ормузда», как он его называет, огня, который заключает в себе дыхание Бога. *Труд* на земле с помощью плуга и выращивание священных деревьев, кипарисов, кедров, апельсиновых деревьев; труд, увенчанный любовью, с супругой-жрицей у очага. *Борьба* против Ахримана и туранцев. Таким образом, жизнь ариев под предводительством Зороастра была непрерывной воинской готовностью, бесконечной борьбой, смягчаемой и перемежающейся работой в поле и весельем мужчин у очага. Гимны Ормузду сопровождались ежедневными жертвоприношениями огню. Первобытный город, основанный Зороастром, был городом на марше, сражающимся городом. Сеяли с луком в руке и дротиком, закрепленном на поясе, пахали на полях сражений, собирали урожай в дни покоя. Двигались вперед лишь шаг за шагом. На каждой завоеванной земле Зороастр заставлял разбивать лагерь, обнесенный частоколом, зародыш будущего города. В центре под портиком — алтарь огня, окруженный кипарисами, часто возле источника. Были назначены *мобеды*, или жрецы, и *дестуры*, или законники. Этим служителям маздеизма запрещалось под страхом смерти отдавать замуж своих дочерей туранцам или же жениться на туранках. Своим воинственным земледельцам Зороастр приводил в качестве примера священных животных, их верных товарищей и помощников: верную собаку, быструю лошадь, бдительного петуха. «О

чем говорит пение петуха? Оно говорит: Вставай, наступил день. Тот, кто поднимается первым, войдет в рай». Как все истинные посвященные, он знал закон реинкарнации, но о нем почти ничего не говорил. В его миссию не входило его раскрытие. Эта идея отвлекала бы арийскую расу от ее ближайшего деяния — завоевания Солнца с помощью земледелия и оформления семьи. Но он обучал своих адептов закону Кармы в его элементарной форме, то есть, что другая жизнь есть следствие этой. Нечестивые пойдут в царство Ахримана. Праведные пойдут по светящемуся, построенному Ормуздом мосту, блистающему как бриллиант, острому как лезвие меча. В высшей точке этого моста их будет ждать крылатый ангел, красивый как пятнадцатилетняя девушка, и эта дева скажет: «Я твое деяние, твое настоящее я, твоя собственная душа, сформированная тобой самим!»*

Однако Зороастр носил в глубине себя некую невыразимую грусть. Ужасная меланхолия пророков, расплата за их экстазы, несколько раз овладевала им. Его деяние было обширным, как горизонты Ирана, где горы скачут за горами, где долины сбегают к краям других долин. Но чем больше Ахурамазда привлекал его к себе, тем больше величие пророка отделяло его от сердец людей, хотя он жил и боролся вместе с ними. Иногда осенними вечерами перед ним проходили женщины, несущие с поля снопы. Некоторые из них преклоняли колени и дарили свой сноп пшеницы пророку, сидящему на камне возле полевого алтаря. Он протягивал руки над каждой, произнося несколько слов. Он смотрел на эти крепкие затылки и бронзовые от солнца руки. Та или другая из этих женщин напоминали ему Ардуизур, но ни у одной не было поражающей белизны Девы, черпающей свет из небесного источника, ни одна не имела ее гордой осанки, ее лика царской дочери, ее взгляда раненой орлицы, проникающего в душу как дротик, звука ее голоса, который переполнял как хрустальный поток. Все еще звучал ее крик: «Спаси меня!», а он не смог ее спасти... Именно этот ужасный крик подтолкнул пылкого юношу к мудрецу Вагумано, благодаря которому Арджасп стал Зороастром. Именно из-за этого крика он поднял свое племя и всю расу ариев, осознавшую саму себя, на борьбу не на жизнь, а на смерть. От этого крика отчаявшейся женщины зародилось его подвижничество. Но она... Ардуизур... где томится она... жива или умерла? Зороастр, столько всего знавший, этого не ведал. Несмотря на все его молитвы, Ахурамазда не открыл ему этого. Темное облако душевной боли скрывало от него эту тайну.

После сорока лет беспорядочной борьбы с многочисленными перипетиями, Зохах, царь туранцев, не дававший покоя победителям, был убит, а его крепость была взята ариями. После того, как Зороастр разрезал на куски двух змей, а затем засыпал песком и завалил камнями пещеру, которая служила местом отправления гнусного культа поклонения Ахриману, он провозгласил Лораспа царем ариев и установил культ Ормузда в Бактрии. Итак, завершив свое деяние, он пожелал вернуться в свою пещеру, чтобы узнать у Ормузда будущее своей расы и передать это откровение близким последователям. Он приказал трем своим лучшим ученикам встретиться с ним на горе Албордж через месяц, чтобы получить от него последние наставления. Зороастр хотел закончить свою жизнь на той горе, где он впервые услышал голос Ормузда, и он знал, что Бог скажет ему последнее слово. Но перед тем, как покинуть этот мир, он оставил своим последователям наставления, как заключение и резюме *Зенд-Авесты*: «Пусть те, кто меня слушает, принимают во внимание не Ахримана, видимость вещей и тьмы, а первичный огонь, Слово, Ахурамазду — и чтобы они этим жили. Те, кто не послушают меня, будут об этом раскаиваться до конца времен»**.

Когда в первые дни весны Зороастр вернулся в свою пещеру, на Албордже еще шел снег, и внизу под белыми вершинами в кедровом лесу дул суровый ветер. Пастухи, следовавшие за ним, развели для него огонь, затем оставили одного. И пророк, уставший и пресыщенный днями, погрузился в мечтания, наблюдая танец красных и светлых языков пламени на смолистых дровах. Он вспоминал всю свою жизнь и созерцал ее как единую картину. Он вновь видел ее как большую реку с сотнями поворотов, с тысячью притоков, он видел ее от истока до устья. Светлый ручеек, сбегаящий с вершин, стал широкой рекой, река стала бурным потоком, пенящимся у прибрежных скал. На его берегах возникали города, и корабли скользили по его

поверхности. И вот его величество поток пришел затеряться в необъятности Океана!.. Задание было выполнено, арии были свободными. Но теперь, чем должна была стать его раса?

Наступила ночь, похолодало. Старый пророк дрожал от холода возле огня. Тогда он воскликнул: «О божественный господин Ормузд, вот я уже в конце своего жизненного пути. Я себя полностью исчерпал, я все принес в жертву своему народу, я повиновался твоему голосу. Чтобы стать Зороастром, Арджасп отказался от божественной Ардуизур... и Зороастр не увидит ее больше никогда! Она исчезла в глубине космического пространства, и владыка Ормузд не вернул ее своему пророку. Я все пожертвовал своему народу чтобы тот имел свободных мужчин и гордых женщин. Но ни одна из них не имеет великолепия Ардуизур, того золотистого пламени, которое исходило из ее очей... Пусть же, по крайней мере, я узнаю будущее моей расы!..»

Прошептав эти слова, Зороастр услышал раскат отдаленного грома, сопровождаемый шелестом тысячи бронзовых щитов. Приближаясь, шум нарастал и становился ужасным. Все горы дрожали, и голос раздраженного Бога казалось хотел уничтожить горную цепь Албордж.

Зороастр смог лишь воскликнуть: «Ахурамазда! Ахурамазда!» И объятый ужасом пророк потерял сознание, уткнувшись лицом в землю, под громовой голос небес.

Тотчас Зороастр вновь увидел Ормузда во всем его великолепии, таким, каким он его видел в первый день своего откровения, но без венца из Феруэров и Амшاپандов. Лишь три священных животных: бык, лев и орел, поддерживающие трон из огня, сверкали под ним. Зороастр услышал голос Ормузда, катящийся сквозь пространство и пронзающий его сердце.

— Зачем, — говорил он, — ты хочешь узнать то, что принадлежит лишь твоему Богу? Ни один пророк не знает все мысли Глагола. Не сомневайся в Ахурамазде, Зороастр. О ты, наилучший из людей, ибо я взвешивал на весах судьбы всех существ и твою тоже. Ты хочешь знать судьбу твоей расы? Посмотри же на то, что народы Азии сделают из трех животных, которые поддерживают мой трон.

Ослепляющее видение Ормузда исчезло, и Зороастр мысленно был перенесен в будущее. Пролетая сквозь пространство, он видел у своих ног дефилирующие в беспорядке горы и растерянное бегство долин как на сворачивающемся свитке большой книги. Он заметил Иран, простирающийся до Каспийского моря, Персию — до Таврии и Кавказа, Месопотамию — до Персидского залива. Вначале он увидел туранский флот, вновь захвативший крепость Бактрии и осквернивший храм Ормузда. Затем он увидел, как на берегах Тигра поднимается гордая Ниневия, ее дворцы, башни и храмы. Гигантский крылатый бык с человеческой головой, символ ее могущества, возвышался на высоком холме города. И Зороастр увидел, что этот бык превратился в дикого буйвола и опустошает долины, топчя копытами окружающие народы, среди которых праведные арии массово бежали на Север. Затем он увидел еще более обширный город: на берегах Евфрата поднимался, со своим двойным ограждением и своими пирамидами, чудовищный Вавилон. В одном из его святилищ спал свернувшийся в клубок огромный змей. Орел Ормузда, парящий в воздухе, хотел его атаковать. Но свернувшийся змей отогнал его огненным дуновением, и принялся разбрызгивать свой яд на все окружающие народы. Наконец, Зороастр увидел крылатого льва, победоносно шествующего во главе персидской и мидийской армий. Но вдруг царь пустыни превратился в кровожадного тигра, который начал пожирать людей и раздирать жрецов в глубине храма Солнца на берегу Нила.

И Зороастр очнулся от своего видения с криком ужаса: «Если таковым является будущее, угрожающее ариям, расе праведных и сильных духом, — вскричал пророк, — то я сражался напрасно. Если все обстоит именно так, то тогда я вновь нацеплю на пояс свой меч, который до сего времени был девственно чист от крови врага, и я по рукоять окуну его в туранскую кровь.

Я, старик, один пойду в Иран, чтобы уничтожить до последнего сыновей Зохака с тем, чтобы они не губили мой народ, пусть я стану добычей Ахримана... как благородная Ардуизур!»

Тогда голос Ормузда прозвучал как легкое бормотание, как дуновение ветра в ветвях громадных кедров и произнес: «Остановись, сын мой, остановись, великий Зороастр. Твоя рука не должна больше касаться меча, дни твои истекли. Доберись до вершины горы, откуда видно, как Солнце поднимается над вершинами горы Березаити. Ты только что увидел будущее глазами людей; сейчас ты его увидишь глазами Богов... Вверху сияет справедливость Ормузда и тебя ожидает Ангел Победы!..»

И Зороастр вскарабкался на гору, возвышающуюся над пещерой. На вершине он сел, изнуренный, под кедром и стал ожидать прихода дня. Когда солнце показалось из-за леса белых вершин, старый боец почувствовал, как крупная дрожь сотрясает все его тело.

— Это — смерть! — сказал голос Ахримана из бездны тьмы.

— Это — воскресение! — сказал голос Ормузда в небесах.

Тотчас Зороастр заметил как бы арку света, которая, выходя от его ног, устремлялась в небо. Она была острой, как лезвие меча и блестела, как бриллиант...

Его душа, вырванная из тела и как бы уносимая неким орлом, устремилась вверх нее...

На вершине арки великолепная женщина, окутанная светом, стояла на мосту Тинегад. Она излучала благородство и сверхчеловеческую радость. Два крыла, как две белые молнии, лучились из ее плеч. Она протянула пророку золотую чашу, из которой переливался через край пенистый напиток. Зороастру показалось, что он всегда ее знал, и однако не мог ее назвать по имени, столь чудесная улыбка осветила его своим блеском.

— Кто ты, о чудо?

— О мой повелитель, разве ты не узнал меня? Я — Ардуизур... Я — твоё творение, я больше, чем ты сам, я — твоя божественная Душа. Ибо именно ты меня спас, именно ты вызвал меня к жизни! Когда, охваченная ужасом и гневом, я убила своего похитителя, туранского предводителя, и когда его братья закололи меня кинжалами, моя душа долго блуждала во мраке. Я была тенью, которая тебя неотступно преследовала. Я тебя преследовала своим отчаянием, угрызениями совести, своим желанием... Но именно твои молитвы, твои слезы, твои призывы мало-помалу подняли меня из царства Ахримана. На фимиамах твоей любви, на молнии твоей мысли я тоже приблизилась к величию Ормузда. Наконец мы выпьем чашу бессмертной жизни с источником света!..

И прекрасная Ардуизур, превратившаяся в Ангела Победы, бросилась в объятия Зороастра, как супруга бросается на шею супругу, предлагая ему пенящийся напиток вечной молодости. Тогда пророку показалось, что море света и огня заполняют его целиком. Тут же Ардуизур исчезла, но часть за частью она проникала в своего спасителя. Теперь Ардуизур вибрировала в сердце Зороастра. Она смотрела его глазами; он смотрел своими, и оба видели славу Ормузда. Отныне они были едины. Зороастр чувствовал, что Ардуизур может улетать вдаль, не отделяясь от него — или растворяться в его сущности, не переставая оставаться собой!

И вдруг, опустив глаза вниз, к земле, пророк увидел как арии движутся длинным караваном, племенами и народами. Ардуизур шла во главе и вела их на Запад... Ардуизур стала... Душой белой расы.

*** См. в *Зенд-Авесте* рассказ о некой разновидности искушения Зороастра Анхра-Майнью (Ахриманом). Сразить Ахримана следовало посредством молитв и воззваний. Глава заканчивается описанием суждения о душе, мельком увиденной Зороастром в некой разновидности видения (Вендидад-Саде, 19-й Фаргард).**

**** Ахурамазда, ореол Солнца, представляет здесь корону божественных духов, которые порождены Солнцем и образуют его ауру, и для которых Ормузд является вдохновителем. Этот духовный ореол является в некотором роде живой душой Солнца в учении маздеизма.**

* * *

Когда трое учеников захотели встретить своего учителя, они его больше не нашли.

В пещере остался лишь посох и золотой кубок, который служил ему для того, чтобы опрокидывать бродившую жидкость в огонь. Они искали повсюду, но напрасно. На вершине горы не было видно никаких следов пророка.

Его близкий товарищ орел одиноко парил над пропастью, и когда он касался боковой поверхности грота сильным взмахом крыла, то казалось, что он ищет там собрата своего одиночества, единственного человека, осмелившегося — как и он — посмотреть прямо на Солнце.

Книга пятая. Этапы Солнечного Глагола.

II.

Халдейский маг во времена пророка Даниила

На вершине Вавилонской башни
девственное ложе ожидает Спасителя...
В кругах ада Люцифер ожидает
освобождения от Иштар,
человеческой Души...

Вавилонский маг во времена пророка Даниила

Адаптация божественного откровения к жизни человека и завоевание земли с помощью разума — такова миссия семитско-арийской расы и других подрас, с которыми она смешалась. Это завоевание началось с Персии организацией сельского хозяйства и упрочнением семьи под эгидой слова Ормузда. Это продолжалось в Ассирии и Халдее благодаря развитию математики, матери всех наук, применяемой, с одной стороны, в наблюдении за светилами и их влиянием на человека (астрономия и астрология), а с другой — в архитектуре и ремеслах.

Ассирия и Халдея были родственными цивилизациями, по существу реалистическими, сыгравшими важную роль в истории, несмотря на свою жесткую политику. Современные или последующие цивилизации находили у них орудия труда, искусство ремесел. Халдейский мир снабжал, в некоторой мере, Египет, Грецию и Рим песчаником, цементом и угломерами для постройки их городов, храмов и акрополей. Этнический состав ассирийцев и халдеев очень сложен. Как повествует библейская легенда, Вавилон сыграл в предыстории хаотизирующую драму — смешение языков и рас. Семитско-арийский элемент доминировал в Ассирии, туранский — в Халдее; именно он дал Ниневии воинственную силу, а Вавилону — дар наблюдения. Царь строительства и отец ремесел, Вавилон произвел на свет массивные и колоссальные произведения искусства; огромные башни, гигантских быков, коренастых людей, способных задушить льва.

С позиций религиозного вдохновения и духовных течений, действующих в Ассирии и Халдее, эти цивилизации представляли особенный интерес. Оружием Ниневии и Вавилона были розги и бичи еврейского народа, огненные пруты и медные цепи в руках кровожадных и неумолимых царей. Иссекая розгами и попирая народ Израиля, без его уничтожения, Ассирия и Вавилон породили самых страстных пророков: Исайю, Иезекииля и Даниила, и их неутомимый глас воскрешал поработенный и изгнанный народ. В то же время халдейские маги, вдохновленные традицией Зороастра и созданиями особой мифологии, мощно влияли на древнееврейскую религию, наполняя ее новыми космогоническими образами и уточняя свои знания о небесной иерархии. И тот факт, что пророк Даниил, назначенный Навуходоносором главным магом, был утвержден в этом звании Валтасаром, сам по себе имеет высокую значимость. Поскольку настенные надписи по этому поводу ничего не говорят, вся последующая история еврейского народа в некотором роде недоказуема. Ибо его религия несет, начиная с этого момента, неизгладимую печать халдейского посвящения.

Эти установленные однажды исторические факты помещают нас на точку зрения *божественной эволюции*, то есть, космических сил и духовных течений в их воздействии на человечество, поднимают до Невидимого, которое, отражается в Видимом — и мы обнаруживаем, что Вавилон — это одна из точек пересечения двух самых значительных противоположных течений, которые изначально конкурировали, сражаясь при создании

планеты Земля и в развитии Человека. Я имею в виду *течение солнечного Глагола*, которое завершилось в Христе, и *течение Люцифера*, которое завершается в современном мире.

Именно об этом моменте, когда эта борьба интенсифицировалась, когда оккультный круговорот достиг своей силы, в роковой час взятия Вавилона Киром и во время присутствия в этом городе пророка Даниила, был написан рассказ, предлагаемый для прочтения.

Глава I. *Заходящее солнце Вавилона*

Это было на высоком холме Борсиппа. — Он находится на юго-востоке колоссального города Вавилона, между двумя его валами, Имгур-Бел (внешняя ограда) и Нивитти-Бел (внутренняя ограда), располагавшимися в пол-лье* друг от друга**.

На обширном пространстве, лежащем между двумя стенами, царь Вавилона обычно размещал чужеземцев, в большинстве своем ссыльных. Множество евреев проживали там в то время в своих глиняных домах, окруженными тут и там возделанными полями. Холм Борсиппа занимал место, где, согласно легенде, находилась знаменитая Вавилонская башня. Некий царь аккадский по имени Хамурави*** некогда возвел здесь храм в честь Бога Солнца. Навуходоносор, в зените своего правления, построил там чудесный храм, самую великую *Зигурат*, 250-футовую**** пирамиду, состоящую из семи последовательно расположенных храмов*****.

Терраса, высотой 25 футов, окаймленная массивной бронзовой балюстрадой, служила нижней частью зигурат. Не было видно ни души. Это было на следующий день после покорения Вавилона персами, когда они проникли в дельту Евфрата, Опасались репрессий Кира в ответ на жестокость царя халдеев в Мидии. Все спрятались. Семьдесят жрецов, служивших обычно в храме Бела, разбежались.

Единственная живая душа сидела на корточках перед бронзовой дверью нижнего храма, между двумя притолоками стен, покрытых черным битумом. Это был хранитель змеи, посвященной Сатурну. Маги до сих пор терпели этот культ, поскольку чернь видела в нем стража города.

Вдруг, какой-то степенный человек сошел по лестнице и внезапно появился на террасе. Он был одет в пурпурную тунику мага с пунцовой накидкой, на которой была вышивка, изображавшая сложенные крылья орла, и золотая тиара с семью валиками, инкрустированная драгоценными камнями. Но в знак национального траура, маг покрыл свой богатый костюм черной прозрачной вуалью, которая закрывала его от тиары до пят. Газовая ткань не могла скрыть ни его нос с горбинкой, ни застывшие ястребиные глаза, ни длинную накладную бороду, ни суровость магов и царей халдейских.

Глава зигурат подошел к хранителю, стоящему на коленях перед храмом Сатурна и заговорил с ним горьким тоном, полным презрения и пренебрежения.

Ты теперь всегда охраняешь свою мертвую змею?

Аккадиец, одетый в лохмотья цвета битума, ответил с сардонической улыбкой на устах, не сдвигаясь с места.

— Я жду, пока придет *персидский мул* (Кир) убить меня со своим приспешником, колдуном-предателем, проклятым евреем.

— Бесплезно их оскорблять, — сказал Набу-Нассир, — они победители. Но почему ты держишь на коленях этот большой меч, запачканный черной кровью?

— Это меч, которым бесчестный еврей отрубил голову змее царя, который бросил им вызов. Они с отвращением отбросили меч. Но я не отпущу его, пока не отомщу за своего Бога.

— Дай его мне! — сказал Маг, — я возьму месть на себя.

-Ты хочешь отомстить за нашего Бога, также как и я?, — вскричал аккадиец, вскакивая на ноги.

— Я проведу ночь наверху в башне и буду молиться против нашего соперника, призывая верховного Бога, — сказал Маг.

— Я не знаю, что будет, но я говорю, что завтра один из нас умрет. Он или я. Ты будешь служить выжившему.

— Если тебе — всегда, если ему — никогда! — сказал стражник мертвой змее, протягивая ему меч. Он снова сел и застыл неподвижно, как статуя.

Набу-Нассир заткнул меч за пояс, и спрятал его под накидкой, потом прошел на террасу, откуда открывался величественный вид на Вавилон, самый чудовищный город, когда-либо существовавший. Впереди виднелись выступающие, выпуклые, покрытые бронзой крыши трех храмов Луны. Выше хаоса сгрудившихся в долине домов, взгляд следовал вдоль двух валов Имгур-Бел и Нивитти-Бел, которые тянулись по прямой сколько хватало глаз, как две царственные дороги. По всему валу, как по стадиону, могла проехать колесница, запряженная четверкой лошадей. На севере, по ту сторону ограды, протекал Евфрат, извиваясь среди беспорядка улиц и глиняных домов, как змея, чешуя которой блестела то тут, то там среди деревьев. По ту сторону виднелись храм Зарпанит и пирамида висячих садов королевы Амитис, подобно горе зеленеющих ступеней. Панорама завершалась длинной линией царского города, крепостью великолепного дворца сего бастионами, павильонами, башнями, кедровыми и бронзовыми воротами, алебастровыми зубцами, серебряными и золотыми шпилями.

Солнце, погрузившееся в этот момент в туман цвета шафрана, озарило все сооружения пурпурным и оранжевым зловещим пламенем, превращая основу города в вазу темной скинии, полную огня.

Набу-Нассир смотрел на пирамиду из семи возвышающихся храмов, на которую он решил подняться в последний раз. Как и другие храмовые монументы Вавилона, она тоже пылала в лучах заходящего солнца, зигурат семи святилищ. Она горела всеми цветами радуги. Ибо все квадратные храмы, кроме самого высокого, сделанного в форме круга, были покрыты камнем или разноцветными металлами.

Считая сверху вниз, террасы храмов соответствовали семи дням недели, считая снизу вверх их последовательные этажи, согласно доктрине магов, напоминали о восхождении души в процессе развития планет, от выхода из хаоса в сатурнианский период до восхождения к божественному Солнцу, через все метаморфозы нашего мира. И пирамида, переливаясь в меняющемся свете, сама казалась участником этого постепенного очищения. Ибо она переходила от черноты Сатурна до белого алебаstra Венеры, от бледно-розового Юпитера и голубого перелива Меркурия до темно-красного Марса, утончаясь как пестик цветка, в серебристом храме Луны и позолоченной башне Бела.

Набу-Нассир смерил пирамиду взглядом. Его душа, мрачная и печальная в своей скорби, готовила себя к совершению восхождения для разговора с Богами.

Он поставил ногу на ступеньку внешней лестницы, которая, проходя этаж за этажом, кружила по зигурат, достигая вершины. Одолевая дорогу, маг не видел ни Солнца, исчезнувшего за

рыжеватой равниной Месопотамии, ни необъятного города под его ногами, неясный контур которого ступенька за ступенькой углублялся в туманную бездну.

Набу-Нассир достиг последней площадки пирамиды и очутился на вершине в маленьком храме Бела. Солнце исчезло, и ночь спустилась на город. С такой высоты Вавилон казался не более, чем темным пятном, где то тут, то там виднелись тусклыми цитаделями гигантские сооружения. Говорили, что Эреб⁺ породил из своих туманных недр колоссальный город, чтобы бросить вызов небу. Но за черным кругом горизонта, изгибаясь по всему великолепию небесного свода, глубокое небо Месопотамии светилось темным индиго прозрачного кристалла. Желтые, красные и голубые шары вращались там на громадных расстояниях, в неисчислимом ритме, в невероятной гармонии.

И под этим небом, которое было объектом исследования Набу-Нассира, он сопоставлял свою мудрость с происшедшим. Он ставил свою науку на одни весы с судьбой. Конечно, она была великой, эта наука. Тысячи и тысячи лет⁺⁺ маги и их предшественники, Ману, изучали движение звезд и регулярные изменения небес. В своих наблюдениях они зафиксировали движение небесных часов своими сложными механизмами.

Они открыли определенное влияние светил, не только Солнца и Луны, но и пяти планет на судьбу человека, в зависимости от их расположения на небе в таком-то месте, таком-то году, в такой-то день, час. Не был ли ансамбль планетарных систем живым организмом, изначально сформированным из однородной массы, в котором каждая планета была необходимым органом? Жизнь людей и наций подвергались их множественному влиянию. Можно было предугадать триумф или поворот судьбы, но не суть или детали событий. Потому что это было результатом неисчислимого соединения свободы человека и божественного действия. Печать созвездий на жизни людей и народов оставила в некотором роде рамки и основу, по которой шла нить событий, но не бесконечные узоры, вырисовываемые людьми и богами. Так, Набу-Нассир предвидел катастрофу, угрожавшую Вавилону, заметив воссоединение Марса и Сатурна в созвездии Скорпиона, но он не предсказал силу удара, глубину бездны, упадок мощи халдеев. Позорное падение, позволившее сейчас заключенным евреям кричать на улицах Вавилона предсказания пророков, оскорбляя прохожих такими словами: «Сойди, сядь в прах, Дева Вавилона, сядь на землю, а не на трон, Дева Халдеев. Возьми мулов и погрузи зерно, сними вуаль и смени свое платье, оголи свои бедра, пересекая поток, покажи наготу свою, чтобы был виден твой срам».

Однако Даниил владел наукой обожествления. Ибо именно он общался с Невидимым, он предвидел будущее, господствовал над царями и очаровывал толпы, между тем, как маги жили на протяжении столетий в своих обсерваториях, без власти над душами, не влияя на судьбы людей, бессильные созерцатели фатальной неизбежности. За три тысячи лет маги не сумели усмирить жестокие инстинкты Ниневийских и Вавилонских царей, которые жили, несмотря на свое эгоистичное благочестие, алчностью и неистовством Ахримана со всей дикостью желтой туранской расы. Гонимые в массе своей, как только они пытались поставить себя в оппозицию царям, маги заточили себя в своей умозрительной науке, в наблюдении неба и его периодических изменений. Цари консультировались с ними лишь при составлении гороскопов и, к несчастью для них, не были к ним благосклонны! Маги не умели укротить ни Ниневийских тигров, ни Вавилонских туров; ни Теглат Фаласара, устлавшего всю горную цепь отрубленными головами Мошьенов; ни Ашур-Назир-Пала, ни Саргона, ни ужасного Сеннахериба, истребителя иудеев, ни Ашурбанипала, разрушителя древнего Вавилона, который своей рукой содрал кожу с восставших сатрапов на могиле своего деда.

И всегда Набу-Нассир видел перед собой страшного человека, еврейского аскета с кротким взглядом, но непобедимого; укротителя душ, которому никто не сопротивлялся, агнца, более сильного, чем львы, этого пророка несчастья, глашатая катастроф. Был ли это Даниил, который обворожил и околдовал Навуходносора, самого чудовищного из тиранов, толкая ему его

сновидения? Не получил ли он от него титул Верховного мага, к смущению всех халдейских жрецов? Не он ли, в конечном итоге, предсказал и, возможно, замыслил падение Вавилона?

И маг мысленно восстановил ошеломляющую сцену, предшествовавшую смерти Валтасара.

Внизу огромной галереи царского дворца, на потолке и стенах, обшитых кедром с барельефами из обожженной глины, изображавшими войны и триумфы вавилонян ярко-красным на черном фоне, как будто пурпур победителей запачкался в крови жертв, в глубине этого зала надменности и роскоши, блестящего, как башня из раскаленного золота, любимое место, уединения царя. Валтасар полулежал на пышном ложе, его полуобнаженные разряженные женщины сладострастно теснились вокруг него, офицеры его свиты образовывали кольцо. Царь был мрачен. Он послал за священными вазами из Иерусалимского храма и выпил для заглушения недоверия к неприятелю и к Богу противника.

Разом вспыхивающий смех застыл в горле, шепот пробежал в толпе, женщины в страхе воздели руки к стене напротив по ту сторону стола, на котором горел подсвечник с семью свечами. Валтасар присмотрелся и увидел светящуюся руку, начертавшую три священных слова на фризе стены. Он поднялся и пробормотал: «Набу-Нассир, ты можешь мне объяснить, что означают эти слова?» Маг вынужден был сознаться, что не знает смысла этой надписи. «Приведите Даниила!» — вскричал царь. И, как будто это было предусмотрено, появился Даниил, бледный, торжественный и безучастный. Он читает и произносит громким голосом три слова, которые только что написала на стене светящаяся рука с длинными тонкими пальцами, рука ангела или духа, только что написавшая на стене и которая еще светилась, как божественная подпись под последней буквой. И пророк говорит:

— *Мене, Текел, Перес*, что означает на языке Земли: *Число, Вес, Мера*, а на вечном языке Бога: *Мудрость, Справедливость, Экономия*. О Валтасар, как и твои предшественники, ты правил в безрассудстве и беспорядке, тебя поставили на весы, и ты оказался слишком легким. Вот почему твое царство отдано другому⁺⁺⁺.

Во время этой речи надпись и светящаяся рука стерлись со стены. Даниил еще говорил, как в зал ворвался стражник, крича: «Персы вошли в город через Евфрат,.. они идут к дворцу!» Валтасар пошатнулся, обезумевшие женщины заметались, цепляясь за него, но, новый Сарданапал, он вырвался из их объятий, стряхнув эту грудю трепещущих тел, и закричал: «Мое оружие! Я хочу сражаться!» Он вышел и упал, убитый стражником, перешедшим на сторону врага.

И вот пророк, будучи самым влиятельным человеком в городе, направился в лагерь Кира для переговоров о мире от имени вельмож двора.

С чем он вернется? Постигнет ли Вавилон участь Ниневии? Будет ли город разграблен и снесен до основания, до почвы, по которой пройдет плуг, и на руинах которого будут копать логова дикие звери? Упразднят ли победители коллегия магов и постановят ли убить их главу? Нужно ждать непонятного и грозного пророка.

Но Набу-Нассир не сдавался. Он также чувствовал за собой огромную магическую мощь, силу, заточенную светилами вглубь Бесконечного и собранную наукой за триста столетий, Должен ли он бороться до конца, чтобы быть сраженным неизвестным Богом евреев и их пророком.

С этой мыслью о вызове он направил меч, принесенный за поясом, острием на север, меч, которым совершил святотатство Даниил, отрубив голову змее. Он подержал его минуту недвижимо, над туманным Вавилоном, под застывшими созвездиями, сверкающими в небе, обращаясь к Юпитеру и Венгре, планетам-благодетелям. В то же время его воля проецировалась вдаль, в ночь, направленная на невидимого противника.

* 1 лье составляет 4,44 км. — *Прим.ред.*

** Геродот, посетивший Вавилон в V веке до н.э., оставил нам детальное его описание, «Находясь на широкой равнине, говорил он, Вавилон представляет собой квадрат, длина стороны которого 120 стадий. По всему периметру идет ров, наполненный водой. По ту сторону рва возвышается вал, шириной 50 королевских кудеев и высотой 200 кудеев». (Геродот, Книга 1, гл. С1.XXV/Ш). Одна стадия эквивалентна 180 м, что составляет 21 км с одной стороны, это значит, что длина внешнего вала больше 25 лье. Топография Вавилона была отображена после раскопок Ж.Оппертом в его великом трактате: *Expedition scientifique en Mesopotamie de 1851 a 1854* (Научная экспедиция в Месопотамию 1851-1854 г.)

*** Свод его законов увековечен на стеле из зеленого мрамора в ассирийском музее в Лувре.

**** Измерения даны Геродотом.

***** Клинописное описание Навуходоносора о Борсиппе воспроизведено в т. IV *L'Istoire ancienne de L'orient* (Истории древнего Востока) Ф.Ленормана.

+ Царство мертвых. — *Прим.ред.*

++ По Диодору Сицилийскому, традиция Магов насчитывает 50000 лет. Возможно, эта цифра завышена, но она подтверждает возраст, приписываемый греко-римскими цивилизациями астрологии.

+++ См. Книгу Пророка Даниила, 5. Там говорится о легендарности книги Даниила и самого персонажа Валтасара, но тексты клинописи, в которых упоминается Бел-на-Ашуре, подтверждают существование последнего. Что касается трех загадочных слов, то они пришли из священного языка древних храмов. *Mene, Manas, Man* во все индоевропейских языках означают интеллект человека как то, что в нем содержит космическое и божественное. Прекрасную интерпретацию этих трех слов находим у Сент-Ив д'Альвейдра в его *Mission des Juifs* (Миссии евреев).

Глава II. Мистерия девственного духа

Вдруг Набу-Нассир вспомнил о цели своего уединенного похода.

Лишь недавно титулованный главой зигурат, он еще не проникал в верховный храм пирамиды, башню, посвященную солнечному Богу. У верховного жреца, единственного, было право на вход, раз в год, в эту святыню и обязанность провести там ночь во время весеннего праздника Иштар. Ни в каком ином случае он не имел права туда входить, за исключением одного: при бедствии Вавилона или угрозе храму. Тогда он мог посоветоваться с богом Белом и богиней Иштар, получить от них знак. И этот момент наступил. Итак, Набу-Нассир собирался проникнуть в святая святых зигурат, узреть своими собственными глазами загадку храма, в поисках последней разгадки своей тайны.

Он вставил ключ в двери и толкнул бронзовую створку. Круглая часовня была целиком покрыта золотыми пластинами, без всякого орнамента. К своду на тросе подвешена алебастровая люстра, всегда зажженная, пламя которой подпитывалось из нефтяных резервуаров в куполе. Люстра изображала белого голубя. Ее внутреннее свечение освещало всю золотую часовню. Одна вещь привлекала и удерживала внимание — широкое ложе, инкрустированное слоновой костью и покрытое роскошным пурпуром. Перед ложем — золотой стол с сосудом. Сзади, на черной стене, находился горельеф, изображавший богиню Иштар, светлую и стройную, поднявшую руки, чтобы поймать крылатого духа огненного цвета, вооруженного факелом, который проносился над ней, как ураган, подгоняемый солнечными стрелами. Он вспомнил, что перед смертью его предшественник объяснил ему тайный смысл мифа об Иштар, известный только верховному жрецу Бела. Иштар была наиболее популярной богиней в Вавилоне, богиней Луны и, в то же время, богиней Венеры у халдеев. Но тайное предание придало ей более глубокий смысл, связывая ее происхождение с Адар-Ашуром, таинственным и малоизвестным Богом, халдейским Люцифером. Перед созданием Земли, сразу

после формирования планеты Юпитер, Адар-Ашур (Люцифер), восставший Архангел, вызвал силой своего желания арканы Глагола: Лилит, Милитту, астральную Еву, первую Еву. Люцифер хотел жениться на Лилит и царствовать вместе с ней над миром. Но, за нарушение арканов Всемогущего и против его желания, он был низвергнут в Бездну планетарных нимбов. И Лилит, разлученная со своим небесным возлюбленным, стала земной Женщиной, половиной Человека, душой Человечества. Этой космической силе Вечно-Женственного народы Азии поклонялись под именем Милитта, Иштар или Астарта.

Это забытое предание пришло, чтобы воссоединиться с недавним загадочным пророчеством. В этом страдающем и жестоком человечестве, порожденном желанием Люцифера, в один прекрасный день Девственница должна родить Бога, Бога, который станет спасителем рода человеческого. Вот почему в определенных солнечных храмах, в храме Бела в Вавилоне, в храме Амон-Ра в Египте ожидали рождения этого Бога. Именно для этого было устлано ложе в верховной башне зигурат в храме Солнца, для Девы. Она должна была прийти сама, движимая не лунатизмом, а священным исступлением, чтобы в магическом сне провести ночь в храме и быть магически оплодотворенной Богом Солнца на празднике весны. Но эта женщина не приходила*.

Из этой цитаты Геродота понятно, что в V в. до н.э. Вавилонских и Фиванских жрецов неотступно преследовала мысль о зачатии девственницей духа. Но где разумное объяснение этому? Восточная и западная эзотерические предания утверждают, что физические тела великих пророков и мессий были рождены мужчиной и девой, погруженными в магнетический сон. Универсальный закон природы не нарушался, но таинство зачатия совершалось под влиянием Сил в состоянии экстаза, исключавшем плотские желания. Следовательно, можно сказать, что в подобном случае женщина и мужчина остаются девственными морально, потому что после пробуждения ни о чем не помнят. Мистический характер их астрального слияния дает телу ребенка особенную чистоту. Это то, что у католиков зовется *непорочным зачатием*. Но какой бы ни была интерпретация всего этого, важно то, что человечество сохраняет перед этой священной тайной определенную сдержанность и глубокое уважение, которые обязаны наивысшему проявлению Божественного в Человеческом через жертвоприношение инкарнации.

Набу-Нассир испытал смятение, перебирая в памяти странные детали, рассказанные его предшественником, находясь теперь перед пустым ложем в безмолвном святилище. Он не понимал смысла предсказания, вызвавшего у него неясный страх. Но он понял смысл мифа об Иштар, соответствующему самой скрытой тайне религии халдеев. Он с горечью почувствовал, что сила покровителя его расы и религии пришла в упадок, и что участь Вавилона была связана с его участью. Невольно он пробормотал :

— О Иштар, любимая Богиня, пленница низших Богов, обрети силу найти свой свет. Поведай мне свою тайну, и я сумею победить Врага.

На столе из золота, расположенного возле ложа, стоял сосуд из позолоченного серебра. Маг взял его и воскликнул:

— Содержит ли эта жидкость жизнь или смерть, я хочу узнать твою загадку.

Набу-Нассир выпил одним глотком содержимое сосуда. Аромат напитка проник в его мозг, извиваясь как стебель цветка с опьяняющим запахом. Обернувшись, он заметил возле входной двери грифона из порфира, вырезанного в стене. Его голова касалась свода, а передние лапы образовывали кресло. Набу-Нассир сел между ними и тотчас заснул тяжелым сном.

* Вот описание этой часовни, данное Геродотом в гл. CLXXXI и CLXXXII в книге I его «Истории»: «Последний поворот приводил к просторной часовне, в которой находилось богато убранное ложе, а возле золотого стола... Никто не спит здесь, кроме туземной женщины, *выбранной среди всех Богом*, которому

поклоняются жрецы-халдеи. — Сами жрецы утверждают, и их слова мне кажутся заслуживающими доверия, что Бог посещает храм и отдыхает на ложе, точно так же, как это происходит в Фивах в Египте, как утверждают египтяне. Ибо здесь также женщина проводит ночь в храме Юпитера Фиванского, и уверяют, что ни одна из этих женщин не общалась со смертными»

Глава III. Сон Набу-Нассира: спуск Иштар в Ад*

Долго, долго он ничего не воспринимал в черной бездне бессознания, в которую был погружен. Минуты длились века; Время повернуло вспять. Он чувствовал себя перенесенным в эпоху зарождения, когда Земля еще не была сформирована. Мрачный Сатурн вращался а краю планетарной системы; Юпитер выступал из темноты подобно призрачному шару. В сфере, более приближенной к Солнцу, Набу-Нассир заметил Лилит, Первозданную Еву, Иштар с Люцифером, в тот миг, когда Боги созидатели — Элохим, исполнители высшего Бога, вырвали ее из рук супруга, чтобы повергнуть восставшего Архангела в Бездну. Поразительной белизны богиня побледнела и долго плыла без сознания по орбите одной разрушенной планеты. Очнувшись, она закричала от ужаса и бросилась в Бездну как комета в поисках своего супруга, но тщетно. Теперь колесо времени вращалось вперед с молниеносной быстротой.

В чудовищных судорогах Огня и Воды, Земля, звезда Борьбы и Боли, приняла свою форму и консистенцию и улыбалась, соблазнительная, под покровом зелени. Иштар бросилась туда, задевая вершины, и предстала перед Истубаром, посвященным в короли, пастырем народа, жившим в долине. Она предстала перед ним в своем самом привлекательном облике и сказала:

— Ты, который знаешь все, можешь мне ответить, где находится Люцифер, мой супруг? Если ты мне скажешь, я тебе позволю сесть в мою белоснежную карету с золотыми колесами, и ты увидишь Богов.

Истубар ответил:

— Покайся, о Богиня, и направь свои молитвы Солнцу. Оно одно может вернуть тебе твоего супруга.

— Солнце? — сказала Иштар. — Это его смертоносные стрелы, направляемые Элохим, низвергли Люцифера в Бездну. Раз Небо и Земля не могут мне его вернуть, я пойду искать его в глубинах Ада.

И Набу-Нассир увидел богиню со светящимся лицом, переходящую из пропасти в пропасть, из мрака в мрак, взывающую:

— Где мой супруг? Люцифер! Люцифер!

На первом круге темная туча встретила ее, шепча:

— Отдай свою сверкающую тиару, иначе ты не пройдешь!

Она отдала свою тиару и пошла дальше, вся дрожа, так как чувствовала, что исчезает ее божественная сила.

На втором круге еще более темная и густая туча остановила ее криком:

— Отдай свои крылья, иначе ты не пройдешь!

Она отдала свои крылья и пошла вперед. Но она вся дрожала, так как ей казалось, что потеряна возможность вернуться из Бездны.

На третьем круге туча, похожая на чудовище, преградила ей путь, завывая:

— Отдай свою сияющую тунику, иначе ты не пройдешь!

Она разорвала свою тунику и задрожала от ужаса, так как тело ее стало непрозрачным и твердым.

Итак, в центре Бездны столпом возвышалось красное пламя. Из него раздался повелительный голос:

— Что тебе от меня нужно?

— Где Люцифер?

— Далеко отсюда, в недоступных далях пространства. Напрасно ты его ищешь, потому что твой супруг — это я, и ты больше не выйдешь отсюда.

— Ты лжешь! — закричала Иштар. — Чтобы найти его, я на все решилась, ничего не испугалась, все потеряла. Моя любовь так велика, что она могла бы разбить твое могущество, разломать, как соломинку, двери твоего ада!

— Все, что пересекает этот круг, принадлежит мне... И твое открытое желание привело тебя ко мне. Ты любишь меня!.. Иначе тебя не было бы здесь... Мое дыхание уже коснулось тебя... Когда ты узнаешь мое истинное обличье, ты найдешь меня еще более красивым, чем Люцифера!.. Потому что он связан и ничтожен, а я свободен и могуществен в моем царстве!

— Это неправда, — ответила Иштар, — я тебя ненавижу!.. Ты не можешь мне доказать свои слова.

— Ты хочешь видеть своего Архангела? — сказал голос, исходящий из пламени. — Я могу призвать его, так как это мой старший брат и я могу вызвать его призрак перед тобой... Пообещай мне, что если я покажу его тебе, ты станешь моей!..

Иштар заколебалась, поскольку ей показалось, что подвижные языки пламени, вырывающиеся из столпа, лизали ее тело, как огненные змеи и проникали в нее до мозга костей. Но, собравшись с духом, в порыве надежды она воскликнула:

— Когда я его увижу, я брошусь в его объятия! Вызывай его!

Тогда голос, исходящий из пламени, вскричал:

— Могуществом, которым бессмертные Боги наделили Бездну, что служит им пьедесталом и без которой Небо не существовало бы, повелеваю: появись Адар-Ашур, появись Люцифер!

Возникло фосфорицирующее облако. Сквозь его туман Иштар увидела мучающегося Архангела, его крылья были связаны, но он был величественен от героического страдания и неукротенной гордости. Светлые слезы струились из его глаз, капли крови сверкали на его теле красными искрами. Его глаза пронзали Иштар влюбленным взглядом, но он оставался безмолвным.

Иштар хотела броситься к нему, но почувствовала себя скованной и смогла только вымолвить:

— Адар-Ашур, унеси меня отсюда!

Но образ Люцифера исчез, в то время как Ахриман вышел из огня в образе чудовищного дракона, пытаясь достать огненным языком свою жертву. Но Богиня выскользнула из его объятий и ее пронзительный голос пронесся сквозь Бездну, сметая все на своем пути:

— Я потеряла свою тиару, свои крылья, свое светящееся тело Я все отдала ради своей любви... Но у меня осталось сердце которое ты не победил, и которое никто... даже Боги не сможет остановить в его полете! С ним я рассеку своды Бездны и присоединюсь к людям. Они укажут мне путь к Люциферу!..

Ужасна была тревога Набу-Нассира в его сне. Он чувствовал что если Иштар, эта божественная Ева, погибнет, маги тоже погибнут со всей их наукой. Потому что, чем будет Наука без божественной Любви, которая и есть Мудрость? Орудие самоубийства и смерти. Набу-Нассиру казалось, что он сам погрузился в бездны земли и что над ним закрылись своды нависших черных утесов, изборожденных желтоватыми рубцами. Он издал крик отчаяния: «Иштар, Иштар».

И вдруг ему показалось, что он снова находится в часовне Бела сидящий между лапами грифона. Белый голубь по-прежнему освещал золотой алтарь, но между магом и статуей Богини колебались языки пламени, которые прятали ее от него... Был ли это Ахриман?..

Вдруг Набу-Нассир с криком вскочил со своего места. Перед ним стоял Даниил в алом одеянии и с золотым колье мага — и пророк устремил на жреца Бела свой пристальный, но мягкий взгляд.

* Легенда об Иштар, которую я пытаюсь воспроизвести здесь в своем более глубоком смысле, предстала нам в экзотерической форме, но отныне более значащей в клинописном написании. См. Опперт: *Expedition scientifique en Mesopotamie* (Научная экспедиция в Месопотамию) и *Babylone et Babyloniens* (Вавилон и вавилоняне).

Глава IV. Содействие пророка Даниила

Машинально Набу-Нассир направил на противника меч, который носил на поясе, но Даниил невозмутимо улыбнулся и протянул ему свою худую руку, глядя на него все с той же улыбкой на устах.

Тогда Набу-Нассир, не отдавая себе отчета в том, что он делает, укрощенный высшей властью, выронил меч, всматриваясь в пророка, который явился как божественный посланник после адского сна.

Даниил стоял с непокрытой головой. Его вьющиеся черные волосы были подобны ореолу над изможденным удлинившимся лицом аскета. Под выпуклым лбом блистали два огромных глаза ясновидца, полные огня и доброжелательности. От всего его облика исходили такие сильные флюиды, что суровый халдей затрепетал всеми фибрами своей души. Он молчал потрясенный и восхищенный. Даниил заговорил первым:

— Да будет благословенно имя Господа во веки вечные, так как в нем вся мудрость и сила! Ты считаешь меня своим противником, Набу-Нассир, но я пришел к тебе как друг от имени Кира, царя персов и повелителя Вавилона. Он уважает ваших Богов, зная, что среди них вы почитаете и Зороастра. Он поддерживает магов, хранителей науки о светилах, в их силе и обещает им защиту, если они проявят себя достойными сынами своего предка Зороастра, мага солнечного

Глагола. И я, Даниил, изгнанник, смиренный пророк Израиля и высшего Бога, передаю тебе это послание и приношу мир.

Побежденный этими словами, Набу-Нассир протянул обе руки пророку;

— Будь благословен и ты, во имя высшего Бога, которого мы зовем Илу и Бога, который говорит с Зороастром посредством светил. Я вижу, что ты пришел от их имени. Но древние Боги, которые властвовали здесь, побеждены. Мир перевернулся. Могуществом более сильным, чем мое, ты проник к этому алтарю, куда не должен приближаться никто, кроме великого жреца храма Бела, и где я провел тревожную ночь. Можешь ли ты мне объяснить мое ужасное сновидение? Я видел спуск Иштар в ад; я слышал ее крик отчаяния, взывавший к Люциферу. Этот крик затерялся в Бесконечности и его эхо осталось в моем опечаленном сердце. Можешь ты мне пояснить эту загадку и тайну мистических браков, предсказанных этим слоем пустоты, в котором парит белая голубица, Иона, символ Вечно-Женственного. Можешь ли ты это сделать, ты, который умеет читать в путанных снах людей и видениях Богов?

Даниил ответил:

— О, халдейский маг, кто умеет читать по светилам, слушает Истину, сестру твоей Истины. Невидимые Боги, Силы Неба и Бездны, Боги-создатели, с их двойственной женственностью и эманациями их любви, которых мы называем: Серафимы, Херувимы, Элохим и Архангелы властвуют над миром и народами. Так продолжается из века в век, из тысячелетия в тысячелетие; но один Бог вдохновляет их и управляет ими всегда. Это от его имени говорят пророки Израиля, и от его имени я смиренно говорю с тобой, так как мы всего лишь слуги и голос его... В своем сне ты увидел первопричину того, что произошло в кровавых веках Ниневии и Вавилона. Иштар, ваша богиня, астральная царица человеческих душ нашла забвение в крови, сладострастии и смерти. Сейчас она погружена в летаргию... И все пророки утверждают: она сможет вновь обрести своего Архангела, Люцифера, когда девственница родит Бога.

— Не здесь ли должно свершиться чудо? — спросил Набу-Нассир. — Не об этом ли говорит ложе из слоновой кости и эта белая голубица?

— Вы, маги, тоже предчувствуете великую тайну; но не здесь получит воплощение Сын Солнца, который говорил с Зороастром... Среди израильтян, в народе пленников и изгнанников родится Божий Сын. И все народы земли будут подчиняться ему*.

— Тогда какое значение имеет моя наука? Какое значение имеет мой храм?

— Наука о светилах божественна, как душа, хотя она и управляема Разумом, который есть и Мудрая Любовь и Любовная Мудрость. Сохрани свою науку для будущих времен. Когда наука Неба и наука Любви соединятся, на земле будет только один Бог и один народ. Именно поэтому Кир доверил тебе честь быть Великим Магом.

— Мне, Великим Магом? — воскликнул халдей, отступив на шаг. — Тогда кем же будешь ты, Даниил?

Спокойно приоткрыл пророк свою алую мантию и, расправляя полы, заставил ее упасть к своим ногам. И предстал Даниил перед Набу-Нассиром в льняном белом платье великого жреца Иерусалима с нагрудными латами, где сверкали 12 драгоценных камней, символы двенадцати израильских племен и двенадцати знаков зодиака.

Испытывая глубокое уважение, маг опустился на одно колено перед пророком, который казался теперь на локоть выше и чьи глаза сияли экстатическим светом.

* См. это предсказание в Книге Пророка Даниила, VII: 13-14 и IX: 25-26.

* * *

Глухой ропот, отдаленные крики стали доноситься снаружи. Маг и пророк вышли из часовни, венчавшей пирамиду из семи ярусов, и остановились на краю террасы, откуда был виден Вавилон. На Востоке рассвет раскрыл свой шафрановый веер на фоне тумана медного цвета. Металлические крыши, купола дворцов и храмов, казалось, покрывались струпьями из-за зловещего света чадающего города. Полоса пыли и коричнево-оранжевого тумана, который отделял горизонт от места, где должен был появиться царь-светило, казалось, накинула уже на Вавилон свою мантию пустыни, что позже поглотит этот город, стерев его с лица земли. Но в глубине долины, куда обратили свои взоры маг и пророк, слышалось монотонное пение мужчин и женщин. Даниил указал Набу-Нассиру еще темной долине на белый дом с террасой, украшенной зелеными листьями. Этот еврейский дом казался светящимся фонариком в мрачной пропасти. «Слушай!» — прошептал Даниил, и халдей, который знал иврит, разобрал, в результате, слова псалма:

Если я забуду тебя, Иерусалим,

забудь меня, десница моя.

Прилипни язык мой к гортани моей,

если не буду помнить тебя,

если не поставлю Иерусалима

во главе веселия моего.

— Ты слышишь! — сказал Даниил. — Надежда не умерла в сердцах изгнанников. Именно в этих сердцах живет будущий Иерусалим.

В это время темно-красный солнечный диск появился на коричневой линии горизонта и метнул свои острые стрелы в копошащийся Вавилон. Людской муравейник закопошился в своем лабиринте. По улицам бегали солдаты, женщины взбирались на крыши. В столицу Халд и торжественно входили персы. На широкой прямой дороге с крепостной стены Имгур-Бела была видна приближающаяся царская колесница, запряженная двенадцатью лошадьми по четыре в ряду. За ней шла стража мидян с длинными волосами и искрящимся оружием. Перед колесницей воин нес красное, вышитое золотом знамя, на котором сверкали персидский лев и Солнце Зороастра.

И раздался из города громкий, как шум моря, рокот:

— Слава Киру, царю Персии и Вавилона!

Книга шестая.

Этапы Солнечного Глагола.

III.

Смерть Камбиса и Солнце Осириса

Явись, полуночное Солнце...
Бог нежный и ужасный...
Явись, Осирис!

Книга Мертвых

Смерть Камбиса и Солнце Осириса

Кир был величайшим монархом Азии, царь справедливости, истинный сын Зороастра. Он играл в судьбах мира главную роль. Важнейшие акты его правления имели решающее влияние на будущее белой расы. Без него история человечества была бы совсем иной.

Победитель Вавилона, он пощадил ослабевшую вражескую столицу и позволил магам сохранить их мудрость — ковчег наук будущего. — Отразив чудовищное нашествие скифов, он избавил средиземноморскую цивилизацию от варварского разрушения, отбросил северные народы к сарматским долинам и на берега Скандинавии, откуда они должны будут нахлынуть восемь веков спустя на Римскую империю и омолодить Европу. — К тому же, разрешив евреям занять Палестину и восстановить храм в Иерусалиме, он спас Израиль — ковчег монотеизма и колыбель будущего Христа.

Так или иначе, если бы Кир на протяжении жизни мог держать в своих могущественных руках нити будущего и сумел бы разрубить этот гордиев узел, он и тогда не смог бы противостоять гангрене порока и эпилепсии гордыни, всегда подстерегающими абсолютную власть, завладеть его семьей.

Между Камбисом и его отцом — ужасный контраст. Это шакал, который следует за львом и приходит рыскать по его следам. Прощайте Мудрость, Милосердие и Храбрость, прощайте Добродетель души и Гений ума, которые, спустившись с горы Зороастра, выступают как Викторины над армиями победителя Вавилона, Трусливый, жестокий, завистливый и бесчеловечный, чудовище роскоши и извращенности, Камбис довел психоз тирании до неистовства преступлений. Едва придя к власти, он приказал тайно убить своего младшего брата, казавшегося ему опасным соперником, а затем выступил против Египта.

На протяжении более тысячи лет, царство фараонов было соперником всех азиатских империй и препятствием для всеобщей анархии. Несмотря на нашествия и внутренние восстания, фараоны оставались учениками Фиванской мудрости. У них все еще существовало посвящение в таинство наук; они прививали своему царству чувство справедливости, придерживались во всем божественной иерархии. Египет сопротивлялся нашествию Ниневии и Вавилона. Навуходоносор его опустошил, не дойдя до священных Фив; Кир его уважал, Камбис же захотел его разрушить. Тираны инстинктивно ненавидят любую власть, которая ограничивает их собственную. Власть морали и духовности их раздражает. Молодой царь Персии видел в мудрости и теократии египтян своих злейших врагов. Это ощущение опасности привело его в ярость и подтолкнуло к крайности.

Камбис был суеверен, но в то же время его привлекало святотатство. Его тусклое сознание колебалось между паническим страхом и беспредельной гордыней. Когда его одолевал страх перед смертью, он раболепствовал перед самым презренным колдуном, когда же им овладевала

мания величия, он считал себя равным Ормузду и горел желанием померяться с ним силой. Но в то время персидские маги уже потеряли способность вызывать дух Ормузда для его почитателей. Между тем, Фанес из Галикарнасса, греческий генерал Яхмоса, царя Египта, Фанес, перебежчик к Камбису, сказал однажды персидскому царю: «Египетские жрецы более ученые, чем твои. Их Бог Осирис, самый могущественный из всех, такой же как Ормузд. Они умеют вызывать его. В имени Осириса великая тайна. Говорят, что кто ее узнает, сможет обладать способностью воскреснуть и уже не испугается смерти. Я берусь отвести твою армию к берегам Нила и, если ты станешь властелином египетских храмов и их жрецов и если ты получишь согласие Бога, ты будешь властелином мира*».

— Веди меня в Египет, — сказал Камбис.

Между Сирией и египетской дельтой расстились пустыня и болота. Благодаря вмешательству Фанеса, арабский шейх, властвовавший там, приказал расставить по дороге караваны с провизией на три дня пути. Это и позволило персидской армии захватить дельту. Большая битва произошла при Пелузии, с обеих сторон борьба была ожесточенной. В утро того сражения коринфяне и ионийцы, состоящие на службе у фараона, зарезали детей предателя Фанеса, но это жестокое и бессмысленное жертвоприношение не принесло им счастья. К вечеру египетская армия была обращена в бегство. Царь Псамметих, бежавший в Мемфис, был вынужден сдаться. Тем временем Верхний Египет уже подчинился. Война продолжалась не более нескольких недель. Могущественное царство фараонов, которое на протяжении двух тысячелетий властвовало на Средиземноморье и сдерживало Азию, рухнуло при первых же ударах сына Кира.

В своем триумфе мания Камбиса не знала границ. Он сразу же начал с того, что спросил у жрецов Мемфиса, могут ли они вызвать для него Бога Осириса и открыть его великую тайну. Они ответили:

— Не мы обладаем этой тайной, а жрецы Фив. Найди их.

Камбиса до такой степени разъярил этот ответ, что он предался жесточайшему насилию. Он приказал убить главных жрецов храма Птаха. Он не только приговорил несчастного царя Псамметиха к смерти, но заставил его присутствовать перед казнью на мучениях его детей. После чего он надругался над могилой отца Псамметиха, царя Ахмаса II; сжег его мумию, что для египтян является ужаснейшим святотатством.

Достигнув Фив, Камбис созвал совет жрецов храма Амон-Ра.

— Я повелитель Египта, — сказал он им, — и я требую для себя то, что Фараоны требовали от вас. Можете вы мне показать самого таинственного из всех Богов? Можете вы открыть мне тайну Осириса? Ваши храмы, ваши сокровища, ваши архивы и жизни в моих руках. Если вы хотите сохранить свои жизни, то должны заставить быть благосклонным ко мне вашего высшего Бога.

Верховный жрец Фив ответил:

— То, что ты просишь, о великий царь, выше наших сил. Мы можем призвать нашего Бога, моля простить тебя, пролитуую тобой кровь и ввести милосердие в твою душу, но мы не можем заставить его предстать перед тобой. Не мы повелеваем нашими Богами, а они нами!.. Ты можешь покорить Египет, осквернить могилы наших царей, сжечь их мумии. Ты можешь разбить колонны наших храмов и обелиски, на которых выгравированы наши победы... Ты можешь превратить в прах свитки наших папирусов, где записаны наши тайные познания... Ты можешь убить всех жрецов Египта и разбить на мелкие куски статуи наших Богов, но... ты не увидишь нашего Бога, ты не узнаешь тайну Осириса, который разговаривает с Посвященными

в глубинах Невидимого и Вечного... К нему приближаются лишь в белой одежде неопита, после долгих лет воздержания и очищения, а не в плаще, красном от крови, и не с мечом — замешанном в преступлениях.

Камбис оставался стоять озадаченный на протяжении этой речи. Торжественность этих слов, величавость верховного жреца, невозмутимость жрецов Амон-Ра, одетых в белые льняные платья, с перекинутой шкурой пантеры через левое плечо, вызвали у него невольное уважение. Он покинул высокое собрание, косясь и дико озираясь, как кабан, спасающийся от окруживших его охотников. Но едва он вернулся во дворец Фараонов, который находился на берегу Нила, как тут же послал свою стражу убить верховного жреца и всех жрецов Амон-Ра. Затем вернулся к храму и приказал разбить статуи, обелиски, разнести склепы, разграбить сокровища, сжечь все папирусы со священными письменами. После этого он попытался уничтожить храм Амон-Ра, предав его огню. Но зал с огромными колоннами устоял перед пламенем и Осирис, колосс из серого гранита и черного базальта, остался стоять посреди пожарища в своей двойной тиаре и со змеями на голове...

Покончив с Египтом, Камбис отправился завоевывать Нубию. Там он потерпел жестокое поражение от Берау и чуть не умер со своей армией от жажды в пустыне. Он вернулся в Фивы побежденный, обеспокоенный, сбитый столку.

Однажды, когда он прогуливался по черному от огня и опустошенному храму Амон-Ра, он заметил писаря, сидевшего на корточках в одной келье. Это был нубиец с кожей медного цвета. Тростниковой палочкой, обмакнутой в красные чернила, он переписывал иероглифы с длинного папируса, развернутого у его ног.

— Что ты там делаешь? — спросил царь.

— Я переписываю *Книгу Мертвых* для благородного гражданина из Фив, чья мумия будет отнесена в саркофаге в Долину Царей.

— Ты знаешь, что я приказал уничтожить все папирусы храма и ты будешь приговорен к смертной казни за то, что сейчас делаешь.

Писарь, сидевший на корточках в углу своей кельи, оставался спокойным, услышав эту угрозу. Его лицо хранило наивное выражение скарабея, но на насмешливых губах играла загадочная улыбка, и огонек лукавства блеснул в его глазах.

— Возьми этот папирус, — сказал он, — и сожги его, о, великий царь, я отдаю его тебе. Но как тебе удастся сжечь все остальные папирусы, что тысячами и тысячами покоятся в гробницах по всему Египту? Так как каждый умерший имеет подобный требник в своем саркофаге. И через тысячи лет те, кто смогут прочесть эти иероглифы, откроют для себя науку наших предков и арканы их мудрости.

— Так что же написано в этой *Книге Мертвых*, — спросил заинтересованный Камбис.

— Наставления для души, которая уходит в Потустороннее, магические слова, чтобы не заблудиться в царстве Аменти, у великой реки Забвения, предупреждения, как избежать плохого лощмана, черного Двойника и опознать доброго, белого Двойника, правила, поясняющие, как испросить помилования у беспристрастного судьи, который ожидает умерших... там. И, наконец, эта книга включает в себя магическую формулу, позволяющую вновь обрести божественную память, сесть в барку Исиды и достичь *Солнца Осириса*.

— *Солнце Осириса!* Что это такое? — вскричал Камбис, задрожав.

Царь схватил худую руку писаря и с силой встряхнул ее. Но все та же загадочная улыбка не сходила с толстых губ нубийца, и все тот же лукавый огонек блестел в его глазах.

— Мне ничего об этом не известно, — сказал он, — потому что я его не видел. Но говорят, что мертвые его видят, если они были хорошими людьми, о, очень хорошими... Если они чисты, о, очень чисты...

— Есть ли человек, который может вызвать его для живых?

— Верховный жрец Фив единственный, кто мог это сделать, но ты убил его.

— Нет ли кого-нибудь еще, кроме него, кто владел бы этой тайной?

Писарь почесал свой бритый затылок, затем приставил указательный палец ко лбу и ответил:

— Есть такой человек, это верховный жрец Узахаррисинти, великий жрец из Саиса, в Нижнем Египте. У него есть напиток, сделанный из цветка непентиса. Несколько капель этой жидкости погружают посвященного в летаргический сон, и он путешествует в ином мире. Может быть Узахаррисинти согласится показать тебе ночное светило Осириса... солнце мертвых, которое встает над миром теней... *полуночное солнце*..., но он рискнет своей жизнью... и ты тоже!

— Не важно! Я смогу его заставить. Ты, писарь, раз уж ты рассказал мне как можно узнать великую тайну, я сохраняю тебе жизнь. И если я увижу Солнце Осириса, я сделаю тебя верховным жрецом Египта.

— Меня — верховным жрецом,.. а себя — Богом, не так ли? — спросил нубиец со своей неизменной насмешливой улыбкой. Затем он добавил:

— Ты видишь этого маленького скарабея из зеленого мрамора?

Камбис взял скарабея в руки и начал его рассматривать. На его спине и животе были выгравированы двенадцати священных знаков.

— Это двенадцать великих Богов Вселенной, — сказал писарь. — Вместе они составляют Душу Мира. Каждый человек носит их внутри себя, и все существа отображают их, как этот скарабей. Можно сжечь папирусы, можно уничтожить священную науку, которая идет от Души Мира. Но она воскреснет от этого скарабея. Унеси с собой, о, великий царь, это воспоминание о египетском скарабее!

Потрясенный Камбис еще мгновение рассматривал насекомое из мрамора, потом с чувством страха положил его обратно на стену и побежал прочь. Он боялся волшебства. Несколько раз он испуганно оборачивался. Ему казалось, что Душа Мира, которую он пытал, преследует его с насмешливой улыбкой под видом скарабея.

*** О египетской инициации см. главу о Гермесе в «Великих Посвященных» и главу о «Древнем Египте» в моих *Sanctuaires d'Orient* (Святилищах Востока).**

* * *

В тот день, когда Камбис вернулся в Мемфис, там песнями и танцами отмечали праздник весны. Персидский царь подумал, что они радуются его поражению, и приказал совершить еще одно убийство жрецов, потом он заколол кинжалом собственную сестру, которую до этого силой заставил выйти за него замуж, несмотря на персидский закон, с ужасом и негодованием обвинивший его во всех его преступлениях. Неподвластный угрызениям совести, но испуганный, Камбис предстал перед верховным жрецом из Саиса, в храме посвященном богине

Нейт, ночной Исиды, отождествленной с Душой Вселенной, требуя от него немедленного посвящения и встречи с Осирисом.

— Ты пришел сюда, залитый кровью жрецов Египта, — сказал ему Узахаррисинти, смиренный старец. — О, великий царь, как я смогу получить для тебя то, что я не смог получить для себя, после всей моей жизни, невинной чистоты и умервщления плоти?

— Ты это сможешь. У тебя есть напиток, который погружает в летаргический сон и благодаря которому можно спуститься в царство мертвых и достичь Солнца Осириса.

— Но знаешь ли ты, о Камбис, что если тебе удастся увидеть Солнце Осириса, оно тебя испепелит?.. Бойся, как бы это не стало твоим концом.

— Я не боюсь ничего и никого, — ответил царь, у которого сопротивление жреца вызвало избыток гордости. — Я не испугался Ахурамазды и я еще жив. Я не боюсь, что Осирис меня достанет, главное, что я ношу с собой свой меч, латы и свою царскую корону.

— Да будет так, как ты хочешь, — сказал Узахаррисинти. — Я вызову для тебя сначала Зороастра, пророка твоей расы. Если он придет, то он тебе скажет, готов ли ты встретиться с Солнцем Осириса.

Через длинную аллею сфинксов повел верховный жрец царя внутрь храма. Они пересекли несколько залов, чтобы Дойти до отдаленной части святилища, где виднелся открытый и пустой саркофаг. Высокие колонны, едва видимые в неясном свете, терялись в густой темноте... Выпив снотворное, царь лег в саркофаг, одетый в латы, с мечом на боку и в короне на голове, в то время, как верховный жрец бросал благовония на горящие угли костра, пылающего на треножнике, и громко произносил заклинания.

Сначала у Камбиса появилось странное ощущение. Ему казалось, что его тело становится все более и более тяжелым и что он падает в бездонную пропасть, в то время, как его дух поднимался вверх, как нечто легкое, невесомое. Потом ему показалось, что он растворяется в пустоте и теряет сознание. Когда он очнулся, то увидел себя находящимся в том же зале, но ставшим гораздо выше ростом. Густые клубы дыма подымались из треножника. Верховный жрец молился на коленях с протянутыми над бездной руками. В золотом сиянии, опираясь на посох, появился величественный старец, чья борода казалась серебристой рекой и который носил сверкающую светом овечью шкуру, перекинутую через его белое льняное одеяние. Камбис задрожал, поскольку понял, что это был сам Зороастр. Пророк ариев произнес звучным голосом:

— Зачем ты вызываешь меня, вырожденный сын ариев, царь беззакония, погрязший во всевозможных ужасных преступлениях? Твой пурпур окрашен кровью невинный, твоё дыхание смердит преступлением, как у шакала, который пахнет гнилой плотью. Предатель своего отца, рода и своего Бога, извращенный потомок презренного Ахримана, ты претендуешь лицезреть славу Ахурамазды, которого египетские жрецы называют Осирис? Не надейся на это святотатство. Твои дни сочтены. Приближается час, когда Ахурамазда воплотится в человека, который принесет в жертву свое тело, чтобы обнародовать Глагол Божий. Когда Сын Бога пойдет живым по земле, ты и тебе подобные будут сметены, как пыль ветром бури. Спрячься в пещере, подобно змее. Солнце Осириса не для тебя...

Произнося эти слова, призрак Зороастра начал таять и его последние слова донеслись до Камбиса, как раскаты грома. Он очнулся, покрытый холодным потом. Пошатываясь, вышел из саркофага и наощупь приблизился к верховному жрецу Узахаррисинти, который продолжал молиться.

— Ты видел своего пророка? — спросил тот.

— Да.

— Что он сказал тебе?

— Он угрожал мне смертью, если я вызову солнце Осириса. Он сказал, что скоро Ахурамазда, которого египтяне называют Осирис, воплотится в человека и что тогда будет покончено с могуществом царей. Я в это совершенно не верю, Этот Зороастр, может быть, всего лишь оживленный тобой призрак. Мои латы все еще у меня на груди, мой меч у меня на боку, и корона на голове. Я не боюсь ни Зороастра, ни его Бога. Сейчас наступило время темноты...Только огонь в треножнике освещает нас... Никто нас не видит и не слышит... Итак, под страхом смерти, вызови для меня солнце Осириса, полуночное солнце. Жрец, приступай к своим заклинаниям!

— Так встретить же свою судьбу! — сказал Узахаррисинти. — И пусть вечный разум Богов выйдет к тебе из кругов будущего, как меч из ножен!..

Камбис сделал второй глоток напитка, который поражал его мозг и снова лег в саркофаг. На этот раз, теряя сознание, ему показалось, что душа изгоняется из тела, как сноп сена, пожираемый огнем. Когда он вышел дрожащей личинкой из небытия, то увидел бесконечно далеко от него, сияющую звезду в глубине галереи. Звезда превратилась в золотое Солнце, чьи лучи, казалось, охватывали всю вселенную. По мере того, как он приближался к нему, черный крест появился в желтом пламени солнца, и на кресте он увидел тело распятого Бога. И распятый Бог рос, закрывая солнечный диск. Его раны кровоточили и боль всего мира отражалась на его мертвом лице. Но вдруг распятый Бог поднял голову и открыл глаза. Тонкий луч вышел из него и поразил голову Камбиса. Взгляд божества был полон любви и жалости, но его колющая сила была настолько велика, что он проник в тело царя, причиняя тому невероятные страдания, как будто разрушая его костный мозг. В то же время чудеснейшая гармония заполнила пространство; медные трубы и арпеджио арф; голос, звучащий с неба, и хор архангелов. Все эти голоса говорили:

— Дрожи Ахриман! Падайте на колени, о, цари! Маги, раскурите ваши фимиамы. Он готов прийти, он спускается с неба, Бог Богов, сияющий Сын высшего Бога, наставник Богов и людей... Он пойдет по земле, он будет распят. Он умрет ради любви, чтобы воскреснуть в славе... Тираны побеждены, небеса вновь открываются, умершие воскресают. Слава Христу! В глубинах смерти он обрел вечную жизнь!

Во время этого пения, которое звучало, как симфония на фоне космического грома, распятый Бог обрел прекрасное тело, облаченное в сверкающее одеяние. Из глубины колоннад, чьи архитравы были разбиты, гигантский Христос шел навстречу Камбису. За ним ступали все жертвы тирана, преобразенные в лучах его солнечной славы. В то же время, лицо воскресшего Бога сверкало, как молния, и его взгляд проникал в сердце Камбиса, подобно мечу.

Тогда Камбио проснулся от невыносимой боли. Высшее блаженство его жертв доставляло его плоти все те страдания, на которые он их обрек. Под победоносным взглядом Бога острие меча, который он сжимал в своей руке, вонзилось в его бок, латы душили его, корона жгла виски, как раскаленный свинец. Он выскочил из саркофага с криком отчаяния и бросился на иерофанта, который упал на землю возле дымящегося треножника.

— Ко мне! Я горю! На помощь! — завопил Камбис.

Верховный жрец встал на ноги и оттолкнул царя, который хотел за него ухватиться.

— Я ведь говорил тебе, о, царь, не требуй показать Солнце Осириса.

— Сними с моих глаз этот ослепляющий свет!.. Мне было хорошо в темноте... Верни мне мрак... — бормотал царь.

Но иерофант, который теперь волшебным образом преобразился, заговорил:

— Ты вызвал свет, который если не воскрешает, то убивает... Тебя он больше не отпустит!

Тогда обезумевший Камбис далеко отбросил свои корону, латы и меч... и бросился бежать. Вскоре он умер в Сирии. Геродот утверждал, что его меч вонзился ему в бедро, когда он садился на лошадь, но надписи Бехистуна говорят, что он покончил с собой в приступе отчаяния*.

* Роулинсон, *Inscription of Darius on the rock of Behistan* (Надписи Дария на скале Бехистун) в *Records of the past* (Записи прошлого), т.11, с.112 (приведенное Масперо в *Древней истории народов Востока*).

* * *

Таким был трагический конец Камбиса, одного из самых диких воплощений азиатской тирании.

Явление Солнца Осириса, о котором рассказывает *Книга Мертвых*, и все священные предания Египта, было для духовенства Нила предчувствием иных таинств солнечного аркана, *космического Христа* (Логоса) и предзнаменованием *Христа исторического* (Иисуса), который должен был положить конец апофеозу абсолютной власти, изменить лицо мира и характер посвящения.

Книга седьмая. Эллинское чудо. Аполлон и Дионис. Элевсинские мистерии и трагедия

Блажен, кто сошел под землю,
Увидев, что он увидел:
Ведом ему жизненный конец,
Ведомо дарованное от Бога начало...

Пиндар

Прекрасное — это великолепие Истины.

Платон

Глава I. Гордиев узел

Роль Греции в человеческой эволюции сводится к главной идее, нашедшей свое отражение во всем мире. Ее можно сформулировать следующим образом: *Эллинское творчество наиболее полно реализовало Божественное в Человеческом в форме Прекрасного*. Сквозь него мы созерцаем могущественное воплощение этой божественной красоты и ее гармоничное выражение как в цивилизации, так и в искусстве. Мы все еще живем осколками этого творчества и отблесками этой идеи, но известны ли нам ее истоки и ее историческое значение? Другими словами, можем ли мы соединить в одну органичную цепь те откровения, которые ей предшествовали и которые следуют вслед за ней?

В этой связи Греция имеет уникальное положение и главенствующую роль. Она знаменует переход между древним циклом политеистических религий и христианством. Это гордиев узел, в котором сплетены все сокровенные нити, тянувшиеся из Азии в Европу, с Востока на Запад.

Смогли мы распутать этот пучок? Смогли проникнуть в самую глубь этого святилища? Несмотря на все наши изыскания и открытия мы очень далеки от этого мира и его лучезарных тайн.

Увы! Очарование разрушено, пронесшаяся над миром улыбка богов рассеялась как утренняя заря. Впоследствии ни один народ так не мечтал, никогда люди не находили такого чудесного равновесия между душой и телом, такого изысканного проникновения духа и материи, которое, по словам Платона, дало крылья Олимпийским атлетам. Сегодня строгие тени христианского аскетизма, ужасающего сооружения цивилизации, основанной на механицизме и утомительных построениях материалистической науки, теснятся и восстают как непреодолимые горные цепи между нами и светлой Аркадией, к которой влечет ностальгическое желание.

Две тысячи лет истории мы скрываем священную Грецию, и уже потеряли секрет ее божественного упоения, погруженного в мудрость и изощренное сладострастие. С другой стороны, мы силились считать, что она всегда составляла часть нас самих, ибо мы обязаны ей нашим искусством, нашей философией, и даже нашими науками. Бесспорно то, что мы все больше и больше проникаемся греческим гением, как необъясненным чудом.

Мы можем, следовательно, говорить об *эллинском чуде* с тем же правом, что и о *чуде христианском*, и лучшим символом этого чуда, на наш взгляд, является миф о Прометее,

дерзком похитителе молнии, укравшем небесный огонь, чтобы принести его людям, отдать его искусствам, науке и свободе.

До сих пор историки находили объяснение эллинского мифа в стране и расе эллинов. Эти два фактора были, разумеется, необходимыми условиями. Если Европа представляется разветвлением Азии, то Греция, оканчивающаяся Пелопонесом и окруженная островами, выглядит наиболее изящной ветвью и цветочным букетом Европы. Заливы и мысы, тенистые долины и заоблачные вершины, все образы гор и морей вырисовывались и гармонично сочетались с простотой, полной великолепия. Говорили, что крутые и снежные вершины Фессалии высечены Титанами. Не были ли они созданы для того, чтобы стать тронном Олимпийцев, а увитые плющем пещеры Киферона для того, чтобы покрыть любовь божественных женских духов земли, а миртовые леса и источники Аркадии, чтобы дать приют дриадам и нимфам? Равнины Элиды, Аргоса и Аттики не ожидали ли они галопа Кентавров и героических боев? Киклады, сеющие в фиолетовом море как перламутровые раковины, так и розовые цветы, украшая их пеной, не назывались ли они хороводами Нереид? Скала Акрополя, не требовала ли она самого Парфенона с бронзовой Девой, которая издала видна блеском своего шлема с эгретом? Наконец, мрачная воронка Дельф, господствующая между белыми вершинами Парнаса, этот «пуп земли», не кажется ли она предопределенным местом треножника Пифии, который сотрясается от голосов из бездны и дыхания небес? Вот, без сомнения, чудесное окружение, но колыбель, как бы ни была она хороша, еще не творит детей.

Многие народы, которые встречались, пересекались, обосновывались вместе с древними пеласгами в Элладе, фракийцы, этолийцы, ахейцы, лидийцы, эолийцы терпели они решая вместе с красотой земли загадки греческой религии и поэзии? В их лицах я замечаю два типа, в которых синтезировались качества всех рас — ионийцы и дорийцы. Ионийцы пришли из Азии, это те, которых индусы называют яванами, так сказать те, которые поклонялись Ионе, женской стороне божества и воспринятой ими мощи плодородной природы. Эти народы мужским Богам предпочитали богинь — Кибелу, Мать-Землю, сладострастную Астарту и изменчивую Гекату. Они олицетворяют женскую сторону греческой души, ее зеркало, освобожденный дух, склонность к определенной мягкости, но также и страсть, оргиастический дух и энтузиазм. Ионийцы встретились в Элладе лицом к лицу с дорийцами, воинственной и грубой расой, пришедшей с Севера, с холодных равнин Скифии, через поросшие лесом горы Фракии. Это были варвары; их крепкие тела дрожали в ледяных водах Стримона, но они носили в своих бесстрашных сердцах и рыжих волосах лучи гиперборейского Аполлона, о которых сохранилась память и на Делосе, и в Дельфах Они воплотили мужские элементы греческого духа. Их боги — это боги неба: Вулкан, Зевс, Аполлон; огонь, молния и свет Их героев зовут Геракл, убийца чудовищ, и Диоскуры, Кастор и Полидевк*, укротители лошадей.

Борьба между ионийцами и дорийцами, которая усиливалась в соперничестве Афин и Спарты и в ужасной Пелопонесской войне, стала основой греческой истории и заполнила все своей продолжительностью и кровавой пышностью. Но достаточно ли ее для объяснения религии и поэзии Греции? Откуда исходит, что они изначально проявились как гармоничные построения, которые фантазия и вольности поэтов несколько не поколебали? Откуда исходит единство греческого пантеона и его великолепная иерархия, ритмичная, словно шаги муз и полет Ириды между небом и землей? Заметьте, что эта иерархия с самого начала одинаково представлена и у ионийца Гомера и у дорийца Гесиода. Какой авторитет исходит от трибунала амфиктионии, заседавшего в Дельфах и принявшем решение о национальном единстве как верховенствующим над внутренними разногласиями? Кто, наконец, впервые с праисторических времен дал верховенство мужскому духу дорийцев над страстной и оргиастической мощью ионийцев, без растления и подавления, но подготовив, наоборот, величайший расцвет научной культуры?

Греческие поэты рассказывают, что Зевс, влюбленный в прекрасную Европу, превратился в гордого быка и увез ее на своей спине, чтобы доставить по лазурным волнам от теплых берегов

Азии на дикий остров Крит. Впечатляющая картина ионических переселений и многочисленных похищений женщин в эти тяжелые, но веселые времена. Однако, следуя за мифом с его превосходным символизмом, какое обаяние Зевса, принявшего в пещере горы Ида свой человеческий облик, сквозь который блистал Бог, какие пламенные ласки превратили наивную деву в сильную женщину, которая должна была поочередно преобразиться в обольстительную Афродиту, стремительную Палладу и степенную Мельпомену? Эта гречанка притягивает нас к себе не только своей улыбкой, она очаровывает нас и мы противостояем глубинному пламени ее взора. Откуда у нее эта сила и эта магия? Вот загадка, вот проблема.

Земли и народа будет в крайнем случае достаточно, чтобы мы смогли объяснить легкомысленную, духовную, смешную и конечную Грецию, которую так хорошо причесали нам Тэн и Ренан, но в эту схему не вписывается ни страсть Ионии, ни дорийское величие**. Она прекрасна, эта Греция моряков и пастухов, благородных пиратов и утонченных художников. Она превосходно играет с жизнью, с идеями и с Богами. Она наслаждается ими и понемногу над ними смеется. Она дает нам возможность понять Феокрита, Аристофана, Антологию, риторов, софистов, афинских демагогов и жесткую политику Спарты. Но рядом с этой мирской и игривой Грецией есть и другая, более серьезная и волнующая. Это Греция Гомера и Гесиода, Пиндара и великих лириков, Фидия и Праксителя, Эхила и Софокла, Эмпедокла, Гераклита, Пифагора и Платона. А греческую душу, проявившуюся в этих великих индивидуальностях, нельзя объяснить ни землей, ни расой, ни временем, но только сверхчеловеческим вдохновением, заставляющем ее волноваться, Упадочная Греция, которую нам так часто выдают за истинную, и не только в последнее время, — это видимость и прах ее разлагающегося духа.

Как и все великие народы, Греция в доисторический период имела религиозное откровение, адаптированное к ее природе и миссии, откровение, которое оставило след в ее легендах и установлениях, источник света и жизни, питающий ее шедевры и не иссякший после их порождения. Одним словом, *за Грецией видимой есть Греция невидимая*. Только это объясняет ее архиважность, так как именно она себя создала и организовала. Свои тайны она скрыла от нас в Мистериях, которые защищались клятвой безмолвия и покаранием смертью, предписанным Ареопагом всем тем, кто ее нарушал. В то время, как орфические фрагменты, аллюзии Платона, трактаты Плутарха***, болтливость философов Александрии, полемики Отцов Церкви, топография элевсинских руин и их характерные надписи позволяют нам составить представление о сущности и символике этой тайной религии****.

Смело же войдем в полумрак двух наиболее почитаемых в Греции храмов, в Дельфах и Элевсине. Там перед нами предстанут два божества, олицетворяющие два противоположных полюса греческой души и давшие нам от нее ключ — Аполлон и Дионис.

Аполлон преимущественно дорийский Бог, вдохновитель мудрости и пророчеств, учитель индивидуального познания и дисциплины. Он солнечный Глагол Зевса, Бога всевышнего и бесконечного, проявляющего Архетипы вещей. Когда Аполлон говорит о свете или звуке, об искусстве или лире, о поэзии или музыке, в его лице непосредственно проявляется отец, язык чистого Духа всех душ. Драгоценный вестник непостижимого неба и творящего света, дремлющий в первозданной ночи, благодетельный, к которому взывают, грозный, которого отвергают, непостижимый для людей, он парит над временем и пространством в своем незапятнанном великолепии.

Дионис — это второй Глагол Зевса, но насколько отличается он от первого, этот сын молнии и Семелы! Мы находим в нем проявление самого Бога в видимом мире, его сошествие в материю, его обращение в земной природе, растительной, животной и человеческой, где он расплывается и дробится до бесконечности. Бог жертвоприношений и сладострастия, смерти и возрождения, воплощения и безжизненности. Благодаря своему расплывлению и проникновению в души Великого Всего, он одновременно выплескивает радость и горе, льет потоки упоения,

страдания и энтузиазма. Он ужасен и добр, злосчастен и возвышен. Ибо оплодотворяет творения, он присутствует и в метаморфозах, потрясениях, полных изменений, и само его безудержное желание, погружающее в толщу бездны, может заставить его возобновить чудесное стремление в чистый эфир Зевса, где одни только солнца светят сквозь архетипы миров.

Если сказать одним словом, Аполлон — это *статический Бог Откровения*, а Дионис — *динамический Бог Эволюции*. Их столкновения, конфликты и временные альянсы определяют историю греческой души с эзотерической точки зрения.

Эта история имеет три этапа: первобытный орфизм, Элевсинские мистерии и трагедия Афин. Эти три светлых момента каждый раз показывают нам победу аполлонического принципа над принципом дионисийским, и последующее примирение соперников. Предоставленный самому себе, Дионис дает волю страстям, затерявшимся в бесконечности, но, под воздействием Аполлона проявляет очарование и чудесные силы. Греция обозначила, следовательно, это уникальное событие материи, когда космические силы в их неравной борьбе с другими народами, достигли совершенного равновесия и определенного их гармонического объединения. Соглашение Аполлона и Диониса является шедевром эллинской религии и тайной священной Греции*****.

Вот таким образом нам представлялась искаженная и спутанная в затынутом клубке сила наиболее мистериализованного во Вселенной гордиева узла греческого духа. Но у меня нет меча Александра, чтобы разрубить его! Попытаюсь распутать, по крайней мере, несколько его нитей. Как и в видимую нам Грецию, постараемся проникнуть в Грецию, которая для нас невидима. После быстрого взгляда на полихромный фасад храма, сверкающий статуями и трофеями, мы войдем в сам храм. Возможно, там мы увидим силы распорядительницы чудес, которой мы восхищались снаружи.

* У Э.Шюре зачастую происходит смешение персонажей греческой и римской мифологий. В данном переводе используются только греческие имена. — *Прим. ред.*

** См. этюд Ренана о Религиях античности в его *Essais d'Histoire religieuse* (Очерки религиозной истории) и *Philosophie de l'art en Grece* (Философия искусства в Греции) Тэна.

*** В частности, четыре трактата: *Об Исиде и Осирисе*, *О «Е» в Дельфах*, *О том, что Пифия не прорицает более стихами*, и *о Храмах, в которых предсказания прекратились*.

**** Лучшее описание Элевсинских мистерий я почерпнул не из рассказа о личном посвящении, данном ученикам Эвмолпа, а из описаний известных ежегодных храмовых праздников, найденных в *Symbolique* (Символическое) Кройцера, переведенном и аргументированном Гиньо под названием *Religions d'antiquite* (Религии античности). — См. также замечательную работу Фукара *Recherches sur l'origine et la nature des Mysteres d'Eleusis* (Исследования истоков и сущности Элевсинских Мистерий), 1895, и замечательный этюд о «Раскопках в Элевсине» (Ш.Делью в его *Excursions d'Eleusis* (Элевсинских экскурсах). — Находим живое описание Дельф и Элевсина в новой и привлекательной книге Андре Боньера *Le Sourire d'Athena* (Улыбка Афины).

***** Необходимо отдать должное тому, кто открыл трансцендентное значение Аполлона и Диониса для греческой эстетики. Сама Греция, настолько сильно показавшая ее в мифах и реализовавшая в Мистериях, не выразила однако ее устами философов. Быть может, она ее не сформулировала, потому, что жила ею. Что касается современников, то никто о ней не догадывается. Только Ницше разгадал ее в своем гениальном труде «Рождение трагедии из духа музыки». Обозначив во всей греческой литературе разительный антагонизм между *аполлонистическим и дионисийским элементами* он характеризует первые как феномен *мечты*, а вторые — как феномен *упоения*. Приятны грезы красивых снов; упоение вызывает нечто вроде слияния души с душой существ и элементов. По этой причине Ницше называет Аполлона *принципом индивидуализации*, благородной человеческой индивидуальностью, а Диониса — *принципом идентификации с природой*, возвращения к Великому Всему. С этой глубинной точки зрения он производит новую и яркую дедуцию, сначала в контрасте между созерцательной безмятежностью эпических сказителей и буйной страстью греческих лириков, и, затем, в примитивной природе дифирамба и в истоках трагедии, где эти два принципа утверждаются и синтезируются. В итоге Ницше прекрасно охарактеризовал

психо-физиологические результаты силы аполлонической и силы дионисийской и показал их контрудар в греческом искусстве. Но его склад ума и философия не позволили ему подняться до *космической силы*, в которой аполлоническая мечта и дионисийский энтузиазм являются только рефлексирующей действительностью. Так как он не признавал существования духовного мира выше мира физического, виденье аполлонийских архетипов может быть для него только поэтической галлюцинацией, а дионисийский экстаз — только возвращением в небытие или к бессознательности стихий. Под раздраженной сеччаткой философии Шопенгауэра, свет Аполлона и страсть Диониса превращаются в черное пятно пессимизма. Это только совершает открытие более замечательное. Нужна была особо обостренная интуиция, чтобы возвыситься до Мистерий и приподнять краешек их вуали, без знания эзотерической традиции и полной иллюминации.

Глава II. *Видимая Греция. — Аполлон Дельфийский*

Во времена древних пеласгов Зевс-Юпитер один царствовал над вершинами Фракии и Фессалии, где владел святилищем в Додоне. Он имел также и другие горы в Аркадии и на Крите, склоны горы Иды. Это был великий Бог, но неприступный и гордый. Он имел министров жрецов-царей, живущих на укрепленных высотах. Они принуждали силой и страхом, имя их — победоносные Титаны, сыновья Урана и сатурнианской Ночи. Их оракулам слепо повиновались. Взывая в ночи к многочисленным взорам небесного свода, сгибались под его быстрыми молниями, слышали его грохотание в содрогании дубов. Через указания своим жрецам-царям он властно распоряжался судьбами народов, объединял их в группы, беря под свою защиту вокруг гигантских стен. Но этот уранический и космогонический Бог мало интересовался жалким родом смертных, скорее он их только терпел, чем любил. Его сила покровительствовала домашнему очагу, договорам, клятвам. Но кто же он, Непреступный? Кто его видел?

Произошла настоящая революция, когда дорийцы, одетые в звериные шкуры, вооруженные большими луками и длинными стрелами, дорийцы, вышедшие из друидов, громко зывающих в сакральном исступлении перед боями к Гелиосу, остановились в Элладе. Солнечный Бог, которого они принесли с собой в лазурных, сверкающих глазах, в своих колчанах и гимнах, не был далеким Богом, но Богом, присутствующим повсюду. Солнце являлось только его внешним знаком, его небесной колесницей. Этот сын Зевса говорил непосредственно с сердцами людей. Он говорил на новом языке, без оружия, без лиры и песен. Скоро огромное потрясение постигло греческую душу, дрожь света и мелодии. Как Зевс гремел в своих вершинах, так Аполлон являлся в красивых телах и гимнах веселья! Говорили тогда, что ритмы небесных светил передались конечностям людей, многословной речи, струнам лиры, воинственным фалангам, чистым теориям, чтобы выкристаллизироваться в зарождающихся колоннах и в архитравах времен. Солнечный Глагол Аполлона создал гармоничного человека и города. Это было его первое чудо.

Все это находит отклик в гомеровском гимне Аполлону*. Греческий дух антропоморфизировал и локализовал своих Богов, но уловил в своей поэзии отзвук отдаленных космических событий.

«Только для тебя, о Феб, — говорит сказитель, — эти вдохновенные песни, и на твердой земле, вскармливающей коров, и на островах. Высокие скалы поют тебе, и вершины гор, и реки, бегущие к морю, и высокие мысы, выделяющиеся в морях и волнах». Даже сама Земля поет гимн Богу, со своей фауной и флорой, живо отвечает окружающими ее лучами. Знаменитый сказитель переходит к рождению Аполлона. Основное событие нашей планетарной системы, — появление Солнца в сатурнианской ночи, которое риши Инда видели в аспекте космогонической реальности в образе огромных кругов тени и света, — приняло в греческом представлении форму грациозной сказки, пронизанной глубоким символизмом. Эта дорийская мысль передается ионийским сказителем. Лето, стоя на коленях и обняв Делосскую пальму, родила Бога. «Все Богини кричали от радости... А мать дала Аполлону не материнскую

грудь, а золотой меч, но Фемида (Правосудие) преподнесла ему из своих бессмертных рук нектар и желанную амброзию, и Лето радовалась, ибо она родила сына, могучего лучника. Феб, после того, как выпил нектар, не мог больше сдерживаться, и разорвал все свои узы. Он говорит Бессмертным:

— Кто мне даст кифару дружбы и изогнутый лук? Я раскрою людям истинные намерения Зевса. Лучник Феб опустил на землю длинные волосы широкими дорогами, и все Бессмертные были изумлены, а Делос покрыл все окружающее золотом и оно расцвело как вершина горы под лесными цветами».

Далее автор гимна описал чудесные следствия культа Аполлона в Делосе. «Между тем он явился, в то время, как ионийцы также собирались для тебя, и он верил в то, что столько Бессмертных защищены от старости. И он восхищался их милостью ко всем, и он был прекрасен своей душой, он хотел созерцать мужчин и женщин в красивом окружении, их быстрые корабли и их многочисленные богатства, и, сверх того, великое чудо, восхваление которого не прекратится никогда, чистых Делиад, служительниц Лучника Аполлона. Они восхваляли сначала Аполлона, затем Лето и Артемиду, радуясь ее стрелам. Затем они вспоминали об античных мужчинах и женщинах, и, исполняя гимн, воспевали человеческий род. Они могли имитировать голоса и ритмы всех народов и, говорили, что слышался один голос, настолько совершенно согласовывали они свое пение».

Не видно ли в этой картине зарождение новой религии? Привлеченные звуками аполлонийской музыки, к священному острову со всех сторон прибывают корабли. Под звуки лир мужчины и женщины поднимаются в храм. И кажется, что эта человеческая архитектура целомудренна и значительна. Это отпечаток Аполлона на ионийской расе. По его следам греческие города располагались в ритмах красоты. Несколькими столетиями спустя, когда после Платейской победы греки воздвигли в этом городе алтарь Зевсу Освободителю, они пожелали, чтобы первый огонь был принесен из храма в Дельфах, еще оскверненного присутствием варваров. Молодой юноша, Эвхидий, вызвался совершить этот пробег более чем в 20 лье, причем так, чтобы не потушить огонь. Когда он, равный марафонскому бегуну, принес этот огонь, то упал мертвым. Это была дань уважения мужественной молодежи своему Богу.

Аполлон руководил организацией города, и своим очень пронизательным и благородным влиянием проявлялся в поэтическом вдохновении. Эти поэтические волны вдохновения, которыми солнечный Бог управлял в Элладе и Ионии, и которые отражены там многочисленными сказителями, вошли в «Иллиаду» и «Одиссею», эпопею и теогонию Гомера, труды Гесиода, в разнообразные циклы героических легенд и мифологии, которые образуют большой круг не смешиваясь, подобно ряби на прозрачной воде. Каков же изначальный характер и природа этого вдохновения? Лукреций говорил, что люди увидели впервые возвышенные формы богов во время сна. Начало теогонии Гесиода подтверждает эту гипотезу. Подле фиолетового источника Гиппокрены, в густой тени высоких дубов, Гесиод увидел своих Муз. Во сне он видит их сошедшими со снежного Олимпа. «Как мчащаяся оболочка густого воздуха, они идут в ночи, повышая свои прекрасные голоса и восхваляя бурного Зевса и почтенную Геру, Аргию, идущую в своих позолоченных сандалиях, и дочь бурного Зевса светлоглазую Афины, и Феба Аполлона, и веселую лучницу Артемиду. Пастухи, спящие на свежем воздухе, — кричали они, — подлый род, существующий только ради своих животов, мы можем говорить многочисленными измышлениями, похожими на истину, но можем также говорить правду». Так сказали правдивые Девы великому Зевсу, и дали мне скипетр, зеленую ветвь, чтоб пожинать восхитительные лавры; они вдохновили меня своими божественными голосами, теперь я могу говорить о прошлых и грядущих событиях». Пробудившись от сна, Гесиод понял свое предназначение. Он написал: «Ради чего оставаться вокруг этих гор и вершин?» Пастух стал поэтом.

Вот аполлоническое виденье в его простодушии и изначальной достоверности. Свобода современной критики считает его только холодной аллегорией и игрой возбужденного воображения. Наука о Духе, освобожденная от всех схоластических или народных суеверий, видит в нем остаток античных представлений, высшего вдохновения, используемого ясновидящим духом. Как и Гомер, Гесиод называет Муз дочерьми Мнемосины, слова его переведены Мудростью Памяти. Мнемосина действительно представляет это всеобщее воспоминание о природе, об астральном свете, неуловимых стихиях, возвышенном, в котором волнуются образы прошлого. Девять Муз Гесиода предстают духовными вестницами этого света, сладострастными пробуждениями наивысших человеческих способностей, утонченными сеятельницами наук и искусств в умах людей. Разумеется, что свободное воображение поэтов, начиная с Гомера, нашло свое отражение в этих первоначальных представлениях. Но, в целом, и мифология, и греческий эпос отлично демонстрируют это астральное виденье, которое греки называли светом Аполлона.

Но Аполлон не предстает только покровителем городов, эталоном прекрасных эфэбов, вдохновителем поэзии. Он является также богом предсказаний и мудрости. Эти два атрибута делают из него панэллинского бога, духовного лидера трибунала амфиктионии, высшего судью греческих народов. Исходя из своего положения, он вмешивался в судьбу индивидуумов и наций. Это была его наиболее заметная, наиболее важная роль. Он демонстрировал свое присутствие и активность во всем античном мире. Так, многие иностранцы, от тиранов Сицилии и Лидии и до фараонов Египта, приходили к нему за советом. Но он передавал предсказания жрецам и жрицам только своего храма. Афины были умом Греции, но только в Дельфах находилось ее трепещущее сердце. Отправимся, следовательно, в Дельфы.

*** Гиперборейские жрицы Делоса *Девы-Делиады*, которые говорят уже в гомеровском гимне и останки которых Омолль нашел в гробницах Делоса, слагали его продолжение.**

* * *

И вот мы далеко от города Паллады, крепости, свободно господствующей над равниной Аттики, между отдаленной улыбкой моря и благоухающими склонами Гимета. Дельфы — это местность грандиозная и трагическая.

В мрачном ущелье Фосиды, в глубине бездны скал, гора Аполлона съезживается против вертикальных стен Парнаса, как орел, напуганный молнией. Издали она кажется маленькой, из-за колоссов, которые ее окружают; чем ближе подходишь к ней, тем она понемногу увеличивается. Рядом с ней, между Парнасом и горой Кирфис, вырывается из зловещей извилины поток Плейстоса и грохочет над горным хаосом. Никакого горизонта; лихорадочная земля, расщелины, повсюду грозно нависающие вершины, откуда земные колебания свергают огромные глыбы. Из этих вздыбленных в небо вершин, как и из глубоких бездн, земля демонстрирует свою вулканическую мощь созидания и разрушения.

Почему Бог света выбрал для своего жилища это ужасное место? Как и современные путешественники, античные паломники, шедшие длинными вереницами по равнинам Крисы, испытывали это гнетущее чувство. Но оно смягчалось, освещалось возвышенными образами и благородными сдержанными чувствами, по мере приближения к цели. Отдаленный блеск мрамора и бронзы оказывал на них первое ослепляющее впечатление. Они пересекали предместье Мармарии, затененное оливковыми деревьями и ясенями, и поднимались на Священную Дорогу. Там они совершали поклонения памятнику Марафона с его бронзовыми бойцами и героями Афин и стоящему напротив него памятнику спартамцам, как воспоминанию об их победе при Эгопотамахе, размещенного там лакедемонянами как вызов своим соперникам, вместе с Зевсом короновавшим царя Лисандра. Паломники все поднимались и поднимались по широкой дороге, извивавшейся в зарослях лавра и мирты. Сокровища неприятельских городов, форсировавшие примирение перед общим Богом, волновали их. Они

поклонялись фиадской колонне, родосским сокровищам, подножию Платеи, Мессенской Победе и грациозным книдским кариатидам.

Когда они увидели серебряный источник Касталии, бьющий из расщелины скалы Флембук. они предстали, наконец, пред храмом Аполлона, покрытым щитами и трофеями, единственного храма, бесстрашно расположившегося в горах Фаедриадах, где заходящее солнце бывает фиолетового или пурпурного оттенков. Тогда паломники, глубоко взволнованные, запели Пеан*. Они думали о легенде, по которой орел Зевса, на которого были возложены поиски центра мира, парил над вершинами Парнаса и, нырнув в бездну, разместился на священной горе.

Не был ли сейчас этот орел самим храмом, расположенным между двумя, похожими на поднятые крылья, горами, пламенеющим и несущим в своем сердце Глагол Аполлона, выразителя всех этих чудес?

* Гимн в честь Аполлона. — Прим. ред.

Глава III. Прорицательница

Аполлон прорицал через Пифию*. Это установление восходило к ночи времен. Некоторые авторы приписывают его начало волнующему эффекту испарений, некогда поднимавшимся из расщелины пещеры, в которой находился треножник Прорицательницы и где она изрекала свои предсказания, сопровождаемые неистовыми конвульсиями. Пастух, случайно укрывшийся в этом месте и взявшийся пророчествовать и экспериментировать, мог бы с успехом возобновить эту практику и вернуть популярность первобытному храму. Это вполне возможно.

Он несомненно тот, кто с незапамятных времен пророчествовал в Дельфах. В начале «Эвменид» Эсхил говорил словами Пифии, что еще до Аполлона в дельфийских оракулах встречались имена трех других божеств: Земли, Фемиды и Фебы. Предполагается, что каждый из этих культов существовал века. Греки дали имя Сивиллы более древней Прорицательнице, жрице Фебы, и ей приписывают эти чуждые слова:

«Когда я умру, я буду на Луне, и она станет моим лицом. Мое дыхание станет воздухом. Своим голосом и всеобщим шумом я буду повсюду».

Установление культа Аполлона в Дельфах указывает на организацию более искусных пророчеств. Прорицательницы отбираются с детства коллегией жрецов, воспитываются в храме как монахини в монастыре и сохраняют строгое целомудрие. Исходя из их функций, предпочтение отдается натурам безыскусным и простым, но развивают восприимчивость их психических способностей, и именно понтиф Аполлона, носящий имя пророка, окончательно интерпретирует их прорицания. Но источник этой мудрости и практики этого жизненного искусства — непостижимая тайна для народа.

Плутарх, жрец Аполлона в Херонее и философ-платоник второго века нашей эры, приоткрывает тайну, если можно так выразиться, когда говорит о невидимом механизме предсказаний: «Так, тело располагает большим количеством инструментов, душа, в свою очередь, обрамляет тело и части, из которых оно состоит; наконец, *душа является для Бога инструментом*. Но этот инструмент крайне несовершенен. Мысль Бога должна проявиться в форме, которая не является ей самой и, порождаясь посредником, она наполняется и проникает в природу этого посредника. Когда Бог тревожит душу, она не может жить неподвижно и в своем естественном состоянии. Движения, которые она испытывает, и страсти тревожат ее подобно волнующемуся морю, в котором она шумно барахтается и запутывается». Когда Плутарх прибавляет: «Бог, включенный в эти границы, обрамляет Пифию, чтобы раздаваться,

как солнце, обрамляет луну, чтобы показываться»**, этим он хочет сказать, что оракул Пифии является крайне слабым отражением призраков, мчащихся перед ее ясной душой со скоростью последовательных молний, мгновенно исходящих из густого мрака.

Если есть желание составить представление об этом виде пророчества, необходимо прочитать объемное описание, которое нам дает Лукиан в своем *Pharsale* о пророческом иступлении Фемонон, дельфийской жрицы, дававшей советы Аппию в то время, когда управление Республикой было поручено Помпею.

«Самое большое несчастье нашего века, — говорит Лукиан, — это утрата этого замечательного дара неба. Дельфийские оракулы погибли после того, как цари стали опасаться будущего и не хотели более говорить с Богом...

Так покоились давно неподвижные треножники, когда Аппий прервал свой отдых и сказал последнее слово в гражданской войне... На берегах источников Касталии, в глуши безлюдных лесов, прогуливалась молодая и бесстрашная Фемонон; понтиф схватил ее и силой повел к храму. Трепещущая и не осмеливающаяся переступить страшный порог, она напрасно хочет хитростью отговорить Аппия от его пылко желанного узнать будущее... Он распознал эту хитрость, и страх самой жрицы убедил его в присутствии Бога, которого она отрицала. Тогда она перевязала волосы на голове белой лентой и спрятала их под лавровым венком из Фокиды. Но она все еще колебалась и не решалась войти; тогда жрец резко толкнул ее внутрь храма. Дева подбегает к грозному треножнику; она входит в пещеру и останавливается там, чтобы нехотя принять в своей груди Бога, шлющего ей подземное дыхание, не исчерпавшее своей силы с веками. Наконец, Аполлон завладел сердцем жрицы... Неистовствующая и вышедшая из себя жрица безудержно бежит по храму, яростно трясая головой, более ей не принадлежащей; волосы встали дыбом; священные ленты и лавровый венок тряслись на ее голове; она опрокинула треножник, мешавший ее конвульсивным движениям; она бесилась в пожирающей ее ярости: твое драгоценное дыхание достигло ее, о Бог оракулов!

Картина, развернувшаяся перед ней была безмерна; все будущее сжалось, чтобы выйти разом, и события бранили пророческое слово... «Ты избежишь, — говорит она, — опасностей этой губительной войны и ты один найдешь покой в широкой долине в стороне Эвбея». В груди Прорицательницы стучала дверца времени, поддающаяся ее усилию; она убегает; но ее пророческое неистовство еще не прекратилось: она больше не говорит, и Бог остался в ее груди навсегда. Это он вращает глазами в ее орбитах и придает ей этот свирепый, блуждающий взгляд; его лицо окаменело; угроза и страх поочередно его изменяют; пламенно-красный цвет его щек следует за мертвенно-бледным, бледность, внушающая ужас скорее, чем выражающая.

Ее сердце колотилось, не затихая, ей не приносили облегчения многочисленные вздохи, подобные глухим стонам, которые издает море, когда северный ветер прекращает биение волн. В этом месте божественный свет, открывающий ей будущее света дневного, заканчивается для нее промежутком мрака. Аполлон пролил забвение в ее сердце, чтобы забрать у нее тайны неба; наука будущего лишилась их и пророчества вернулись к вещему треножнику. Что касается ее самой, то несчастная дева падает, умирая».

Описанная Лукианом сцена относится к периоду упадка прорицательского искусства. В эпоху, когда нужно было силой тянуть Пифию к треножнику и коварно провоцировать ее видения, высший источник вдохновения был надолго осушен***. В рассказе Геродота, в котором говорится о Саламинском сражении, Прорицательница появляется еще во всем своем величии. Это смутное время, решающий момент мидийских войн. Ксеркс перешел Фермопилы и вторгся со своей огромной армией в Аттику. Речь идет о том, что афиняне должны либо обороняться в стенах города, либо сдать его врагу. После привычных церемоний представители Афин заняли свои места в Дельфийском храме. Жрица Аристоника выходит из своей пещеры, одетая в белое, в своем лавровом венке, с блуждающим взором, бледная как смерть. Волосы наполовину

распущены, выскользнув из-под ленты и упав в беспорядке на ее плечи. Жуткая дрожь сотрясает все ее тело. Она кричит, скандируя стихами торжественные слова:

«О, несчастные, почему вы сидите? Спасайтесь бегством на краю земли. — Покидайте ваши жилища и высокие вершины вашего осажденного города — ибо ни крепкая голова, ни тело, ни кончики рук или ног и никакие другие члены, — не существуют; но разрушение их устраняет, ибо на всех, влияет пламенный и неуправляемый Марс, сопровождающий сирийские колесницы. Бессмертные потели в своих храмах — и из вершины их крыш вытекает черная кровь... — Выходите из храма... Ваши печали противятся мужеству...»

После этого вещего предсказания Пифия, устранившись своих собственных слов, разражается рыданиями и удаляется. Отчаявшиеся афиняне бросаются на землю и просят милости. Дельфиец побуждает их, умоляющих о благоприятном ответе, вернуться со своими потомками. Это длится всего одно мгновение. Самая спокойная, но в то же время, и самая буйная, Прорицательница выходит из своего убежища и произносит:

«Паллада не может успокоить Олимпийского Зевса. — Я второй раз говорю тебе это непреклонное слово. Все те, кто заключен в пределах Керопа — включая пещеры божественного Киферона — совершенно не будут сопротивляться... — Деревянная крепость будет неприступна. Не жди вражескую армию, ты встретишь ее днем. О, божественный Саламин, ты будешь погублен сыном Женщины!»****

Известно, какой урок вынес ловкий и отважный Фемистокл из этого предсказания и как афинские корабли, уничтожив персидский флот при Саламине, освободили Грецию. Здесь история ожидает величия трагедии Эсхила и его персидского божественного чувства в голосе Прорицательницы.

Таковы великие дни Дельф и роль Аполлона в эллинских судьбах. Его власть была тогда верховной, но его наука скрывалась за непроницаемой вуалью, его природа пребывала в тайне. Предположим, что немногим позднее, молодой ученик Платона, сын евпатриды, Хармид или Феаг, в своем первом порыве жажды знаний, придет искать объяснение мистериям и ответ на свои сомнения в области Дельфийского пророка. Что ему ответил бы верховный Аполлон? Я представляю, как стройный и грациозный афинянин выбирает для этого ночное время, когда в храме вновь воцарялось спокойствие после шумных праздников и процессий. Тогда драгоценные стрелы Гелиоса приходили на смену ласковым лучам Феба, который, погруженный в омраченное ущелье, серебрил листву оливковых деревьев и показывал всем призрачные воздушные сооружения, окутанные им елисейским светом.

Под перистилем храма пророк указывал посетителю на наставление, размещенное над входной дверью: «Познай себя», и говорил ему: «Зафиксируй эти слова в памяти и постоянно думай о них, ибо это ключ от мудрости». Затем он проводил его внутрь храма, слабо освещенного угасающим пламенем треножника. Приближались к архаической статуе Бога, расположенной там же, но невидимой из-за царящего мрака. Под цоколем храма при слабом свете факела жрец показывал посетителю таинственное наставление из двух букв: EI, и прибавлял: «Когда каждый из нас приближается к храму, Бог приветствует нас, адресуя слова «Познай себя», эту не менее выразительную формулу, чем приветствие друзей: «Рад тебе!» (Χαίρε). Затем мы, в свою очередь, отвечаем Богу: ТЫ ЕСТЬ, как бы в подтверждение, что правда, непреложность, сама апелляция, с которой он соглашается и которая соглашается с ним сама, все это заявляет о том, «что он есть»*****. Наконец, понтиф объяснял просителю, что все сущее, земля, море, звезды и сам человек, все, что видимо и телесно, имело исключительно изменчивое, недолговечное существование, которого *в действительности не было*, несмотря на то, что так пели о безостановочных рождении и смерти. Только само бытие существует всегда и наполняет вечность, это Бог, который творит жизнь всех вещей своим дыханием, пребывающем также в нем самом. Вот почему Аполлон говорит своим почитателям: «Познавайте сами». Ибо мудрец

может разбудить Бога в себе самом и, если пойдет по его следам, он возвысится своей мыслью к Богу неведомому и будет писать к нему со всем рвением, со всем почтением и со всей верой: «Ты есть!», молния оставит след в его душе и сообщит о присутствии Бога. И это начало мудрости.

— О, святейший понтиф, — писал афинянин взволнованный, но не убежденный, — ты говоришь почти так, как мой учитель Платон, но я хотел знать об этом больше, чем он мне говорит, и больше, чем ты сам говоришь мне. Скажи мне об истоке и конце души, о тайне ее жизни и о том, куда она идет после смерти, скажи мне об истоке и конце самих Богов, о которых говорят, что они бессмертны!

— Подумал ли ты хорошенько о том, что спрашиваешь, бесстыдный? — тотчас же отвечал провидец. — Понял ли ты опасность, которой подвергнешься, если я соглашусь ответить тебе? Ты забыл судьбу Семелы, возлюбленной Зевса, которая пожелала увидеть его во всем божественном сиянии и умерла, испепеленная небесным огнем? Вспомни Икара, который хотел последовать за огненной колесницей Аполлона и который был низвержен в море. Вспомни охотника Актеона, который хотел увидеть обнаженную Артемиду в момент, когда она купалась, и который, превращенный богиней в оленя, стал добычей своих же собак. Такой будет и твоя судьба, если ты неподготовленный проникнешь в запретные тайны. Не хочешь ли ты счастливо и целомудренно жить в своем городе, под светом Аполлона и эгидой Паллады? Иди бороться за то, чтобы твои предки возродились в твоих детях, мужественно ожидая, когда смерть призовет тебя и претворит тебя в елисейскую тень.

— Тень? — прошептал юноша, — Значит, мы всего лишь тени!.. Этой слабой надежды не может быть достаточно. Ты хочешь, чтобы я жил подобно цикадам на берегах Кефисы, цикадам, которые умирают осенью без надежды на возрождение, или соловьям из Колоны, которые прилетают из Египта, не зная, что никогда туда не вернуться. Ты тот, кто знает, я требую твоего света, я заклинаю тебя адскими Богами!

— Остерегайся угрожать Дельфийскому Богу! — отвечал понтиф. — Аполлон не любит похоронных жертвенных возлияний, и не имеет отношения к мертвым. Он ненавидит Стикс как и сам Зевс, и никогда не покидает своего света!

Горсть ладана, брошенная понтифом на пепел треножника, брызнула пучком искр и, в этот момент, показалась тень суровой статуи божественного лучника, поставившего ногу на змея Пифона.

— Поскольку ты такой отважный, — громко продолжал провидец, — иди к Элевсинским жрецам, к Эвмолпидам. Там Великие Богини, Деметра и Персефона смогут спустить тебя в Гадес... и ты узнаешь тайны Диониса... если ты будешь способен выдержать это путешествие...

— Для этого путешествия, — говорил восхищенный юноша, — дайте мне предсказание Аполлона!

— Невозможно. Аполлон и Дионис братья, но их владения разделены. Аполлон *знает все*, и все, что он говорит, есть имя его отца. Дионис не знает ничего, но он *есть все*, и его действия говорят вместо него. Как для жизни, так и для смерти, он раскрывает тайны Бездны. Имея их, ты сможешь не сожалеть о своем неведении!

Последние отблески огня, скрытого под пеплом... металлический звук треножника дрожал подобно человеческому голосу... резкий жест провидца... и юноша, охваченный страхом, выходит из храма, чтобы вновь взойти на Священный Путь.

Белые статуи героев и богов, всегда бодрствующие, стоящие в лунном свете на своих пьедесталах и, казалось, ставшие призраками, и пустынная дорога безмолвно простирались под холодным светом Селены.

* Автор использует в тексте два термина: *Pythie* (Пифия) и *Pythonisse* (Прорицательница). — Прим. ред.

** Плутарх, *Моралии. О том, что пифия более не прорицает стихами*, 21.

*** Более чем все другие оккультные искусства, прорицание поддается шарлатанству и суевериям. Несмотря на строгую дисциплину и почитание признанных жрецов Аполлона, их недостатки не допустили их в Дельфы. Знаменита история Клеомена, царя Спарты, который, подкупает Прорицательницу с тем, чтобы добиться смещения своего коллеги Демарата. Интрига была открыта, жрица смещена. Ссылаются и на другие аналогичные факты в дельфийских анналах. Но не разумно с самого начала отрицать ясновидение Прорицательниц и видеть только умелое использование легковерия в этой организации, которая на протяжении более тысячи лет пользовалась уважением в античном мире — Это отмечено и тем, что философы первостепенной важности, такие как Пифагор и Платон, почитали веру в них и считали божественное исступление (*μανια, ορηη*), на латыни *furor divinus*, наиболее непосредственной и возвышенной формой знания. Скрупулезный, расчетливый Аристотель сам признавал, что это есть *философия эоптическая*, так сказать, наука духовного видения.

**** Геродот, книга 3, гл. 40 и 41. Заметим, что для дорийской жрицы мужского культа Аполлона, Керк представлял все женские культы Азии. Вот почему она называет его «Сыном Женщины».

***** Этот отрывок заимствован из трактата Плутарха О «Е» в Дельфах, 17

Глава IV. Греция невидимая. — Деметра и Персефона

Греческий гений во все времена и вплоть до апогея своего развития имел стихийную направленность близких и прямых отношений, существующих между внешней жизнью мира и внутренней жизнью души. Он не отделяет человеческую душу от Космоса и понимает их как органическое целое. Зрелище универсума пробуждает его внутренний мир, обрамляющий понимание и объяснение Вселенной. Из него исходят несравненное обаяние и глубина мифологии, в которых грандиозные вымыслы развиваются, играя с более трансцендентными истинами.

Несмотря на это ощущение тождества природы и души, во времена более отдаленные в Греции существовали две различные религии: *Олимпийская* с небесными богами (Зевс, Гера, Аполлон, Паллада и др.) и *хтоническая*, адских богов (Деметра, Персефона, Плутон, Геката, Дионис). Первая является официальной религией и соответствует миру внешнему и видимому; вторая — это религия Мистерий, соответствующая внутреннему миру души. Это в какой-то мере религия из-под вещей, подземной реальности, так сказать, внутреннего мира, из которого открывается дверь в мир незримый и потусторонний. Первая учила почитать Богов согласно ритуалам и священным законам, вторая вводила в их грозные тайны и закаляла душу мистикой первичных истоков. Отсюда и название «Великие Богини», относившиеся только к Деметре и Персефоне, Современные ученые отказываются признавать, что эта религия Мистерий была в Греции не только наиболее священной, но и наиболее древней. Они рассматривают ее как поздний и искусственный продукт, привитый на чисто натуралистическую мифологию. Против этой доктрины торжественно свидетельствуют не только поэты, Гомер и Софокл, но еще и наиболее почитаемые историки — Геродот и Страбон, и два великих греческих философа — Платон и Аристотель. Все они говорят о Мистериях как о религии наиболее возвышенной и священной, все они возводят ее к доисторическим временам и говорят об античной жреческой религии, господствовавшей во Фракии задолго до Гомера, а также находят в ней легендарные, красноречивые и знаменательные имена Фамирада, Амфиона и Орфея. Произвольные теории современных историков и мифологов, рассуждающих под ярмом предвзятых материалистических идей не могут взять верх над такими авторитетами. Они еще

сопротивляются чудесной и показательной поэзии, возникающей из этих древних мифов, если отважиться рассматривать их в лицо и вдохновляться их нерушимой магией.

Деметра, которую еще называют божественной Матерью, всеобщей Матерью, была наиболее древней из греческих богинь, так как уже аркадские пеласги почитали ее в образе богини с головой лошади, держащей в одной руке голубя, а в другой — дельфина, символизирующих одновременное создание ею и земной фауны, и небесных птиц и морских рыб. Она соответствовала, следовательно, тому, что мы называем Природой. Когда сегодня человек произносит слово «Природа», то, если это образованный человек, он имеет в виду панораму моря, деревьев и гор; если это ученый, он видит физические и химические инструменты, телескопы и перегонные трубы, он представляет движение звезд и соединения атомов, он расчленяет труп Космоса и выносит из него только механическую концепцию, идею смерти, и тормозит свой прах. Совершенно другое чувство посещало греков, находящихся перед лицом живого мира. Ни грубые идола пеласгов, ни абстрактное слово «природа» не могут нам дать идею наводняющих чувств, захвативших эллинскую душу одним только именем — Деметра. Это не только природа с ее видимыми образами, это вся тайна силы творца и его вечных порождений, которые пробуждало в нем сакральное имя. Оно звучало в ее сердце как эхо глухого голоса глубокой пещеры и продвигалось, подобно речным волнам. Деметра была той силой, которая воплощается в земной поверхности с великолепием ее зелени; Деметра вдохнула жизнь в плавающий легион моря; небесная Деметра, оплодотворенная Ураном, даже в звездном небе блистала миллионами глаз. — Не она ли была всеобщей и благотворной Матерью? Человек чувствовал себя ее законным сыном. Не ему ли она давала земные фрукты и зерна пшеницы? Не ему ли она давала в чередовании времен года земледельческие обряды и священные законы домашнего очага? Культ Деметры восходит к первобытным временам арийской расы, когда три, сегодня раздельные, потока — Религия, Наука и Искусство — формировались как единое целое и действовали на человека как единая сила. Эта сила пересекала тогда душу человека потоком всеобщей жизни и придавала ему свое чувство чистоты. Единая цивилизация, в которой все возможности соединились в религии. Эта религия заливала лучами все проявления жизни. Это была могучая религия, ибо она придавала силы и творила формы. Религия и Искусство составляли единое, ибо Искусство было культом и существовало вместе со своей матерью, Религией. И эта Религия сильно воздействовала на людей; была глазами ритуалов, ушами жрецов и наукой Богов, пробужденной в сердцах людей. Вот почему, когда первобытная Греция под ясным небом возлагала на алтарь Деметры снопы пшеницы и венок из диких цветов, она ощущала себя играющим ребенком, которого мать взяла себе на колени, и который наслаждается ее любящими глазами и пьет жизнь из ее трепещущей ласки и нежности.

Но первобытная Греция знала также, что великая Деметра была рождена таинственной девушкой, бессмертной Девой. И эта Дева была ни чем иным, как человеческой Душой, испускающей небесный свет на многочисленные образования и внешние метаморфозы. Греция знала, отделяя свою Мать от неотвратимой фатальности и воли Богов, что она была предназначена периодически соединять через лабиринты смерти и возрождения свои многочисленные путешествия с неба на землю и с земли на небо, Она знала это глубоким чувством, она порою настойчиво придерживалась этого видением своей чистой объективной души, отраженной как в зеркале. Из этого появился волнующий миф о Персефоне, который можно назвать изначальной драмой, трагедией Души, разделенной между землей, адом и небом, и объединяющей все человеческие трагедии в трех захватывающих актах: рождение, смерть и воскресение. Вновь вспоминались пожирающее пламя желаний, мрак и страхи забвения, душераздирающее великолепие божества и исчерпывались все страдания, все игры земной и сверхмировой жизни.

Вспомним гомеровский гимн к Деметре. Она оставила свою дочь Персефону на лужайке, на берегу Океана в компании нимф, душ простых, изначальных и чистых как она сама. Деметра запретила ей срывать затмевающий своим неистовым ароматом небесные воспоминания

нарцисс, цветок искушения, созданный опасным Эросом, скрывающим под своей звездной белизной острое желание. Несмотря на мольбы нимф, Персефона искушается магическим цветком, который протягивает к ней свои снежные лепестки и открывает ей свое золотое сердце. Она срывает его и долго вдыхает опьяняющий бальзам, отягощающий чувства и помрачающий зрение. В этот момент разверзлась земля, из нее вышел Плутон, схватил деву и увез ее в своей колеснице, запряженной драконами. Быстрая колесница летит над поверхностью Океана. Растерявшаяся Персефона видит отдаляющуюся землю, море и небо, затем ее вместе с похитителем поглощает расщелина Тартар. Яркое изображение души, теряющей божественную память через воплощение*. Эта сцена, большими штрихами описанная в гомеровском гимне, в сокращенной форме представлялась с древних времен в осенний период. Затем женщины отправлялись на высокий мыс на берегу моря и предавались похоронным стенаниям об утрате Персефоны и ее спуске в ад. Клан Эвмолпидов, основатель которого Эвмолп был, вероятно, посвящен в Египте, основавший Элевсинские мистерии и по наследству сохраняющий привилегии на протяжении более тысячи лет, завладел этой деревенской мистерией и развил ее, организовав серию церемоний и драматических представлений. В роли Деметры выступала великая жрица, женщина-иерофант, а Персефону изображала юная девушка, избранная специально для этого праздника. Деметра была основным персонажем и обращалась с сакральными словами только к иерофанту, который представлял Зевса, роль Персефоны исполнялась пантомимно — бессловесно, но выразительно. Как в позднейших трагедиях, в сакральной драме важное место занимали священные хоры, хоры нимф, демонов, теней и блаженных душ.

В последующих актах представлялось отчаяние по Деметре, ее тщетные поиски, до момента, когда Геката, богиня метаморфоз, раскрывает с согласия Зевса судьбу этой девушки. Наконец, видят Персефону, пленницу Тартара, восседающую рядом с Плутоном среди демонов и призраков и, в конце концов, ее возвращение к своей матери, в олимпийские жилища, под звуки гимна, прославляющего героев.

Перед этими сценами у Элевсинских зрителей смешивались человеческие и божественные чувства, поочередно потрясающие их и волнующие. Магия слова и музыки, вызывающая Незримое пластическими формами, красота украшений и впечатляющих движений извлекали из цветущего ковра земли алый мрак Ахеронта и прозрачный эфир уранической сферы. Созерцая бледную королеву смерти, в венце из нарциссов, бледную под своей фиолетовой вуалью, с открытыми большими глазами, полными слез, и с распростертыми руками, бессознательно ищущими отсутствующую мать, и, затем, вновь падающую на свой трон, под жезл своего ужасного супруга, зачарованную, побежденную, пьющую из черной чаши гранатовый сок, непреодолимо связывающий ее чувства с внешним миром, — Греция верила, что видит чистую душу и чувствовала ностальгию по потерянному ясновидению, по прямой связи с Богами.**

С чувством искреннего восторга и бесконечной нежности Греция представляла Персефону, бессмертную Душу, как оставшуюся бесконечно чистой в своих надмировых миграциях, несмотря на объятия Плутона и огонь его дьявольской страсти, окружавшей ее, но не развратившей. Плутон любил наслаждаться красной мякотью граната, символизирующего плотское желание и который, вкушенный однажды, вызывает бесконечные возрождения его огромных сил; он любил сжимать Персефону в своих черных руках и обжигать ее одеяния огнем, она жила с Непроницаемым и Неосязаемым так, что сохранила в самом сокровенном божественную печать, росток своего финального освобождения, священный образ, воспоминание о своей матери. Вот почему *Персефону*, ту, которая проникает сквозь бездны, называют также *Сотейрой*, той, которая спасается.

Мы встречаем неопределенное отражение этих возвышенных эмоций перед Элевсинским барельефом, сохраненным в музее в Афинах, репродукция которого находится в Школе Изысканных Искусств в Париже. Степенная Деметра вручает юноше Триптолему, первому эпопту

Элевсинского храма, хлебное зерно, символизирующее бессмертие, в то время как целомудренная Персефона, разместившаяся за ней и вооруженная светочем Мистерий, показывает указательным пальцем на макушку своей увенчанной головы, где размещается божественная воля. Все религиозное в этих образах так благородно под их архаическими складками, спокойное величие матери Богов, умиленный профиль ее дочери, возрождение взволнованной и достойной молодой богини. Простота здравого смысла указывает, что мы свидетели сцены посвящения. Говорят однако, что она пребывает в мифологиях, в которых Деметра представляется только богиней земледелия и ее дочь — ребусом весны!***. Слава Богу, сегодня предполагают, что Элевсинские мистерии — это нечто иное, чем агрикультурный конкурс, приукрашенный выступлением префекта и избирательной демонстрацией, предоставляющей без сомнения идеальную цивилизацию для тех, кто хотел бы извлечь из нее чувство божественного.

* См. реконструкцию этой сцены, которая послужила прологом к Элевсинской драме, в главе о Платоне в моих «Великих Посвященных»

** Полное восстановление Элевсинской драмы и ее адаптацию в современном театре см. в моих *Sanctuarires d'Orient*.

*** Трансцендентное значение Персефоны ясно видно из легенды, на которую материалистический фанатизм не закрыл глаза и уши. Культ, который она имела, свидетельствовал о ее значении не менее красноречиво. Также как и то, что на весеннем празднике возлагали цветочные венки на могилы мертвых. Что может быть более ясным? Вместе с земным цветением, небесными Мистериями, он вновь видит Персефону с ее матерью и возвращение душ на небо.

Глава V. Дионис мистерий

Говоря о Деметре и Персефоне, мы затронули первоначальную психологическую основу Элевсинских мистерий. Чтобы постичь их интеллектуальную и космологическую основу, мы должны заглянуть в сердце завуалированного Бога, который вводится в определенную эпоху и которого Эвмолпиды сразу сделали арканом своей доктрины и апофеозом священной драмы. Обратив на Диониса пристальное внимание, мы найдем в нем не только рабочую основу всей мифологии, но еще и импульсивную силу всей греческой эволюции.

Эллинский гений подытожил свою концепцию универсума четырьмя великими Богами, под которыми понимались высшие космические силы. Они именуются Зевс, Посейдон, Плутон и Дионис. Эти четыре великих Бога находятся в конституции человека, которая их воссоздает, отражаясь в них, и которая не сможет их познать, если не соотнесет в себе самой всех четверых.

Когда эллин, для которого все движения Природы были жестами Духа, созерцал атмосферные явления, оттенки дня сквозь призму неба и облаков, утренней зари и вечернего заката, следующей за громом молнии и блистательного чуда радуги, он чувствовал восхищение в высшей ауре своего бытия и принимал все эти знаки за послания и мысли Бога. Ибо, как мысль бьет ключом из глубин души, эти знаки пробивались из глубины универсума, чтобы говорить для него. — О, это Бог неба и атмосферы, его именуют Зевсом. Подобно надежде, гневу и игре, бороздивших его бытие, заря, гром и радуга манифестировали мысли Зевса.

Все остальное было впечатлением, порожденным Океаном. Изменчивая видимость, подвижная, меняющаяся, с тысячами оттенков, опасная и обманчивая глубина, этот неопределенный элемент, капризный и фантастичный, окутывающий землю, проникающий в ее заливы, казался резервуаром сна и апатии. Но, малейшее дыхание Неба, и спящий спускался на землю. Тотчас появлялся разбушевавшийся ветер, и начиналась свирепая буря. Как-никак Океан, отец рек, всю жизнь исходил из земли. — Этого Бога Греция называла Посейдоном. Он казался ей

похожим на кровь, бегущую в ее чистых венах, а его скрытая жизнь — на дремлющую в ней глубинную память, которую подстегивали и возносили до небес все пристрастия, от высших до низших.

Аспект земной поверхности, усеянной утесами и горами давал Греции не менее сильное впечатление, которое она испытывала, спускаясь в пещеры или видя пасть вулкана, извергающего жидкий огонь. Она получала тогда ощущение основательности, сплочения и могущества. Она представляла себе внутренность земли, ложе Стикса, более холодное, чем смерть, знойное ложе огня и магический центр притяжения, влекущий к себе земной шар с его плотной массой. И эту силу Греция называла Плутоном. Она сделала из Плутона центр тяжести космоса, как и он в своем собственном теле чувствовал центр тяжести своего бытия, поглощающего и конденсирующего центробежные силы.

Зевс, астральная аура мира; Посейдон, его жизненный корпус; Плутон, его физическое тело, — вот составляющие единого свойства созерцательной интуиции, космическая и человеческая триада. Но еще отсутствовало основное органический принцип, созидающий дух, который соединяет их части в однородное единство, проникает в них своим дыханием и распространяет в них жизнь. — Отсутствует сознание, *Я*. Итак, для греков, *космическим Я*, из которого выходит *Я человеческое*, Богом действия в универсуме, был Дионис.

Согласно храмовой традиции, именно Орфей, дориец из Фракии, посвященный в Египте, но вдохновляющий дух своего народа и своего Даймона, был тем, кто основал Мистерии Диониса и распространил свой культ в Греции.

Орфей был сыном жрицы Аполлона. Рожденный в гигантском храме, господствующем над диким океаном лесов и гор, победоносно выдержавший страшные испытания фиванского посвящения, он питал источник наиболее возвышенного мужского чувства божественного единства, духовной трансцендентности суверенного Бога. Но иногда его рассудок леденел от порывов божественного Эфира, сердце его пылало, как вулкан, от необъятной любви Вечно-Женственного, проявлявшей себя во многочисленных формах Деметры-Адамы, Великой Матери, верховной Природы. Цветы, деревья, животные были сыновьями и дочерьми Деметры, зачатыми и созданными Ею под импульсом и мыслями Богов. И в Женщине, — в которой он видел основу своего внутреннего храма, — Орфей созерцал божественную Персефону, великую страдальницу, со взором нежным, но неприступным. Двойная интуиция, бывшая одновременно в Вечно-Мужественном и Вечно-Женственном, творениях универсума, выражается в словах, приписываемых ему Ономакритом:

«Зевс — это вечные муж и жена».

Проникновенный этими двумя откровениями, он поклялся самому себе, что спустится в сияние Урана вместе со всеми Богами, в жару глубин и бездн этой природы, которую он созерцал, в извилистые долины и зеленые лабиринты. Ему казалось, что так Боги становились более гуманными, а Земля — более красивой. Орфея прельстила эта работа. Он был живой лирой и золотым устьем, через которое поток Богов вливался в Грецию дионисийскими волнами, чтобы воздвигнуть там храм Красоты. Но чтобы исполнить свое намерение, он должен был победить жестокость царей Фракии и опасную орду жриц Вакханок.

Вакханки были друидессами доисторической Фракии. Они поклонялись Богу с головой быка, которого называли Вакхом. Грубый лесной идол символизировал производящую силу природы и звериный инстинкт. Они одаривали его кровавыми жертвами и прославляли в пышных ритуалах. Магией крови и сладострастия они прельщали царей варваров и подчиняли их своему жестокому и похотливому культу. Орфей покорила их силой обаяния, мелодии и грации. Зачарованных вакханок и подслажденных вождей варваров он принудил к культу Олимпийцев. Он окружил их небесными Богами; Зевсом, Аполлоном, Артемидой, Палладой. Он рассказал

им о Посейдоне, царе моря и бурь, и о Плуtone, строгом судье смерти, правителе Тартара. Сведущий в божественной иерархии, он внес в хаос эллинских божеств порядок, ясность и гармонию. Это была общедоступная религия.

Но своих учеников, своих посвященных, Орфей окружил вещами более глубокими и волнующими — тайными чудесами Диониса! Дионис, — говорил он им, — это небесный Вакх, мощный образующий, пронизывающий все царства природы, чтобы воплотиться и свершиться в человеке. И, чтобы они лучше поняли его мысль, он им рассказал историю, точнее приснившийся ему сон: «Зевс, в облике звездной змеи сочетался с Душой мира, известной как несотворимая Дева, называвшей себя именем Персефона (Кора). Их божественный ребенок, предназначенный для мирового господства, носил имя *Дионис-Загрей*, или раздирающий и дробящий Дионис. Однажды божественный ребенок рассматривал себя в зеркале и так и остался в созерцании своего прекрасного изображения. Тогда Титаны (озлобленные стихийные духи или низшие силы природы) набросились на него, разодрали на семь частей и сварили в огромном котле, Афина-Паллада (божественная мудрость, рожденная чистой силой Зевса) познала сердце Диониса и рассказала об этом своему отцу. Зевс впустил его в себя, чтобы родить нового сына, а Титанов поразил молнией. Их горящие тела, смешанные с выходящими из расчлененного тела Диониса парами, породили человечество. Но из наиболее чистой части Диониса, из его сердца, погруженного и переплавленного в самом эфире Зевса, родились гении и герои. Из него родился также и новый Дионис, в котором растрепанные души возродили свою божественную модель. Таким образом Бог, раздробленный в страдающем человечестве, вновь нашел свое лучезарное единство в воскресшем Зевсе!»

Этими выразительными картинами, этим пластическим сном Орфей стремился пробудить в своих последователях двойной источник одновременно земного и небесного человека, возникший под действием космических сил, его многочисленных успешных возрождений и возможности возвращения к Богу в великолепии и беспорочной красоте. Такова основная концепция доктрины греческих Мистерий. Как сияющий факел, освещающей глубины извилистой пещеры, ее мрачные стены и глубокие изгибы, мистерия Диониса светит остальным мистериям. Она пугала слабых, но сильные находили в ней мужество, радость борьбы, нерушимую надежду. Это откровение зародилось позднее из пышного культа и светлой философии. Мы увидели что выходящую из него вооруженную с ног до головы трагедию, как Афина из головы Зевса.

Таким образом возникла, с одной стороны, общедоступная религия Олимпийцев, с другой — тайная религия Мистерий; первая — для порфанов, вторая — для посвященных. Они не противоречили друг другу и даже взаимно друг друга дополняли. Скрытая религия была внизу, являясь внутренним организмом внешней религии, ее приукрашенной поверхностью, пластическим выражением ее в физическом плане.

Легенда, быть может символическая, быть может реалистическая, рассказывает, что Орфей был роком своего Бога и умер, растерзанный Вакханками, как Дионис, расчлененный Титанами. Таким образом Вакханки отомстили стойкой любви единственной супруги, Эвридики, любящей до смерти, и одним ударом иронично реализовали свою тайну в этом кровавом культе. Впечатляющая трагедия. Опьяненные мужской кровью, Вакханки не любили возлюбленных Души и убивали их при первой же возможности. Возможно так они хотели пробудить сына Аполлона и спящую Персефону; они презирали их красивые испещренные тела их небрид, когда они были под ветвистыми деревьями Фракии со своими свернутыми змеей руками. Кто его знает, возможно умирающий Орфей был тем постоянством, дыханием которого жила сакральная Греция, — и его отсеченная голова, унесенная рекой вместе с еще дрожащей лирой, является истинным отображением ее творения.

Эвмолпиды начали приукрашать их посвящение и культ Орфическими доктриной и традицией. Они считали их мистерии обширной космической концепцией и наиболее возвышенной

духовностью. Это произошло, без сомнения, в десятом веке до н.э., в тот момент, когда народный и оргиастический культ Вакха, изливающийся из Фригии как волна безумия, потрясал Элладу, посеянный в Фивах и вплоть до вершин Киферона и Парнаса лихорадочным кортежем мужчин и женщин, размахивающих Вакхическим жезлом и венками из виноградных ветвей, породивших одновременно страстный лиризм, неизвестный во времена Гомера, и волнующую музыку с шумом барабанов и изощренными звуками двойной флейты, тогда как повсюду раздавались крики: Эвиос, Эвоэ! которым, казалось, хотели призвать из глубины лесов и гор Бога винограда и веселья. Это происходило для того, чтобы задержать его продвижение и противопоставить ему более возвышенное посвящение, к которому Элевсинские жрицы адаптировали орфического Аполлона, введя его в культ Великих Богинь. В то же время дисциплина стала более строгой, а наставления посвященных углубились.

Элевсинская религия заключалась не только в церемониях, представлениях и регулярных праздниках. В эпоху своего расцвета, перед медийскими войнами, сущность Мистерий состояла в наставлениях тайной мудрости. Она сообщалась мистами, которые приходили в то время жить в окрестностях храма. Добивались психического увлечения постами, медитациями на природу души и Богов, просветленными концентрациями мысли перед сном и пробуждением, и наконец, сохранением ясного впечатления от снов, которое ординарный человек нередко забывал. Целью этого посвящения было сделать из *миста* (из того, кто носит вуаль) *эпонта* (т.е. зрячего) и явить ему Диониса. Но Дионис был множественным Богом, раздробленным во всем человечестве, демонстрирующим себя каждому последователю в различных обликах. И Элевсин понимал эту троицу, ту, которая представляла три ступени посвящения. Первым, доступным только абстрактному разуму, был сам Орфей, Дионис-Загрей, раздробленный во всем бытии. Начинаящему мисту говорили: «Знай, что высший Дух, божественное «Я» жертвовало себя, чтобы проявиться и разделить между бесчисленными душами. Он живет и страдает, вдыхает и выдыхает для тебя так же, как и для других. Он не знает вульгаризации, но говорит о том, что посвященный должен восстанавливать свою целостность в самом себе. Это нельзя сделать в один день. Смотри вглубь себя, ищи его и ты его найдешь». Мист сосредоточивался, медитировал, смотрел вглубь себя, но ничего не находил. Обычно он не мог понять смысла повсюду распространенного Бога, одновременно единого и множественного, возвышенного и презренного, могучего и ничтожного. Это была первая попытка, наиболее легкая, но уже болезненная, это сомнение души перед неразрешимыми противоречиями непросвещенного разума. Жрец говорил смущенному мисту: «Учись понимать необходимость противоречия, которое является сущностью всех вещей. Без страдания нет жизни, без борьбы — прогресса, без противоречий — сознания. Дионис навсегда остался спрятанным в чреве Зевса, и ты сам будешь лишь каплей воды, растворившейся в тумане. Он был временем, он есть истина, далекое время Атлантиды, когда первобытный человек был еще настолько связан с природой, что еще *видел* в стихиях тайные силы и беседовал с ними. Египтяне называли это время Схесу-Гор, когда Боги правили на Земле. В то время Дионис, хотя уже и разделенный в среде людей, был еще единым в их сознании. Ибо люди этой эпохи были зрячими, и Боги жили с ними в эфирной, изменчивой на разные лады, форме. — Была и другая эпоха, намного ближе к нашей, эпоха, когда божественный дух воплотился в тех, кого мы называем Героями. Их звали Геракл, Ясон, Кекроп, Кадм, Тесей и многие другие. Среди этих божественных людей, основавших наши города и храмы, был один, который покинул Грецию, чтобы покорить Индию и возвратиться через Аравию и Нижнюю Азию во Фракию, со своим странным кортежем, распространяющий повсюду культ виноделия и веселья. Мы называем его *вторым Дионисом*. Это тот, которого родила, как и первого, не небесная Деметра, не несотворимый свет, а смертная женщина, которую греки называют Семелой. Та, которая по своему безрассудному желанию увидела Бога во всем его великолепии и умерла от этого, пораженная молнией. Но от объятий непостижимого Бога она зачала божественного ребенка. Узнаете сейчас то, что нам представляется символом этого происшествия. Так сегодня человек требует внезапно, своим физическим зрением, увидеть Богов, так сказать, под миром и космическими силами, приводимыми естественно в движение Атлантом, ибо он был иначе организован; но современный человек не сможет выдержать этот

ужасный спектакль, этот кругооборот света и огня. Он умер бы, пораженный молнией, как и возлюбленная Бога, слишком пылкая Семела. Но сын этой дерзкой смертной, который ходил некогда по земле как человек во плоти и крови, живет непременно в мире духа. Это он проводник посвященных, это он показывает им дорогу Богов! Упорствуй... и ты его увидишь!»

Когда наступила ночь, спящий в своей келье Элевсинского храма мист увидел во сне проходящего перед ним со свитой Фавнов, Сатиров и Вакханок Бога в венце из виноградной лозы. Странно, этот Дионис имел вовсе не правильные черты лица Олимпийца, но скорее, Силена. Тем не менее из его высокого лба и глаз блистали свет ясновидца и лучи экстаза, которые выдавали его божественную природу. И мист говорит самому себе: «Если полубог имел эту форму, то кем был я сам и кто я есть еще со всеми своими страстями?» Тогда он увидел самого себя извитым в образе монстра, в котором смешались черты быка, змеи и неистового дракона, наполняющего его ужасом. И в это мгновение внешний голос неумолимо ему кричал: «Смотри внимательно, это и есть ты!»

Когда он рассказал о своем видении иерофанту, тот ответил: «Ты нашел Диониса и он показал тебе *Стража Порога*, т.е. твое низшее бытие, в котором ты пребывал в своих прежних многочисленных воплощениях и в котором находишься и сейчас. Это нужно знать, чтобы выдержать взгляд монстра, понять его, обуздать и покорить. Если ты не посадишь на цепь своего Кербера, ты не войдешь в страну призраков, ты не спустишься в Гадес!» Многие мисты противились этой идее и с негодованием отвергали ее, даже насмеялись над ней. Они не соглашались с идеей своего возрождения в облике монстра и отвергали ее с отвращением. Они доказывали также непригодность Элевсинских методов и отказывались приобщаться к ним. Те, которые, напротив, были близки к этому виду явлений, постигали лучшие из лучших чувство и цель. Второй Дионис становился их наставником и раскрывал им, приоткрывая вуаль за вуалью, все более удивительные тайны. Сердце мира Богов, как чистая заря, открывалось для них изнутри, несколько избранных возвышались до видения *третьего Диониса**.

Реально это был первый Дионис (растерзанный Титанами, т.е. расчлененный в бытии и раздробленный в среде людей), воссозданный и воскрешенный в высшей гармонии и преображенном виде. Просветленный эпос также чувствовал под этой греческой формой человеческий архетип, достигший полноты сознания и жизни, божественную модель будущего человечества. Именно этот Дионис был совершенной и полупрозрачной красотой, предчувствие которой нам может дать мрамор Праксителя. Амброзийный пот выступал на его отточенном в эфире теле. Говорили, что небесная Деметра завила свои золотые локоны, и грустное и сладковатое пламя ее глаз, казалось, отвечало изнеможению далекой Персефоны. А! Мог ли забыть эпос взгляд необъятного, размеренного Диониса на пройденный путь?.. Этот взгляд рассказывал обо всем остальном!.. Погруженный в него посвященный одновременно видел пантер и покорных львов, лижущих руки Бога, светящихся змей, свернувшихся в пышной растительности.

Его магическое дыхание оживляло природу и она удовлетворенно проникалась им.. Не было ли это тем, о чем говорил Орфей: «Боги, рожденные из его улыбки, и люди, из его слез?».

Тогда внутренний голос миста, ставшего видящим, говорил: «Однажды... быть может... ты станешь похожим на него!..»

Итак, мы проникли в сердце дионисийского феномена. Из этого пламенного центра излучались другие мистические явления видений и экстаза, которые пробивались через элевсинскую дисциплину, Из всех этих опытов выделяется религиозная доктрина, которая, под видом выразительного изображения и сильных ракурсов, связывала человеческую судьбу с космической жизнью. Следовательно, речь шла не об абстрактной теории, но, как об этом прекрасно сказал Аристотель, о философии экспериментальной, эмоциональной, основанной на ряде психологических фактов. Периодические элевсинские праздники, оканчивающиеся

явлениями других жанров, описанных Порфирием, были не только пышной постановкой, драматическим преобразованием того, что мисты и эпопты постигали индивидуально в своем посвящении.

Мы знаем, что драма, представляемая в храме, заканчивалась символическим браком Персефоны и возрожденного Диониса, союзом, который носил название (*ιερὸς γάμος*) (священный брак). Он до некоторой степени выражал внутреннее явление, уже произошедшее среди эпоптов. Посвященный путешествовал в ином мире, погружаясь в бездны своего бессознательного. В этом Гадесе он находил монстров Тартара со всеми Богами: Деметрой (изначальной матерью), Персефой (бессмертной Душой) и Дионисом (космическим «Я», трансцендентным Духом), движущихся к истине через все метаморфозы. Сейчас он возрождает эти возвышенные вещи в искусстве, в собрании согласованных душ в том же диапазоне, что и свои. Какое ослепление, какое возрождение открытий в самом себе космической энергии и сил, которые видимый универсум скрывает от нас под своей вуалью! Какое счастье иметь осознание своей интимной энергии и Космоса, и почувствовать, как невидимая нить восходит из своего собственного сердца, через другие души, вплоть до непостижимого Бога!

Как все религиозные институты. Элевсинские мистерии имели свой расцвет, свою зрелость и свой закат. После медийских войн и эксцессов демократии они опошлились, открыли дверь толпе. Отбросили суровые испытания, послабили дисциплину, внешняя торжественность закончилась, ограничившись не инициацией в полном смысле, а установленным представлением, которое, согласно трудам Эвмолпидов, никогда не теряло своего уникального обаяния. Таким образом, это был голос античности, воспевающий величие, святость и благоденствие Элевсина. Не мешало бы вспомнить о тех свидетельствах, которые оставила без внимания современная критика, ибо они выбивают ее из колеи. Послушаем сначала древнего сказителя в гомеровском гимне к Деметре. Он говорит об этих «священных оргиях, которые не позволяют ему ни забывать о них, ни исследовать, ни открывать, ибо великое почтение к Богам обуздывает голос», и он добавляет:

«Счастливы те из земных людей, кто обучен этому! Тот, кто не посвящен в эти священные вещи и кто не участвует в них никогда не наслаждается предопределенной видимостью, даже смертью под ее густым мраком». Величайший греческий лирик, Пиндар, пишет: «Блажен, кто сошел под землю, увидев, что он увидел: ведом ему ибо жизненный конец, ведомо дарованное ему от Бога начало». Мистерии, они познали истоки и конец жизни». Путешественник Павсаний, обошедший и описавший все храмы, почтительно остановился перед храмом в Элевсине. Он намеревался описать его. К несчастью для нас, он был допущен к нему только мысленно, но его замечание показательное и, возможно, имеет описательную ценность: «Столько же, — говорит он, — существует Богов над людьми, сколько Элевсинских мистерий над всеми другими культурами».

Говорит ли это о том, что установления Эвмолпидов безопасны для греческих городов и эллинской цивилизации? Подобно положительному электрическому заряду, который превращается в отрицательный на противоположном полюсе, мистический центр в некоторых перифериях проводил в движение враждебные силы, подобно морскому приливу. Оргиастический народный культ, периодически возрождающийся в Греции, союзы Корибантов и Менад служат тому примером. Эвмолпиды хорошо это знали и предвидели опасность, удвоив строгость дисциплины и введя, совместно с афинским Ареопагом, смертную казнь для каждого, кто разглашал тайну Мистерий. Но опасность от этого не уменьшалась, ибо жалкие остатки, включенные в доктрины и элевсинские представления вопреки всем предосторожностям выходили наружу и выражались в народе с внешними извращениями. Перед этими профанациями, повсеместно поражающими эллинскую религию одинаковый страх испытывали и жрецы Аполлона, и архонты Афин. Эта грубая и искаженная интерпретация тайных доктрин угрожала вере в Богов и, вместе с этим, и самому существованию античных городов. — *Eskato Bebeloi!* Долой профанов! — кричал элевсинский герольд, пришедший в Афины, чтобы

открыть великий осенний праздник. Он мешал непосвященным, наряду с другими, передавать тайные вещи. Рассказывают, между прочим, что внутри Элевсинского храма с базальтовыми колоннами, в часовне Гекаты, мрачном месте, имитирующем Тартар, жрец, при слабом свете факелов, провозглашал кощунственные изречения, а именно: 1. Человек есть сотрудник Богов. 2. Сущность Богов является незыблемой, но их проявления зависят от времени и места, и их облик является частью творчества людей. 3. Наконец, сами Боги изменяются и развиваются вместе со всем универсумом.

«И что? — в аристофановском стиле спрашивали софисты и щеголи стадионов и гимнасиев, — человек, творение Бессмертных, равен им? И Бог, подобно комедиантам, ежеминутно меняет в гардеробе свои наряды, чтобы ввести нас в заблуждение? Наконец, Боги развиваются в соответствии с человеческими капризами? В таком случае им они и созданы; тогда можно сказать, что их нет!»

Эта ниспровергающая речь, эта фривольная болтовня, в которой верховные духи на все времена поколебали таинства религии и понятия высшей мудрости, были предприняты для того, чтобы напугать власть имущих всех греческих городов. В этом насмешливом недоверии было кому расшатывать Олимпийского Бога, Зевса из слоновой кости и золота, высеченного и отделанного Фидием, также как и гигантскую Палладу, божественную Деву, с глазами из драгоценных камней, стоящую в Парфеноне, опирающуюся на свое копьё и держащую в руках крылатую Победу. Также Эвмолпиды удвоили бдительность и суровость Ареопага. Безжалостно применялась смертная кара по отношению к разглашателям и профанаторам.

Несмотря на все это, Элевсинские идеи шли своей дорогой во имя мира. Мы увидим их выход, подобный контрабанде и манере все делать неожиданно, наилучшее и наиболее живучее искусство, греческий театр, предок современного театра. Театр, в действительности, был ни чем иным, как причиной бегства Мистерий и самозванцем в городе. Это явление так любопытно и столь значительно, что все загадки жизни и эволюции, некоторым образом радовавшиеся за его кулисами, были слишком плохо поняты вплоть до сего дня, ибо мы не осознавали необходимости упорно их добиваться.

* **Официально его чествовали именем *Иакх*, как статую, которую вносили с афинской помпезностью в Элевсине, на девятый день праздников перед *священной ночью*. Бог Иакх был представлен статуей ребенка, т.к. его считали возрожденным Богом, пребывающим на пути взросления.**

Глава VI.

Закулисные стороны трагедии

Параллельно мистериям Деметры, Персефоны и Диониса, восходящим к ночи, народный культ Вакха не прекращал восхищать и волновать Грецию. Корибанты во Фригии, растерзанные Менады в Фивах, веселые Сатиры из Аттики, столько же различных и неотразимых демонстраций энтузиазма, скрытых сил природы, сквозь которую проявлялись некоторые тайны храмов. Именно эти тайны были способны тормозить их. Но однажды разгулявшиеся дионисийские силы не так легко обуздать. Мегарские крестьяне услышали рассказ о том, что Бог Вакх был некогда растерзан Титанами и что он выбрался из этого злключения возродившись, как возрождаются каждый год упругие лозы винограда и игристое вино в чане. Трагичность, таинственность и пикантность этой истории очаровала их. Возможно их неясное предчувствие говорило, что этот миф приоткроет тайну миров? Им говорили также, что в Мистериях Вакх был спутником Сатириков. Одновременно благочестивые и насмешливые, они в своем гибридном бытии изображали переодевания в козьи ножки и рога Фавнов и прославляли в этих нелепых нарядах Бога вдохновенными песнями, звуками флейт и барабанов. Это был *дифирамб*, распространившийся вскоре по всей Греции, Но вот деревенский поэт, дерзкий импрессиарио, Феспид, решил стать актером и представиться лично самому Богу посреди хора Сатириков, отвечающего ритмичными строфами на грустные или веселые рассказы. Попытка

имела необычайный успех. Тотчас же другой поэт, Сусарнан, игривый шутник, скопировал Феспида, но вместо представления серьезной стороны мифа, он подчеркнул все смешные детали, которые ему удалось в ней найти, и приблизил их к обыденной реальности. Эта шутка породила одновременно трагедию и комедию.

Психологическая сущность этого явления, наиболее удивительного в истории искусства и впоследствии наиболее плодотворного, заслуживает убедительного бытия. Сатир представляет в греческой мифологии примитивного человека, одновременно наиболее приближенного к зверю и ближайшего к Богам, ибо он еще является инстинктивной и прямой общностью с божественными силами природы. В нем бушует сексуальная энергия, к которой греки испытывали своего рода религиозное уважение, как к создающей силе; но также в нем проявляется и спонтанное угадывание, со вспышками мудрости и пророческими проблесками. Одним словом, Сатир — воспоминание и возрождение Атланта, к которому восходит ясновидение в его естественном состоянии.

Таков глубокий смысл возникновения трагедии из хора Сатиров. В дионисийском возбуждении труппа переодетых в Фавнов вакхан, оплакивая и чувствуя Бога смерти и возрождения, заканчивает, впадая в галлюцинацию. Это апогей дифирамба. Когда дерзкий режиссер предстает в облике Вакха, говорит от его имени, рассказывает о своих приключениях и подпевает хору, встречающему рассказ этого лучника похоронными песнями, а его возрождение — иступленным восторгом веселья, он только исполняет желание возбужденной толпы. Из этого внезапного удвоения себя, из этого отображения внутреннего видения жизненной активности родилась трагедия. Дионис живо выбивался из энтузиазма дифирамба. Он больше не раздробляется во множественности Богов и людей, — и это будет божественной и человеческой драмой. Театр встал навсегда. Можно было бы думать *a priori*, что первоначально драма была отображением реальной жизни; ничего подобного. Наиболее значимые искусства вышли их стремления Бога и желания человека вновь возойти к своим истокам. Это только после того, как увидят своего Бога, когда человек уже посмеется над своими дефектами, т.е. над самим собой.

Представляется успех такого спектакля, с бурными эмоциями, многочисленными и противоположными, с импульсивной аудиторией. В сельских местностях дионисийские праздники стали драматическими представлениями, сопровождающимися танцами и бесчисленными орошениями вином. Когда Феспид представлял свой спектакль в Афинах, город охватило настоящее иступление. Мужчины и женщины, простонародье и литераторы, все были им увлечены. Судей охватила тревога, и было перед чем. Плутарх рассказывает в «Жизни Кимона», что Солон был представлен Феспиду и спросил его «как он не стыдится предлагать народу такую поразительную ложь». Тогдашний советник, управляющий городом, меньше опасался невинных заблуждений, сцен, профанирующих Мистерии, чем непристойных извращений, которые допускали первые трагические актеры. Невозможно было остановить крушащийся преграды поток; удавалось лишь его сдерживать. Здесь проявилась вся мудрость Ареопага, осведомленного в знаниях Эвмолпидов. Драматическим актерам было позволено черпать сюжеты их пьес из мифологических традиций, каждая из которых была источником Мистерий, но, под страхом смертной казни, запрещено разглашать их тайный смысл или порочить их забавными шутками. Первые граждане Афин, назначенные Архонтом и Ареопагом, были загружены отбором пьес. Представления ставились к ежегодным праздникам, посвященным чествованиям Диониса. Трагедия прекратила свое существование в качестве сельского развлечения пьяных крестьян, чтобы стать народным культом Афин. Через успех этого мероприятия, опасная игра превратилась в благотворное разоблачение. Паллада взяла под свое покровительство беглянку из Мистерий, чтобы сделать ее наиболее сильной из всех Муз, посвященной и спасающей искусство жрицей. Так возросла, под эгидой Афины и с помощью элевсинских духов Мельпомена, которая придала человечеству новое волнение и вызвала из человеческого сердца поток божественных слез.

Мы увидели, что все творения греческого духа, того, что до сегодняшнего дня представляет основные элементы нашей культуры, вышли из Мистерий. Признаем трагедию последней и не менее удивительной из этих чудес.

Вместе с Эсхилом, ее организатором и истинным создателем, она приближается к нам еще вооруженная светочем посвящения. Сын Элевсинского жрица, он мог бы стать верховным жрецом трагедии. Его преемники имели многие заслуги, но им было далеко, чтобы достичь его глубины и величия. Эсхил щедро наделен истоками античной мудрости, их светом, который он спускает в мрачную пропасть человеческой жизни. Поэт, музыкант, архитектор, рабочий сцены, костюмер, дирижер, наконец, актер, играющий в трагедиях и носящий трагическую маску, Эсхил остается Эвмолпидом. Все семьдесят трагедий, из которых до наших дней сохранилось только семь, соединяют все горизонты циклических поэтов, всю греческую легенду.

Но какая пропасть между Эсхилом и Гомером! Там олимпийские приключения, земные катастрофы развиваются как в воздушном сне. Здесь спектакль, персонажи, жесты и слова переносят нас в центр знаний и желаний. Мы находимся в вертепе, где сами выдумываем судьбы. Когда хор Эсхила представляет старцев или дев, Эриний или Океанид, он всегда находится перед лицом Богов, проникнутый и трепещущий от их дыхания. В «Хоэфорах» дворцовые рабы Атрид теснятся как стая голубей вокруг могилы Агамемнона. Электра и Орест, руководящие этой группой, вызывают призрак своего отца, чтобы создание мести, приподняв, как крылья, свою вуаль, произнесла это проклятье, повторяемое хором: «О! я могла бы весь день петь роковой гимн этому раненому мечом мужчине, этой умирающей женщине! Ибо зачем таить от себя это божественное дыхание, переполняющее душу? Независимо от меня оно вырывается и выражает на моем лице гнев моего сердца, бродящую во мне ненависть. Когда Зевс протянет свою мстящую руку? Великий Бог! порази эти спесивые головы!» В этом экзальтационном и бурном месте хор перестает быть второстепенным, это сама душа действия.

Над этим полувидящим и погруженным в своего рода полусонное состояние человечеством, возвышаются герои типичной трилогии: Агамемнон, Клитемнестра, Орест. Величием характеров, энергией стремлений они превзошли заурядного человека, но переполнились подлинными страстями. По ним можно изучать психологию преступлений, совершаемых из поколения в поколение в коллективной душе рода. Обычно говорят, что античная драма покоится на окружающей людей слепой фатальности, создании Богов, наподобие сети, в которой Клитемнестра сжимает своего мужа, чтобы убить его. Современная критика верит, что нашла истинную суть этой концепции, заменив произвол богов законом атавизма, через который она думает все объяснить.

Нет ничего более недалекого, чем эта идея. Мысль Эсхила совершенно иная.

Структура и развязка этих драм свидетельствует, что он вполне осознавал существование трех сил, властвующих над жизнью и уравнивающих друг друга: Судьбы, Провидения и человеческой Свободы. Судьба или Фатальность есть не что иное, как цепь страстей и бедствий, порождающихся из поколения в поколение вследствие накопления преступлений. Человеческая свобода сделала это возможным, но человек, действующий с помощью божественной мудрости, сопротивляется. В Оресте узнавали чувство ответственности, освобождающейся от связывающей ее фатальности, под влиянием горестей и усилием воли. Осаждающие его Эриний представляют не только объективные угрызения совести. Это оккультные силы, создающие сквозь годы ошибки человечества. Через свои жестокие отклонения человек сам бросается в атмосферу этих мстительных Эриний. Они воздействуют на все души, которые, по каким-то соображениям, совершили преступление. Орест, которого фатальность его рода подталкивала к убийству родной матери, очищается с помощью Аполлона и Афины. Это она устанавливает для него трибунал Ареопагов, заменивший древний закон «око за око, зуб за зуб» более милосердным законодательством, согласно которому

преступник, осознавший свою вину, мог быть освобожден. Эриний останутся грозной силой, вызывающей ужас у преступников, предупреждением для всех, но они не будут больше безжалостно мстительными. В конце своей трилогии Эсхил представляет кортеж молодых афинян, Эриний, преобразенных в Эвменид в их подземном храме в Колоне.

Слова, обстановка и постановка придавали этой развязке грандиозную ясность. С одной стороны, ужасы побежденной, примирившейся, измененной благотворными силами природы, с другой, счастливый город под эгидой Богов. Сама Ночь, античная хаотичная Ночь, ставшая сакральной, открывается элевсинским факелом, и бодрые гимны наполняют душу сверхчеловеческим блаженством. — Настоящая сцена посвящения, преобразенная в религиозную драму и гражданский праздник.

В своем «Прометее» Эсхил идет еще дальше. Его гигантский темперамент никогда не уважал предписанные законом ограничения. Подгоняемый своим духом, он имел смелость наполовину раскрыть величайшие тайны Мистерий, те, которые, как оказалось, дорого ему стоили. В Элевсине учили, что человек, произошедший из Богов, становится приближенным к ним и берет, так сказать, их дела в свои руки по мере того, как он развивается и как, с другой стороны, развиваются Боги, эти космические силы, без человека и вместе с ним. Это никак не отрицает их существование, но подчиняет их всех великому универсальному закону и признанию в людях своих наследников, завоевавших своими собственными усилиями мощь создателя. Такова основная идея *раскованного Прометей*, настоящей космогонической драмы, в которой герой ежеминутно говорит миллиарды оставшихся ему жить лет. Прометей сжалился над людьми, которых Зевс хотел уничтожить. Он, очаровавший их небесным огнем, отец всех искусств. Отсюда его борьба с властелином Богов. Колоссальная картина Титана, прикованного сильнейшими

ударами молота к вершине горы Гефестом, помогавшего Власти и Силе, Прометей, испытывавшего муки в презрительной тишине, затем оставленного в одиночестве, взывавшего ко всем божествам универсума как к свидетелям своего добровольного мучения; невольник Богов, утешаемый Океанидами до того, как Зевс низвергнул его своей молнией в глубины Тартара, — этот символ запечатлен в памяти людей как тип страдающего духа и всех благородных бунтовщиков.

Никогда поэтическая, столь индивидуализированная фигура не охватывала столько вещей, как эта. В Прометее нам показывается своего рода сверхсознание Богов и Космоса, говорящих через человека, достигшего апогея своей силы. В нем живет великая идея всеобщей Справедливости, первоначальной и конечной, которая господствует над универсумом и Богами, победоносной Судьбой, дочерью Вечности. Как выразитель этого сверхсознания, Прометей истинно является высочайшим театральным воплощением Диониса, Бога, разделенного на сотни героев. В нем все герои собираются в единого, который хочет оставить за собой по отношению к вещам последнее слово, и от голоса которого дрожит Олимп.

Заметим, впрочем, что от него трепетала также и афинская публика. Тысячи непосвященных зрителей содрогались от слов, подобных произнесенным в театре Вакха самим поэтом, играющим персонаж Прометей, слов, адресованных национальным Богам всей Греции: «И все-таки Зевс, несмотря на гордость, переполнявшую его душу, будет однажды унижен. Брак, к которому он готовится, ниспровергнет его с высоты его могущества; он падет с трона; его Царство будет уничтожено!»

По мнению комментаторов древних авторов, эта вольность вызвала негодование толпы: люди бросились на сцену, угрожая смертью актеру за такое кощунство. Поэт избежал кинжалов нападающих, бросившись в партер и укryвшись в алтаре Диониса.

Таким образом, по изощренной логике Судьбы, трагический идеал был порожден кровавой драмой на сцене и судьбой поэта, воплощенного в своего не имевшего успеха героя.

Предназначение почти завидное, т.к. это сделали Орфей и сам Дионис! Тогда, согласно этой версии, Ареопаг приговорил Эсхила к смертной казни посредством питья цикуты, не учитывая решения Эвмолпидов, объявивших, что Эсхил не был посвященным и грешил по незнанию. Что бы ни говорили об этой традиции, никто из драматургов никогда не сравнивался с отвагой этого Поэта-Титана, родившегося в Элевсине и умершего в изгнании у подножия Этны. Его вулканическая душа испустила последний вздох у подножия вулкана.

Был ли Эсхил посвященным или нет, его работы свидетельствуют о том, что он несет элевсинскую печать всеми фибрами своего бытия. Не менее значимо то, что Софокл связывает его с Мистериями, хотя у него элевсинские идеи многим более завуалированы и искажены. Его менее дифирамбные хоры сохраняют тем не менее религиозный характер. Его всегда достойные герои все более приближаются к общечеловеческим. Внутренняя деятельность оказывается умело ведомой. Характеры, крайне неглубокие и оттененные, следуют закону развития. Софокл — это внутренняя сторона психологической эволюции. Если его изучать с точки зрения трилогии «Эдипа» и «Антигоны», то можно найти истинную драму посвящения. Элевсинская дисциплина состояла именно в произведении метаморфоз в человеке, в зарождении в нем иной души, очищенной и видящей, ставшей под эгидой Бога его сознательным Духом, его Даймоном.

В «Эдипе» Софокла эта мистерия окутана легендой, из-под которой однако ярко проявляется. Эдип стал королем Фив, освобождая страну от испускающего зловоние монстра в женском облике — Сфинкса. Традиция и классическая литература видели в Сфинксе только фантастического монстра, подобного лернейской гидре, Химере и бесчисленным драконам всех стран. Но в античных Мистериях Сфинкс был более обширным и драматическим символом. С телом быка, когтями льва и человеческой головой, он представлял весь процесс животной эволюции, в результате которой появился и человек. Орлиные крылья символизируют саму божественную природу, которую она носила в зародыше. Софокл взял Сфинкса из народной легенды Фив, попросту угадав своим эзотерическим чувством. Эдип не является ни посвященным в Мистерии, ни даже кандидатом на это; это сильный и гордый человек, который стремится в жизнь со всей энергией своего неограниченного желания и бросается на препятствия, как бык на своего противника. Желание власти и наслаждения — вот что руководило им. Он инстинктивно разгадывает загадку, которую Сфинкс-Природа предлагает всем людям на пороге жизни. Он угадывает ответ — это сам Человек. Но в нем есть желание и чистая страсть, таким образом он подразумевает человека, схожего на него самого, не имея ни малейшей идеи о божественном, преображенном человеке. Исходя из этой точки зрения, деятельному человеку он дал оценку в облике монстра, навязывающего себя народу, чтобы стать царем. Но Боги готовят ему наказание за самодовольство и необузданность. Сам того не зная, он убил своего отца, женился на своей матери. Это открытие низвергло его с вершин успеха в самую чудовищную пропасть. Духовная красота драмы состоит в контраста между божественным Тиресием, который, лишенный внешней жизни, но наделенный духовным видением, проходит сквозь все козни судьбы, и Эдипом, который открытыми глазами не видит подобие вещей и как хищник бросается в расставленные ловушки.

Если «Царь Эдип» демонстрирует нам наказание за самомнение, то «Эдип в Колоне» предстает перед нами странствующим старцем, беглецом, и ведомый своей достойной дочерью, очищением человека от героически переносимого горя. Вынужденный мужественно и сознательно страдать, слепой король-изгнанник становится видящим душой и имеет вокруг своей лысой головы ареол утешения и надежды, излучающий божественную милость. Таким образом, преображенный Эдип стал почти святым. После этого нас больше не удивляет созерцание в верховной Антигоне очаровательного цветка чистой человеческой любви, еще до послания христианской веры.

Шедевр Софокла, следовательно, совершенно оправдывает здравые рассуждения Фабра д'Оливье: «Все окружающее вышло из глубины Мистерий, трагедия управляет моральным чувством, постигнутым посвященными. Вот тот, кто разместил ее поверх всего того, что сегодня мы можем вообразить, тот, кто придал ей бесценное значение. Тогда, как вульгарность, ослепленная помпезностью спектакля, увлеченная красотой стихов и музыки, предавалась скоротечным утехам, мудрец наслаждался удовольствием более чистым и длительным, находя истину в глубине обманчивых иллюзий чувств. Это чувство стало велико, что вдохновение поэта было столь же совершенно, и он все с большим успехом чувствовал дух аллегии, не нарушая покрывавшую его вуаль».

Если мощь Мистерий блистала сквозь труды Эсхила и Софокла, мы больше не найдем ее следов в их известном противнике и наследнике Евприпиде. С минуты на минуту священные факелы, продливающие счастливый свет, погаснут, и мы осторожно войдем в мрак слепой судьбы, в которой светились только факелы страсти и красные огни Тартара. Откуда произошло это внезапное изменение? Его смысл обнаружить легко. Современник Титана-Эсхила и божественного Софокла, также поэт, имеющий манеру, приближению к ихней, и, быть может, в некотором качестве их превышающую своей трепетной чувственностью, удивительной чистотой своего стиля и искусным божеством своего воображения, Еврипид появился в другом мире, много лучше нашего, в первую очередь, своим духом и природой души, в мире античности. Он не только не имел никакого отношения к Элевсине, но был еще ревностным последователем Сократа, не имевшего права выступать публично и отказавшегося совершить посвящение, т.к., говорил он, он не хочет знать общеизвестные вещи под клятвой молчания. Сократ твердо верил и учил, что лишь один рассудок может надеяться на истину, и что только строгая логика, без помощи какой-либо другой дисциплины, неизбежно ведет к добродетели как к счастью. Он поворачивается спиной к античному видению, матери изначальной мудрости и всех античных религий; он игнорирует интуицию, создательницу синтетической философии; он в конечном счете смеется над вдохновением, источником поэзии и искусств. Спасение он видит только в наблюдении, в анализе и в диалектике. Из этого, истинно и дополнительно, как говорил Ницше, он является отцом непримиримого рационализма и современного позитивизма.

Итак, Еврипид, хотя он поэт, и поэт гениальный, наиболее фанатичный последователь этого учителя сомнения. Говорят, что он пишет только для этого единственного зрителя. Ибо Сократ ранее никогда не ходил в театр и пошел туда только ради того, чтобы послушать трагедии Еврипида. Какое утонченное удовольствие для него услышать хор персонажей своего ученика, воспроизводящего его силлогизмы, в которых разум чувствовал себя как в западне и паразитировал его разрушительный скептицизм; его лицо Силена расцветало, и глаз Циклопа светился перед этим спектаклем. Боги спускались с небес на своих золоченых колесницах и под красочными масками декламировали торжественные стихи. В их противоречивых речах неутомимый резонер видит Олимп упавшим в пыль и рассеявшимся во всей мифологической фантастогории. Поэтому он горячо аплодирует этому пассажиру из хора в «Ипполите»: «Конечно, когда провидение Богов накладывает на мою мысль, снимает с меня тревогу, но едва ли думающий — Я может быть им понят так, будто я отказываюсь видеть нищету и дела смертных».

Эта речь казалась пропастью, разделяющей творчество Еврипида от трудов его предшественников. Те же сюжеты, те же персонажи и декорации; легенды все гомерические, но религиозное чувство и глубокое понимание жизни исчезло. Несмотря на знание страстей, на несравненное обаяние языка и бесчисленные красоты деталей, в ней не чувствуется более той широты взгляда, которая охватывает разом человеческие судьбы, пронзает их в глубину и проникает по ту их сторону. Там нет больше духа Мистерий и, без него все убывает, сморщивается, блекнет и падает в отрепьях. — Хор перестал быть глазами и ушами Богов, он больше не представляет только народ, колеблющуюся массу, ничтожное стадо, дрожащего и легковерного старца, гражданина «Всадников» Аристофана. — Как о своем герое справедливо

говорили, что Еврипид «воззвал зрителя на сцену». Все великие персонажи, в которых миф восславил основателей греческой цивилизации, были спущены на одну или несколько ступеней социальной лестницы. Геракл, этот тип посвященного в свои двенадцать работ, стал хорошо живущим отважным, но вульгарным и грубым; Ясон, завоеватель Золотого Руна — жалким и хныкающим. Едва ли и Ахилл, Орест, Пилад сохранили свое достоинство. Еврипид создал очаровательных дев, но их человеческие характеры изображены обычно слабо. Где он был мастером, так это в искусстве страстей самих по себе, когда они становились хозяйками души и подменяли собой индивидуальность. Отсюда дикие любовницы — Федра и Медея, рычащая Гекуба, тигрица материнской мести. Остальные — патетические, создатель которых сам Еврипид. Никто не знал как вызвать у него сострадание, заставить проливать слезы, но это сострадание бесплодное и демонстрирующее, не дающее сердцу ни силы, ни утешения. Можно сказать, что эстетика Еврипида — результат его философии, его патетическое, без света убежище, необъяснимый трагизм его жизни. Он завещал нам не менее двух шедевров, которыми часто вдохновляется современный театр, — «Ипполит» и «Ифигения в Авлиде», где он показывает лик эмоций. Но если идти вглубь этих драм, видно, что они становятся приговором философии, которую Еврипид сделал своим рупором. Ипполит, целомудренный и мудрый юноша, поклонник Дианы, несправедливо обвиняемой в инцесте со своим отцом и убитой по своей просьбе Посейдоном; Ифигения, хрупкая дева, принесенная в жертву своему отцу — варвару и полчищам суеверий; свидетельствует ли это, что чисто духовная цивилизация, чтобы продолжать свое существование, вынуждена жертвовать своими благородными детьми?

Нет ничего более трагичного и более странного, чем судьба самого Еврипида. После жизни славы и продолжительного успеха, он был призван в царский двор Македонии, к Архелаю. Там он сочиняет трагедию «Вакханки», которая является абсолютным отрицанием его эстетики и оптимистической философии. Ибо в ней виден царь Пенфей, растерзанный Вакханками после появления пророчества Диониса и необходимости недоступных Мистерий. Удовлетворило ли это запоздалое отречение от собственных взглядов Бога — кудесника метаморфоз? Казалось, что нет, если можно судить по слухам, разбежавшимся по Афинам. Утверждалось, что во время прогулки в одиночестве именитый гость македонского царя был растерзан стаей сторожевых собак. После этого смелый символизм последователей Эсхила разыгрался. Они утверждали, что дикие страсти, хулившие Еврипида в театре Вакха, в которых он сам наряжал свою игру за время своей долгой жизни, были входом к собакам Фракии, которые набросились на своего хозяина, как хищные звери, что почти всегда заканчивалось пожиранием своего укротителя. Глубокая и последняя ирония, — говорили они, — Богов, которых он хотел оскорбить!

Фабр д'Оливе, великий, но забытый мыслитель, высказал о творчестве Еврипида справедливое замечание. Я процитирую его, несмотря на его непомерную строгость, ибо оно придает несколько штрихов основной картине крушения трагедии, после чего утратила потеряла правила и традиции Элевсина: «Если законы, с самого начала изданные против тех которые, обзывая трагические сюжеты, опошляя мистическое чувство, были исполнены, нисколько не нужно будет печалиться о том, что Еврипид много трудился над настолько опустившимися бедствиями героями, настолько помутненными разумом от любви принцессами, такими сценами бесчестия, скандала и преступления; но народ, уже деградирующий и близкий к разложению, увлекался этими опасными картинами, сам бежал навстречу развращенному действию, которое ему было даровано. Это и есть шарм этих картин, талант, с которым Еврипид приукрашивает признаки упадка афинских нравов, и премьера достигнет того, что приносит чистоту религии. Театр, ставший школой страстей, не предлагая больше душе никакой духовной пищи, открывает дверь, через которую проникают, вплоть до храмов, презрение и насмешка над Мистериями, сомнения, сверхконщунственная наглость и полное забытие Пророчества».

* * *

Трагедия, диво живого искусства, приближается к нам как цветок эллинского чуда и последнее слово греческого духа. Я показал как миф о Дионисе породил ее, как Элевсинские мистерии вдохновили этот шедевр и как она тотчас же впала в декаданс, как только перестала их понимать. Вывод налагается на оценку этих двух институтов, заклинание, которое открыло нам перспективу в истинной миссии театра и в его возможностях будущего человечества.

Трагедия — это, по словам Аристотеля, очищение страхом и состраданием. Эта формула совершенна в своей лаконичности. Однако она требует быть изученной. Почему страх и сострадание становятся в великой греческой трагедии живительными и очищающими? Потому, что они предстают для зрителя испытаниями души, которые придают ей чистоту уподобления утешительным и возвышенным истинам, срывая с них вуаль за вуалью. Без ясного понимания этих испытаний смертные муки страха и стремления симпатии остаются бессильными. Но люстрация души, следующая за трагическим ознобом, производит временное улучшение в душе, в которую проникают лучи истины и непознаваемого блаженства. Целью Элевсинских мистерий было сообщить саму эту истину посвященному посредством личного опыта, точных понятий и выразительных изображений. Посвящения и Элевсинские праздники давали тем, кто хотел это познать, ключ от противоречий и страхов жизни. Таким образом два института взаимодополняемы и помогали друг другу. В трудах Эсхила и Софокла смутно просматривается мир и свет по ту сторону страха и сострадания. У Еврипида, диалектика и софиста, принадлежащего уже чисто духовной и рационалистической цивилизации, для которой Сократ является стержнем, мы находим страх и сострадание вне их трансцендентной действительности, т.е. вне иллюминации и психологического успокоения, которыми они еще обладают в первоначальной элевсинской драме и которые сохранились в большом объеме в драме Эсхила и Софокла. Человек у Еврипида показан жертвой случая или божественного суда. Можно сказать, что страх и сострадание стали наиболее мучительными в понятии жизни, но в нем они потеряли свою облагораживающую благодетель, свою силу воспитателя. Происходит расширение и обновление трагедии Эсхила и Софокла; восходит взволнованная, но удручающая мелодрама Еврипида. Несмотря на величие поэта и артиста, ему недостает божественного дыхания.

* * *

Идеал искусства был достигнут в полноте жизни, в целительных страхе и сострадании, в утешительном откровении, которое Греция нашла в Мистериях и, частично, в элевсинской драме. История, без сомнения, не возобновляется и не впадает дважды в одну и ту же реку, как говорил Гераклит но, по ходу веков, идеи и вещи непрерывно возвращаются и преобразуются в неожиданные формы. Несмотря на непроницаемую вуаль, окутавшую нас в нашей материалистической цивилизации, вполне возможно, что эллинское чудо имело удивительные преобразования и возрождения. Новые творения неоднократно выходили из глубинного и болезненного желания навсегда потерянного прошлого. Оно еще говорит в нас неугасимой ностальгией греческой трагедии, в которой пребывает бессмертная надежда — возвышенный свет Элевсина!

Книга восьмая.

Космический Христос и исторический Иисус

Всегда можно углубиться в тайну
Палестины. За ней — Бесконечность.

Рудольф Штайнер

Глава I. Космический Христос

Мы достигли точки божественной и человеческой эволюции, в которой следует вспомнить все предшествующее, чтобы понять последующее. Ибо здесь импульс свыше и усилие снизу встретились в сияющей точке, испускающей лучи назад, в древнее прошлое, и вперед, в бесконечное будущее.

Пришествие Христа является центральным местом, пламенным очагом истории. Оно означает крутой поворот. смену ориентиров, новый и колоссальный импульс. И что удивительно, он появился у закаленных материалистов как роковое отклонение, а у простых верующих как неожиданная развязка, которая уничтожила все прошлое, чтобы построить новый мир. Правду говоря, первые — это жертвы своей духовной слепоты, а вторые — узости своего горизонта. Так, если с одной стороны, явление Христа учителем Иисусом есть дело неизмеримой важности, то с другой, — оно было подготовлено всем предшествующим развитием. Сеть невидимых нитей привязала его ко всему прошлому нашей планеты. Этот луч исходит из сердца Бога, чтобы спуститься до самого сердца человека и призвать Землю, дочь Солнца, и Человека, сына Богов, к их небесному истоку.

Попробуем прояснить эту тайну в нескольких словах.

Земля со своими царствами, человечество со своими расами, духовные силы со своими иерархиями, погруженными в Бездонное, в своем синхронном и продолжительном развитии движимы одним импульсом. Небо, Земля и человек идут вместе. Единственный способ проследить смысл их развития — это проникнуть одним взором во все три сферы, в их общую деятельность и рассматривать их как некое органическое и неразрывное целое.

С этой точки зрения, бросим взгляд на положение в мире с рождения Христа и сконцентрируем внимание на двух расах, представляющих, на данный момент авангард человечества: на греко-латинский мир и на еврейский народ.

С духовной точки зрения, развитие человечества после Атлантиды и до христианской эры представляет нам двойное зрелище регресса и прогресса. С одной стороны, постепенное уменьшение числа ясновидящих и прямого общения с силами природы и космоса; с другой — активное развитие мышления и разума вследствие материального воздействия человека на мир. Видение продолжало существовать, поддерживаемое элитой в центрах посвящения, в местах, где производились предсказания, и именно оттуда приходят все религиозные движения и все великие цивилизаторские импульсы. Но ясновидение и божественные способности иссякали в человеческом обществе. Это духовное и интеллектуальное преобразование человека, все более и более увлекаемое на физический уровень, соответствовало параллельному преобразованию его организма. Чем более мы восходим к своему праисторическому прошлому, тем больше человеческое тело кажется легким и неуловимым. Сейчас оно застывает. Одновременно его эфирное тело, которое некогда превосходило физическое, все больше и больше поглощается им и принимает его точную форму. Его астральное тело, лучезарная аура, которое когда-то простиралось вдаль как атмосфера и служило своим гиперфизическим восприятием каналом

общения с Богами, светится лишь вокруг своего тела и является не более, чем узким сиянием, пресыщенным действительной жизнью и приукрашенным своими страстями. Это развитие продолжается тысячи и тысячи лет. Оно приходится на вторую половину атлантического периода и все вышедшие из него цивилизации Азии, севера Африки и Европы (индусов, персов, халдеев, египтян, греков и народов северной Европы). В своей завершенности и духовном совершенстве эта инволюция сил космоса в физическом человеке была необходимой. Греция представляет собой последнюю стадию *этого спуска духа в материю*. В ней произошло их совершенное слияние. Из этого следует чудесное распространение физической красоты при духовном равновесии. Но этот полупрозрачный храм, населенный полубожественными людьми, возвышался на краю пропасти, кишасей монстрами Тартара. Это было критическое время. Как ничем не задерживаемое и вынужденное всегда идти либо назад, либо вперед, человечество, только начиная с этого момента могло либо погрязнуть в скотстве и развращенности, либо вновь взойти к вершинам духа с укрепившимся сознанием. Греческий декаданс и особенно императорские оргии Рима являют собой представление, одновременно грандиозное и отвратительное, это шествие античного человека в разврат и жестокость, фатальный ущерб всех великих движений истории*.

«Греция, — говорит Рудольф Штайнер, — смогла реализовать свое творение, которое она мало помалу сосредоточивала под вуалью, скрывающей античное видение. Греко-латинский мир со своим стремительным упадком определил наиболее глубокое схождение духа в материю в течение человеческой эволюции. Освоение материального мира и развитие естественных наук было его ценой. Когда посмертная жизнь души обусловила жизнь земную, люди обычно не уходили в духовный мир после смерти. Они уносили с собой часть вуали, и их астральное бытие было подобно существованию призраков. Отсюда жалоба души Ахилла у Гомера: «Лучше быть нищим на земле, чем королем в мире теней!» Определенной миссией постатлантического человечества стало его форсированное отдаление от духовного мира. Это закон космоса, что величие одной стороны, покупается на какое-то время другой»**.

Потрясающий поворот, подъем к вершинам Души был необходим человечеству, чтобы осуществить свое предназначение. Но для этого нужна была новая религия, более влиятельная, чем предшествующая, способная поднять отяжелевшие массы и взволновать до сокровенных глубин бытия человека. Все предшествующие откровения белой расы происходили в плане астральном и в плане эфирном, откуда они сильно влияли и на человека, и на цивилизацию. Христианство, зашедшее дальше и выше всех через все сферы, обязано было проявить себя вплоть до физического плана с тем, чтобы преобразить и одухотворить его, предоставить индивидуальному человеку как и коллективному человечеству, непосредственное сознание их небесного истока и божественной цели. В явлении Христа в нашем мире оно имело, следовательно, не только моральное и социальное, но и космологическое соображения.

Иногда в открытом пространстве Атлантики, когда ветер терзал грозное небо, появлялась плотная грозная туча, наклоненная к Океану в форме рога. Тотчас же море остроконечно приподнималась и следовало навстречу туче. Кажется, что вся масса вод сбегает в этот плавный водоворот, чтобы бурлить и подниматься вместе с ним. Вдруг два острия, притягивающихся друг к другу, смешались в два устья. — Образовался смерч!.. Ветер впитывает море, море пьет ветер. Вихрь из воздуха и воды, живой столб головокружительно движется навстречу конвульсирующим волнам, и, на мгновение, земля соединяется с небом.

Феномен Христа, сошедшего через астральный и эфирный планы из духовного мира в мир физический, подобен морскому смерчу. И в одном, и во втором случаях силы неба и земли принадлежат одному творению и сотрудничают в целях высшего единения. Но, если смерч образовался за несколько минут под воздействием силы урагана и электрических потоков, то схождение Христа на землю требует тысячи лет и восходит, как первопричина, к арканам нашей планетарной системы.

В этой метафоре, пытающейся образно передать роль космического Христа для человечества, еврейский народ представляет сторону земную, экзотерическую и видимую. Это низ смерча, который поднимается, увлекаемый вверх вихрем. Этот народ поднимается против всех других. С нетерпимостью, со своей незыблемой, настойчивой идеей, он возмущает нации, как смерч воду. Монотеистическая идея прокладывает себе путь вместе с патриархами. Моисей овладел ею и использовал ее, чтобы сформировать нацию. Как Самум поднимает столб пыли, так Моисей собрал Ибримов, странствующих бедуинов, чтобы сформировать народ Израиля. Посвященный в Египте, направляемый Элохимом, которого он называет Яхве, он принуждает словом, железом и огнем. Бог, Закон, Ковчег, народ, чтобы его нести; и впереди сорок лет в пустыне, через голод и бунты, к земле обетованной! Из этой сильнейшей идеи, как столб огня, движущийся перед дарохранительницей, вышел народ Израильский со своими двенадцатью коленами, соответствующими двенадцати знакам зодиака. Израиль сохранял неприкосновенной идею монотеизма, несмотря на злодеяния своих царей и натиск идолопоклоннических народов. И от этой идеи, с самого ее начала, отпочковалась мессианская идея. Ибо уже Моисей, умирая, предвещал приход конечного спасителя, царя справедливости, пророка и всеобщего очистителя. Из столетия в столетие неутомимый голос пророков провозглашал его приход, от вавилонского изгнания до римского железного ига. В период правления Ирода еврейский народ походил на корабль, терпящий бедствие, обезумевший экипаж которого поджиг бы фок-мачту подобно сигнальному огню, чтобы пройти через рифы. Ибо в этот момент Израиль представляет собой странное и озадачивающее зрелище народа, потоптанного Судьбой, наполовину раздавленного, ожидающего спасения в воплощении Бога!

Израиль потерпел крушение, но Бог воплотился.

Какая здесь сложная игра Провидения, человеческой свободы и Судьбы? — Еврейский народ некоторым образом воплотил и осуществил призыв земли к Христу. В нем человеческая свобода, сдерживаемая Судьбой, т.е. прошлыми ошибками, взывает к Провидению, чтобы достичь своего спасения. Ибо великие религии отразили, как в зеркале, эту подготовку. Ни одна из них не создала светлую идею Мессии, но посвященные издавна предчувствовали его и предвещали его приход.

Иисус отвечает фарисеям, спрашивающим об его миссии: «Перед Авраамом был я». Апостолам, сомневающимся в его смерти, он говорит удивительные слова, которые никогда не произносил никто из пророков и которые показались бы нелепыми из любых других уст: «Небо и земля пройдут, но мои слова не пройдут никогда.» Такие слова либо являются бреднями безумца, либо имеют космологический трансцендентный смысл. Для официальной традиции Церкви, Христос, третье лицо Троицы, покинул лоно своего Отца только для того, чтобы воплотиться в Деве Марии. Согласно эзотерической традиции, Христос есть сверхчеловеческое бытие, Бог всех предельных сил, наиболее возвышенная духовная манифестация, известная человечеству. Но, как и все Боги, Сыны Всевышнего, от Архангелов до Престолов, он проходит развитие на протяжении всей своей планетарной жизни, и, т.к. он единственный среди высших Сил, который полностью проявился в человеческом воплощении, то это развитие особой природы. Чтобы постичь это, нужно мысленно перенестись по ту сторону человеческих рас вплоть до образования Земли и первого проблеска света в нашей туманности. Ибо, согласно розенкрейцерской легенде, Дух, явивший себя миру под именем Христа устами учителя Иисуса, является духовно связанным с небесным царем нашей системы, Солнцем.

В *планетарной Эволюции* мы увидели космические силы, подготавливающие мир к единому управлению по примеру мудрой иерархии. Намеченные в духовном плане типы и элементы, души и тела отражаются в плане астральном, оживляются в эфирическом, чтобы конкретизироваться в материи. Каждая планета является творением другого порядка сил и дитятей иной формы жизни. Каждая великая космическая сила, скажем, каждый великий Бог, имеет своим продолжением легион духов, которые являются его мыслительными созданиями. Западная эзотерическая традиция считает Христа главой солнечных духов. Во время

разделения земли и неба высшие духи, названные Дионисием Ареопагитом εἰσοῦσαι, *Virtutes* в латинской традиции, *Духами Формы* по Рудольфу Штайнеру, удалились на блистающие звезды, которые только что отбросили свои непрозрачные ядра. Они были слишком эфирной природы, чтобы хорошо себя чувствовать в тяжелой земной атмосфере, в которой должны были барахтаться Архангелы. Но, концентрируясь вокруг солнечной ауры, они с тем большей силой действовали на Земле, оплодотворяя ее своими лучами и одевая в одежды из зелени. Христос, ставший управителем этих духовных сил, может называться солнечным Архангелом. Вращенный ими, он долго был неизвестен людям под своей вуалью из света.

Рожденная Земля испытывала, быть может, влияние другого Бога, легионы которого были тогда сосредоточены на планете Венера. Эта космическая сила, согласно иудео-христианской традиции названа Люцифером, или мятежным Архангелом. Я определил его роль в первой книге этой работы. Он подтолкнул человеческую душу дальше в материю, погрузил «я» в глубину тела. Тем самым он был косвенным автором зла, но также страсти и энтузиазма, этого отблеска Бога в человеке через волнение крови. Без него мы не имели бы ни разума, ни свободы, а духу не доставало бы трамплина, чтобы подпрыгнуть к звездам.

Влияние люциферовских духов преобладало в лемурийский и атлантический периоды, но с начала арийского периода дало о себе знать духовное влияние, исходящее из солнечной ауры. Оно возрастает из периода в период, от народа к народу, от религии к религии. Таким образом Христос мало-помалу приблизился к земному миру своим прогрессирующим излучением. Эта медленная и глубокая инкубация на духовном плане подобна той, которая была на плане физическом похожа на появление звезды, пришедшей из глубины неба, возрастающий диск которой был бы виден по мере того, как он приближался бы к нам. Индра, Осирис, Аполлон возвышались над Индией, Египтом и Грецией как предтечи Христа. Он проявляется через солнечных Богов, как чистый свет сквозь красные, желтые и голубые витражи соборов. Он являлся также редким посвященным, как иногда на Ниле видна была далеко восходящая сквозь красные лучи заходящего солнца звезда, которая поднималась к зениту. Он уже блистает лично для Зороастра в облике Ахурамазды, который показывается ему в его великом видении как Бог, одетый в солнечную одежду. Он блистает для Моисея в неопалимой огненной купине, и сверкает, подобный молнии, среди синайских молний через Элохим. Вот ставший Адонаи, Господь, провозгласивший свое скорое пришествие.

Но этого не было достаточно, чтобы вырвать человечество из объятий материи, где оно погрязло в своем упадке. Нужно было чтобы верховный Дух воплотился в человеке, чтобы солнечный Глагол сошел в человеческое тело, чтобы его видели дышащим и идущим по земле. Чтобы направить людей на путь духовных высот и вдохновить их к небесной цели, нужна была не меньше, чем *демонстрация божественного Архетипа на физическом плане*. Нужно было чтобы он восторжествовал над злом безмерной Любовью, и над смертью очевидным Воскрешением, вновь выйдя невредимым, преображенным и еще более сияющим из пропасти, куда он погрузился. — Следовательно, редактор Евангелия, согласно святому Иоанну мог говорить одновременно буквально и возвышенно: «Слово было плотью и свет излился среди нас, полный милости и истины».

Такова космическая причина воплощения солнечного Глагола. Мы только что рассмотрели необходимость его земной демонстрации с точки зрения божественной эволюции. Посмотрим теперь, как человеческое развитие подготовит ему орган, достойный его принять.

* Изображение этого я даю в начале «Жизни Иисуса» в *Великих Посвященных*.

** Очерк об оккультной науке *Die Geheimwissenschaft im Umriss*, по Рудольфу Штайнеру (Альтманн, Лейпциг).

Глава II. Учитель Иисус, его истоки и развитие

Встает предварительный вопрос о том, кто хочет сегодня воскресить истинного Иисуса, исходя из относительной ценности четырех Евангелий. Тот, кто проникся созерцанием и интуицией, истиной, присущей проявлениям этого уникального жанра, искусился бы ответить на все объективные факты критикой евангелийских соответствий словами Гете. В конце его жизни друг сказал ему:

— Как вы знаете, совершили открытие, что Евангелие святого Иоанна недостоверно.

— Что значит достоверно? — ответил автор «Фауста», — что же тогда извечно прекрасно и истинно?

Этими великолепными словами престарелый поэт, глубочайший мыслитель своего времени, поставил на место тяжеловесные построения критической и чисто документальной школы, притязательное уродство которой прекратило скрывать от нас Истину и Жизнь.

Но будем более четко излагать свои мысли. Установлено, что греческие Евангелия были составлены после смерти Иисуса на основе еврейских традиций, непосредственно восходящих к последователям и очевидцам жизни Учителя. Содержат они или нет некоторое противоречие деталей и представляют ли они нам пророка Галилеи под разными углами зрения? Как заключить для нас истинность и достоверность их текстов? Может, датой их редактирования? Может, горами скопившихся на них комментариев? Нет. Их сила и истина состоит в живом единстве личности и доктрины Иисуса, очищенных им. Она имеет подтверждение тем фактом, что это слово изменило лицо мира и новую жизнь, что ее может еще воскресить в памяти каждый из нас. Вот высочайшее свидетельство исторической реальности Иисуса из Назарета и достоверности Евангелий. Все остальное второстепенно. Когда те, которые подобно Давиду Штраусу подражая некоторым теософам, желают убедить нас в том, что Христос есть только простым мифом «грандиозного исторического *humbug*»; их смешной педантизм требует от нас веры более слепой, чем вера правоверных, более фанатичной. Жан Жак Руссо прекрасно высказался о ней: если бы грешники из Галилеи, писари Иерусалима и философы неоплатоники Эфеса сфабриковали бы все рассказы на тему Иисуса Христа, якобы победившие античный мир и завоевавшие мир современный, то это было бы чудом более аллогичным, более трудным для понимания, чем все чудеса Христа, которые, глазами современных оккультистов в качестве посвящения всех времен, есть делами известными, признанными, но доведенными им до наивысшей силы. Материальные чудеса были сотворены современникам Иисуса для доказательства. То, что необходимо Я нам сегодня с не менее непреодолимой силой, это поразительная личность, несравненное духовное величие самого Иисуса, который все более и более предстает перед нами из Евангелий и из человеческого сознания.

Скажем, следовательно, вместе с Рудольфом Штайнером: «Современная критика Евангелий освящает нам только внешнюю и материальную сторону этого документа. Из нее мы ничего не узнаем о их сущности. Настолько значительная личность, как Христос не может быть объята одним из его учеников. Она раскрывается каждым из них согласно их возможностям, с разных сторон его природы. Предположим, что сфотографировали дерево только с одной стороны, это было бы его только частичное изображение; но представим что его сфотографировали с четырех сторон, — это его полное отображение.

Также обстоит дело и с Евангелиями. Каждая из них сообщает иную ступень посвящения и представляет нам иную часть природы Иисуса Христа.

Матфей и Лука тщательно передают нам преимущественно учителя Иисуса, т.е. человеческую натуру основателя христианства, — Марк и Иоанн выражают главным образом его духовную и божественную природу.

Матфей рассматривает учителя Христа с *физической точки зрения*. Он сообщает нам драгоценные сведения о происхождении и наследственных связях израильского народа. — Лука, наиболее поэтический и мечтательный из Евангелистов, рассказывает о *личной жизни учителя*. Он видит отражение его «я» в его астральном теле. Он дает трогательное описание силы любви и пожертвования, изливающиеся из его сердца. — Марк сообщает о *магнетической ауре, окружающей Христа*, лучи которой распространяются в духовном мире. — Иоанн преимущественно *метафизический Евангелист*. Объектом он имеет божественный дух Христа. Менее точный, чем Матфей и Марк, более абстрактный, чем Лука, он не считает окончательными впечатляющие видения, отражающие события астрального мира. Но он *слышит внутреннее и исконное слово*, слово создателя, трепещущее в каждом звуке и во всей жизни Христа. Он провозглашает Евангелие Духа.

Все четверо Евангелистов являются, следовательно, вдохновенными и ясновидящими Христа, но каждый из них в своем свете и сфере*.

Я счастлив выразить здесь мою горячую благодарность трем выдающимся швейцарским теософам: Оскару Тросхайнцу из Берна, мадам Гросханц Лаваль и Ану из Баля, которые согласились сообщить мне свои ценные замечания на различные доклады доктора Штайнера, не предназначенные для широкой публики.

Разнообразие и единство вдохновений Евангелистов, которые взаимодополняют и охватывают как бы четыре яруса человеческого бытия, показывает нам его относительное значение. Каждый из них сообщает только с точки зрения своей сферы, проникая мало-помалу в высокую личность Иисуса Христа, которая затрагивает человеческие стороны частной эволюции еврейского народа, а с божественной — всю планетарную эволюцию**

Ведя родословную Иисуса от Давида и Авраама, Евангелие от Матфея хочет нам показать, что он происходит от избранных рода Иуды и что его физическое тело является наивысшим цветом этого народа. Вот то, что нужно запомнить из этого генеалогического древа. Матфей хочет сказать, что физически учитель Иисус стал результатом длительного отбора, фильтрования всего рода. Но помимо атавизма тела существует еще и атавизм души. Каждое человеческое его имело многочисленные предшествующие воплощения. Воплощение посвященных является особым видом, исключительным и соразмерным ступеням эволюции. Еврейские пророки, *наби*, обычно посвящались Богу своими матерями и носили имя *Иммануил*, что означает *Бог в нем*. Это означало, что они якобы будут вдохновенными Духом. Эти дети, воспитанные в школе жрецов, обрекаемые впоследствии на аскетичную жизнь в пустыне и назывались Назаретянами, т.к. отпускали волосы. Те, которых в Индии называли *Бодхисатвами* походили (не считая всех различий рас и народов) на древнееврейских жрецов, носивших имя Иммануил. Это были существа, разумные души которых (Бодхи) были достаточно развиты для того, чтобы во время их воплощений существовать в соответствии с божественным миром. *Будда* был для Индии Бодхисатвой, достигшим морального совершенства во время своего последнего воплощения, совершенства, которое предполагает полное проникновение тела разумной душой. После такой демонстрации, которая произвела в человечестве очищающее проникновение и возрождение, Будда не имеет больше необходимости в реинкарнации. Он входит в сияние *Нирваны* или *Не-Иллюзии* и живет в божественном мире, откуда продолжает воздействовать на человечество.

Христос больше, чем Бодхисатва и больше, чем Будда. Это космическая сила, избранница Девов, само Солнечное слово, которое воплощено для того, чтобы придать человечеству наиболее сильный импульс. Дух подобного масштаба не мог воплотиться в груди женщины или в теле ребенка. Этот Бог не мог следовать, как другие люди и даже самые великие среди них,

узкой фильере животного развития, которая воспроизводит беременность ребенка матерью. Он не мог подвергнуться временному помрачению божественного сознания, которое есть неотвратимым законом всех воплощений. Христос непосредственно воплощен в чреве смертной женщины, как и Юпитер, согласно греческой легенде, рожденный от смертной Семелы, матери второго Диониса. Чтобы воплотиться, ему нужно было взрослое тело, развитое тело сильной расы до той степени совершенства и чистоты, когда оно стало бы достойно человеческого Архетипа, первичного Адама, сформированного Элохимом в извечном свете, истоке нашего мира.

Это тело, избранное среди других, еврейский народ предоставляет личности учителя Иисуса, сына Марии. Но кроме этого нужно было чтобы с рождения и до тридцати лет, в то время, когда Христос овладевал своей человеческой обителью, тело учителя Иисуса было очищено и примирено посвящением первого порядка и чтобы почти божественный человек предоставил свой организм, как сакральный сосуд, для искупительной жертвы, чтобы встретились Бог и человек. Каким же был великий жрец, изображенный в религиозной летописи человечества, на долю которого выпала эта опасная задача? Евангелисты не говорят о нем, но Евангелие от Матфея предчувствует и ясно определяет его в наиболее показательной из своих легенд.

Божественное Дитя родилось в благоухающей и безмятежной вифлеемской ночи. В черных горах Иудеи нависла тишина. Одни только пастухи слышали ангельские голоса, скользкие под звездным небом. Золотое дитя в колыбели. Восторженная мать не сводит с него глаз. Когда он открывает свои, Мария чувствует себя пронзенной, как мечом, до мозга костей его солнечными лучами, вопрошающими с ужасом. Бедная изумленная душа, пришедшая издалека, растерянным взглядом погружается в окружающее; но, увидев небо в трепещущих зрачках своей матери, дитя вновь засыпает глубоким сном. Евангелист, описывающий эту сцену, видит еще и кое-что другое. Он видит духовные силы, сконцентрированные в этой группе в глубине пространства и времени. Они сосредоточились для него в полной картине нежности и величия. Пришедшие из глубины Востока, три волхва пересекают пустыню и идут к Вифлеему. Над домом, где спит младенец Иисус, остановилась звезда. Тогда цариволхвы, исполненные радости, пали ниц перед новорожденным, чтобы поклониться ему и преподнести Ему в дары золото, ладан и смирну, символизирующие мудрость, почитание и силу воли.

Каково значение этого видения? Волхвы были последователями Зороастра и считали его своим царем. Они и сами себя называли царями, ибо они знали небо и действовали среди людей. От них исходит древняя традиция: их учитель появился в мире под именем Спасителя (*Sosisch*) и восстановил господство Ормузда. В течение веков это пророчество Мессии неотступно преследовало посвященных Востока. Наконец оно реализовалось. Евангелист, рассказывающий нам об этой сцене, сообщает, таким образом, на языке адептов, что восточные волхвы в вифлеемском младенце узнали *реинкарнацию их учителя Зороастра*. Таковы законы божественной эволюции и трансцендентной психологии. Такова преемственность высочайших индивидуальностей. Такова сила, вышивающая совместно с другими душами узоры на полотне истории. Сам пророк, возвестивший миру с высот горы Албордж и равнины Ирана о солнечном Глаголе под именем Ахурамазда, возродился в Палестине, чтобы во всем воплотить свое сияние!

Некоторые великие знают, когда воплотится посвященный, в своем помраченном сознании претерпевающий покров своей плоти. Он является, т.е. вынужденным вновь воплотить свое высшее «я» в земную жизнь и возвысить его новыми усилиями. В детстве и юности Иисус пользовался покровительством простодушной и набожной семьи. Его душа, замкнутая в себе самой, смогла беспрепятственно расцвести подобно диким лилиям в высоких травах Галилеи. Он смотрел на мир светлым взором, но его внутренняя жизнь оставалась глубоко скрытой. Он не знал еще ни кем он был, ни что его ожидало. Но, как горный пейзаж под пасмурным небом, проясняющийся иногда при внезапных улучшениях погоды, его душа освещалась прерывистыми видениями. «Однажды, во время экстаза, в голубых горах Галилеи, среди белых

лилий с фиолетовой сердцевинкой, растущих в травах выше человеческого роста, он увидел идущую к нему, в глубине пространства, прекрасную звезду. Эта приближающаяся звезда становилась огромным солнцем. В его центре восседала человеческая фигура, сверкающая и грандиозная. Она была исполнена величием Царя царей с милосердием всевышней Женственности, так совершенна, что внешне была Мужчиной, а внутри Женщиной»****. И юноша, упавший в высокие травы, чувствовал себя поднимающимся в пространстве с помощью влекущей его звезды. Ему, пробужденному от этого сна, вдруг показалось, что он стал легким, как перышко.

Каким же было это чудесное видение, которое порой неотступно преследовало его? Оно было похоже на те, которые описывали пророки, но, в то же время, совершенно иным. Он никому не говорил о нем, но чувствовал, что оно заключало в себя его прошлую и будущую судьбу. Иисус из Назарета был юношей, который, без всякого сомнения, развивался только внутренне. Внутренняя работа его мысли вспыхивала каждый день под влиянием внешних обстоятельств и поражала всех окружающих. Эту стадию психического развития передал нам Лука. Иосиф и Мария потеряли маленького Иисуса, когда они, вместе с другими, пришли в праздничный день в Иерусалим, и, вернувшись, нашли его среди учителей в храме, «слушающего их и спрашивающего их». На сетования удрученных родителей Иисус сказал: «Зачем было вам искать меня? Или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» Но они не понимали, что говорит их сын, добавляет Евангелист. Как-никак этот юноша, живший двойной жизнью, «был в повиновении у них» и «преуспевал в премудрости и в возрасте и в любви». (Лука 2, 41-52).

* Эта классификация Евангелистов с точки зрения их сфер понимания является итогом различных докладов доктора Рудольфа Штайнера. Находится она в кратком очерке на с. 343 «Великих Посвященных», в примечаниях. Эти стихийные посвящения находят здесь четкое подтверждение наукой мыслителей и видящих первого порядка.

** В том, что касается основного развития Иисуса и расцвета его сознания, я отсылаю читателя к VIII книге «Великих Посвященных».

*** См. в этой книге в главе «Халдейский маг времен пророка Даниила»

**** *Святилища Востока*, с. 362.

Глава III. Пребывание Иисуса у ессеев. — Крещение в Иордане и воплощение Христа

Что делает Иисус от тринадцати до тридцати лет? Евангелисты не говорят об этом ни слова. Там сплошной пробел и глубокая тайна. Ибо всякий пророк, каким бы великим он не был, нуждается в посвящении. Чтоб исполнить новую миссию, нужно чтобы его предыдущая душа проснулась и осознала свои силы. Эзотерическая традиция теософов античности и современных времен согласна с утверждением, что учитель Иисус мог быть посвященным только Ессеями, в последнем братстве, в котором еще жили традиции пророчества и которое располагалось тогда на берегу Мертвого моря. Ессеи, у которых Филон Александрийский обнаружил тайные обычаи и доктрины, были повсюду известны как терапевты или знахари с помощью силы Духа. *Азауа* означает врач. Ессеи были врачевателями Души*.

О посвящении учителя Иисуса Евангелисты по отношению к непросвещенному человечеству хранят полное молчание, такое же глубокое, как тишь Мертвого моря. Они показали нам только последний его момент во время крещения в Иордане. Но, познав, с одной стороны, трансцендентную индивидуальность учителя Иисуса, идентичную пророку Ахурамазде, зная, с другой, что крещение в Иордане открывает глобальнейшую тайну воплощения Христа, обозначенную в оккультном писании прозрачными символами, витающими над

евангелистским рассказом, мы можем возродить в существенных этапах это уникальное приготовление к экстраординарнейшему событию истории.

* См. краткий очерк об Ессеях на с. 469 «Великих Посвященных».

* * *

В устье Мертвого моря долина Иордана представляет собой наиболее выразительное обрамление Палестины. Оно ни на что не похоже. Когда, спускаясь с бесплодных высот Иерусалима, впервые ее замечаешь, возникает ощущение грандиозной опустошенности, на которое накатывается священное дуновение, захватывающее сердце. С первого взгляда становится понятно, что величайшие религиозные события земли могли произойти именно здесь. Высокая гряда, подернутая голубой дымкой, заслоняет горизонт; это горы Моава. Их обнаженные вершины загромаждают его куполами и сводами, и их буйный океан, теряющийся в облаках тумана и света, господствует над длинной линией горизонта, как время над вечностью. Выделяется гора Нэво более лысая, чем остальные, на которой Моисей отдал свою душу Иегове. Между крутыми горами Иудеи и огромной вершиной Моава протянулась широкая долина Иордана, эта дикая пустыня, окруженная букетом деревьев и лугом.

Перед нами оазис Иерихона с пальмами и раскидистыми, как платаны, виноградниками, притаившимися травами, шелестящими весной, осыпанными красными анемонами. Ближе к данному месту Иордан течет между белыми песками и дюнами, чтобы потеряться в Мертвом море. Это место предстает лазурным треугольником между высотами Иудеи и Моава, которые, как-бы надежно его охраняя, стянулись над ним. Вокруг проклятого озера, покрывающего, согласно библейской традиции, Содом и Гоморру, поглощенных в пучине огня, царит тишина смерти. Маслянистые и грязные воды залили дороги и убили всех тех, кого смогли настичь. Не плывет там не один парус, не летит ни одна птица. На гальке безводных пляжей собирается только мертвая рыба, на белых скелетах которой растет алоэ и смоковница. Однако поверхность этой жидкой массы цвета ляпис-лазури, представляет собой магическое зеркало. Оно, как хамелеон, непрерывно меняет свой облик. Зловещее и свинцовое под бурями, солнцу оно открывает прозрачную голубизну своих глубин и отражает под его лучами фантастические виды колоссальных архитектур гор и игру облаков. Озеро смерти является также озером апокалиптических видений.

Эта долина Иордана, некогда столь плодородная, а ныне разоренная, ограниченная коридором Мертвого моря как безвыходным адом, предстает перед нами местом, отделенным от мира и наполненным невероятными контрастами. Вулканическая природа неистово орудует созидательными и разрушительными силами. Сладострастный оазис Иерихона, орошаемый серными источниками, кажется, обволакивает своим теплым дыханием содрогающиеся горы демонических форм. Здесь царь Ирод в роскошных дворцах содержал свой гарем, тогда как выше, в пещерах Моава, гремели голоса пророков. Шаги Иисуса, совершенные на этой земле, положили конец последним хрипам этого постыдного города. Это страна, отмеченная властной печатью Духа. Все в ней возвышено: печаль, тишина безграничность. Человеческое слово там утасует; все происходит словом Божиим,

Понятно, что Ессеи выбирали для своего уединения самое укромное место озера, названного в Библии «Морем одиночества». Ен-Гадди — узкая площадка в форме полумесяца, расположенная у подножия утеса трехсот метров высотой на западной стороне Асфалтиты, по направлению к горам Иудеи. В первом веке нашей эры там были видны дома, построенные на осушенной земле последними терапевтами. В узкой лощине они выращивали кунжут, виноград и пшеницу, проводя основную часть своего времени в чтении и медитациях. Именно там учитель Иисус был посвящен в пророческую традицию Израиля, а также в соответствующие предания вавилонских магов и Гермеса о Солнечном Глаголе. Днем и ночью предопределенный Ессей читал историю Моисея и пророков, но это не было только медитацией или внутренним светом, возраставшем в нем и который он сознавал своей миссией.

Сейчас, когда он читал слова Книги Бытия, они откликались в нем гармоничным шумом звезд, грохочущих в своих сферах. И это слово в грандиозных явлениях творило вещи: «Элохим говорит: Да будет свет! и Свет был. — Элохим отделил Свет от Тьмы». И Иисус видел рождение миров, Солнца, планет. Но каково было его удивление, когда в возрасте тридцати лет, ночью, когда он спал в пещере на вершине утеса, ему было дано видение Адонаи, чего не случилось со времен его детства... Тогда, как от удара молнии, он вспомнил, что несколькими тысячами лет ранее он был пророком. Он понимает, под порывом охватывающего его огня, что он, Иисус из Назарета, был Зороастром, пророком Ахурамазды на вершинах Алборджа и у арийского народа! Значит, он вернулся на землю, чтобы утвердить новость? Радость, величие, неслыханное блаженство... Он жил, он дышал самим этим светом... Но какая новая миссия грозного Бога ожидала его?

Промелькнули недели и месяцы немого и сосредоточенного восторга, во время которых Галилея жила своей прежней жизнью. Затем это существование отошло в сторону благодаря новости, как облаку в бездне. Ему сейчас казалось, что он охватывает века, прошедшие после его смерти, глазами Ормузда-Адонаи — и это вызывало в нем глубокую скорбь. Как дрожащий холст колоссальной картины, упадок арийской расы, еврейского народа и греко-латинского мира развернулся перед ним. Он живет пороками, преступлениями, страданиями. Он живет на земле, покинутой Богами. Ибо большинство античных Богов отделились от развращенного человечества, и Бог-Отец, Непостижимый, был слишком далек от скудного человеческого сознания. Вырождающийся Мужчина, ставший преступником, умирал не зная стремления к отсутствующим Богам. Женщина, которой было необходимо видеть Бога в Мужчине, умирала без своего Героя, Учителя, живого Бога. Она становилась куртизанкой или жертвой, как возвышенная и трагическая Марианна, дочь Маккавейская, которая искренне любила тирана Ирода, но встретила только ревность, недоверие и кинжал убийцы.

И Учитель Иисус, бродивший по утесам Ен-Гадди, издали слушал ритмичную пульсацию озера. Этот низкий голос усиливался, разливаясь в извилистых утесах широким стоном тысячи эхо, казался ему тогда криком человеческой массы, взывающей к Адонаи и молящей у него пророка... спасителя... Бога!

И древний Зороастр, ставший смиренным Есеем, также взывал к Господу. Хотел ли царь солнечных Архангелов подсказать ему о его миссии? Но он не шел. Вместо ослепительного видения черный крест неотступно преследовал его сны и бдения. И внутри, и снаружи он был перед ним. Он сопровождал его на берегу, следовал за ним на высоты утесов, возвышался в ночи гигантской тенью между Мертвым морем и звездным небом. Когда он спрашивал о бесстрастном фантоме, голос, раздававшийся из глубин его самого, отвечал:

Ты воздвиг свое тело на алтаре Адонаи как лиру из слоновой кости и золота. Сейчас это твой Бог, который требует тебя, чтобы предстать перед людьми. Он ищет тебя! Он хочет тебя! Ты не избегай его! Обними крест!

И Иисус дрожал с головы до пят.

В то же время внешние слухи достигли отшельников Ен-Гадди. Два Ессея, вернувшись с Иордана, возвестили о том, что Иоанн Креститель проповедовал покаяние рыбакам на берегах реки, среди большой толпы. Он предвестил Мессию, говоря: «Я крещу вас водой, тот, кто придет вслед за мной, окрестит вас огнем». Волнение разлилось по всей Иудее.

Итак, утром, учитель Иисус прогуливался по берегу Ен-Гадди со столетним патриархом Есеев и говорил главе братства:

— Иоанн Креститель возвещает о Мессии. Кто это будет?

Старец посмотрел долгим взглядом на степенного ученика, после чего сказал:

— Почему ты спрашиваешь о нем, ты же его знаешь?

— Я хочу это услышать из ваших уст.

— Хорошо, им будешь ты! Вот десять лет, которые подготовлены для тебя. Свет зажжен в твоей душе, но нужна еще и воля. Готов ли ты?

Вместо ответа Иисус протянул руку к кресту и опустил голову. Тогда старый терапевт пал ниц перед своим учеником и поцеловал его ноги, оросив их потоком слез, говоря:

— Итак, в тебя снизошел Спаситель мира. Застыв от этой грандиозной мысли, освященный Ессеями в великую жертву, он стоял без движения. Когда столетний поднялся, Иисус сказал:

— Я готов.

Они смотрели друг на друга по-новому. Сам свет и решимость блистали во влажных глазах учителя и в пылающих очах ученика.

— Значит, иди к Иордану, — говорит старец, — Иоанн ожидает твоего крещения. Иди именем Адонай!

И учитель Иисус отправляется с двумя молодыми Ессеями.

* * *

Иоанн Креститель, в котором позднее Иисус узнает пророка Илию, представлял в то время последнее воплощение старого импульсивного и спонтанного пророчества. В нем еще видился один из диких аскетов, которые, побуждаемые Духом, провозгласили народам и королям о мстителях Всевышнего и царстве Справедливости. Вокруг него теснилась беспокойная и пестрая толпа, состоящая из всех социальных элементов общества того времени, привлекаемых его властной речью. Там были неприязненные Фарисеи, энтузиасты Самаритяне, простодушные сборщики пошлины, солдаты Ирода, бородатые пастухи со своими стадами, арабы со своими верблюдами и даже греческие куртизанки Сефории, прибывшие ради любопытства на пышных носилках с кортежами рабов. Все пришедшие с разными чувствами слушают «глас вопиющего в пустыне». Крестился кто хотел, но это не было игрой. Под властным голосом и грубой рукой Крестителя нужно было погрузиться в речную воду оставаться погруженным несколько секунд. Выходили из воды очищенными от всей грязи и как бы преобразовавшимися. Но какой трудный момент оставался позади! Во время длительного погружения многие задохались. Большинство из них умирали или теряли сознание. Говорили, что некоторые утонули. Однако опасная церемония от этого становилось для народа еще более привлекательной.

Итак, в тот день толпа, расположившаяся вокруг излучины Иордана, где проповедовал и крестил Иоанн, была возмущена. Лукавый писарь из Иерусалима, подстрекаемый фарисеями, привел ее в смятение и говорил человеку, одетому в одежду из верблюжьей шерсти: «Вот уже год как ты возвещаешь о Мессии, который должен низвергнуть сильных мира сего и восстановить царствование Давида. Когда он придет? Где он? Кто он? Покажи нам Маккавея, царя иудейского. Нас много и мы вооружены. Это если ты говоришь нам и ведешь нас на штурм Макеруза, дворца Ирода или Сионской башня, захваченной римлянами. Говорят что ты Илия. Хорошо, тогда ударь молнией!..»

Поднялся крик, сверкнули копья. Грозная волна энтузиазма и гнева подтолкнула толпу к пророку.

Перед угрозой этого бунта Иоанн обрушился на толпу с лицом бородатого аскета и львиной одержимостью, воскликнув: «Назад, раса змей и шакалов! Молнии Иеговы готовы для вас!»

После утра того дня с Мертвого моря поднялись серные пары. Черная туча покрыла тьмой всю долину Иордана, раскатисто ударил гром. Раздался голос с небес, который, как казалось, был ответом на слова пророка, и толпа, охваченная суеверным ужасом, отступила и рассеялась в лагере. В мгновение ока вокруг взволнованного пророка образовалась пустота и он остался в одиночестве на берегу глубокой бухты, где Иордан образовывал излучину в дебрях тамариска, мастиковых деревьев и древовидных роз.

Вскоре небо прояснилось в зените. Легкий туман, подобный рассеянному свету, покрывает долину, пряча вершины и оставляя видимыми только подножия гор, где мелькали медные отблески.

Иоанн встречает трех Ессеев. Он не знает ни одного из них, но узнает их по рангу белых платьев. Младший из них говорит:

— Патриарх Есеев просит пророка Иоанна согласиться окрестить нашего избранного брата, Иисуса Назаретянина, над головой которого еще не прошло железо.

— Если его освятит Всевышний и если он войдет в священную воду, — говорит Иоанн, проникнув уважением перед величием Неизвестного, его высоким положением, ликом, прекрасным как у ангела и бледным как смерть, который приближался к нему с опущенными глазами. Однако Креститель еще не догадывался о высшей тайне, в которой ему отведена роль служителя культа.

Учитель Иисус перед тем, как войти в реку, остановился на мгновение в том месте, где Иордан образует легкий водоворот, затем погрузился в воду и скрылся под волной. Иоанн протянул руку над илистой водой, произнося священные слова. С другой стороны два Ессея застыли неподвижно, припав к земле, охваченные смертельным страхом. Выйдя из воды Иисус, был спасен крещением. В него через руку пророка и воду реки входило дыхание божественного духа. В большинстве своем из этого испытания выходили оживленными; некоторые умирали, другие становились безумными и как бы одержимыми. Их называли бесноватыми. Почему же тогда учитель Иисус медлил выходить из Иордана, зловещий водоворот которого продолжал в этом месте кипеть гневом?

В эту минуту в торжественной тишине свершилось для нашего мира событие неизмеримой важности. Этому были тысячи невидимых свидетелей, но только четверо на Земле: два Ессея, Креститель и сам учитель Иисус. Как молнией были изброждены три мира. Она шла из мира духовного через звездную атмосферу Земли, чтобы отозваться на физическом человеческом плане. На земных актеров эта космическая драма произвела различное впечатление, но ошеломлены были все.

Что же произошло в сознании учителя Иисуса? За чувством утопления при погружении следует ужасное содрогание. С отчаянным усилием эфирное тело вырвалось из своего физического состояния. Затем вся предшествующая жизнь перевернулась и превратилась в хаос. Затем — великое облегчение и мрак бессознательного. Трансцендентное «Я», бессмертная душа учителя Иисуса навсегда покинули его физическое тело и вновь погрузились в солнечную ауру, вдыхаемую им. Но, одновременно, обратным движением, солнечный Дух, высшее бытие, которое мы называем Христом, овладели покинутым телом, чтобы вдохнуть в него новый огонь этой человеческой лиры, подготовленной несколькими поколениями и жертвой пророка.

Разве не для двух Ессеев ударила из голубого неба молния и озарила всю долину Иордана? Они закрыли глаза от ее пронизывающего отблеска, как если бы они увидели искрометного Архангела, с опущенной головой устремившегося к реке, и, вслед за ним, подобно дорожке огней, мириады духов.

Креститель ничего этого не видел. Он ожидал в глубокой тревоге появление погруженного. Когда наконец крестившийся вышел из воды, священная дрожь сотрясла Иоанна, ибо тело Ессея, казалось, было залито светом и тень, скрывавшая его лицо, преобразилась в безмятежном величии. Такой свет, такая нежность исходили от его взгляда, что каждый второй человек в пустыне чувствовал как отступает горечь его жизни. Когда учитель Иисус с помощью своих учеников вновь надел свое длинное платье Ессея, он стал пророком, дающим благословение и прощение. Тогда Иоанн, охваченный внезапным восторгом, замечает безмерный ореол, возникший вокруг тела Иисуса. Затем над его головой появляется чудесное видение: он видит прекрасного большого голубя, излучающего свет, как будто расплавленное серебро выходит из горнила. Иоанн знал, что, согласно пророческой традиции, Голубь Ионы символизирует в астральном мире небесную Женственность, тайну божественной любви, оплодотворителя и преобразователя душ, которого христиане назовут Святым Духом. В это время он второй раз в жизни слышит изначальное Слово, отражающее тайны бытия и подтолкнувшие его некогда, как звук трубы, в пустыню. Сейчас оно звучало как мелодичный гром. Вот его смысл: «Это мой Сын возлюбленный; *сегодня я его породил*»*. Тогда только Иоанн понял, что именно Иисус был предназначенным Мессией.

Он видит его медленно удаляющимся. Со своими двумя учениками Иисус проходит лагерь, где его видит скопление верблюдов, ослов, женщин и стад коз, изящных сефорианок и нелюдимых моавов. Когда Иисус скрылся из виду, Креститель еще продолжал видеть плывущий в воздухе ореол, лучи которого пробивались вдаль. Тогда опечаленный пророк сел на песок и охватил голову руками.

Наступил вечер, небо прояснилось. Осмелевшие смиренной позой Крестителя, солдаты Ирода и сборщики налогов в сопровождении посланцев синагоги вновь приблизились к отчаявшемуся проповеднику.

Склонившись над ним, писарь насмешливо усмехнулся:

— Итак, когда ты покажешь нам Мессию?

Не поднимаясь, Иоанн посмотрел на писаря строгим взглядом и сказал:

— Безумные! Он только что прошел среди вас, а вы его не узнали!

— Кто? Этот Ессей будет Мессией?.. Тогда почему ты не следуешь за ним?

— Это мне запрещено. Нужно чтобы он уверовал, а я ослабел... Моя задача выполнена... Я больше не буду проповедовать... Идите в Галилею!

Солдат Ирода, похожий на Голиафа, с лицом палача, который уважал Крестителя и любил его слушать, и, уходя, говорит с растроганной нежностью:

— Бедный человек! Мессия довел его до болезни!

Но писарь из Иерусалима разразился громким взрывом смеха и изрек:

— Вы, слабоумные! Он стал безумным... Вы же видели, что я заставил замолчать вашего пророка!

* См. выделенные слова в древнем еврейском Евангелии и в первых сводных текстах. Позже они были заменены и сегодня читаются так: «Это мой сын возлюбленный и в котором мое благоволение», т.е., на первый взгляд, являются повторением. Справедливость прибавления в том, что в сакральной символике, в этом *окультном писании*, неестественном в Архетипах духовного мира, одинокое присутствие мистического голубя во время крещения Иоанном свидетельствует о воплощении Сына Божьего.

* * *

Таково схождение солнечного Глагола в учителя Иисуса.

Торжественный час, главное событие истории. Таинственным образом — и с какой громадной любовью! — божественные силы трудились в вышине в течении тысячелетий, чтобы взлелеять Христа и позволить ему осветить человечество через других Богов. Умопомрачительным образом — и с каким неистовым желанием! — человеческий океан поднялся снизу, в некоем водовороте, вместе с еврейским народом, чтобы сформировать на своей вершине тело, достойное воспринять Мессию. Наконец осуществилось желание ангелов, мечта магов, предсказание пророков. Две спирали соприкоснулись. Вихрь божественной любви соединился с вихрем человеческого страдания. Образовался смерч. И в течение трех лет солнечный Глагол снизойдет на землю, воплотившись в тело, полное силы и милосердия, чтобы доказать всем людям, что Бог существует, что бессмертие не пустое слово, что те, кто любит, верит и жаждет, могут достигнуть неба через смерть и воскрешение.

Глава IV. Возрождение античных мистерий через жизнь Христа. — От искушения к преображению

Попытаемся определить сущность возвышенного существа и его уникальный характер после Иорданского крещения.

Сыну Марии, учителю Иисусу, посвященному Ессеями, предоставившим Христу свое физическое тело, внезапно открылись его эфирное и астральное тела. Тройная оболочка, чудесным образом развившаяся и гармонизированная. Сквозь нее солнечный Глагол, который разговаривал с Зороастром в его астральном видении, с Моисеем в эфирном теле под видом некоего Элохима, пришел говорить с людьми в образе человека из плоти и крови. Это было необходимо для того, чтобы растормозить и убедить их, поскольку они стали непроницаемы к душевному свету и глухими к голосу Духа. Неоднократно и под самыми разными обличьями Боги проявляли себя, начиная со времен Атлантиды и вплоть до героических времен Иудеи и Греции. Они осеняли риши, озаряли пророков, нависали над героями. В Христе Бог впервые появился полностью воплощенным в человеке. И этот феномен проявился лишь однажды в истории, в поворотный момент человеческой эволюции, то есть в нижней точке ее спуска в материю. Как из черной пучины сможет человек вновь подняться к светлым вершинам Духа? Для этого необходим был огромной силы импульс, посланный человеку Богом. Импульс был дан, Глагол будет продолжать воздействовать на человечество путем излияния, но его воплощение более не являлось необходимым.

Отсюда — чудесный организм существа, именуемого Иисусом Христом. С помощью своих ощущений он погружается в плоть; при помощи своих мыслей он поднимается к Архетипам. С каждым вдохом он вдыхает Божественное. Тотальность его сознания содержится в тех словах, которые постоянно слетают с его губ: «Я и Отец, мы суть одно». В то же время он чувствовал себя связанным со страданиями человечества некой непреодолимой нежностью, благодаря огромной любви, которую возложила на него его миссия. Его душа — это живой огонь, который с помощью божественных сил порождается в непрерывном процессе человеческого горения. Отсюда можно представить себе силу излучения и притягательность такого существа. Его человеческая аура окружена широким небесным ореолом, который позволяет ему вступать

в контакт со всеми духовными силами. Его мысль не спотыкается на опасных тропах логического рассуждения; она внезапно появляется как свет той главной Истины, которая обволакивает всякую вещь. Привлеченные этой изначальной силой, души устремляются к нему, трепещут и возрождаются под ее лучами. Цель его миссии состояла в том, чтобы одухотворить землю и человека, поднять их на высшую стадию эволюции. Средство было одновременно нравственным и интеллектуальным; нравственным — через распространение Любви, этого чувства всеобщего братства, которое исходило от него как из неиссякаемого источника; интеллектуальным и духовным — через открытие Мистерий всем разумам, возжаждавшим Истину.

Таким образом, за время своего трехлетнего подвижничества Христос одновременно приобщал свою общину к нравственному учению, а своих апостолов — к древним Мистериям, которые он обновил и освежил путем расширения их. Но в противоположность тому, что происходило когда-то в Персии, Египте, Греции и Иудее, это посвящение, прежде предназначенное только для элиты, теперь происходило при свете дня и публично с тем, чтобы человечество в целом смогло принять в нем участие. «Реальная жизнь Иисуса, — говорит Рудольф Штайнер, — была историческим событием из тех, которые до него происходили лишь в посвящении. То, что до этого было скрытым, было тайной храма, с его помощью стало разворачиваться на мировой сцене в некой душераздирающей действительности. Следовательно, жизнь Иисуса является публичной конфирмацией Мистерий».

* * *

Искушение Христа. Хотя и будучи, по своей сути, Богом, Христос должен был пройти через первый этап посвящения, прежде чем начать свою проповедническую деятельность. Обычный человек может приобрести видение астрального мира, лишь замечая его низшую копию, которая этот высший мир от него скрывает. Оккультная традиция называет ее *Стражем Порога*, а легенда символизирует его в образе Дракона*. Это — астральная конденсация всех предшествующих инкарнаций, представленных в выразительной, а иногда и в устрашающей форме. Невозможно рассеять этот ужасающий призрак, который ему преграждает дорогу к духовному миру, извлекая из его души последние остатки низменных страстей. Христос, этот чистый солнечный Гений, не имел ни низшего двойника, ни Кармы. Он был чист от всякой скверны, ибо никогда не отделялся от Бога. Но человечество, куда Христос хотел проникнуть, имеет своего *Стража Порога*, а именно: космическую силу, которая заставляла его эволюционировать в прошлом, толкая его в лоно материи, и благодаря которой оно смогло завоевать сознание своего «я». Это та сила, которая теперь маскирует духовный мир в подавляющем большинстве людей. Библия называет ее Сатаной, и она соответствует Ахриману у персов. Ахриман, я об этом уже говорил, касаясь Зороастра и халдейской магии, является тенью Люцифера, его проекцией и его остатком в этом нижнем мире, Демоном, утратившем свое божественное сознание. Он стал гением тьмы, тогда как Люцифер продолжал оставаться, несмотря на свое падение, потенциальным носителем света и мог вновь стать им в действительности.

Вот почему Христос должен был победить Ахримана в магнетической ауре Земли, прежде чем начать выполнять свою миссию. Отсюда его сорокадневный пост и три испытания, изложенных в Евангелии от Матфея в трех образах. Князь мира сего последовательно подвергает Христа соблазну чувств (голодом), искушению страхом (показывая ему пропасть, в которую он хочет броситься), соблазну абсолютной власти (предлагая ему все царства земли). И три раза Христос отвергает его во имя слова Истины, которое он слышит и которые резонируют в нем подобно гармонии сфер. Благодаря этому несокрушимому сопротивлению Ахриман побежден. Он отступает вместе со своими бесчисленными легионами перед солнечным Гением. Была проделана брешь в темной ткани, в которую была завернута Земля. Дверь в человеческую душу вновь была открыта; Христос может в нее войти.

* См. в этой работе разъяснение *Стража Порога* в главе *Просветление Будды в Мистерии Индии* и в главе *Дионис Мистерий в Эллинском чуде*.

* * *

В научении, которое Христос предлагал своей общине, мы теперь вновь находим четыре этапа античного посвящения, сформулированные Пифагором таким образом: 1. *Приготовление*, или обучение, (*παράδχειν*); 2. *Очищение* (*χθαρσις*); 3. *Завершение* или просветление (*τελειωτης*); 4. *Созерцание с высоты*, или синтез (*επιφανια*)* Две первые степени этого посвящения, предназначенные для народа, то есть для всех, смешивались и были одновременными. Две последние степени, предназначенные для апостолов, и в частности, трем из них, располагались в определенном порядке к концу его жизни. Это восстановление, обновление античных Мистерий являлось, в одном смысле, вульгаризацией и освобождением, а в другом — углублением и вовлечением в синтетическое видение через более высокую одухотворенность.

* См. главу *Пифагор* в моих «*Великих посвященных*».

Первая степень: Приготовление. Нагорная проповедь и Царство Божье

Дело Христа начинается галилейской идиллией и объявлением о «царстве Божьем». Это предсказание указывает нам на его популярные наставления. В то же время оно является приготовлением к более возвышенным таинствам, которые он будет постепенно приоткрывать апостолам, т.е. ближайшим ученикам. Таким образом, оно соответствует тому, что было нравственным приготовлением в древних Мистериях. Но мы уже больше не находимся в храмах и склепах. Галилейское посвящение имеет в качестве сцены Генисаретское озеро. Его воды, прозрачные и кишасшие рыбой, его берега, тогда еще цветущие и лесистые, голубые и фиолетовые горы с размашистыми волнообразными очертаниями, в окружении которых как в золотой чаше плескалось озеро, весь этот рай, благоухающий ароматом дикорастущих трав, составлял полный контраст с адоподобным пейзажем Мертвого моря. Такое обрамление, с простым и наивным населением, которое там жило, было необходимо для дебюта Мессии. Бог, воплотившийся в тело Иисуса из Назарета, привнес в него божественный план, который он вынашивал на протяжении веков, в виде широких линий, напоминающих солнечные лучи. Теперь, поскольку он был человеком и пленником Земли, в мире видимости и тьмы, ему необходимо было искать возможности реализации этого плана, шаг за шагом, этап за этапом, на этом трудном пути.

Он был полностью подготовлен к этому. Он мог читать в сознаниях, он привлекал к себе сердца. Одним-единственным взглядом он проникал в души, читал судьбы людей. Когда он сказал рыбаку Петру, чинившему на берегу свои сети: «Иди за мной, я сделаю тебя ловцом человеков», то Петр поднялся и последовал за ним. Когда в сумерках он явился в своей белой одежде Ессея, с необычным орлом, который трепетал вокруг него, к Иакову и Иоанну, эти последние его спросили: «Кто ты?» Он ответил просто: «Придите в мое Царство». И они пришли. И вот уже целый кортеж рыбаков, сборщиков податей, молодых и пожилых женщин следует за ним из деревни в деревню, от синагог напрямик через поля. И вот тот, кто проповедовал на горе в тени большой смоковницы, что же он сказал? «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. — Блаженны плачущие, ибо они утешатся. — Блаженны алчущие и жаждущие, правды, ибо они насытятся. — Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Эти истины, изреченные сильным голосом и сопровождаемые проникновенным взглядом учителя, адресовались не к разуму, а к чистому чувству. Они проникали в души подобно небесной росе, и содержали в себе целые миры. В этом содержится вся тайна духовной жизни вместе с законом о воздаянии, которое переходит от одного существования к другому. Получившие эти истины, не измеряли предел их глубины, а проникли в них чистым чувством сердца. Они их пили как опьяняющий напиток, и когда учитель добавил: «Царство небесное

внутри вас», цветок радости распустился в сердце женщин, подобно розе, которая отдала весь свой аромат под порывом ветра.

Слово братство, которым обычно обозначают нравственную проповедь Христа, является довольно слабым определением, чтобы выразить ее сущность. Одной из ее характеристик является *энтузиазм*, который он вызвал, и *вера*, наличие которой он требовал. «Вместе с Христом нечто совершенно новое проникает в человеческое «я», нечто такое, что позволяет ему воспринимать в самых отдаленных глубинах своей души тот духовный мир, который до этого он постигал лишь в астральном и эфирном телах. До этого в спонтанных видениях, как в Мистериях, всегда имелась бессознательная часть. Например, декалог Моисея говорит лишь об астральном теле и представляется в форме *Закона*, а не *Жизни*. *Жизнь Любви* пришла к человечеству лишь через Христа. Будда тоже принес в мир учение о Любви и Сострадании. Его миссия состояла в том, чтобы внушить это посредством рассуждения. Христос, имея Любовь в личности, сам принес Любовь, которая одним своим присутствием действовала с неотразимой силой, подобно лучистому солнцу. Существует различие между *мыслью*, которую можно понять, и *силой*, которая входит в вас подобно потоку жизни. Именно *субстанцию Любви*, а не только *Мудрость Любви*, принес Христос в мир, отдавая сам и увлекая за собой человечество»*.

Отсюда происходит тот вид *веры* которой Христос требовал от своих последователей. «Вера в понимании Нового Завета не означает, как это слишком часто утверждают так называемые ортодоксы, присоединение и слепое подчинение ума абстрактным и неподвижным догмам, но убеждение души и полноту любви, способных переливаться из одного я в другое. Это — высшая степень единения. Христос сказал:

«Недостаточно, чтобы вы давали тем, кто может вам отдать. Сборщики податей делают то же. Давайте также тем, о ком вы знаете, что они вам ничего не вернут». Любовь Христа — это переливающаяся через край и наводняющая любовь»**.

Таково предсказание этого «царства небесного», которое находится во внутренней жизни и которое божественный учитель часто сравнивал с горчичным зерном. Посеянное в землю, оно вырастает в высокое растение и рождает тысячу зерен. Царство небесное, находящееся внутри нас, содержит в зародыше все остальное. Этого достаточно для простых людей, о которых Иисус сказал: «Блаженны не видевшие и уверовавшие». Внутренняя жизнь сама по себе является силой и блаженством, но по мысли Христа она является лишь приготовлением к более обширному царству, к бесконечным сферам, царству своего Отца, божественному миру, к которому он хотел вновь открыть путь всем людям и преподнести поразительное видение своим избранникам».

Пока же молодое сообщество, окружавшее учителя, увеличивалось и путешествовало вместе с ним. Оно следовало за ним с одного берега озера на другой, по равнине с апельсиновыми деревьями, и через заросшие миндалем холмы, посреди спелых хлебов и белых лилий с фиолетовым сердечком, которые росли среди высоких трав горных лугов. Он проповедовал толпе о царстве Божьем с лодки, привязанной недалеко от пристани, а также в маленьких синагогах или же под большими смоковницами на дороге. Эта толпа уже называла его Мессией, не понимая, что означает это слово, и не ведая, Быть может одни женщины, которые обожали его пылкой и волнующей любовью, предчувствовали его сверхчеловеческую природу и рассыпали на его пути лавину цветов. Сам он, как это и подобает Богу, молча наслаждался земной весной этого царства. Его божественность очеловечивалась и умилялась перед всеми этими трепещущими душами, ожидавших от него спасения, и которым он распутывал их спутанные судьбы и предугадывал будущее. Он наслаждался этим расцветом душ как молчаливый супруг в бракосочетаниях Каны наслаждается безмолвной супругой, благоухающей посреди своего кортежа паранимф.

Согласно Евангелиям, один драматический эпизод бросает тень на эти солнечные потоки, которые изливались на эту Галилейскую весну. Был ли это первый прыжок враждебных сил, которые уже собирались в невидимом мире против Христа? Во время одной из переправ через озеро поднялась одна из тех ужасных бурь, которые столь часты на Тивериадском море. Иисус спал на корме. Обречена ли была раскачивающаяся лодка утонуть? Разбудили учителя, который своими протянутыми руками успокоил волны, в то время как ялик, подгоняемый попутным ветром, достиг гостеприимной гавани. Вот то минимальное, что нам рассказывает Матфей. И разве это было бы невозможно? Солнечный Архангел, находясь в тесном контакте с силами, управляющими земной атмосферой, вполне мог направить свою волю в виде магического круга в вихрь Эола. Он может пробить лазурью черноту неба и создать в шквале на какое-то время глаз бури с сердцем Бога! Реальность это или символ? В обоих случаях перед нами возвышенная правда. Христос, спящий в рыбацкой лодке среди раздраженных волн, какой возвышенный образ спокойствия души, осознающий свою божественную родину, посреди свирепых стихий и разбушевавшихся страстей!

* Рудольф Штайнер, *Conferences de Bale sur l'Evangile de Luc*, 1910.

** Ibid.

Вторая степень посвящения (очищение). Чудесные исцеления. Христианская терапия

Во всех античных мистериях за нравственным и интеллектуальным приготовлением следовало очищение души, которое должно возродить в ней новые органы и придать ей впоследствии способность видеть божественный мир. По сути, это было очищение астрального и эфирного тел. Вместе с Христом, мы об этом говорили, Божественное спустилось через астральный и эфирный уровни до физического плана. Следовательно, его действие осуществляется вплоть до физического тела его приверженцев, проходя сквозь два других. Таким образом, оно будет трансформировать их бытие сверху донизу. Потому что его прилив, пересекая три сферы жизни, будет наполнять вены кровью до самой вершины я. Христос является одновременно врачом души и тела. Отсюда — эта новая терапия с непосредственными воздействиями, трансцендентными и молниеносными. Прекрасный пример, свидетельствующий о недостижимости равенства в вере, но предлагающий путь, по которому будут следовать уверовавшие в Дух.

Эзотерическая концепция чуда — это не концепция приостановки или ниспровержения законов природы, но аккумуляция рассеянных сил универсума в данной точке и ускорение жизненного прогресса живых существ. Чудеса, аналогичные тем, которые осуществил Христос, совершались до него в святилищах Азии, Египта и Греции, среди прочих в храме Эскулапа в Эпидавре, о чем свидетельствуют многочисленные записи. Чудеса Христовы отличаются своей интенсивностью и своим нравственным воздействием. Прокаженные, парализованные, слепые или одержимые бесами, все эти больные, внезапно излечившись, чувствовали свою душу преображенной. Благодаря воздействию учителя в их теле устанавливалось равновесие сил, но в то же время его божественная красота давала им луч надежды, а его любовь — свет веры. Они испытывали последствия такого контакта во всех своих будущих существованиях. Это особенно проявилось при исцелении расслабленного.

Тот ожидал тридцать восемь лет возле купальни Бифезда, не имея возможности исцелиться, Христос просто сказал ему: «Встань и ходи!» и тот поднялся на ноги. Христос объяснил своим ученикам, что болезнь этого человека происходит ни от его родителей, ни от их грехов, но со дня его рождения. Однако он сказал исцеленному больному: «Иди и больше не греши». Следовательно, он серьезно согрешил в каком-то предшествующем существовании.

«Любовь, трансформированную в действие, вот то, что дает Христос. Лука сумел понять в Иисусе Христе врача души и тела. Именно потому, что сам Лука был врачом и практиковал искусство исцеления с помощью Духа, поэтому он так хорошо понимал терапевтическую сторону учения Иисуса. Вот почему высокие наставления буддизма нам представляются у Луки как омоложение с помощью источника Молодости»*.

* Рудольф Штайнер, *Conférences de Bale sur l'Évangile de Luc*, 1910.

Третья стадия посвящения: Озарение. Воскрешение Лазаря

В наши дни бытует мнение, что Иисус вводил в царство Божие только простых людей и у него было для всех единственное и одинаковое учение, которое вследствие его доктрины кладет конец всякому таинству. Наш век, наивно верящий, что сможет обрести новую религию в демократии, захотел привлечь самого великого из сынов Бога к этому гротескному и жалкому идеалу, который заключается в подавлении элиты массой. Не считал ли своим долгом самый известный из биографов Иисуса дать ему, по отношению к современному миру, самую неотразимую рекомендацию, назвав его «приятным демократом».

Безусловно так, Христос желал открыть дорогу к истине всем жаждущим душам, но он также знал, что нужно ее распределять в соответствии со степенью духовного развития. Простой здравый смысл отказывается верить, что духу такой глубины был не знаком закон иерархии, управляющий Вселенной, природой и человечеством. Но мнение, что в учении Христа не было ни уровней, ни таинств, было опровергнуто всеми четырьмя Евангелиями. Однажды апостолы спросили у Иисуса, почему он говорит притчами с людьми, на что тот ответил: «Для того, потому, что Вам дано знать *тайны Царствия Небесного*, а им не дано. Ибо, кто имеет, тому дано будет и приумножится; а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет». (Матф. XIII, 10-11). Это означает, что *осознанная истина*, то есть *выкристаллизовавшаяся в мысль*, является нерушимой, она становится центром притяжения для новых истин, тогда как *истина инстинктивная и непостоянна* истощается и рассыпается от множества впечатлений. Следовательно, у Христа было тайное учение, предназначенное для его учеников, учение, которое называлось «тайны Царствия Небесного». Но более того. Если присмотреться внимательнее, то иерархия отчетливо проступает и выражается в четырех ступенях классического посвящения: 1. Сначала простой *народ*, которому он дает моральное учение в форме притч и сказаний; 2. Затем те *семьдесят*, которые получили объяснения этих притч; 3. Потом *двенадцать апостолов*, посвященных в «тайны Царствия Небесного»; 4. И, наконец, среди них, трое избранных: Петр, Иаков и Иоанн, посвящены в самые великие тайны, только они будут присутствовать при преображении. Также еще следует отметить, что среди этих названных апостолов, только Иоанн будет единственным истинным *эпоптом*, в смысле Элевсинских и Пифагорейских мистерий, то есть он *ясновидец, который понимает то, что видит*.

В самом деле, Евангелие от Иоанна от начала и до конца характеризует высшую степень посвящения. Творческое слово — гармония сфер, вечный творец миров, — это «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» — наполнило первые строфы. Но рядом с этой метафизикой Отца, Сына и Святого Духа, которая является *лейтмотивом* всего Евангелия и где чувствуется влияние александрийского стиха с точки зрения формы, в которой воплотились эти идеи, находят в Евангелие от Иоанна непринужденность, волнующий реализм, точные и поразительные детали, которые обнаруживают особую тесную связь ученика с Учителем. Это замечание распространяется на все повествование Страстей Христовых и особенно на все деяния в Вифании, а самое важное — воскрешение Лазаря.

Лазарь, которого Иоанн просто называет братом Марфы и Марии из Вифании, это самый загадочный и самый необычный персонаж в Евангелии. Только Иоанн упоминает о нем; ясновидцы о нем ничего не знали. Он присутствует здесь только для сцены воскрешения. Чудо

произошло, и он исчезает, будто провалившись. Однако он входил в ту группу людей, самую близкую Иисусу, которая сопровождала его к могиле. С этого момента возникает двойкий вопрос. Невольно мы спрашиваем себя: Что это за неопределенная индивидуальность Лазаря, которая промелькнула как призрак среди других персонажей, таких живых и таких четко выделенных в Евангельском повествовании? С другой стороны, что означает его воскрешение? По преданию, Иисус воскрешает Лазаря только для того, чтобы доказать Иудеям, что он является Мессией. Но это низведет Христа до положения обыкновенного чудотворца. Современная критика, всегда готовая полностью отрицать то, что вводит ее в замешательство, смело решает вопрос, провозглашая, что это чудо, как и все другие, — игра народного воображения. Иначе говоря, некоторые считают, что вся история Иисуса — только вымысел и что Иисус никогда не существовал. Добавим, что идея воскрешения — главная христианская идея и принцип его импульсивного действия. Интерпретировать и понимать ее, вводить ее во всемирные законы — необходимо, но просто-напросто уничтожить ее — это означает отнять у христианства его свет и силу. Его главный рычаг исчезнет вместе с бессмертной душой.

Однако розенкрейцерское предание представляет нам решение этой тайны, такое смелое и блестящее*. Итак, оно вывело Лазаря из безвестности и придало его воскрешению эзотерический смысл и возвышенную истину. Для тех, кто приоткрыл завесу видимости, Лазарь — никто иной, как сам апостол Иоанн. Если он этого не сказал, то это из-за стыдливости души и редкой скромности, которые были присущи ученикам Иисуса. Желание не возносить себя над своими братьями препятствовало ему вести повествование от своего собственного имени, а самое большое событие в его жизни произошло тогда, когда он сделался посвященным высшего порядка. Таким образом, под маской Лазаря скрывается апостол Иоанн. Что касается его воскресения, то оно принимает от этого новый характер и проявляется нам, как главная фаза древнего посвящения, его третьей стадии.

В Египте посвященный, после длительных испытаний, погружался иерофантом в летаргический сон и проводил три дня в храме, помещенный в саркофаг. В течение этого времени застывшее физическое тело казалось мертвым, тогда как астральное тело, полностью освобожденное, могло свободно двигаться в Космосе. Что касается эфирного тела, местопребывания жизни и памяти, то оно, отделяется также и следует за астральным, но оставаясь в физическом теле достаточной степени, чтобы помешать смерти. Пробудившись от каталептического сна, вызванного иерофантом, человек, который выходит из саркофага, больше уже не похож на себя. Его душа путешествовала в другом мире и помнила это. После этого человек становится настоящим посвященным, членом магической цепи, «присоединившимся, согласно древнему писанию, к армии высших Богов».

Христос, миссия которого заключалась в обнародовании Мистерий на глазах у всего мира и в расширении степени их доступности, захотел провести любимого ученика через последнее испытание, которое ведет к непосредственному познанию истины. Согласно тексту самого Евангелия, все было сделано по его желанию и приготовлено заранее. Мария из Вифании послала Иисусу, который проповедовал в Галилее, послание, в котором говорилось: «Господи! вот, кого Ты любишь, болен!» (Не указывает ли это нам ясно на апостола Иоанна, *любимого ученика Иисуса*?) Но Иисус, вместо того, чтобы поспешить на помощь Лазарю, задержался еще на два дня там, где находился, и сказал ученикам своим: «Эта болезнь не к смерти, а к славе Божьей, да прославится через нее Сын Божий... *Лазарь, наш друг, уснул, но Я иду разбудить его*». Следовательно, Иисус знал наперед, чего он хочет и что ему следует делать. Он прибывает вовремя, чтобы совершить чудо, которое он предвидел и подготовил. И пришли ко гробу плачущие сестры, в сопровождении Иудеев. То была пещера и камень лежал на ней. Отняли камень от пещеры, где спал, погруженный в летаргический сон тот, кого считали умершим. И воззвал Иисус громким голосом: «Лазарь! иди вон!» Тот, кто предстал перед удивленной толпой — был не легендарный Лазарь, бледный призрак, на котором еще отражалась тень могилы, а преображенный человек, над которым сиял ореол. Это был апостол Иоанн... и уже отблески Патмоса сверкали в его очах. Ибо он видел божественный свет во

время своего сна, он пережил Вечность. Погребальные пелена его превратились в льняное одеяние посвященного. Теперь он понял, что означали слова Иисуса: «Я есмь воскресение и жизнь!» Сын Божий воззвал громким голосом: «Лазарь! иди вон!» Он воскресил его душу и тело. Иоанн понял теперь, почему Иисус любил его больше других, потому что он был единственным из его учеников, который понимал его до конца. Петр оставался человеком из народа, он верил в Иисуса горячо и наивно, но он проявил слабость в последний момент. Иоанн будет посвященным и ясновидцем, он будет следовать за учителем до подножия креста, ночью — до могилы и увидит сияние Отца небесного.

* См. *Христианство как мистический факт и мистерии древности* Р.Штайнера.

Четвертая стадия посвящения: обозрение свыше. Преображение

В пифагорийском посвящении *Епифания*, или обозрение свыше, — означало совокупное обозрение, которое должно следовать за духовным созерцанием. Это было интимное понимание и глубокое восприятие вещей, увиденных в духе. Видение должно привести к *синтезу* Космоса. Это было завершение посвящения. Этой фазе, согласно учению, которое дал Иисус своим ученикам, соответствует феномен *Преображения*.

Вспомним при каких обстоятельствах происходило это событие. Вешняя заря галилейской идилии погасла. Тени сгущались вокруг Христа. Его смертные враги, книжники и фарисеи, дожидались его возвращения в Иерусалим, чтобы там его схватить и предать суду. В небольших галилейских местечках, массово проявлялось отступничество, благодаря клевете великой Синагоги, которая обвиняла Иисуса в богохульстве и святотатстве. И вскоре Христос приготовился в свой последний путь — на высокий холм. Он попрощался с дорогими сердцу городами и с любимым озером: «Горе тебе, Капернаум! Горе тебе, Хоразин! Горе тебе, Вифсаида!»

Натиски ненависти все больше и больше затемняли нимб Солнечного Архангела. Весть о смерти Иоанна Крестителя, которого обезглавил Ирод, предостерегла Иисуса, что близится и его час. Он знал свою судьбу и не противился ей. Но должен был возникнуть у него вопрос: «А мои ученики, поймут ли они мое слово и мою миссию в мире?» Большинство из его двенадцати учеников имели еще предрассудки иудеев, которые представляли себе Мессию как владыку над народами, повелевающего с помощью меча. Они еще не способны были понять предназначение Христа в истории. Иисус хотел подготовить к этому своих троих избранников. Повествование Матфея является здесь исключительно значимым и обладает сильнодействующей выразительностью.

«По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, — и преобразился он пред ними; и просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет, — И вот, явились им Моисей и Илия, с Ними беседующие. — При сем Петр сказал Иисусу: Господи! Хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии. — Когда он еще говорил, се облако осенило их, и се, глас из облака глаголящий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в котором Мое благословение; Его слушайте! И услышав это, пали ниц ученики и очень испугались. — Но Иисус приступив, коснулся их и сказал: Встаньте и не бойтесь. — Возвевши же очи свои, они никого больше не увидели, кроме одного Иисуса» (Матф., XII, 1-8).

Рафаэль на своей картине «Преображение» своим ангельским и платоническим гением великолепно понял возвышенный смысл видения. Три мира: *мир физический* или земной, *мир анимистический* или астральный и *мир божественный* или духовный, который господствует и пронизывает два других своим сиянием. Эти миры четко разделены и представляют собой три группы, которые формируют три плана картины. — У подножия горы мы видим непосвященных апостолов и толпу людей. Они говорят и спорят, бурно жестикулируя, о чуде,

но они не видят Христа. Среди них, только излеченный одержимый замечает видение и издает крик. У других, глаза души все еще не открыты. — На вершине горы Петр, Иоанн и Иаков спят глубоким сном. Они еще не способны видеть дух наяву. Христос, который вознесся над землей на сияющем облаке, стоит между Илией и Моисеем, и все это представляло видение трех избранных. Созерцая и понимая это видение, три посвященных апостола имели перед собой в этих трех фигурах объяснение всей божественной эволюции. Ибо Моисей, пророк Синая, прекрасный составитель Книги Бытия, представляет историю Земли, начиная с зарождения мира. — Все это — прошлое; — Илия представляет Израиль и всех своих пророков, предвещающих явление Мессии. — Это настоящее. — Сам Христос, прозрачное и сияющее воплощение Солнечного Глагола, Творческий Глагол, который поддерживает наш мир с начала его возникновения и, который теперь говорит с ним через человека. — Это все будущее*. — Голос, который слышат апостолы, — это универсальное Слово Отца, чистого Духа, откуда исходят все Глаголы. Он подобен музыке сфер, которая раздается в мирах и упорядочивает ритмы и которую слышат одни ясновидящие. — В этот удивительный и торжественный час оно (слово) переводится для апостолов на человеческий язык.

Таким образом, видение Фавора объединяет в картине грандиозную простоту всей человеческой и божественной эволюции. Преображение дало начало новому способу экстаза и углубленному духовному видению.

*** В своих «Великих Посвященных», на стр.391 я попытался описать то, что происходило в душе самого Христа в момент Преображения.**

Глава V. Новые мистерии. — Страдание, Смерть и Воскресение Христово

Радостными и солнечными были эти три года проповедческой деятельности для Иисуса. Странствующая жизнь по берегам озера и по пустыне сочеталась с наиболее серьезными поучениями. Терапия души и тела чередуется с упражнениями высшего ясновидца. Иногда говорят, что головокружительное Вознесение Иисуса произошло для того, чтобы увлечь сторонников к своей собственной духовной высоте; По мере того, как он поднимается, большинство срывалось по пути. Только трое сопровождают его на вершину, откуда они падают, как бы сраженные откровением. Таким было лучистое проявление силы и возрастающей красоты Христа через учителя Иисуса. Затем внезапно Бог спускается из этой славы в бездну низости. Сознательно, на глазах своих учеников он позволяет врагам взять себя и без сопротивления идет навстречу крайним обидам, на мучение и на смерть. К чему это глубокое падение?

Платон, скромный и чудесный посвященный, служащий переходным мостом между древнегреческим гением и христианским духом, сказал когда-то, что «душа мира распята на ткани Вселенной во всех созданиях и ждет своего освобождения». Странное слово, в котором автор «Тимея», кажется предчувствует миссию Христа в самом глубоком и трансцендентном смысле. Ибо это слово содержит одновременно загадку о развитии планетарной эволюции, ее решении через таинство креста. После долгого пребывания человеческой души в узах материи необходимо было жертвоприношение Бога, чтобы вырвать ее оттуда и показать ей дорогу к Духу.

Иначе говоря, чтобы выполнить свою миссию, Христос, после посвящения своих учеников, должен был завершить их обучение, пройдя через посвящение личное. Бог должен был спуститься до самого дна страдания и до смерти, чтобы идентифицировать себя с сердцем и кровью человечества и передать Земле новый импульс. Духовное могущество полностью соразмерно с самопожертвованием. Вот почему для самого Христа было возвышением то, что он отдал себя человечеству, войдя в человеческое тело и приняв мученичество.

Здесь присутствуют новые уникальные таинства, такие, каких еще никогда не видели и каких, вне сомнения, никогда не увидят во время будущих эволюции Земли, хотя ее ожидают все новые метаморфозы. Ибо в этих таинствах Бог, солнечный Архангел является посвящением, а чистый Дух, Отец — иерофантом. Христос воскресает в облике Спасителя человечества. Для человека результат заключается в безграничном расширении границ своего духовного восприятия и, как следствие, в неизмеримом расширении его земной и небесной судьбы.

* * *

Больше года фарисеи подстерегали Иисуса, но он хотел отдаться им только в свое время. Сколько раз он беседовал с ними на пороге синагог и под порталом Иерусалимского храма, где прогуливались в роскошных одеждах самые высшие должностные лица религиозной власти. Сколько раз он заставлял их замолчать своей сильной диалектикой, отвечая на их ловушки более тонкими ловушками. Но также сколько раз он их пугал словами, которые, казалось, падали с небес, как молния: «За три дня я разрушу храм... и за три дня я его восстановлю!» Слишком часто он вел себя заносчиво с ними и некоторые из его эпитетов застревали в их теле, как гарпуны; «Лицемеры! Змеиное племя! Окрашенные гробы!» И когда, разъяренные, они хотели схватить его даже в храме, Иисус неоднократно использовал тот же самый способ, который будет позднее использовать Аполлоний Тианский на суде императора Домициана. Он набрасывал пелену на их глаза и становился невидимым, и «Он проходил между ними незамеченный», говорит Евангелие.

Однако все готово в большой Синагоге, чтобы свершить суд над опасным пророком, который грозился разрушить храм и который называет себя Мессией, С точки зрения иудейского закона, этих двух жалоб достаточно для того, чтобы приговорить его к смертной казни. Каиафа сказал в переполненном синедрионе: «Это хорошо: когда один человек умирает за весь Иудейский народ». Когда небо говорит устами ада, катастрофа неизбежна. Наконец, соединение звезд под знаком Девы обозначило вешнее время на небесных и исторических часах. Это соединение бросило свою черную стрелу в солнечную душу Христа. Он собирает своих учеников, в своем обычном убежище, в пещере на Горе Елеонской и там сообщает им о своей скорой смерти. Пораженные, они не понимали его; они поймут его позднее. Это был день Пасхи. Иисус устроил прощальный ужин в одном иерусалимском доме.

И вот, двенадцать учеников с наступлением ночи сели в сводчатой зале. На столе — закопченный пасхальный агнец, который напоминал иудеям о бегстве из Египта и который вскоре станет символом самой величайшей жертвы. Через окна аркады можно было заметить тень цитадели Давида, сверкающую золотом крышу храма Ирода, зловещую башню Антония, где властвовало римское копьё — и над всем этим — мрачные сумерки. В воздухе нависли гнетущая тишина, тяжелые испарения и красноватое зарево. Иоанн, который видел и догадывался о большем лучше, чем все другие ученики, спросил себя, почему в сгущающейся темноте над головой Христа появился бледный ореол, от которого исходят лучи, которые тотчас угасают, словно душа Иисуса дрожала в глубине его тела и трепетала перед последним решением. И безмолвно любимый ученик склонил свою голову на грудь Иисусу. Наконец, Иисус нарушил молчание: «Истинно, истинно, говорю вам, что один из вас предаст Меня сегодня вечером». Слово, произнесенное тихим голосом, обрушилось на двенадцать учеников, как крик об опасности на корабле во время кораблекрушения.

— «Кто? Кто это?» Иисус указал на Иуду, который судорожно сжимал кошель с деньгами, и добавил без гнева: «Иди и делай то, что собираешься сделать». Видя, что его разоблачили, предатель вышел в состоянии сильного гнева.

Тогда, преломив хлеб и подав чашу, Иисус торжественно произнес слова, которые освятили его миссию и которые будут звучать через века: «Примите... сие есть Тело Мое,... пейте... сие есть Кровь Моя...» Мало что из этого поняли озадаченные Апостолы. Только Христос знал, что в

этот момент он совершает самое прекрасное деяние в своей жизни. Этими словами, записанными в Невидимом, он открыл свою душу человечеству, он заранее обрек себя на жертву. До этого Сын Божий, Глагол, более свободный, чем все Элохим, мог вернуть все назад, отказаться от кровавого жертвоприношения. Но сейчас он уже не мог ничего изменить. Могущественные силы получили от него обещание. Элохим чувствовали, как божественная часть Иисуса Христа поднимается к ним в виде огромного ореола, его солнечная душа со всеми ее возможностями, они бережно удерживали ее в своем круге, огненном залоге божественного жертвоприношения. Элохим вернут ее ему лишь после его смерти. На Земле он останется только как Человеческий Сын, жертва, идущая на мучения.

Но только он один знал, что означает «тело и кровь Христа». — Когда-то Престолы отдали свои тела для создания туманности; Начала отдали свой последний выдох для того, чтобы заставить Солнце выйти из сатурнианской ночи; Архангелы отдали свою огненную душу, чтобы создать Ангелов, прототипов Человека. Теперь Христос отдаст свое тело для того, чтобы спасти человечество. Из его должно произойти человеческое братство, возрождение вида, воскресение души... И в то время, как его ученики пили из чаши терпкое красное иудейское вино... Иисус вновь погрузился в небесную мечту... в космическую мечту перед инкарнацией... и тогда же, когда он пребывал еще в солнечной зоне... двенадцать великих пророков предложили ему, тринадцатому, опасную чашу... которую он принял.

Но апостолы, кроме Иоанна, который догадался о недосказанном, не могли понять Иисуса. Они предчувствовали, что должно произойти что-то ужасное. Они задрожали, побледнели. Неуверенность, сомнение, страх овладели ими. Тогда Христос встал и сказал: «Идем молиться в Гефиманию», и ученики, по двое, последовали за ним. Грустное шествие вышло через потайную золотую дверь, спустилось к мрачной долине Хинаи, — Иудейскому кладбищу и к долине Призрака Смерти. Он перешел по мосту через Кедрон, чтобы спрятаться в пещере Елеонской горы. Апостолы пребывали в глубоком молчании, бессильные и ошеломленные.

Под большими деревьями, на горе Елеонской, в угловатых движениях, в густой листве, дьявольский круг смыкался над сыном Человеческим, желая крепче связать его своими узами.

Апостолы спали. Иисус молился и лоб его покрылся каплями кровавого пота. Нужно было, чтобы он испытал удушающий ужас, чтобы он испил свою чашу до дна, чтобы он вкусил горечь потери и отчаяние человечества. Наконец, толпа солдат с факелами появилась между деревьями. Это был Иуда с воинами. Предатель поцеловал Иисуса, и это был знак наемным воинам. Чувствуется бесконечная нежность в ответе Христа: «Друг мой, для чего ты пришел?», столь подавляющая нежность, что она доведет предателя до самоубийства, несмотря на всю черноту его души. После этого акта совершенной любви, Иисус останется невозмутимым до конца. Он стал неуязвимым для всех мучений.

И вот отвели его к первосвященнику Каиафе, черствому книжнику, некой разновидности священнической спеси без веры. Иисус признал себя Мессией и первосвященник разодрал одежды свои, это означало приговор к смерти. В римском трибунале Пилат пытается спасти Галилеянина, в котором он видел безобидного мечтателя. Ибо этот мнимый «Царь Иудейский», который называл себя «Сыном Божиим», прибавляет, что «Царство его не от мира сего». Но иудейские первосвященники могли возбудить темную зависть Цезаря, и толпа неистовала: «Распни его!», и проконсул, после того, как умыл руки пред народом, отдал Мессию в грубые руки римских легионеров. На Него одели багряницу; на голову Ему возложили венец из терна; в руки дали трость, похожую на смехотворный скипетр. На него сыпались удары и оскорбления. Пилат, выражая свое презрение иудеям, сказал им: «Вот ваш царь!»

Затем добавил, с горькой иронией: *Ecce Homo!**, как если бы вся человеческая низость и мерзость сосредоточилась в этом бичеванном пророке.

Заканчивалась античность, и даже стоики поняли Страсти Христовы не лучше, чем сам Пилат. Они увидели в этом лишь внешнюю прискорбную сторону и его явную инертность, которая вызывала у них возмущение. Но все эти деяния из жизни Иисуса имели одновременно символический смысл и мистическое воздействие на будущее человечество. Явления Креста, вызываемые в астральных образах святыми Средних Веков, стали для них инструментом посвящения и совершенствования. Братья святого Иоанна и Тамплиеры, Крестonosцы, которые вознамерились завоевать Иерусалим, чтобы создать там столицу мира, таинственные Розенкрейцеры XV века, которые подготовили примирение Науки и Веры, Востока и Запада в высшей мудрости, все эти люди духовного деяния, в самом сильном смысле этого слова, должны были обрести безграничный источник силы в страданиях Христовых. Во время видения *Бичевания*, образ истерзанного Христа говорит им: «Учись у меня умению оставаться безразличным к ударам судьбы, противостоять всем страданиям, и ты обретешь новый смысл: понимание всех горестей, чувство единства со всеми существами. Именно поэтому я согласился пострадать за людей, для того, чтобы проникнуть в самую глубину их души», — *Терновый венец* научил их не бояться мира духовного и интеллектуального, выдерживать презрение и нападки по отношению ко всему, что дорого нам. Он им говорил: «Оставайся на ногах, когда весь мир ополчился против тебя. Умей сказать *Да!*, когда все говорят *Нет!* Только тогда ты станешь самим собой». Сцена *Несения Креста* учила их другому мужеству и говорила им: «Научись нести мир на своей совести, также, как Христос согласился нести Крест, чтобы слиться в одно целое с землей и миром. Научись нести свое тело, как что-то внешнее. Нужно, чтобы дух удерживал тело в своей воле также, как рука держит молот!» Таким образом, это вовсе не безучастности учит Запад и народы Севера таинство Страстей, но — новой энергии через Любовь и Жертвоприношение.

Сцена *Голгофа* — это заключительный этап жизни Христа, печать, поставленная его Миссией, и отсюда наиболее глубокая тайна христианства. Гете справедливо замечает по этому поводу: «Высшее таинство страдания — это нечто настолько священное, что выставление этого образа на обозрение толпы может показаться кощунственным осквернением». К чему эта скорбная сцена распятия? — спрашивали язычники первых веков. Неужели от этого ужаса должно произойти спасение мира? И не один современный мыслитель повторял: «Могло ли человечество спастись благодаря смерти одного праведника?» Стало быть Вселенная — станок пыток, а Бог — палач! Рудольф Штайнер дал более глубокий философский ответ на эту мучительную проблему: «Доказательство того, что духовное всегда торжествует над телесным, должно быть выставлено на обозрение всего мира. *Посвящение, перенесенное на план всемирной истории, вот что означает событие на Голгофе*. Поток духовной жизни вытекает из капель крови, пролитой на кресте. Кровь — это моя субстанциализация. Вместе с кровью, пролитой на Голгофе, любовь Христа пропитывает человеческий эгоизм, как живительный флюид».

Медленно поднялся крест над зловещим холмом, что возвышался над Сионом. В кровавой жертве, которая трепетала и дрожала у позорной виселицы, жила сверхчеловеческая душа. Но Христос отдал свои силы Элохим. Он чувствует себя отрезанным от своей солнечной ауры, в ужасном одиночестве, в глубине темной пропасти, откуда раздавались крики солдат и вопли врагов. Черная туча нависла над Иерусалимом. Ибо земная атмосфера — это только призма вселенской жизни. Ее флюиды, ветры, стихийные духи иногда питаются человеческими страстями, и в тоже самое время они отвечают на космические импульсы своими бурями и конвульсиями. И вот, настали для Иисуса часы агонии, тяжелые как вечность. Несмотря на страдания от мучений, он оставался Мессией. Он простил своих палачей, он утешил разбойника, который сохранил веру. С приближением смерти Иисус почувствовал неутолимую жажду-предзнаменование избавления. Но, чтобы испить свою чашу, нужно было, чтобы он дошел до того чувства одиночества, которое заставит его сказать: «Отец мой, для чего ты Меня оставил?», затем последовало последнее слово: «Свершилось», которое поставило печать Вечности на челе удивленных веков.

Последний крик вырвался из груди распятого, пронзительно, подобно трубе или звуку арфы, у которой оборвались сразу все струны. Этот крик был таким ужасным и мощным, что римские легионеры отошли, бормоча: «Не был ли Он Сыном Божиим?»

Иисус умер, но Христос — живой, более живой, чем когда-либо! В глазах людей, от него остался только подвешенный на кресте труп, под небом более черным, чем ад. Но в астральном и в духовном мирах, за вспыхнувшим лучом света последовал раскат грома с тысячекратным эхом. Одним прыжком душа Христа соединилась со своей солнечной аурой, преследуемая океаном душ и возгласом «Осанна!» небесных легионов. Отныне, загробные ясновидцы и Элохим знали, что победа достигнута, что смерть потеряла свою остроту, что камень отвален от гробницы, и можно было увидеть, как блистательные души парят над их пустыми гробами. Христос через жертвоприношение возвратился в свое царствие с увеличенными во сто крат силами. И уже новым прыжком он готов был войти в глубину Бесконечности, в центр, залитый светом, любовью и красотой, который он называл своим Отцом. Но сострадание привело его обратно на землю, где он стал учителем через свои муки.

Зловещий туман, гробовое молчание навсегда заполнили Иерусалим. Святые женщины плакали над трупом учителя; Иосиф из Аримафеи совершил над ним обряд погребения. Апостолы спрятались в пещерах Хинома. Их учитель умер, и они потеряли всякую надежду. С виду ничего не изменилось в непроницаемом мире материи. Однако, странное событие произошло в храме Ирода. В тот момент, когда Иисус скончался, сверкающая пелена, сплетенная из льна, цвета пурпура и гиацинта, за которой скрывалась дарохранительница, разорвалась сверху донизу. Один левит, который там проходил, увидел в святилище золотой ковчег с золотыми Херувимами по сторонам, и крылья их поднимались до свода. Неслыханная вещь, глаза профанов смогли созерцать мистерию святая святых, где даже сам главный верховный жрец должен проникать сюда только один раз в год. Испуганные жрецы прогнали людей, чтоб они не стали свидетелями святотатства. — Этот знак имеет определенный смысл. — Образ Херувима, с телом льва, с крыльями орла, с головой ангела — похож на сфинкса. Он символизирует всю эволюцию души человеческой, ее схождение в тело и возвращение к Духу. Благодаря Христу, пелена святая святых разорвалась, загадка сфинкса разрешена.

Отныне мистерия жизни и эволюции открыта для всех, кто осмелится и захочет его узнать.

Чтобы объяснить теперь деяние, осуществленное духом Христа в то время, когда близкие наблюдали за спуском тела в могилу, нам необходимо еще раз вспомнить главное событие египетского посвящения. Посвященный проводит три дня и три ночи в саркофаге, погруженный в летаргический сон, под наблюдением иерофанта. В течение этого времени он совершает путешествие в другой мир, в соответствии со степенью своего развития. Когда после пробуждения он вспоминал об этом и то, как он раньше времени посетил царство мертвых, он был похож на воскресшего и рожденного повторно, на языке служителей храма. Христос тоже совершил космическое путешествие, в то время, когда его опускали в могилу, перед духовным воскресением на глазах у близких; здесь также присутствует соответствие между древним посвящением и новыми мистериями, принесенными в мир благодаря Христу. Соответствие, но и огромное расширение. Так как астральное путешествие Бога, прошедшего через испытание смерти на земле, должно было быть другого вида и гораздо большей дальности, чем то боязливое плавание простого смертного в царстве умерших, находясь в барке Исиды**.

Два психофлюидных потока обволакивают земной шар своими многочисленными кольцами, похожими на электрических змей, которые постоянно двигаются. Один, названный Моисеем *Horeb* и Орфеем *Ereb*, который также можно было бы назвать *центростремительной силой*. Ибо он имеет свой центр на земле и он притягивает к ней все, что падает в текущий поток. Это — бездна рождений, желаний и смерти, сфера испытания, названная также религиями чистилищем. Все души, еще предающиеся своим земным страстям, уносятся в свои завихрения и круговороты. Другой поток, названный Моисеем *Ионой*, можно также назвать *центробежной*

силой. Так как в нем заключается *сила экспансии*, точно так же, как в другом — *сила сжатия*; и он связан со всем Космосом. С помощью его, души возносятся к солнцу и к небу; через него также приходят божественные влияния; с его помощью Христос спустился в образе Голубки. Если посвященные, подготовленные к космическому путешествию посредством сильно развитой души, всегда знали как соединиться с потоком *Ионы* после своей смерти, то значительная масса душ, затемненных парами плоти, с трудом достигала этого и почти не выходила из потока *Horeb*, двигаясь от одной инкарнации к другой. Переход Христа в сумрачное преддверие рая сделал там отверстие, он оставил там светящиеся круги и отворил для этих потерявшихся душ, подобно душам из второго круга Дантового Ада, небесные пути. Таким образом, миссия Христа должна была осветить и расширить жизнь после смерти, точно так же, как он расширил и осветил жизнь на земле.

Но главное в его миссии заключалось в том, чтобы уверенность в духовном воскресении вошла в сердца апостолов, которые должны были разносить его мысль по свету. После того, как он воскрес для самого себя, нужно было воскреснуть в них и для них, и чтобы этот факт реял над всей будущей историей. Воскресение Христа должно было быть залогом воскресения душ, начиная с этой жизни и с их верой в другую жизнь. И для всего этого было не достаточно, чтобы Христос показал себя своим сторонникам в астральном видении, во время глубокого сна. Нужно было, чтобы он предстал перед ними во время бодрствования, в физическом облике, и чтобы его воскресение им показалось событием до некоторой степени материальным. Этот феномен, трудный для других, был легким для Христа. Так как эфирное тело великих посвященных — а тело Христа должно иметь жизненную силу, особенно сильную и субтильную — долго удерживается после их смерти и сохраняет часть своего могущества над материей. Духу достаточно одушевить ее, чтобы сделать ее видимой при определенных условиях.

Вера в воскресение не сразу овладела апостолами. Она должна была проникнуть в них, как голос, который внушается через ритмы сердца, передаваться как дыхание жизни. Вера завоевывала их душу подобно тому, как день постепенно приходит после долгой ночи. Как ясный рассвет поднимается над серой Палестиной. Явления Христа постепенно увеличиваются для того, чтобы произвести все большее и большее впечатление. С начала легкие и мимолетные как тени, они увеличивается в силе и в яркости. Но как исчезло тело Христа? Было ли оно истреблено Огнем-Принципом, под дыханием космических Сил, как тела Зороастра, Моисея и Илии. и содрогалась ли земля и падали ли стражники, как этого хотел Евангелист? Или же очищенное, одухотворенное до почти что нематериального состояния, оно само растворилось как аромат в напитке, как благоухание в воздухе? Как бы то ни было благодаря чудеснейшей алхимии его прекрасная квинтэссенция была впитана атмосферой.

Но вот, Мария Магдалина, принеся бальзам, увидела в пустой могиле «двух ангелов с озаренными лицами и в белом как снег одеянии». Ужаснувшись, она обернулась и заметила человека, которого от волнения не узнала, но в голосе, который произнес ее имя «Мария!..» и который взволновал ее до глубины души, она узнала Учителя и кинулась к ногам его, чтобы дотронуться до полы одежды, но Он как-будто боялся материального прикосновения от той, из которой он «изгнал семь бесов»: «Не прикасайся ко Мне,.. Иди и скажи апостолам, что Я воскрес!» Здесь Спаситель говорит с женщиной, обуреваемой страстями, грешницей, превращенной в обожательницу Господа. Одним своим словом он влил прямо в глубину ее сердца бальзам вечной Любви. Он знал, что через женщину он достигнет души всего человечества. — Затем, когда Иисус предстал пред одиннадцатью учениками Его, собравшимися в иерусалимском доме, за закрытыми дверями, и когда он встретился с ними в Галилее, то это Учитель собирал лучших из своего воинства для будущих деяний. — В трогательных сумерках Еммауса этот божественный целитель душ, воспламенил веру в пламенных сердцах двух печальных учеников своих. — На берегах Тивериадского озера он появился пред Петром и Иоанном, чтобы подготовить их к тяжелой участи. — Когда, наконец, последний раз он предстал пред сторонниками, на горе Галилее, чтобы сказать эти последние

слова: «Идите и проповедуйте Евангелие всем народам. А я с вами во все дни, до скончания века!» Это было торжественное прощание Учителя и завещание Царя солнечных Архангелов.

Таким образом, мистический факт воскресения, который пришел к апостолам вначале в виде робкой зари, со временем разгорался и возростал, достигая своего апогея в знаменитом закате, который навсегда окунул их мысль в его пышный и пророческий пурпур.

И еще раз, несколько лет спустя, Христос появился особенном виде своему врагу Петру, по дороге в Дамаск с тем, чтобы сделать из него своего наиболее пылкого защитника. Если предыдущие явления Христа были окутаны как бы ореолом мечты, что это имело исторический неопровержимый характер. Более неожиданное чем другие, оно несло в себе победный свет. Здесь, наконец, величина раскрытой силы измерима с желанным действием. Так как от этого видения и от этого молниеносного слова началась миссия апостола Язычников, который должен был обратить в веру Христа греко-латинский мир и весь Запад.

* Се, человек! (лат.) — *Прим. ред.*

** Эта барка в реальности была собственным эфирным телом посвященного, оторванным иерофантом от физического тела и перенесенным в водоворот астральных потоков.

* * *

Как блестящая звезда светит на горизонте сквозь густой туман, возвещая о будущем мире, точно также факт духовного воскресения витает над всем деянием Христа. В нем — необходимое заключение и резюме. — Ни ненависть, ни сомнение, ни зло не побеждены. Они еще не задолжали бытию, ибо они сами суть ферменты эволюции. Но отныне бессмертная Надежда не может больше вырвана из сердца человека. Сверх всех поражений и всех смертей неослабевающий хор будет петь через века: «Христос воскрес!.. Пути от земли к небесам вновь открыты!»

Заключение

Christus Luceferus verus.

Розенкрейцерское изречение

Будущее

Мы только что поэтапно рассмотрели планетарную эволюцию и развитие мира до его центральной точки: явления Христа. Я отдаю себе отчет во всех недостатках этого эскиза. Надеюсь, по крайней мере, что он докажет одну вещь, а именно, существование западных эзотерических традиций, которые тесно связаны с Христом — главной опорой человечества, появляющимся как осуществление прошлых и залог будущих предзнаменований.

История была бы лишь учением педантов или развлечением для сомнительных рассказчиков, если бы она умела только собирать разрозненные факты в анналах человечества, Нет, История не мрачный тюремщик, закрывающий нас в свои камеры, а светлая Муза, которая отпускает нас на волю, переносит на вершины, где все свободно развивается в необъятном пространстве. Пусть она играет не роль невозмутимой Парки, готовой в любой момент перервать нить жизни, а Ариадны, указывающей нам путь в своем лабиринте. Раскрывая нам Законы вечности и Первопричины, она доверяет нам светящийся факел, чтобы пронзить мрак, окружающий нас. Вооруженные таким образом, сумеем же захотеть и увидеть. Это относится как ко всему человечеству, так и к отдельному человеку. Совладать с собой, собрать все приобретенные силы, чтобы броситься навстречу будущему, следуя импульсам, исходящим из нашей души и мистерии Бесконечного.

* * *

Два главенствующих течения сформировались две тысячи лет тому назад в истории. Они повсеместно встречаются в этом бурном море формирования человечества. Они то бешено сталкиваются друг с другом, то, успокаиваются, как если бы они хотели объединиться во время этого обманчивого затишья. Иногда они даже смешиваются, пытаются раствориться друг в друге, но безуспешно; и снова вздымаются волны борьбы. Это борьба между религиозным и светским миром, между Верой и Наукой, между Христианством и Язычеством, между Вечным и Сиюминутным. Борьба неотвязная, настойчивая и ожесточенная, которой никто не может избежать. Это несчастье и величие, бедствие и честь нашего времени, потому что всякая история приходит к этому как к неизбежному кризису.

В этой книге мы попытались найти оккультные причины этой борьбы, которая в эзотерических традициях называется *Битвой в Небесах*, и мы нашли там столкновение эпох, рас и народов.

Рассматривая эти течения синтетически, их изначальные причины, их влияние на неопределенный период времени, мы позволим себе назвать их: *течение Христа и течение Люцифера*.

Посмотрим сначала, каково их действие во внешней истории.

То, что Христос принес миру и чему обучал своих апостолов, не было абстрактной догмой, а новой жизнью, высшим импульсом, непоколебимой верой в обновление Земли, в небесах, вновь открытых присутствием самого Сына Божьего, излучающего свет. Со временем это излучение, благодаря феномену умственного воскрешения, создало первые христианские общины, и они довольствовались им. Для них все прошлое человечества, все религии, все достижения науки Азии, Египта и Греции, смешивались с греко-латинским упадком и казались им творениями демона. Лишь Христос существовал. Не прошел ли он по земле, как Бог? Но

несмотря на это, в течение двух первых веков, некоторые христианские общины сохраняли античный принцип постепенного иерархического посвящения. Это то, что называли тогда гнозисом. Единение с Христом было для них мистическим феноменом, превосходящим все остальные, реальность одновременно индивидуальная и коллективная. Но как только святой Августин утвердил догму о том, что вера в Церковь определяет все остальное, принцип посвящения был уничтожен и слепая вера уступила место действительному знанию. Подчинение Церкви и ее приказам заменило союз с живым Христом. В то время, как святые и мученики обращали в свою веру северные народы своей величественной вдохновенностью и пролитой кровью, Церковь, все более и более романизованная, сузила круг своих догм, не помышляя больше ни о чем, кроме как о временном господстве и закабалении души посредством воздействия на разум. Действительно, последние великие ученые Церкви, известные под именем схоластов, Альберт Великий, Скот Эриугена и святой Фома Аквинский создали замечательную метафизику, объединяя системы Аристотеля и Платона с христианством. Но их доктринам недостает того, что требует современный разум: знания природы, которое синтетически содержалось в античном посвящении, и идею психической эволюции, основанную на принципе реинкарнации и множестве существований. Умственная ограниченность Церкви, довольно значительная уже со времен святого Августина, достигла своего апогея в двух параллельных явлениях: Реформация и Возрождение, когда первое провозгласило свободу сознания, а второе — свободу научного исследования. Церковь сожгла Яна Гуса за его независимую веру, приговорила Галилея, утверждавшего, что Земля вращается вокруг Солнца, сожгла доминиканца Джордано Бруно, потому что он видел Бога в Космосе и восхищался им в Бесконечности.

Провозглашение догмы о непогрешимости Папы может быть рассмотрено как последняя степень религиозного агностицизма, церковного цезаризма и материализма веры. Оно лишает воинствующую и думающую Церковь своего оружия и достоинства.

Нет больше надобности в Иисусе Христе, так как у нас есть Папа. Пусть мрак властвует в сознании, лишь бы Церковь существовала! Было ли это то, что бедняга Брунетьер называл «пророчеством», то что он принял безоговорочно на веру, ошибка, да, но может и в нем самом?

Таким было отступление христианства, увиденное извне, после его чудеснейшего расцвета в XII и XIII веках, расцвета связанного с эзотерической сдержанностью и мистериальным импульсом божественных сил. В XIV-XV веках наблюдается скорее торможение в развитии христианства. Говоря своим ученикам и народу Галилеи: «Царство небесное внутри вас», — Иисус пообещал миру завоевание неба через внутренних мир каждого. Мы только что на примерах увидели, до какой степени Церкви удалось заслонить свод Космоса и Души своим ограниченным интеллектом и желанием духовного господства.

Рассмотрим теперь, к какому результату пришло *люциферианское течение Науки*, которое продолжало существовать все это время рядом с *христианским течением Церкви*, и бороться с ним, и которое в наши дни поглотило его со всех сторон.

* * *

Истоки его в греческом мире. Когда Сократ вывел аксиому о том, что истина доказывается одним доводом и что диалектика — верный путь, ведущий к моральному совершенству как к высшему счастью, он сформулировал, в некотором роде, принцип современных наук, основой которых должна была быть позитивистская философия. Параллельно, основывая все науки на наблюдении явлений природы, Аристотель открыл новый метод научного познания. Наблюдение, анализ, умозаключение — эти принципы вскоре станут единственными основополагающими истинами и вынуждены будут отодвинуть из области науки созерцание, интуицию, ясновидение, которые одни лишь достигали сути вещей и управляли прежде человеческими расами через центры посвящения и храмы-школы. Отодвинутая назад

военными действиями народов севера и угнетенная Церковью, наука дремала на протяжении первой половины Средневековья и ее разбудили лишь первые мировые исследования и блестящие открытия XV-XVI веков. Христофор Колумб, доказавший, что Земля круглая, Галилеи — что она вращается вокруг Солнца, Коперник и Кеплер, измерившие светила и их расстояния до Земли, человеческий разум, научившийся использовать физический мир, должны были изменить абсолютно все. Заметим, что эти великие астрономы должны были быть в еще большей мере верующим и ясновидящими на античный манер. Они рассматривали вселенную как живое существо, оживленное божественной силой, что доказывалось ее единством и чудеснейшей гармонией. К тому же, последние великие схоласты Церкви: Альберт Великий, Скот Эриугена и святой Фома Аквинский отдавали честь человеческому разуму, который пытался примириться с теологией, как и первоисследователи звездного пространства умели увидеть Бога в Природе и поклониться Ему. Можно даже утверждать, что без этой веры, исходившей из их интуиции, они никогда не постигли бы законов, управляющих миром. Что в последствии и произошло. Раз Церковь значительно сузила кругозор, изгоняя Природу из Религии, ученые должны были затмить свой разум, изгоняя концепцию Бога и Души из Науки. В наши дни получилось так, что человек, по мере завоевания материальной части Природы; химические тела, пар, свет, электричество, и используя их в своих нуждах, посчитал себя единственным повелителем, не признающим божественные силы, иначе как внешней оболочкой. Он ведет себя с ними как эгоистичный ребенок-тиран, злоупотребляет ими до такой степени, что нанося ответный оккультный удар, эти силы становятся враждебными и оборачиваются против него, подталкивая к неистовой алчности и жесткому материализму. Таким образом, новые апостолы науки, неверно использующие эти восхитительные открытия, пришли к тому, что верят лишь в свои средства и искаженную материю, которой они управляют в своих ретортах, они пришли к отрицанию души и Бога, развивающихся на протяжении долгого правления Природы, и проявляющихся только в безмятежных высотах созерцания через интуицию и ясновидение. Этот исключительный метод привел к ужасающим результатам: умственной и общественной анархии. Она разлагает человека, стерилизует его творческую силу и стремится убить в нем бессмертные принципы, принципы жизни. Со всеми своими машинами, орудиями и теориями ей удалось уже разрушить внешнюю красоту жизни.

Благодаря подобному менталитету случилось так, что если человек отведет взгляд от своей завоеванной непосильным трудом земли и посмотрит на самого себя, он увидит лишь анархический хаос своих разнузданных страстей, а если он поднимет свой взор к небу, то потеряется в пугающей ледяной пустоте.

Таков двойной тупик, к которому пришло христианство, ограниченное из-за уничтожения посвящения, и наука, лишившая себя Бога. С одной стороны, окостенение в абстрактных догмах, с другой — асфиксия мертвой материи.

* * *

Но тем не менее, с начала эры существовало меньшинство, непризнаваемое и преследуемое, но нерушимое и могущественное, которое неустанно шло к высшей цели: *примирить христианское течение с люциферианским*, органично соединить воедино Веру и Разум, Религию и Науку и поднять античную инициацию на высоту откровений Христа. Очень сложно узнать достоверно, кто были эти великие личности по тем искаженным документам, которые остались нам от их пребывания на Земле. Чаще всего они вынуждены были скрываться, изменять облик и скользить подобно призракам в полумраке истории. Ибо они были подозрительными как для установившейся религии, так и для официальной науки.

Эти деклассированные практически всегда считались еретиками и колдунами. Немногие их представители встречались во всех странах, любых сословиях. Одиноким философы, искусные врачеватели, ученые раввины, молчаливые монахи, скрывающие свои многочисленные идеи под монашеской рясой, алхимики, ищущие тайные свойства элементов на дне своих сосудов,

астрологи, предсказывающие судьбы по движению светил. Иногда это были любопытствующие принцы и размышляющие в скрытых уголках своих дворцов короли, или мечтательные пастухи, затерянные в своих песчаных равнинах, или смиренные сказательницы легенд в глубине своих лачуг. Тайная симпатия объединяет это великое братство. Они узнают друг друга по одному жесту, взгляду, по магнетической атмосфере, витающей вокруг них, по их молчанию больше даже, чем по их речам. Это братья Души и мученики Идеи.

Так же, как и *Собратья Христа*, они нуждаются в любви и вере, так же, как и *Дети Люцифера* они хотят знать и понимать. Все возможности их естества объединяются в одну силу, в единое сознание, единую волю. На лицах самых великих из них видна тень странной меланхолии, потому что великая традиция вселенной давит всем своим весом на их сердца и мозг. Они чувствуют себя ответственными за это, как частицы того земного Провидения, которое следит за человеческими судьбами. Но через эту траурную повязку виден льющийся свет, как ореол, глубокая радость тех, кто верит в Господа. Они знают, что боль мира это и боль Бога, как цвета, которые мы видим через призму, это страдания Света. Они чувствуют себя связанными невидимыми нитями со всеми существами. Они имеют более или менее четкие воспоминания о своих прошлых существованиях, подготовивших их будущие жизни, но никогда они не согласились бы раскрыть толпе свои тайны, они ничего не рассказывают даже своим ученикам. Разгласить их значило бы осквернить их, разжечь суеверия и шарлатанство. Эти вещи имеют ценность лишь для тех, кто их видел и пережил. Они становятся тогда алмазной крепостью сильных и чистых душой.

Итак, главная черта западного эзотеризма — это соединение интеллекта и мистики. Он — сын Люцифера и слуга Христа. Я только что дал ему общую характеристику. Гораздо более драматичной и яркой была бы его история, если бы можно было воскресить героев знаменитых или незаметных, но подвергнутых остракизму, помеченных фатальной *signum reprobationis** еретиков и поклятых.

В своем труде я могу лишь показать их преемственность и кратко перечислить этапы. Мы видим их пробивающимися на свет вместе с Гностиками. В их писаниях и путанных изложениях указывается на то, что они постигли глубинный смысл существования *Божественного Глагола* во вселенной и его ипостасей, самая блестящая из которых Христос. — Но христианский эзотеризм полностью формируется лишь в IV веке, во времена загадочного и могущественного Мани, отца манихейства. Это была первая попытка объединить люциферианское течение с христианским. Ни один религиозный образ не был так оскорбительно искажен или даже искоренен из традиции, как это сделала с Мани официальная Церковь, видевшая в нем опасного соперника.

Все его писания до последнего листа были сожжены. Мы знаем о них лишь из опровержений или клеветы его противников. Его великая личность оставила свой след в ярости, им вызванной, и в братствах, которые вдохновляются его доктринами. Ученик персидских магов, он постиг откровения Христа. Так как у него было много учеников, в числе которых сын царя, византийская церковь собрала нечто вроде консилиума, перед которым он предстал, защищаясь от многочисленных обвинителей. Отлученный от церкви и осужденный; он, вскоре умер в горной крепости, по словам одних, по воле царя, согласно другим, — по наущению христианских фанатиков. Оригинальность его идей состояла в его концепции зла, как необходимого противовеса добру в мировой системе и идее реинкарнации, включенной в постулаты христианства. Разумеется, святой Августин, который был манихеем, стал врагом, осудившим эту доктрину, устанавливающую постепенное посвящение и лишаящую Церковь своей бесконтрольной власти**. — Манихейские идеи распространялись на Западе. Катары проповедовали их в Венгрии, Альбигойцы во Франции, Тамплиеры, ставшие особенно могущественными во времена Крестовых походов, распространили их по всей Европе и даже на Востоке. Но король Франции и Папа решили уничтожить братство Тамплиеров. Подготовленные ими массовые убийства Тамплиеров начались одновременно по всей Европе и

продолжались до полного истребления членов этого братства. Их архивы и ритуальные принадлежности были сожжены. С такой же жестокостью они расправились и с Альбигойцами. Это была Сицилийская Вечеря абсолютной монархии против независимого рыцарства, это была Варфоломеевская ночь папства против христианского эзотеризма.

Эпоха, благодатная для оккультных наук на Западе, начинается с неуловимого Розенкрейца, основателя Розенкрейцерства в XIV веке. Он обладал гением предвидения необходимости объединения христианской мистики и зарождающейся науки и восстановления союза науки Запада с восточной мудростью. Для заполнения пропасти, образовавшейся в человеческом сознании, он готовил почву, чтобы облегчить будущие страдания. — Можно сказать, что великие оккультисты XVI века, такие, как алхимик Парацельс, сапожник-мечтатель Якоб Беме, философ магии Корнелий Агриппа были вдохновлены его порывом обновления. Основная идея, доминирующая в работах этих прозорливых ученых и бесстрашных исследователей — это абсолютный параллелизм, полная гармония, господствующая между *микрокосмосом и макрокосмосом*, то есть между человеком и вселенной. Иерархия в мире вселенной (царства минералов, растительности, животных, человеческий мир) соответствует иерархии в строении человека (физическое тело, жизненное или эфирное тело, астральное или динамическое тело и «я» сознания). Человек, как собирательный элемент всей вселенной, становится, таким образом, отражением Бога на земле. В этом бесценное открытие и блистательный центр эзотерической истины. Безусловно, эта истина находит свое продолжение в образах и символах античной мифологии. Но оккультисты XVI века впервые ее выявили и научно изложили. У них интуитивное видение сочетается с разумным сознанием.

Положение с оккультистами XVII, XVIII, XIX веков совершенно иное. Менее преследуемые Церковью, которая продолжает их опасаться, но чья власть уменьшается, они принадлежат теперь официальной науке, влияние которой увеличивается и которая выбирает направление интеллекта и морали и специализируется все больше и больше на наблюдении материальных явлений. Уже не могут больше сжигать и вешать сторонников оккультных наук как одержимых и еретиков, но их пытаются убить презрением, выявляя лишь их недостатки и преувеличения. В то время они вносили большой и неоценимый вклад в эзотерическую мудрость трудами таких людей, как Курт де Жебелен, Сен-Мартен, теософ XVIII века, Фабр д'Оливье, Элифас Леви, Сент-Ив д'Альвейдр и многих других. К великому человеческому братству, следующему христианской морали, у них прибавляется братство религий, имеющих общий источник и стремящихся к одной цели. Так Христос раскрывает свои широкие объятия для всех пророков и посвященных.

Если наряду с оккультной традицией учитывать менее значительные течения (подтечения), будоражившие сознание человечества, течения, возникающие иногда из высших импульсов. Нужно присоединить к этому списку бесчисленные и чудеснейшие предчувствия поэтов XIX века. Внеземные истины блистают на каждом шагу в их произведениях, как небосвод через разрывы в облаках. *Фауст* Гете является с этой точки зрения чем-то вроде энциклопедии оккультизма. Какие удивительные суждения в *Манфреде* и *Каине* Байрона или в *Освобожденном Прометее* Шелли! Сколько эзотерических мыслей можно было бы собрать в произведениях Ламартина, Виктора Гюго и даже Альфреда де Виньи, который сквозь свое спокойное отчаяние и стоическое сомнение видит высшие истины! Что касается Рихарда Вагнера, то это один из самых великих когда-либо живших неосознанных оккультистов. Его Вотан, его Валькирии, его тетралогия отражают блистательными символами все мистерии северных народов. Лоенгрин и Парцифаль прославляют христианского посвященного. Что касается музыки, то она исходит из всех видов магии и, кажется почти, как музыка Бетховена, обрела свою исконную речь, свое творческое слово. Чтобы дополнить это перечисление, отдадим с уважением честь философам по профессии, которые осознанно или бессознательно решаются на оккультизм. Не приветствовал ли Шеллинг в сомнамбулическом состоянии ясновидения высшую и бессмертную сущность человека? Идеалист Гегель разве не усмотрел в природе инволюцию Духа в материи, а в истории эволюцию материи к Духу? Даже пессимист

Шопенгауэр, насмехающийся над своими современниками, разве не осмелился он поставить интуицию над логикой, как орудием познания? Используя и уточняя эту идею г. Бергсон недавно заявил, что *философия была ничем иным, как сознательным возвращением к интуиции*. Большого и не требовалось для того, чтобы *высшее духовенство* атеизма навесило на него ярлык *клерикала*. Со своей стороны, г. Буту разгневал многих позитивистов, заявляя, что состояние глубокого гипноза, когда собственное «я» изменяется и само создает свою цель, вновь открывает дорогу метафизике после ее полувекового постыдного изгнания из философии.

* Печать отвержения (лат.) — *Прим. ред.*

** См. ученейшую книгу Бозобра о Мани и манихействе (*Manes et le manicheisme*)

* * *

Через эти пробоины и прорехи в толстых стенах материализма мы можем сегодня более уверенно смотреть в будущее.

Материалистическая наука, упорно замыкающаяся на наблюдении явлений видимого мира, и Церковь, закостеневшая в абстрактных догмах и ритуалах, чей глубинный смысл все менее и менее понятен, безусловно еще далеки от конечной цели. Они удовлетворяют разум и души, живущие больше прошлым, чем будущим. Впрочем, они преобразуются под влиянием иной силы, только через шок нового организованного могущества, которое извне будет угрожать их власти. С другой стороны, Религия, Наука и Искусство будущего нуждаются в новых объединениях, которые могут быть достижимы лишь кристаллизацией под воздействием новых принципов.

Из всех интеллектуальных и церковных течений на протяжении двух тысячелетий, которые я в общих чертах обрисовал, следует, что эта кристаллизация возможна только синтезом *христианских и люциферианских принципов*.

И те и другие со временем изменились и не выдают нам сегодня своих тайн. Вот как один из самых глубоких и блистательных теософов современности определяет тайну христианства: «Земля — это космос мудрости, благодаря космическим силам, создавшим эти частицы и построивших единый организм согласно научной гармонии. Сегодня земля состоит из этих частиц мудрости. Человек находит их в ней. Но новая сила вошла в эту мудрость. Она привела человека к тому, что он почувствовал себя независимым членом духовного мира. *Космос Мудрости должен преобразиться в Космос Любви*. Все, что собственное «я» может развить в себе, должно стать Любовью, самым широким и всеобъемлющим понятием Любви и Христа, верховного солнечного духа. Им был заложен источник Любви в глубине человеческих существ. Именно оттуда и должна Любовь распространиться по свету. К тому же, исконная мудрость нашла свое отражение во внешних силах земли, а в будущем *Любовь проявит себя как природная сила*. В этом и заключается тайна всего будущего развития. Все, что совершит человек в сознательной гармонии со всей земной эволюцией, будет началом Любви. Самой сущностью своей, духовное сознание преобразуется в любовь... Внешняя мудрость вселенной проникнет в человека. Любовь и мудрость воссозданные своим собственным «я»*.

Христианский принцип принесения себя в жертву Богу приводит к Познанию через безграничную Любовь. Люциферианский принцип, который заключается в Индивидуальности и Могуществе, приводит обратным путем к Любви через Познание. Так как, в конце пути, он достигает жертвенности через высшее утверждение Индивидуальности и, в свою очередь, через желание творить. Добровольная жертвенность, будучи созданная, уже больше не смерть, а воскресение. Таким образом, эти два принципа дополняют и подтверждают друг друга и объединяются. Их сотрудничество становится необходимым условием для будущей кристаллизации. Исходя из этого, мы можем предвидеть, какими станут в будущем Религия,

Наука и Искусство. Мы можем себе их представить, безусловно, не во внешних их проявлениях, которые будут заключаться в произведениях гения и человеческой свободы, с помощью свободных наций и творческих личностей, а их душевные, умственные и моральные черты, логически исходящие из всей внутренней эволюции.

Я заметил в предисловии к этому труду, что западный эзотеризм подчеркивал свой греко-христианский характер, поскольку что Греция для нас — собирательный образ всего Востока, так как она является величайшим творцом Искусства и Науки; и, с другой стороны, Христос для нас самый выдающийся и синтетический религиозный образ в истории.

Итак, *Иисус Христос* и другие *Мессии*, его братья, будут иметь свои алтари, более блистательные чем когда-либо, освященные ясновидением и божественной любовью. — *Люцифер*, как представитель высшей человеческой элиты, будет иметь культ, соответствующий *культу Героев*, а у самых великих из них будут свои храмы в будущей религии. — Над *Глаголом*, *Сыном* и его высшими проявлениями будет почитаться и вызывать обожание универсальный Разум, великий Создатель, Непостижимое Невидимое и Вечное, Отец и его власть, невидимая Природа, Дева-Мать Гермеса, *Alma Mater*, Вечный Свет, Кибела, мать Деметры в орфической религии, *Святой Дух* христианской религии, символом которой является Голубица Иона, женская сущность Бога. — Что касается лучей света, Элохим с их армией Архангелов, которые были Девами ариев и греческими Богами, после признания их космической и физической жизни, их науки, искусства и прадавние культы будут восстановлены.

Новой религии необходима новая архитектура, выражающая их основную идею. — Греческий храм, с его архитравом и фронтоном колоннад, на котором иногда обнаженная, иногда одетая возвышалась статуя Олимпийца или богини, великолепно представлял Бога, живущего на земле и учившего людей, но недоступного и непостижимого их разумом. — Готический собор, последнее творение чисто христианского искусства, так же прекрасно представляет собой, с его стрельчатыми сводами, и острым шпилем, стремление души в небо, призыв верующих, чьи соединенные в мольбе руки привлекают внимание святых и ангелов, парящих в нефе. — Новый храм должен будет представлять могущественные божественные импульсы на земле и в сердце человеческом, сделать как бы более чувствительным это взаимное проникновение своим восходящим и нисходящим движением. Для этого он возьмет за основу округленные стройные колонны, разнообразно и искусно разукрашенные капителями, и продолговатый купол. Основой строения станет не четырехугольник, как в греческом храме, и не крест, как в христианском, а круг или несколько связанных между собой кругов. Внутренний фриз храма будет украшен знаками планет и зодиакальных созвездий, которые будут отражать прошлые и будущие фазы Земли.

Эта религия будет поясняться и поддерживаться новой наукой, которую можно назвать теософией или еще лучше *Наукой Разума*. Она будет искать за всеми явлениями принципы и причины, всегда подчиняясь невидимому, от материального к духовному. С этой же целью она попытается синтезировать науки, основанные на физическом наблюдении, создавая, посредством учеников постепенного посвящения, факультеты ясновидения, вдохновения и интуиции, необходимые для проникновения в астральную и духовную сферы.

Главным апостолом и распространителем этих новых форм сознания станет *посвятительное и спасительное Искусство*. Оно будет действительно вдохновенным комментарием, иерофантом и факелом единой Науки и универсальной Религии. Человеческая речь станет творческой, поэзия — святой. Рассказ, прочитанный или услышанный в семейном кругу или вне его, будет, как встарь, эпосом, воскресшим прошлым или современной идеализированной жизнью. Снова появится лирическая поэзия, какой она была в великих эпохах: откровением бессмертной Души воплотившимся думам, факелом энтузиазма, зажженного во мраке жизни. Драма станет отражением священных Мистерий. В них люди увидят человеческие судьбы в

бесконечной перспективе. Боги предстанут в них в ином облике и божественная драма выступит из драмы человеческой, как заходящее пурпурное Солнце пробивается сквозь просвет на грозном небе. Никакая догма, ни одно правило не будут навязаны, кроме благородства и достоинства.

По словам Христа, деяния и людей будут судить по плодам их. Плодотворность будет свидетельствовать об истинном. Элита воспримет то, что украшает тело, обогащает душу и просветляет разум. Она отбросит все мешающее, то, что их заражает и разъединяет.

В общественной организации и воспитании, как и в культурах и искусстве они учтут *природные человеческие различия и иерархические принципы*, присущие природе. Ибо человечество все еще будет поделено на людей инстинкта, страсти, интеллекта и духа. Воспитание и общественный отбор могут происходить только по этому принципу. Люди смогут подниматься от низшей ступени к высшей, но обозревая все этапы.

Управление человечеством принадлежит интеллектуалам, вдохновляемым людьми духа, которые руководят ими свыше. Анархия свирепствует в общественном организме из-за раздоров, гармония распространяется благодаря согласию.

Таким образом, сформируется постепенно новое человечество, где в первом ряду будут стоять мудрецы-провидцы, во втором — поэты и артисты, мыслители и ученые. Предчувствующим и ясновидящим женщинам будет отведена своя роль в храме под контролем посвященных. Бескорыстная любовь, пример которой покажут верховные братства, проникнет в элиту и будет воздействовать на людей инстинкта и страсти. Любовь между мужчиной и женщиной станет более сильной и глубокой через более интимное единение души и разума. Совершенные семейные пары будут представлять собой различные примеры совершенного единения Вечно-Мужского и Вечно-Женского Начал, которое заключается в таинстве Божественности и действует сверху вниз во вселенной. В них преобразованная страсть станет творцом жизни и красоты. Женщина получит, к тому же, важную и главную роль в воспитании ребенка и народа.

Таким, в общих чертах, является идеальный образ человеческой элиты, которая будет отобрана из общей массы благодаря индивидуальному усилию и органично сгруппирована. Но не верьте, что эта элита создастся и укрепится без боя. Борьба сил инерции, раздора и разрушения против сил прогресса, гармонии и творчества будет непрерывной и ожесточенной. Она будет даже расти. Ибо, по мере того, как объединятся и организуются силы Добра, силы Зла соберутся в орды более многочисленные и могущественные. В результате, эта борьба будет более страшнее классовой, свидетелями которой мы стали. Последняя, без сомнения, является жестокой и ужесточится еще больше, но здесь речь идет лишь об экономических интересах и материальном обладании. В будущей же борьбе речь пойдет об интересах духовных, об высшей истине и о владении душами. С одной стороны, это будут эгоизм, ненависть, дух отрицания, вооруженные черной магией (так как в то время эта наука будет распространена повсюду), а с другой стороны, любовь, мудрость и вера, вооруженные белой магией (которая во все времена была царственным искусством посвященных).

Так сбудется предсказание Христа и Апокалипсиса о разделении человечества на два лагеря, Добрых и Злых, между которыми дух Христа, вновь возникший, будет судьей**. Тогда повторится в новом виде, более тонком и обостренном, величайшее из сражений между белой и черной магией, которым были отмечены последние часы Атлантиды, и которая, как и когда-то, будет предвестником будущих катаклизмов. Единственным оружием избранных будут божественные наука и любовь. Их самым главным стремлением станет отбить у извращения, разрушения и смерти как можно больше душ. В эпоху Атлантов черная магия победила. Она вынудила белую элиту бежать на другие континенты, в то время, как ее сторонники торжествовали по всей Атлантиде, которая позже разрушилась и погрузилась в Океан. В будущей борьбе окончательная победа будет за божественной наукой, за белой магией,

которая, видимая или скрытая, признанная или отрицаемая, восхваляемая или проклинаемая всегда управляла миром с момента его создания — и новая раса появится в результате этой борьбы.

* Рудольф Штайнер *De geheimwissenschaft*, pp. 400-403.

** Те, кто говорит сегодня о будущей реинкарнации Христа, доказывают тем самым, что еще не постигнута до конца истинная природа Христа и миссия христианства. Христос — это создание, которое должно было воплотиться один раз, чтобы доказать, что Сын Божий (Глагол) существует и дать человечеству окончательный импульс, тягу к духовности. Но подобное не должно повториться, и если он снова воплотится, это уже будет шагом назад, а не прогрессом. Христос пообещал вернуться не во плоти, а без этой «оболочки», то есть в своем эфирном теле, «чтобы судить живых и мертвых». Живые — это живущие души, видящие его и идущие к возвышенному, Мертвые — это умершие души, живущие во мраке и отступившие.

* * *

Первые посвященные Святого Грааля рассказывали о Люцифере тщательно скрываемую легенду, а Розенкрейцеры взяли на вооружение этот символ и вложили в него свое понимание.

Во время своего падения с вечных сфер света в мрачный круг земли, взбунтовавшийся Архангел потерял драгоценный камень, который звездой сиял в его короне. И именно из этого камня был впоследствии сделан кубок, в который Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа. Таким образом, человеческая душа, получившая от Люцифера свое «я» вместе с неудержимой жаждой развивающегося сознания, наполнилась по капле божественной любовью, идущей от Христа. И когда она постигнет значимость своей жертвы и выполнит свою миссию, Архангел Люцифер, освобожденный и еще более блистательный, чем когда-либо, станет богом планеты Венера, которая изначально ему предназначалась, и по которой он все еще чувствует всепоглощающую ностальгию. В тот миг Христос будет полностью отождествлен с Землей и человечеством. Черный крест, символ греха, искушения и смерти, станет белым крестом, крестом света, сияющим символом Воскресения, на котором будут цвести розы вечной Любви, живые и душистые розы, словно ангельские уста.

Что касается Люцифера, то вновь обретя свое светило и свою диадему, он опять соберет свои легионы для новых творений. Привлеченные огнем его факела, небесные духи спустятся к нему, чтобы искупаться в воздушной мантии Венеры, и он будет посылать людям Земли свои послания с неведомых высот. Тогда факел Люцифера скажет: «Во имя Неба на Земле», и крест Христа ответит: «Во имя Земли на Небе'»

Наша планета узнает еще множество метаморфоз, и человечество пройдет еще долгий путь перед своим конечным превращением. Но посреди сегодняшних битв нам позволено любоваться этой мечтой посвященных как оплодотворяющим символом. Он горит, как далекая звезда — но искромётно и постоянно — над нашими деяниями и нашими временами.

От издателя

Книга Э. Шюре продолжает и развивает тематику его знаменитой работы `Великие Посвященные`. В ней в увлекательной форме излагается история эволюции человека и влияние на нее космических сил, нашедшее отражение в мистериях древних цивилизаций (Атлантиды, Индии, Персии, Вавилона, Египта, Греции). Проводится аналогия с этапами воплощения божественного Слова, одушевляющего наш планетный мир.

Содержание
Предисловие
(переводчик: Лях В. В.) Предисловие с. 7-15
Божественная эволюция
(переводчик: Лях В. В.) с. 17-347

Э. Шюре
Великие посвященные
Серия: Предчувствие Христа

Антология

Издательства: АСТ, Фолио, 2000 г.
Твердый переплет, 672 стр.
ISBN 966-03-0711-X, 5-237-05416-1
Тираж: 5000 экз.
Формат: 84x108/32

Составитель:
А. Гопаченко

От издателя

В этой книге читатель познакомится с самым знаменитым произведением французского мистика Эдуарда Шюре `Великие посвященные`, а также с двумя работами основателя антропософии и друга Шюре Рудольфа Штайнера, тематически связанными с `Великими посвященными`. В центре внимания обоих авторов находится мистическая составляющая учения Христа.

Э. Шюре
Великие легенды Франции
Серия: Vita memoriae

Издательство: Алетейа, 2003 г.
Твердый переплет, 256 стр.
ISBN 5-89321-098-0
Тираж: 2000 экз.
Формат: 60x84/16

Переводчик:
Т. Кравченко

От издателя

Эта книга стала путешествием в поисках кельтской души Франции`. В своей книге автор обращается к временам средневековой Франции, к ее старинным легендам, известным или уже забытым, в попытке прикоснуться к истокам души французского народа. На ее страницах, благодаря поэтическому и образному языку автора, оживают знаменитые барды Мерлин и Талиесин, средневековые рыцари и святые; от древних кельтских алтарей, через мрачные средневековые аббатства мы переносимся в великолепие готических соборов Бретани и Мон-Сан-Мишель - одного из самых красивых и загадочных мест во Франции. Эта книга - действительно увлекательное путешествие через века и народы.

Легенды о Кришне. Жизнь и учение
Серия: Библиотека Восточной Религиозно-мистической Философии

Антология

Издательства: Издательство "НИК", Одиссей, 1995 г.
Твердый переплет, 800 стр.
ISBN 5-86745-003-1
Тираж: 10000 экз.
Формат: 83x108/32

От издателя

Издание 1995 года. Сохранность хорошая.

Книга представляет собой первое, столь полное издание в нашем Отечестве оригинальных текстов о Кришне.

Теофиль Готье. Эдуард Шюре
Роман мумии. Жрица Изиды
Серия: Античная библиотека

Антология

Издательства: Алетейя, Комплект, 1993 г.
Суперобложка, 336 стр.
ISBN 5-88596-012-7
Тираж: 50000 экз.
Формат: 60x90/16

Переводчики:

Воротников А.

К. Жихарева

От издателя

Два философско-приключенческих романа двух прославленных писателей начала XIX века объединяет общность темы - Древняя история.

Египет и Рим, любовные страсти и восточная экзотика, захватывающие события и глубокомысленные рассуждения - все есть в представленной книге, рассчитанной на самого широкого читателя.

Перевод с французского А. Воротникова, К. Жихаревой.

Содержит иллюстрации.

Книга продается без суперобложки

Эдуард Шюре
Пифагор. Дельфийские мистерии
Серия: Великие Посвященные

Издательство: Амрита-Русь, 2004 г.
Мягкая обложка, 240 стр.
ISBN 5-94355-196-4
Тираж: 3000 экз.

Формат: 70x90/32

От издателя

Пифагор - великий мудрец и ученый, создатель учения Чисел, Адепт, Посвященный первой степени - обладал духовной способностью непосредственного восприятия: у него был ключ к оккультным знаниям и к духовному миру.

Будучи Адептом, Пифагор понимал те вечные начала, которые управляют обществом, и создал план великой реформы, согласованной с этими вечными началами.

Он внес и мораль, и науку, и религию в свою широкую синтетическую систему. Этот синтез есть не что иное, как эзотерическая доктрина.

Авторы

Теофиль Готье

Theophile Gautier Теофиль Готье, все книги

Теофиль Готье родился 31 августа 1811 года в Тарбе, городе во французских Пиренеях. До трех-четырех лет, до переезда в Париж, он говорил на баскском языке. Учился Теофиль в колледже Шарлеманя, занимался плаванием и рисованием. Он хотел стать

Эдуард Шюре, Лаллу джи Лал

Легенды о Кришне. Жизнь и учение

Серия: Библиотека Восточной Религиозно-мистической Философии

Антология

Издательство: Одиссей, 1995 г.

Суперобложка, 800 стр.

ISBN 5-86745-003-1

Тираж: 10000 экз.

Формат: 84x108/32

От издателя

Издание 1995 года. Сохранность отличная.

Предлагаемая книга представляет собой первое, столь полное издание в нашем Отечестве оригинальных текстов о Кришне.

В книгу вошли "Рама" и "Кришна" Эдуард Шюре, "Прем Сагар" Лаллу джи Лал, "Махабхарата", "Бхавадгита", "Анугита", "Санатджутапарван".

Эдуард Шюре

Кришна. Индия и браманическое посвящение

Серия: Великие Посвященные

Издательство: Амрита-Русь, 2005 г.

Мягкая обложка, 128 стр.

ISBN 5-94355-214-6

Тираж: 3000 экз.

Формат: 70x90/32

От издателя

Данная книга познакомит читателя с индийским богом Кришной. Кришна - одно из воплощений Вишну, божественный пастух народных преданий и мудрый наставник Арджуны,

о котором повествует "Бхагавад-гита".

Эта книга - легенда о жизни и учении Кришны, соединяющая народные сказания с древнеиндийским эпосом.

Содержание

Героическая Индия. Сыны Солнца и Сыны Луны с. 4-14

Царь Мадуры с. 15-24

Дева Деваки с. 25-34

Юность Кришны с. 35-51

Посвящение с. 52-71

Учение Посвященных с. 72-81

Торжество и смерть с. 82-110

Сияние божественного Глагола с. 111-119

Эдуард Шюре

Гермес. Мистерии Египта

Серия: Великие Посвященные

Издательство: Амрита-Русь, 2004 г.

Мягкая обложка, 128 стр.

ISBN 5-94355-202-2

Тираж: 3000 экз.

Формат: 70x90/32

От издателя

Гермес - представитель сверхземной области небесного посвящения.

Его имя обозначает одновременно и человека, и касту, и божество. Человек-Гермес есть первый посвяtitель Египта; каста - жречество, хранящее оккультные традиции; божество - планета Меркурий.

Эта книга познакомит читателя с различными толкованиями образа Гермеса.

Эдуард Шюре

Моисей. Миссия Израиля

Серия: Великие Посвященные

Издательство: Амрита-Русь, 2004 г.

Мягкая обложка, 128 стр.

ISBN 5-94355-198-0

Тираж: 3000 экз.

Формат: 70x90/32

От издателя

Моисей, египетский посвященный и жрец Озириса, был, несомненно, учредителем единобожия. Намерение Моисея было самое необыкновенное и самое дерзновенное, какое когда-либо возникало в душе человеческой. Вырвать целый народ из-под ярма столь могущественной нации, как египтяне, повести его к завоеванию страны, занятой враждебным населением, вести его в течение сорока лет по пустыне, внушить ему единобожие и исполнить его таким благоговением перед Богом, чтобы Он воплотился в самое тело народа, сделался его национальным символом, целью всех его стремлений, смыслом самого существования народного, - таков был ни с чем не сравнимый подвиг Моисея.

<http://www.ozon.ru/context/detail/id/2192249/>